

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ УЧАСТИИ
ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО
ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XIII
АПРЕЛЬСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
по проблемам развития
экономики и общества

Сборник
студенческих
работ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XIII апрельская МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

Сборник
студенческих
работ

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2014

УДК 330.101.5(063)

ББК 65.012

Т67

Т67 **ХІІІ Апрельская международная научная конференция** по проблемам развития экономики и общества: сб. студенч. работ [Электронный ресурс] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (12,1 Мб). М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 423 с. — ISBN 978-5-7598-1123-7.

УДК 330.101.5(063)

ББК 65.012

ISBN 978-5-7598-1123-7

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

А.В. Жорин

Конкуренция и регулирование на рынке водоснабжения 7

Ю.М. Казакова

Влияние издержек ухода за ребенком дошкольного возраста
на предложение труда женщин..... 25

Мировая экономика и мировая политика

В.В. Димитров

Мягкая сила русского языка 36

Е. Евграфова

Площадки многостороннего диалога тихоокеанской
Азии в современной политике Японии..... 46

А.С. Пятчкова

Социально-экономический аспект национального вопроса
в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных
районах КНР 58

Д.В. Шуваева

Международная торговля пресной водой
в решении мировой проблемы дефицита воды 70

Е.А. Semenova

Direct Democracy and Referendums usage in the EU: Convergence?.... 80

Бизнес-информатика

П.А. Моргач

Информационно-аналитическая система обеспечения
экспертизы отчетов об оценке кадастровой стоимости 96

С.А. Шершаков

Принципы разработки компонента системы SDVRP
для проверки свойств безопасности
ПО микроконтроллера ARM 112

Политология

О.Т. Гаспарян

Влияние политической децентрализации на легитимность
центральной власти..... 129

Д.И. Зверева

Влияние государственной состоятельности
на качество жизни 150

Д.В. Сальникова

Взаимозависимость легитимности политического режима
и уровня экономического благосостояния граждан 167

А.К. Хахунова

Эффективность деятельности органов исполнительной власти
субъектов Российской Федерации в 2007–2012 гг.:
специфика механизма оценки 180

История

З.С. Гатина

Медицинские свидетельства для социальной истории:
источниковые особенности медико-топографических
описаний России..... 189

К.С. Голомазова

«...А судье велел взяти пошлину по судебному списку»:
Судебник Ивана III в правоприменительной практике
России первой половины XVI в. (по правым грамотам
1503–1541 гг.)..... 198

И.Г. Гурьянов

Медико-астрологический трактат Марсилио Фичино
«О жизни»: история создания и особенности аргументации 214

А.С. Махов

«Это были действительно ВЕЩИ!» Материальное в памяти
о прошлом (анализ дискуссий на веб-форуме)..... 223

Н.В. Полковникова

Преследование цыган нацистами на оккупированных
территориях Европы и СССР во время Второй мировой войны:
сравнительно-исторический анализ 232

М.В. Фадеева

Повседневность московского студенчества конца XIX — начала XX в.	243
--	-----

Психология

Э.Р. Сафиуллина

Обзор зарубежных и отечественных исследований «Person-Organization Fit»	255
--	-----

Словесность

Н.Н. Буйлова

Сленг поклонников аниме.....	273
------------------------------	-----

А.С. Лукашкин

Документальное начало в романе Стендаля «Красное и черное»	283
---	-----

Н.С. Сидорова

Рассказ А.И. Куприна «Изумруд»: опыт исторического комментария.....	295
--	-----

Социология

К.П. Глазков

Феномен торговли с рук на рыночной площади: пространственный аспект	304
--	-----

Е.А. Конобеева

Эмоции и бюрократия в государственном детском саду	317
--	-----

Р.И. Решетеева

Самоидентификация российских профессиональных игроков в покер	330
--	-----

А. Царева

Сравнение образа жизни пенсионеров в больших и малых городах (на примере городов Москва и Дубна)	340
---	-----

Менеджмент

М.Г. Белых

Алгоритм выбора инструментов и методов управления рисками проекта.....	353
---	-----

<i>В.А. Маренчук</i>	
Заемный труд специалистов: основные характеристики и особенности.....	372

Философия

<i>В.В. Болатов</i>	
Импликация и буквальное значение	386

<i>А.А. Бухарова</i>	
Философский аргумент в учении Оригена о телесном воскресении.....	395

<i>А.О. Копылова</i>	
Теория суппозиции в логике У. Оккама	403

Юриспруденция

<i>А.В. Пащенко</i>	
Правовой статус участников отношений по уплате таможенных пошлин в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС	414

А.В. Жорин

Национальный исследова-
тельский университет
«Высшая школа экономики»

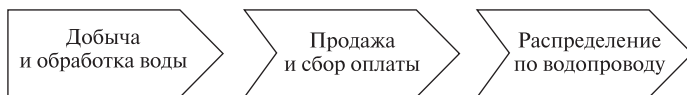
Научный руководитель
А.А. Фридман

КОНКУРЕНЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ НА РЫНКЕ ВОДОСНАБЖЕНИЯ

*Если вы можете приватизировать воду,
вы сможете приватизировать все, что угодно.*

«The Economist»

Предметом исследования данной работы является один из примеров естественной монополии — рынок водоснабжения. Обобщая, всю отрасль можно технологически разбить на три этапа:

При этом по-настоящему монопольной является лишь сетевая часть рынка, т.е. распределение воды по трубопроводу, так как дубликация сетей экономически невыгодна. На других этапах возможно участие нескольких фирм, а значит, данные части рынка становятся конкурентными. Подобная схема в экономике получила название «общего перевозчика» или «common carriage» (в дальнейшем — СС) и используется во многих отраслях, таких как электроэнергетика, продажа газа, железнодорожные перевозки.

Модель

Чаше всего в силу убывающих средних издержек и крайне больших фиксированных издержек на рынке водоснабжения выступает единственная фирма — монополист. Предположим, что предельные издержки такой фирмы постоянны и делятся на два типа: издержки по добыче воды из источника и ее обработке c_e и транспортиров-

ке потребителю c_i , а фиксированные издержки подвержены такой же классификации и равны $F = F_e + F_i$. Будем считать, что потребители географически распределены так, что издержки по доставке им воды одинаковы для любого местоположения. Функция спроса на воду $p(q)$ удовлетворяет стандартным предпосылкам: имеет отрицательный наклон ($p'(q) < 0$), а предельная выручка убывает по количеству ($p''(q)q + 2p'(q) < 0$). Все решения принимаются только на один период (моделируется статическое равновесие). Кроме того, обозначим общий потребительский излишек как $CS(q)$, из чего следует, что $CS'(q) = p(q)$. Также предположим, что при решении задач оптимизации условия второго порядка выполняются.

Теперь рассмотрим введение механизма «common carriage», при котором инфраструктура принадлежит одной компании (возможно, государственной), а воду может поставлять неограниченное число компаний, каждая из которых платит фиксированную ставку за транспортировку. Поскольку для доставки воды используется одна и та же инфраструктура, то вода неизбежно смешивается и необходимо установление единых стандартов и требований к качеству воды при поступлении в трубопровод. Очевидно, что повышение качества воды влечет за собой рост издержек, и, как следствие, каждая компания будет поставлять воду минимального установленного требованиями качества. Издержки на достижение этого уровня включены в величины c_e и F_e . Мы предполагаем, что данные издержки идентичны для всех участников рынка.

Пусть ставка за транспортировку по общему водопроводу равна f за единицу объема, а на рынке присутствуют две идентичные компании, которые конкурируют по уровню выпуска (дуополия Курно). Обычно в реальности фирмы конкурируют по ценам, но при этом модель Курно следует использовать, если фирмы имеют ограничения по максимальному уровню выпуска. Так как каждый из дуополистов ограничен в максимальной добыче воды мощностью водозабора или запасами воды, то в данном случае наиболее подходящей является модель дуополии Курно.

Функции прибыли имеют вид:

$$\pi_{i,2} = (p(q_1 + q_2) - c_e - f)q_{i,2} - F_e.$$

Условие первого порядка имеет вид:

$$\text{FOC: } \frac{\partial \pi_1}{\partial q_{1,2}} = p'(q_1 + q_2)q_{1,2} + p(q_1 + q_2) - c_e - f = 0.$$

Поскольку фирмы идентичны, то в равновесии $q_1 = q_2$.

$$p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e - f = 0. \quad (1)$$

Важным вопросом в водоснабжении являются инвестиции в инфраструктуру. Водоснабжающие компании делают упор на краткосрочную прибыль вместо совершенствования технологий и повышения эффективности. Для того чтобы включить данный аспект в рассматриваемую модель, обратимся к проблеме потерь воды в сетях (утечек). Пусть коэффициент потерь равен γ , т.е. из каждого 1 м^3 воды, закачиваемой в водопровод, до конечного потребителя доходит лишь $(1 - \gamma) \text{ м}^3$. Таким образом, можно считать, что средние и предельные издержки составляют $c = \frac{\tilde{n}_e + c_i}{1 - \gamma}$. В общем виде

предельные издержки являются функцией потерь $c_e(\gamma)$ и $c_i(\gamma)$, причем $c'_e(\gamma) > 0$ и $c'_i(\gamma) > 0$, т.е. чем больше воды протекает, тем больше воды требуется закачивать в водопровод. Устранение утечек требует инвестиций, поэтому владелец инфраструктуры несет постоянные издержки $F(\gamma)$, зависящие от коэффициента потерь. Очевидно, что чем меньше данный уровень, тем больше инвестиции для его поддержания, т.е. $F'(\gamma) < 0$. Вначале реализуются самые эффективные меры по уменьшению потерь, следовательно, $F''(\gamma) > 0$.

Вначале предположим, что владельцем инфраструктуры является частная фирма, целевая функция которой — прибыль. Игра состоит из двух периодов: в первом периоде владелец инфраструктуры выбирает уровень потерь γ и плату f за перекачку воды, во втором периоде дуополисты одновременно выбирают объем выпуска. Таким образом, целевые функции игроков выглядят как

$$\pi_{1,2} = (p(q_1 + q_2) - c_e(\gamma) - f)q_{1,2} - F_e;$$

$$\pi = (f - c_i(\gamma))(q_1 + q_2) - F(\gamma).$$

Вычислим вторые производные функций прибыли:

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 \pi_{1,2}}{\partial q_{1,2}^2} &= \frac{\partial}{\partial q_{1,2}} (p'(q_1 + q_2)q_{1,2} + p(q_1 + q_2) - c_e(\gamma) - f) = \\ &= p''(q_1 + q_2)q_{1,2} + 2p'(q_1 + q_2); \end{aligned}$$

$$\frac{\partial^2 \pi}{\partial f^2} = 0;$$

$$\frac{\partial^2 \pi}{\partial \gamma^2} = \frac{\partial}{\partial \gamma} (-c'_i(\gamma)(q_1 + q_2) - F'(\gamma)) = -c''_i(\gamma)(q_1 + q_2) - F''(\gamma).$$

Как видно, все три вторые производные неположительны, а значит, функции прибыли являются вогнутыми и, следовательно, локальные максимумы представляют собой также и глобальные максимумы.

Во втором периоде фирмы устанавливают выпуск в соответствии с правилом

$$\frac{\partial \pi_{1,2}}{\partial q_{1,2}} = p'(q_1 + q_2)q_{1,2} + p(q_1 + q_2) - c_e(\gamma) - f = 0. \quad (2)$$

Данное уравнение $M = 0$ задает неявную функцию $q_{1,2}(\gamma, f)$. Найдем частные производные, используя теорему о неявной функции:

$$\frac{\partial q_{1,2}}{\partial f} = - \frac{\frac{\partial M}{\partial f}}{\frac{\partial M}{\partial q_{1,2}}} = \frac{1}{p''(q_1 + q_2)q_{1,2} + p'(q_1 + q_2) + p'(q_1 + q_2)}; \quad (3)$$

$$\frac{\partial q_{1,2}}{\partial \gamma} = - \frac{\frac{\partial M}{\partial \gamma}}{\frac{\partial M}{\partial q_{1,2}}} = \frac{c'_e(\gamma)}{p''(q_1 + q_2)q_{1,2} + p'(q_1 + q_2) + p'(q_1 + q_2)}. \quad (4)$$

Зная это, в первом периоде владелец инфраструктуры устанавливает соответствующие величины в соответствии с условиями первого порядка:

$$\begin{cases} \frac{\partial \pi}{\partial f} = (f - c_i(\gamma))\left(\frac{\partial q_1}{\partial f} + \frac{\partial q_2}{\partial f}\right) + (q_1 + q_2) = 0 \\ \frac{\partial \pi}{\partial \gamma} = (f - c_i(\gamma))\left(\frac{\partial q_1}{\partial \gamma} + \frac{\partial q_2}{\partial \gamma}\right) - c'_i(\gamma)(q_1 + q_2) - F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$$

Подставляя частные производные (3)–(4), а также учитывая симметричность фирм (откуда следует, что $q_1 = q_2$, $\frac{\partial q_1}{\partial f} = \frac{\partial q_2}{\partial f}$ и $\frac{\partial q_1}{\partial \gamma} = \frac{\partial q_2}{\partial \gamma}$), получаем:

$$\begin{cases} \frac{\partial \pi}{\partial f} = \frac{2(f - c_i(\gamma))}{p''(2q_1)q_1 + p'(2q_1) + p'(2q_1)} + 2q_1 = 0 \\ \frac{\partial \pi}{\partial \gamma} = \frac{2c'_e(\gamma)(f - c_i(\gamma))}{p''(2q_1)q_1 + p'(2q_1) + p'(2q_1)} - c'_i(\gamma)(2q_1) - F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$$

Добавив к этому условие (2), получим систему, определяющую равновесие в модели:

$$\begin{cases} p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0 \\ f - c_i(\gamma) + q_1(p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1)) = 0 \\ 2c_e'(\gamma)(f - c_i(\gamma)) - (c_i'(\gamma)(2q_1) + F'(\gamma))(p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1)) = 0 \end{cases} \quad (5)$$

Теперь рассмотрим ситуацию, при которой владельцем инфраструктуры является государственная компания, цель которой — максимизация благосостояния общества. Тогда ее целевой функцией будет общий излишек:

$$\begin{aligned} W &= CS(q_1 + q_2) - p(q_1 + q_2)(q_1 + q_2) + p(q_1 + q_2)(q_1 + q_2) - \\ &\quad - (c_e(\gamma) + f)(q_1 + q_2) + (f - c_i(\gamma))(q_1 + q_2) - 2F_e - F(\gamma) = \\ &= CS(q_1 + q_2) - (c_e(\gamma) + c_i(\gamma))(q_1 + q_2) - 2F_e - F(\gamma). \end{aligned}$$

Условия первого порядка для второго периода и частные производные не изменяются и по-прежнему задаются уравнениями (2)–(4).

Вторая производная по уровню потерь равна

$$\frac{\partial^2 W}{\partial \gamma^2} = -(c_e''(\gamma) + c_i''(\gamma))(q_1 + q_2) - F''(\gamma).$$

Данное выражение неположительно, следовательно, локальный максимум является также и глобальным максимумом.

Однако, принимая решение в первом периоде, владелец инфраструктуры теперь руководствуется следующими условиями:

$$\begin{cases} \frac{\partial W}{\partial f} = (p(q_1 + q_2) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma))\left(\frac{\partial q_1}{\partial f} + \frac{\partial q_2}{\partial f}\right) = 0 \\ \frac{\partial W}{\partial \gamma} = (p(q_1 + q_2) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma))\left(\frac{\partial q_1}{\partial \gamma} + \frac{\partial q_2}{\partial \gamma}\right) - (c_e'(\gamma) + c_i'(\gamma))(q_1 + q_2) - F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$$

Подставляя рассчитанные ранее частные производные и учитывая, что фирмы симметричны ($q_1 = q_2$), получаем следующую систему:

$$\begin{cases} p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0 \\ p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma) = 0 \\ \frac{2c'_e(\gamma)(p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma))}{p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1)} - 2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) - F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$$

Заметим, что согласно второму уравнению $p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma) = 0$, тогда перепишем третье уравнение и получим:

$$\begin{cases} p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0 \\ p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma) = 0 \\ 2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$$

Вернемся к системе (5) и преобразуем второе уравнение:

$$p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1) = -\frac{f - c_i(\gamma)}{q_1}.$$

Затем подставим его в третье:

$$\begin{aligned} 2c'_e(\gamma)(f - c_i(\gamma)) + (c'_i(\gamma)(2q_1) + F'(\gamma))\frac{f - c_i(\gamma)}{q_1} &= 0; \\ 2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma) &= 0. \end{aligned}$$

Таким образом, мы получили две системы, описывающие равновесия в моделях с владельцем инфраструктуры — частной и государственной фирмами:

Частная инфраструктура	Государственная инфраструктура
$\begin{cases} p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0 \\ f - c_i(\gamma) + q_1(p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1)) = 0 \\ 2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$	$\begin{cases} p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0 \\ p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma) = 0 \\ 2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma) = 0 \end{cases}.$

Заметим, что данные системы устанавливают однозначную связь между q_1 , γ и f , т.е. определенное значение одного из этих параметров однозначно определяет равновесные значения других параметров модели.

Утверждение 1. Равновесные объем выпуска и коэффициент потерь отрицательно связаны между собой.

Доказательство: Заметим, что третьи уравнения в обоих случаях совпадают:

$$2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma) = 0.$$

$$q_1 = \frac{-F'(\gamma)}{2(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma))}. \quad (6)$$

Вспомним, что $c_e = \frac{A_e}{1-\gamma}$, $c_i = \frac{A_i}{1-\gamma}$, а $F''(\gamma) > 0$. Тогда

$$c'_e(\gamma) = \frac{A_e}{(1-\gamma)^2};$$

$$c''_e(\gamma) = \frac{2A_e}{(1-\gamma)^3} = \frac{2c'_e(\gamma)}{1-\gamma}.$$

Аналогично, $c''_i(\gamma) = \frac{2c'_i(\gamma)}{1-\gamma}$.

Таким образом,

$$q'_1(\gamma) = \frac{-2F''(\gamma)(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma)\left(\frac{2c'_e(\gamma)}{1-\gamma} + \frac{2c'_i(\gamma)}{1-\gamma}\right)}{4(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma))^2} = \frac{\frac{F'(\gamma)}{1-\gamma} - F''(\gamma)}{2(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma))}.$$

По предположению и экономическому смыслу, $F'(\gamma) < 0$, $F''(\gamma) < 0$, $c'_e(\gamma) > 0$ и $c'_i(\gamma) > 0$. Более того, очевидно, что $\gamma < 1$, так как из трубопровода не может утекать больше воды, чем в него поступает, а случай, когда вода не доходит до потребителя, тривиален. Таким образом, $q'_1(\gamma) < 0$, т.е. чем больше уровень потерь, тем ниже равновесный уровень выпуска (уровень потребления воды).

Утверждение 2. Фирмы на конечном рынке покрывают переменные издержки в обоих случаях, а владелец инфраструктуры — лишь в случае частной фирмы.

Доказательство: Для каждого случая справедливо уравнение:

$$p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0;$$

$$p(2q_1) = c_e(\gamma) + f - p'(2q_1)q_1.$$

$p'(2q_1)q_1 < 0$, поэтому $p(2q_1) > c_e(\gamma) + f$, т.е. конечная цена больше предельных издержек, а следовательно, фирмы покрывают переменные издержки и будут получать прибыль при условии, что

постоянные издержки не слишком велики ($-p'(2q_1)q_1^2 > F_e$). В то же время, если инфраструктура принадлежит частной фирме, то:

$$f = c_i(\gamma) - q_1(p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1));$$

$$p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1) = \frac{p''(2q_1)2q_1 + 2p'(2q_1)}{2} + p'(2q_1).$$

Функции предельной выручки и спроса являются убывающими, а следовательно, оба слагаемых отрицательны. Таким образом, ставка, которую назначает владелец, будет выше его предельных издержек по транспортировке воды, а следовательно, он покрывает переменные издержки и получает прибыль, если $-2q_1^2(p''(2q_1)q_1 + 2p'(2q_1)) > F(\gamma)$. Однако для случая, когда трубопровод находится в частной собственности и целевой функцией является благосостояние, характерны условия:

$$\begin{cases} p'(2q_1)q_1 + p(2q_1) - c_e(\gamma) - f = 0 \\ p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma) = 0 \end{cases}.$$

Подставляя цену в первое уравнение, имеем:

$$p'(2q_1)q_1 + c_e(\gamma) + c_i(\gamma) - c_e(\gamma) - f = 0;$$

$$f = p'(2q_1)q_1 + c_i(\gamma).$$

Так как $p'(2q_1)q_1 < 0$, то государственная фирма даже не покрывает переменных издержек от перекачки воды по сетям, не говоря уже о постоянных издержках эксплуатации и инвестиций в уменьшение протечек. Для функционирования данной фирмы необходимы субсидии из бюджета, так как она не в состоянии получать прибыль.

Утверждение 3. По сравнению со случаем частной инфраструктуры, государственная фирма в равновесии выбирает меньший уровень протечек, при котором домохозяйства потребляют больше воды.

Доказательство: Пусть γ_{pr} — равновесный коэффициент потерь, устанавливаемый частной фирмой. Тогда справедливы следующие равенства:

$$\begin{cases} p'(2q_{1pr})q_{1pr} + p(2q_{1pr}) - c_e(\gamma_{pr}) - f_{pr} = 0 \\ f_{pr} - c_i(\gamma_{pr}) + q_{1pr}(p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 2p'(2q_{1pr})) = 0. \\ 2q_{1pr}(c'_e(\gamma_{pr}) + c'_i(\gamma_{pr})) + F'(\gamma_{pr}) = 0 \end{cases} \quad (7)$$

Проверим, является ли данное значение решением второй системы, т.е. равновесием в случае государственной принадлежности трубопровода. Сложим первое и второе уравнения системы (7):

$$\begin{aligned} & p'(2q_{1pr})q_{1pr} + p(2q_{1pr}) - c_e(\gamma_{pr}) - c_i(\gamma_{pr}) + \\ & + q_{1pr}(p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 2p'(2q_{1pr})) = 0; \\ & -c_e(\gamma_{pr}) - c_i(\gamma_{pr}) = -p(2q_{1pr}) - q_{1pr}(p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 3p'(2q_{1pr})). \end{aligned} \quad (8)$$

Заметим, что одним из условий (второе уравнение) равновесия для случая государственной инфраструктуры является:

$$p(2q_1) - c_e(\gamma) - c_i(\gamma) = 0. \quad (9)$$

Если $\gamma = \gamma_{pr}$, тогда с учетом (8), левая часть равна

$$\begin{aligned} & p(2q_{1pr}) - p(2q_{1pr}) - q_{1pr}(p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 3p'(2q_{1pr})) = \\ & = -q_{1pr}(p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 3p'(2q_{1pr})); \\ & p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 3p'(2q_{1pr}) = \frac{p''(2q_{1pr})2q_{1pr} + 2p'(2q_{1pr})}{2} + 2p'(2q_{1pr}). \end{aligned}$$

Известно, что функция спроса и функция предельных издержек убывают по количеству, таким образом, $-q_{1pr}(p''(2q_{1pr})q_{1pr} + 3p'(2q_{1pr})) > 0$, т.е. при $\gamma = \gamma_{pr}$ левая часть уравнения (9) положительна, а значит, уравнение не выполняется и $q = q_{1pr}$ не является равновесным значением модели с государственной инфраструктурой. При том же значении $\gamma = \gamma_{pr}$ требуется меньшее значение $p(2q_1)$, чтобы левая часть уравнения равнялась 0, а значит, учитывая отрицательный наклон функции спроса, если γ_{pr} является решением системы для государственного владельца, то равновесный выпуск $q_{1pub} > q_{1pr}$.

Продифференцируем второе уравнение системы, устанавливающей равновесие для государственного владельца инфраструктуры, по коэффициенту потерь:

$$\begin{aligned} & 2p'(2q_1)\frac{dq_1}{d\gamma} - c'_e(\gamma) - c'_i(\gamma) = 0; \\ & \frac{dq_1}{d\gamma} = \frac{c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)}{2p'(2q_1)}. \end{aligned} \quad (10)$$

Рассмотрим функцию $K(\gamma) = 2q_1(c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + F'(\gamma)$, представляющую собой третье уравнение в системе.

$$\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} = 2 \frac{dq_1}{d\gamma} (c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + 2q_1(c''_e(\gamma) + c''_i(\gamma)) + F''(\gamma).$$

Подставим сюда дифференциал (10):

$$\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} = \frac{c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)}{p'(2q_1)} (c'_e(\gamma) + c'_i(\gamma)) + 2q_1(c''_e(\gamma) + c''_i(\gamma)) + F''(\gamma);$$

$$\begin{aligned} \frac{dK(\gamma)}{d\gamma} &= \frac{(c_e + c_i)^2}{p'(2q_1)(1-\gamma)^4} + 4q_1 \frac{c_e + c_i}{(1-\gamma)^3} + F''(\gamma) = \\ &= \frac{(c_e + c_i)^2 + 4q_1 p'(2q_1)(1-\gamma)(c_e + c_i)}{p'(2q_1)(1-\gamma)^4} + F''(\gamma); \end{aligned}$$

$$\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} = \frac{(c_e + c_i)^2 + 2 \frac{2q_1 p'(2q_1)}{p(2q_1)} p(2q_1)(1-\gamma)(c_e + c_i)}{p'(2q_1)(1-\gamma)^4} + F''(\gamma).$$

$$\text{Вспомним, что } p(2q_1) = c_e(\gamma) + c_i(\gamma) = \frac{c_e + c_i}{1-\gamma}.$$

$$\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} = \frac{(c_e + c_i)^2 + 2 \frac{2q_1 p'(2q_1)}{p(2q_1)} \frac{c_e + c_i}{1-\gamma} (1-\gamma)(c_e + c_i)}{p'(2q_1)(1-\gamma)^4} + F''(\gamma);$$

$$\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} = \frac{(c_e + c_i)^2 + 4 \frac{q_1 p'(2q_1)}{p(2q_1)} (c_e + c_i)^2}{p'(2q_1)(1-\gamma)^4} + F''(\gamma).$$

По определению ценовой эластичности спроса $\varepsilon = \frac{dq}{dp} \cdot \frac{p}{q}$. Соответственно

$$\frac{1}{\varepsilon} = \frac{dp(2q_1)}{2dq_1} \cdot \frac{2q_1}{p(2q_1)} = \frac{dp(2q_1)}{dq_1} \cdot \frac{q_1}{p(2q_1)}.$$

Тогда мы можем переписать дифференциал $\frac{dK(\gamma)}{d\gamma}$ как:

$$\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} = \frac{(c_e + c_i)^2 \left(1 + \frac{4}{\varepsilon}\right)}{p'(2q_1)(1-\gamma)^4} + F''(\gamma).$$

Отметим, что согласно оценкам функции спроса на воду $\varepsilon > -4$ (а чаще всего $-1 < \varepsilon < 0$). Более того, согласно предпосылке, эластичность спроса отрицательна. Тогда $\frac{4}{\varepsilon} < -1$, и соответственно

$$1 + \frac{4}{\varepsilon} < 0. \text{ Таким образом, } \frac{(c_e + c_i)^2 \left(1 + \frac{4}{\varepsilon}\right)}{p'(2q_1)(1 - \gamma)^4} > 0. \text{ Учитывая предпосылку}$$

$F''(\gamma) > 0$, таким образом, оба слагаемых положительны и, в свою очередь, $\frac{dK(\gamma)}{d\gamma} > 0$.

Фактически это означает, что левая часть третьего уравнения системы представляет собой возрастающую функцию относительно γ .

Теперь подставим γ_{pr} и соответствующий ему уровень выпуска $q_{1pub} > q_{1pr}$ в третье уравнение системы: $2q_{1pub}(c'_e(\gamma_{pr}) + c'_i(\gamma_{pr})) + F'(\gamma_{pr})$. Заметим, что поскольку $q_{1pub} > q_{1pr}$, то $2q_{1pub}(c'_e(\gamma_{pr}) + c'_i(\gamma_{pr})) + F'(\gamma_{pr}) > 2q_{1pr}(c'_e(\gamma_{pr}) + c'_i(\gamma_{pr})) + F'(\gamma_{pr})$, а учитывая третье уравнение системы (7):

$$2q_{1pub}(c'_e(\gamma_{pr}) + c'_i(\gamma_{pr})) + F'(\gamma_{pr}) > 0.$$

Левая часть третьего уравнения представляет собой возрастающую функцию и положительна, а следовательно, равновесное значение γ в модели с государственным владельцем инфраструктуры меньше, чем γ_{pr} , соответствующему равновесию в модели с частной фирмой. Согласно утверждению 1 равновесные объем выпуска и уровень утечек отрицательно связаны между собой, а значит, уровень выпуска будет больше для случая государственной инфраструктуры.

Данный вывод неплохо согласуется с реальной ситуацией, при которой приватизированные водоканалы испытывают недостаток инвестиций, так как зачастую частную фирму интересует лишь краткосрочная прибыль. Соответственно повышается уровень потерь в водопроводе. Интуитивно это может быть объяснено тем, что понижение потерь гораздо более затратно, чем добыча дополнительного объема воды [Garcia, Thomas, 2001]. Государственный владелец не заботится о своей прибыли, а ставка f даже не входит в его целевую функцию. Для него важен потребительский излишек и прибыль игроков на рынке водоснабжения. Уменьшая уровень утечек, он уменьшает предельные издержки дуополистов, тем самым увеличивая уровень выпуска, что означает увеличение

потребительского излишка, а также рост прибыли дуополистов, т.е. увеличение общественного благосостояния, пусть и за счет некоторых затрат на ремонт трубопровода. Также государственный владелец может снижать издержки дуополистов путем снижения ставки f , которое никак не отражается на его целевой функции, следовательно, госкомпания выберет крайне низкую ставку f (ниже своих предельных издержек). Фактически владелец будет работать с убытками, и эти убытки должны покрываться субсидией из бюджета. Получается, что игроки на рынке водоснабжения получают возможность поставлять воду с издержками ниже реальных, что невозможно при рыночной ситуации. Создание схемы «common carriage» и передача инфраструктуры государственному владельцу позволяют искусственно снизить издержки ниже их фактических значений и повысить выпуск, преодолевая проблему естественной монополии и достигая более высокого уровня благосостояния в обществе.

Экспериментальная проверка модели на рынке водоснабжения Великобритании

Для того чтобы наглядно проиллюстрировать выводы данной модели, проведем симуляцию, используя реальные данные 20 частных фирм на рынке водоснабжения Великобритании. Для оценки спроса воспользуемся распространенной в экономике предпосылкой о линейности функции спроса: $p(q) = a - bq$. Будем использовать значение эластичности для Германии $\varepsilon = -0,24$ [Schleich, Hillenbrand, 2009], так как эта страна по степени населения, промышленному развитию и образу жизни в целом похожа на Великобританию. Зная тариф на воду, объем ее потребления и оценку эластичности спроса, можно вычислить функцию спроса на воду для каждой компании по следующим формулам:

$$b = \frac{-\varepsilon q}{p}; \quad a = p - \frac{\varepsilon q^2}{p}.$$

Самым сложным и неоднозначным является определение зависимости затрат владельца инфраструктуры для разных уровней утечек — функции $F(\gamma)$. Для этого предположим, что данная функция имеет логарифмический вид: $F(\gamma) = \theta - \phi \ln \gamma$. Такая функция отвечает ранее введенным предпосылкам $F'(\gamma) < 0$ и $F''(\gamma) > 0$. Поскольку все фирмы отличаются по размеру сети, будем оценивать данную функцию как постоянные издержки на 1 км водопровода

за один день эксплуатации. Уровень утечек вычислим как отношение общего размера утечек к общим объемам поставки воды. После этого оценим регрессию для функции $F(\gamma)$. Результаты оценки приведены на рис. 1.

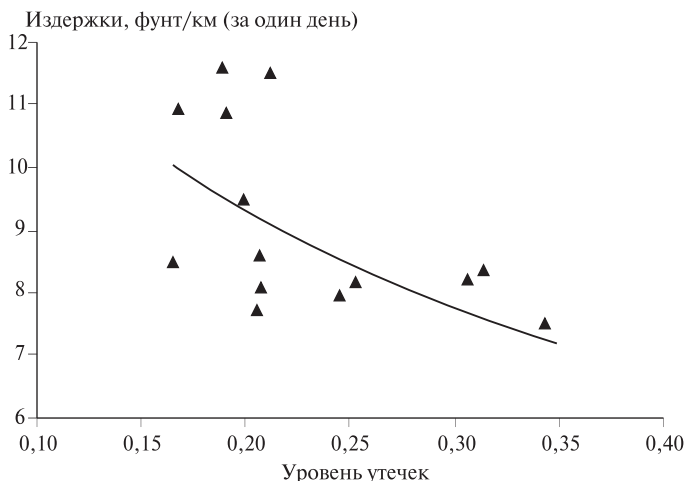

Рис. 1. Зависимость постоянных издержек владельца инфраструктуры от уровня утечек

Источник: Расчеты автора.

Таким образом, функция имеет вид $F(\gamma) = 3,1438 - 3,8277 \ln \gamma$.

Наконец, необходимо подсчитать и сравнить общественный излишек для двух случаев:

$$W = CS(q_1 + q_2) - (c_e(\gamma) + c_t(\gamma))(q_1 + q_2) - 2F_e - F(\gamma).$$

Так как функция спроса линейна, то общий потребительский излишек равен

$$CS(q) = \int_0^q p(q) dq = \int_0^q (a - bq) dq = \left(aq - \frac{bq^2}{2} \right) \Big|_0^q = aq - \frac{bq^2}{2}.$$

Фирмы-дуополисты симметричны, поэтому $q_1 + q_2 = 2q_1$.

$$W = 2aq_1 - 2bq_1^2 - 2q_1 \frac{c_e + c_t}{1 - \gamma} - 2F_e - \theta + \phi \ln \gamma.$$

Из результатов вычислений следует, что увеличение общего излишка приблизительно в 2 раза выше в случае государственного владельца инфраструктуры, при том что уровень утечек, выбираемый им, ниже. Более того, в случае государственной фирмы ставка за пользование водопроводом отрицательна, т.е. фактически такая фирма субсидирует водоснабжающие компании и превращается скорее в некое государственное агентство, а не отдельную фирму. Безусловно, это может вызвать общественное недовольство, поскольку фактически происходит перераспределение прибыли в пользу частных водоснабжающих компаний за счет бюджета. В таком случае можно установить аккордный налог, рассчитанный в соответствии с уровнем прибыли таких компаний, чтобы не допустить обогащения фирм за счет налогоплательщиков.

Наконец, проведем анализ чувствительности по отношению к эластичности. Поскольку общие результаты сходны для всех компаний, данный анализ осуществим только для двух из них, например, Thames Water и Portsmouth. Для этого посчитаем, как будет изменяться общий излишек в трех случаях (текущая ситуация, частная инфраструктура, государственная инфраструктура), при изменении эластичности спроса на воду в интервале $(-1,1;-0,08)$. Результаты анализа приведены на рис. 2–3.

Как видно из анализа, общий излишек всегда выше для государственной инфраструктуры, что вытекает из ее целевой функции. При этом разница между излишками для текущей ситуации и схемы СС очень велика для эластичностей, близких к 0, и постепенно убывает с ростом абсолютного значения эластичности спроса.

Также рассмотрим, как изменяется уровень выпуска, ставка за транспортировку воды по трубопроводу и уровень утечек, выбираемый владельцем инфраструктуры (см. рис. 4). Объем поставляемой воды больше в случае государственного водопровода, а частный водопровод начинает поставлять меньше воды, чем в реальности, для значений эластичности, по модулю выше 0,5.

Ставка за пропуск воды увеличивается в абсолютном значении почти линейно с ростом эластичности, для частной фирмы она положительна, для государственного владельца — отрицательна. Уровень утечек всегда ниже для государственного владельца инфраструктуры, т.е. государство будет выбирать меньший уровень утечек, нежели у фирм, функционирующих сейчас в отрасли.

Стоит отметить, что в некоторых случаях благосостояние повышается почти в 5 раз, что, безусловно, вряд ли соответству-

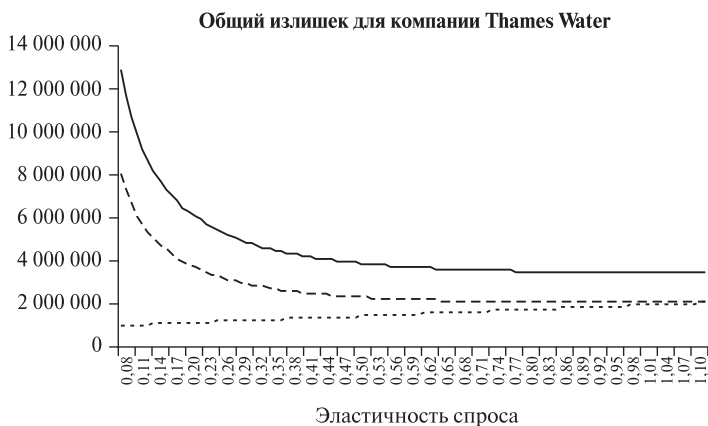

Рис. 2–3. Анализ чувствительности общего излишка к эластичности спроса

Источник: Расчеты автора.

ет действительности. Это может быть вызвано неточной оценкой функций, используемых при моделировании. Следовательно, в реальности постоянные издержки водоснабжающих компаний по обслуживанию домохозяйств должны быть ниже.

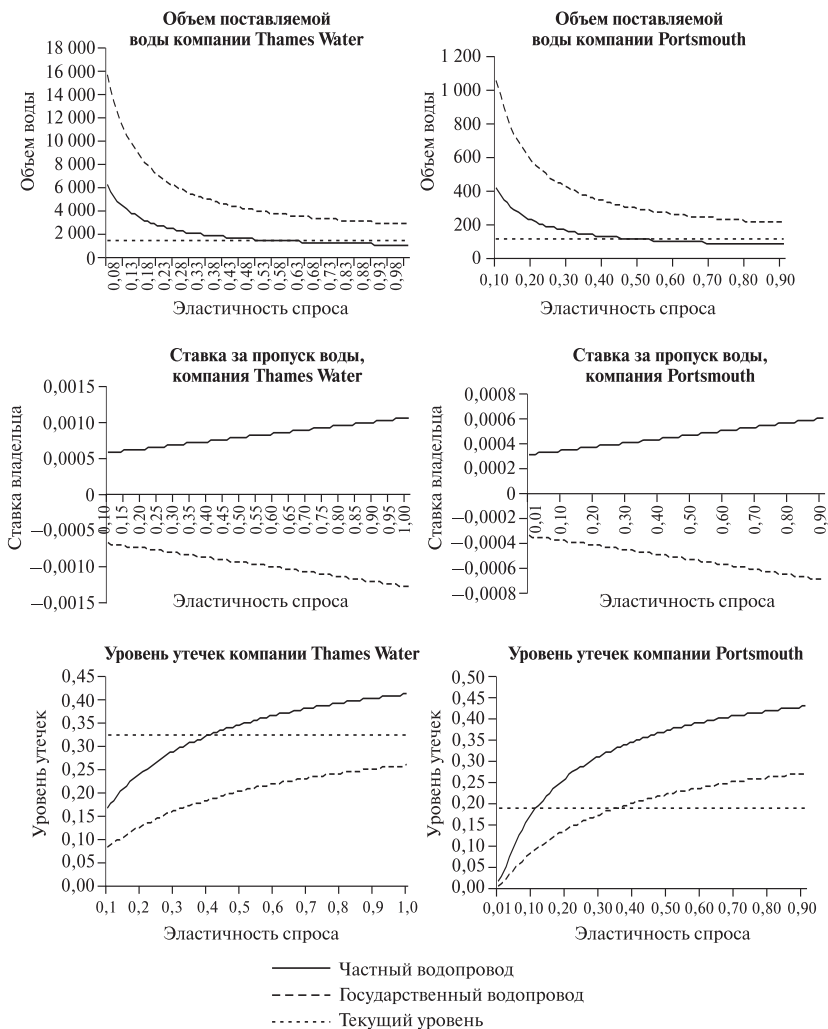

Рис. 4. Анализ чувствительности объема производства, ставки за пропуск воды, уровня утечек к эластичности спроса для компаний Thames Water и Portsmouth

Источник: Расчеты автора.

Заключение

В данной работе было смоделировано применение механизма «common carriage» на рынке водоснабжения. Было показано, как передача инфраструктуры в управление частной или государственной фирме и введение конкуренции на конечном рынке улучшают монопольную ситуацию. Доказано, что уровень потерь будет ниже, а выпуск выше в случае государственного агентства по управлению водопроводом. На основе данных о рынке водоснабжения Великобритании было подсчитано, каким образом изменяются равновесные параметры при введении предложенной схемы.

Таким образом, механизм «общего перевозчика» представляет собой реальный способ решения проблемы естественной монополии. Однако на практике подобная схема практически не наблюдается. Это может быть связано с тем, что рынок водоснабжения очень локализован и для снабжения небольшого поселка бессмысленно строить два водозабора, даже ради введения конкуренции. Но в то же время использование механизма СС в крупных городах выглядит вполне реальным.

Кроме того, при государственном управлении инфраструктурой фирма-владелец непременно должна субсидироваться государством. Более того, ставка, устанавливаемая владельцем, может быть отрицательной, т.е. фактически государство будет платить компаниям за каждый поставляемый литр воды, что потребует введения аккордного налога. Для этого регулятор должен иметь информацию о спросе и издержках компаний, а значит, остро встает вопрос асимметрии информации, что также затрудняет введение СС.

Таким образом, данная работа предлагает пока еще малоприменимый на практике способ непрямого регулирования рынка водоснабжения. Возможно, стоит усовершенствовать предложенный механизм, или использовать лишь некоторые его особенности. Кроме этого, разработанная схема может найти применение и на других монопольных рынках, обладающих схожими чертами, т.е. наличием обширной инфраструктуры с возможностью больших потерь.

Источники

Cave M., Wright J. A Strategy for Introducing Competition in the Water Sector // *Utilities Policy*. 2010. Vol. 18. P.116–119.

Cowan S. Competition in the Water Industry // Oxford Review of Economic Policy. 1997. Vol. 13. No. 1. P. 83–92.

Garcia S., Thomas A. The Structure of Municipal Water Supply Costs: Application to a Panel of French Local Communities // Journal of Productivity Analysis. 2001. Vol. 16. P. 5–29.

Schleich J., Hillenbrand T. Determinants of Residential Water Demand in Germany // Ecological Economics. 2009. Vol. 68. P. 1756–1769.

Shleifer A. A Theory of Yardstick Competition // The RAND Journal of Economics. 1985. Vol. 16. No. 3. P. 319–327.

Van den Berg C. Water Privatization and Regulation in England and Wales // Public Policy for the Private Sector. The World Bank Group. Note No. 115. Washington, 1997.

<<http://www.ofwat.gov.uk/regulating/junereturn/jrlatestdata/>>

© Жорин А.В., 2014

Ю.М. Казакова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
И.О. Мальцева

ВЛИЯНИЕ ИЗДЕРЖЕК УХОДА ЗА РЕБЕНКОМ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТРУДА ЖЕНЩИН

Введение

В России сохраняется традиционно высокий уровень занятости женщин. Однако появление ребенка, как и в большинстве развитых стран, прерывает трудовую деятельность женщины. Следовательно, для мамы после рождения ребенка встает выбор между выходом/возвращением на рынок труда и посвящением себя семье и дому. Этот выбор затрагивает не только данного человека, но, так или иначе, его близких и общество в целом. В литературе данная проблема обозначена как конфликт между материнством и женской занятостью.

При планировании своей деятельности женщины сталкиваются с рядом факторов, которые по-разному влияют на принятие решения. С одной стороны, по мере роста ребенка его содержание становится менее времяемким, но требующим больших финансовых вложений, следовательно, необходимость возвращения женщины на рынок труда диктуется уровнем финансового благосостояния семьи. С другой стороны, принимая решение о возвращении на рынок труда, женщина сталкивается с рядом барьеров, к которым относятся: неготовность рынка труда предоставить достойные рабочие места с неполной занятостью или гибким графиком, более низкий уровень заработной платы по сравнению с бездетными женщинами и т.д.

Известно, что в России существует традиция, согласно которой нередко воспитание ребенка частично перекладывается на плечи бабушек, и таким образом решается проблема совмещения воспитания ребенка и занятости матери. Однако тенденции последних лет показывают, что помощь со стороны родственников становится

более фрагментарной [Черкашина, 2011]. В результате одним из важнейших факторов, учитываемым при принятии решения о выходе на рынок труда, становится возможность и условия воспитания детей, которые определяются развитостью системы институциональных услуг. Под институциональными услугами понимаются уход за детьми, их воспитание и развитие, оказываемые детскими дошкольными учреждениями, иными образовательными учреждениями, а также отдельными людьми, для которых такого рода деятельность является профессией [Синявская, Гладникова, 2007].

Исследования межстрановых различий показывают, что политика, предоставляющая гарантии получения институциональных услуг по уходу за ребенком независимо от финансового положения женщины, является наиболее эффективной в преодолении конфликта между материнством и женской занятостью.

Таким образом, доступность использования институциональных услуг по уходу за ребенком дошкольного возраста — один из важнейших факторов, положительно влияющих на принятие решения о занятости женщин.

Доступность институциональных услуг в первую очередь детских дошкольных учреждений определяется рядом факторов: наличием мест, режимом работы, физической близостью к дому или работе, а также размером оплаты и других разнообразных затрат, связанных с пребыванием ребенка в таком учреждении.

Настоящая работа посвящена анализу влияния одного из факторов, определяющих доступность институциональных услуг, а именно издержек приобретения такого вида услуг, на предложение труда женщин.

Тенденции изменения занятости женщин, имеющих детей в дошкольном возрасте

Согласно данным RLMS-HSE (2000–2010 гг.), в России количество женщин в возрасте 20–49¹ лет, имеющих детей дошкольного возраста, имеет достаточно постоянную величину на протяжении периода с 2000 по 2006 гг. и составляет четверть женщин в рассматриваемой возрастной категории. Начиная с 2007 г. наблюдается небольшой стабильный рост, и количество рассматриваемых женщин к 2010 г. составляет практически треть. Это можно объяс-

¹ Выбор данного возрастного интервала описан в разделе «Данные».

нить несколькими факторами. Во-первых, когорта женщин, родившихся в 1985–1987 гг., когда наблюдался сильный всплеск рождаемости, достигает в период с 2006 по 2010 гг. возраста максимальной вероятности рождения ребенка (21–25 лет). Во-вторых, начиная с 2006 г. семейная политика, а именно поддержка материнства как основное направление развития семейной политики, подверглась большому количеству преобразований.

При сравнении уровней занятости среди женщин, имеющих и не имеющих детей, естественно, наблюдается достаточно большой разрыв. На протяжении рассматриваемого периода среди женщин, имеющих детей в дошкольном возрасте, занятыми были около 50–55%, тогда как среди женщин, не имеющих детей дошкольного возраста, 78–82%.

В изменении уровня занятости женщины по мере взросления ребенка наблюдается значимый разрыв. При наличии у женщины ребенка в возрасте до трех лет уровень занятости женщин составляет порядка 26–28%, но по достижении ребенком трех лет занятость резко возрастает и составляет более 70% (в 2010 г. доходит до 80%). Стоит отметить, что начиная примерно с 2006 г. уровень занятости женщин, имеющих детей до трех лет и имеющих детей в обеих возрастных подгруппах, начинает сокращаться. Низкий уровень занятости данных категорий женщин объясняется не только законодательным устройством системы декретных отпусков и тем, что в России существуют традиции, согласно которым воспитанием детей (особенно до трех лет) занимаются непосредственно родители, но и тем, что матери не удовлетворены предлагаемыми услугами институтов по уходу за детьми, на которые они могли бы переложить воспитание ребенка. Неудовлетворенность выражается в недовольстве качеством услуг (старение материально-технической базы, снижение уровня квалификации кадров и т.д.), территориальной и финансовой недоступностью соответствующего ухода [Синявская, Гладникова, 2007].

Обзор международных исследований

В целом авторы, исследуя данную тему, измеряют влияние издержек ухода за ребенком на предложение труда с помощью показателя эластичности предложения труда по цене на формальный уход за ребенком, т.е. как изменяется предложение труда в результате изменения издержек ухода за ребенком на 1%.

В подавляющем большинстве международных исследовательских работ найдено значимое негативное воздействие расходов по уходу за ребенком на материнскую занятость. Однако размер этого эффекта варьируется как между странами: $-0,3$ Австралия 2010 г., $-0,12$ Норвегия 2007 г., $-0,01$ Франция 2003 г., так и внутри стран по годам: $-0,38$ Канада 1997 г. и $-0,12$ 2002 г.

Большую часть различия в оценках между странами можно объяснить различиями в институциональных системах по уходу за детьми, а также местными традициями и обычаями. Вариативность оценок зависит также от применяемых при исследовании методологических подходов и источников данных.

Единственная работа, сделанная экономистом на российских данных (RLMS 1993–1995 гг.), посвященная изучению предложения труда женщин с маленькими детьми и принимающая во внимание издержки ухода за детьми дошкольного возраста, принадлежит Михаилу Локшину [Lokshin, 2004].

Полученные результаты показывают, что расходы, связанные с уходом за ребенком, влияют на то, какой вид ухода за ребенком выберет домохозяйство. Рост расходов на уход препятствует использованию домохозяйствами формального ухода за детьми и соответственно увеличивает число домашних хозяйств, которые полагаются только на неформальный уход, тем самым создавая препятствия для выхода на работу матери. Если бы формальный уход полностью субсидировался за счет государства, предприятий или других источников, то это привело бы к росту участия матерей на рынке труда на 11,3%.

Теоретическая модель

Теоретическая модель настоящего исследования основана на модели, предложенной Гонгом, Бреунигом и Кингом [Gong, Breunig, King, 2010] при изучении влияния влияния издержек по уходу за ребенком на предложение труда женщин в Австралии.

Домохозяйство, имеющее набор характеристик X , максимизирует свою функцию полезности $U(y, l, cm, X)$ и выбирает уровень общего потребления y , уровень материнского ухода за ребенком cm и время отдыха матери l , учитывая бюджетное ограничение семьи, в которое входят издержки ухода за ребенком.

Таким образом, домохозяйство решает следующую максимизационную задачу:

$$U(y, l, cm, X) \rightarrow \max(y, l, cm); \quad (1)$$

$$y \leq y_0 + w \times (Tm - l - cm) - p \times (Tc - cm), \quad (2)$$

где y — общее потребление благ, cm — уровень материнского ухода за ребенком в часах ($cm = T - c$, где c — уход за ребенком не со стороны матери), l — время отдыха матери ($l = T - h - cm$, где h — предложение труда), y_0 — нетрудовой доход, w — уровень заработной платы матери, Tm — общий фонд времени матери ($Tm = 24$ часа), Tc — общий фонд времени ребенка ($Tc = 24$ часа), p — часовая стоимость ухода за ребенком.

Оптимальный уровень предложения труда и спроса на уход, согласно условиям первого порядка:

$$h^* = h(y_0, w, p, c, X); \quad (4)$$

$$c^* = c(y_0, w, p, h, Z). \quad (5)$$

В данной модели предполагается, что в результате оптимизационного процесса женщина одновременно принимает два решения: о предложении труда (h) и о спросе на уход за ребенком (c).

Эконометрическая модель

Теоретическая модель представляется следующим образом в линеаризованном виде:

$$h^* = \alpha + \eta^w \times \ln(w) + \eta^p \times \ln(p) + \eta^l \times y_0 + \eta^c \times \ln(c) + \beta \times X + \varepsilon; \quad (6)$$

$$c^* = \gamma + \theta^w \times \ln(w) + \theta^p \times \ln(p) + \theta^l \times y_0 + \theta^h \times \ln(h) + \omega \times Z + \varepsilon, \quad (7)$$

где w — уровень заработной платы матери; p — средние издержки в час на уход за детьми; y_0 — нетрудовой доход; X, Z — индивидуальные и семейные характеристики женщины и детей, региональные характеристики; $\eta^w, \eta^p, \eta^l, \eta^c, \beta, \theta^w, \theta^p, \theta^l, \theta^h, \omega$ — параметры, которые требуется оценить.

Для расчета ключевой переменной (средние издержки в час на уход за детьми, p) используется следующая информация. Данные RLMS-HSE содержат сведения о том, сколько часов за неделю (в течение последних семи дней относительно даты проведения опроса) кто-либо, не являющийся членом домохозяйства, ухаживал за ребенком. В том числе: 1) количество часов ухода родственников, живущих отдельно; 2) количество часов, проведенных ребенком в детском саду или в яслях; 3) количество часов ухода других

людей, не являющихся родственниками. Кроме того, база содержит информацию о том, сколько родители заплатили за уход за каждым ребенком человеку, не являющемуся членом домохозяйства, или за пребывание в детском учреждении.

Предполагается, что если за ребенком ухаживали родственники, живущие отдельно, то родители не оплачивают этот вид ухода. Таким образом, ключевая переменная получена следующим образом:

$$p = \frac{\text{Сумма, которую родители заплатили за формальный уход за всех детей дошкольного возраста}}{\text{Количество часов формального ухода за всеми детьми дошкольного возраста}}.$$

Под формальным уходом подразумевается уход, который необходимо оплачивать (в данном случае уход со стороны детских учреждений и со стороны людей, не являющихся родственниками и членами домохозяйства).

Кроме того, необходимо учитывать, что домохозяйства, приобретая услуги по уходу за ребенком, выбирают не только количество часов, но и качество данной услуги, однако данные о качестве в базе данных отсутствуют. Таким образом, применяется метод, согласно которому используются средние издержки на уровне локальной территории (регион проживания индивида).

Данные

В качестве основного источника информации в исследовании используются микроданные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE).

Для анализа используется период с 2000 по 2010 г. Выборка ограничена женщинами в возрасте 20–49 лет. Это связано, во-первых, с совсем незначительным количеством необходимых наблюдений в возрастных категориях «до 20 лет» и «старше 50 лет», а во-вторых, Росстат РФ, начиная с 2009 г., приступил к изучению экономической активности женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих и не имеющих детей до 18 лет, и, таким образом предоставляется возможность сравнения некоторых полученных показателей с результатами в целом по стране.

Результаты

В ходе эмпирического анализа используются несколько вариантов оценивания влияния издержек ухода за ребенком дошкольного возраста на предложение труда женщин, которое рассматривается и с точки зрения вероятности быть занятым, и с точки зрения предложения труда в часах. Для оценки вероятности используется пробит-модель с предельными эффектами. Для оценки предложения труда непосредственно в часах работы используются метод наименьших квадратов с корректировкой по Хекману, метод наименьших квадратов с использованием инструментальных переменных (охват детей детскими дошкольными учреждениями и проживание в домохозяйстве бабушки/дедушки) и оценивание системы одновременных уравнений с помощью трехшагового метода наименьших квадратов.

Проведенный эмпирический анализ подтверждает основную гипотезу о негативном влиянии издержек по уходу за детьми на предложение труда женщин как в терминах вероятности быть занятой, так и в терминах часов работы. Предельный эффект влияния издержек на вероятность быть занятым составляет $-0,021$ для женщин с детьми всех дошкольных возрастов, $-0,016$ для женщин, имеющих детей только в возрасте до трех лет, и $-0,026$ для женщин с детьми от трех до шести лет. Эффект влияния издержек непосредственно на предложение труда в часах является значимым на 1%-ном уровне и равен $-0,108$ в случае использования простого МНК; значимым на 1%-ном уровне и равен $-0,095$ при использовании инструментальных переменных; значимым на 1%-ном уровне и равен $-0,90$ при оценке системы одновременных уравнений 3-шаговым МНК. Что касается спроса женщины на платные виды услуг по уходу за детьми, то гипотеза о том, что среднечасовые издержки сокращают спрос на платные виды ухода за детьми, не подтверждается.

Таким образом, действительно можно говорить, что ограничение доступа к институциональным услугам по уходу за детьми является неким барьером для выхода на рынок труда. Полученные результаты согласуются с мировым опытом по исследованию данной темы.

Заключение

В России, как и практически в любой другой стране, после рождения ребенка женщина должна выбирать: выходить ей на ры-

нок труда или посвящать свое время воспитанию ребенка. Финансовая недоступность формальных видов ухода за детьми является одним из важнейших барьеров, препятствующих выходу на рынок труда женщин, желающих это сделать. От того, как женщины оценивают свои возможности воспользоваться институциональными услугами по уходу за ребенком, зависят ее перспективы вернуться на рынок труда.

Результаты эмпирического анализа показывают, что в России на современном этапе развития издержки по уходу за детьми дошкольного возраста являются сдерживающим фактором при принятии решения матерями о выходе на рынок труда и при принятии решения о количестве обрабатываемых часов.

Поскольку опыт различных стран говорит о том, что политика, предоставляющая гарантии получения институциональных услуг по уходу за ребенком независимо от финансового положения женщины, является наиболее эффективной в преодолении конфликта между материнством и женской занятостью, то можно сделать вывод, что и в России финансовая доступность услуг является определенным рычагом, с помощью которого государство может воздействовать на предложение труда женщин.

Источники

Бинефельд М., Четвернина Т., Лакунина Л. Российские реформы и положение женщин на рынке труда и в обществе // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 3.

Бурдяк А., Корчагина И., Овчарова Л., Прокофьева Л., Синявская О. Новые меры семейной политики и их влияние на материально-имущественное положение семей с детьми // Семья в центре социально-демографической политики?: сб. аналит. ст. М.: НИСП, 2009.

Овчарова Л., Попова Д. Детская бедность в России. Доклад ЮНИСЕФ. М.: НИСП, ЮНИСЕФ, 2005.

Синявская О., Гладникова Е. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: сб. аналит. ст. Вып. 1. М.: НИСП, 2007.

Синявская О., Захаров С., Карцева М. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: сб. аналит. ст. Вып. 1. М.: НИСП, 2007.

Синявская О., Сухова А. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // Семья в центре социально-демографической политики?: сб. аналит. ст. М.: НИСП, 2009.

Синявская О., Пайе А. Занятость женщин во Франции и в России: роль детей и гендерных установок // Демоскоп. 2011. № 449–450.

Черкашина Т. Временные и экономические инвестиции родителей в воспитание детей / Доклад на апрельской конференции НИУ ВШЭ, 2011.

Akgunduz Y., Plantenga J. Child Care Prices and Female Labour Force Participation: A Meta-Analysis. Working Papers from Utrecht School of Economics. 2006. No. 11–08.

Andren T. The Choice of Paid Childcare, Welfare and Labour Supply of Singel Mothers // Labour Economics. 2003. Vol. 10. No. 2.

Baum C. The Dynamic Effects of Child Care Costs on the Work Decisions of Low Income Mothers with Infants' // Demography. 2002. Vol. 39. No. 1.

Blau D., Hagy A. The Demand for Quality in Child Care // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106. No. 1.

Connelly R. The Effect of Child Care Costs on Married Women's Labor Force Participation // The Review of Economics and Statistics. 1992. Vol. 74. No. 1.

Del Bono E., Bratti M., Vuri D. New Mothers' Labour Force Participation in Italy: The Role of Job Characteristics // IZA, DP. 2004. No. 1111.

Del Boca D. Do Child Care Costs Affect Labor Supply? Centre for Household, Income, Labour and Demographic Economics. Working Paper. 2002. No. 18.

Del Boca D., Locatelli D., Vuri D. Child Care Choices and Italian Households // IZA, DP. 2004. No. 983.

Even E. Career Interruptions Following Childbirth // Journal of Labor Economics. 1987. Vol. 5. No. 2.

Fenglian Du, Xiao-Yuan Dong. Women's Labor Force Participation and Childcare Choices in Urban China during the Economics Transition / Department of Economics. Working Paper. 2010. No. 2010-04.

Fong M., Lokshin M. Child Care and Women's Labor Force Participation in Romania / World Bank, Policy Research. Working Paper. 2000. No. 2400.

Gong X., Breunig R., King A. How Responsive is Female Labour Supply to Child Care Costs: New Australian Estimates // IZA, DP. 2010. No. 5119.

Han W., Woldfogel J. Child Care Costs and Women's Employment: A Comparison of Single and Married Mothers with Pre-School Aged Children // Social Science Quarterly. 2001. Vol. 82. No. 3.

Jongen E. Child Care Subsidies Revisited / CPB Document. 2010. No. 200.

Kornstad T., Thoresen T. A Discrete Model for Labour Supply and Child Care // Journal of Population Economics. 2007. Vol. 20.

Lokshin M. Household Child Care Choices and Women's Work Behavior in Russia // Journal of Human Resources. 2004. Vol. 39. No. 4.

McRae S. Returning to Work after Childbirth: Opportunities and Inequalities // European Sociological Review. 1993. Vol. 9. No. 2.

Mincer J. Labor Force Participation of Married Women. Aspects of Labor Economics / ed. by H.G. Lewis. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962.

Nicodemo C., Waldmann R. Child-Care and Participation in the Labor Market for Married Women in Mediterranean Countries / IZA, DP. 2009. No. 3983.

Powell L. The Impact of Child Care Costs on the Labour Supply of Married Mothers: Evidence from Canada // The Canadian Journal of Economics. 1997. Vol. 30. No. 3.

Powell L. Joint Labor Supply and Childcare Choice Decisions of Married Mothers // The Journal of Human Resources. 2002. Vol. 37. No. 1.

Pylkkänen E., Smith N. The Impact of Family-Friendly Policies in Denmark and Sweden on Mothers' Career Interruptions Due to Childbirth / IZA, DP. 2004. No. 1050.

Rammohan A., Whelan S. Child Care and Female Employment Decisions // Australian Journal of Labour Economics. 2005. Vol. 9. No. 2.

Rönsen M., Sundström M. Family Policy and After-Birth Employment among New Mothers: A Comparison of Finland, Norway and Sweden // European Journal of Population. 2002. Vol. 18. No. 2.

Saurel-Cubizolles M., Romito P., Escribà-Agüir V., Lelong N., Pons R., Ancel P. Returning to Work after Childbirth in France, Italy, and Spain // European Sociological Review. 1999. Vol. 15. No. 2.

Wrohlich K. Labor Supply and Child Care Choices in a Rationed Child Care Market / IZA, DP. 2006. No. 2053.

© Казакова Ю.М., 2014

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

В.В. Димитров

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель

Д.В. Суслов

МЯГКАЯ СИЛА РУССКОГО ЯЗЫКА

Термин «мягкая сила» был введен в оборот американским политологом Джозефом Наем в 1990 г. в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power». Тогда концепция получила ограниченное распространение, так как представление о неизбежности доминирования США в постбиполярном мире тормозило переосмысление внешнеполитической стратегии. Атака на Всемирный торговый центр, отложившая «конец истории», а также унилатерализм администрации Буша, нанесший значительный ущерб имиджу страны, возродили интерес международного сообщества к исследованию трансформации целей и средств внешней политики. Дж. Най в ответ на данный процесс развил идею мягкой силы в книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics», опубликованной в 2004 г. Отмечая, что «резкое падение привлекательности США» после атаки на Ирак «усложнило задачу поиска поддержки в вопросах оккупации и реконструкции Ирака», он делает вывод, что «добиться мира сложнее, чем просто победить в войне, и мягкая сила необходима для установления мира»¹.

Мягкая сила заключается в возможности добиваться результатов на внешнеполитической арене, основываясь на собственной привлекательности, без использования силы или принуждения². Применение мягкой силы подразумевает формирование предпочтений других участников международных отношений в соответствии с целями государства, проецирующего влияние.

¹ [Nye, 2004, p. XII].

² [Ibid., p. 5].

Основным способом создания мягкой силы является распространение знаний о ценностях страны. Исходя из представления о значительном запасе мягкой силы, сконцентрированной в руках транснациональных акторов, а также о необходимости принятия идей и политики прежде всего населением и элитами стран, можно говорить, что основным механизмом проектирования мягкой силы является публичная дипломатия — область внешнеполитической активности, непосредственно направленная на взаимодействие с неправительственными акторами.

Сегодня рассуждения о мягкой силе вышли за пределы академического сообщества и стали неотъемлемой частью политического дискурса. Бывший министр обороны США Роберт Гейтс призвал в 2007 г. правительство направлять больше средств и усилий на инструменты мягкой силы, так как защита интересов страны по всему миру не под силу исключительно военным³. Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу заявил, что Европа должна пользоваться мягкой силой, своим примером стимулируя консолидацию мировых демократий⁴. Ху Цзиньтао на XVII съезде Коммунистической партии Китая отметил необходимость «продвигать культуру как часть мягкой силы страны с целью обеспечения гарантии базовых культурных прав и интересов населения»⁵.

1

В России термин «мягкая сила», некогда заклеянный как феномен чуждый и даже опасный⁶, стремительно превращается из академического изыска в обыденное операционное понятие российских политиков. Владимир Путин призывает послов «подумать над использованием новых технологий, например, так называемой мягкой силы»⁷. Глава Россотрудничества Константин Косачев с готовностью рассказывает различным федеральным СМИ о «неоцененности мягкого актива России»⁸.

Однако, несмотря на все заявления, отход от традиционной трибунно-ракетной дипломатии не просто дается российским ор-

³ [Nye, 2011].

⁴ [President Barroso Speech, 2008].

⁵ [Wang, 2008].

⁶ См., например: [Рогозин, 2010].

⁷ [Паниев, 2012].

⁸ См., например: [Косачев: России нужны..., 2012; В мире сложилась..., 2012].

ганам, ответственным за внешнюю политику. Помимо причин, обусловленных неспособностью выстроенной системы эффективно функционировать в современных условиях (рудиментарность существующих институтов, недостатки в подготовке кадров и т.д.), необходимо отметить общую непродуктивность переноса концепта в том виде, в котором он изложен у Джозефа Ная, на российскую действительность.

Согласно Наю, мягкая сила государства основывается на трех элементах: внутриполитических ценностях (их соответствии господствующим международным нормам и ценностям), культуре страны (ее способности органично вписываться в общемировую контекст) и внешней политике.

Российские попытки играть с западными странами на поле гегемонического дискурса либеральной демократии и прав человека не ведут к желаемому результату, поэтому создание благоприятного политического образа России зачастую сводится к поискам чужих изъянов. Характерной иллюстрацией данного тренда является создание Института демократии и сотрудничества, призванного изобличать нарушения прав человека в США и Европе.

Говоря о культурном влиянии, Най прежде всего имеет в виду американскую массовую культуру. Очевидно, что популярная культура России в силу своей вторичности не обладает подобным потенциалом. В 2011 г. одним из наиболее кассовых российских фильмов в международном прокате стал «Броненосец Потемкин» Сергея Эйзенштейна, снятый в 1925 г.⁹, что не лучшим образом говорит о востребованности современной российской культурной продукции.

Большой потенциал заключен в классической составляющей культурной привлекательности России. Однако маловероятно, что активная государственная поддержка в данной области принесет серьезные дивиденды. Во-первых, русский театр и балет со времен Дягилева сами по себе являются брендами сродни «Apple» и «Coca-Cola», и их ассоциация со значительно менее привлекательным феноменом российской государственности не будет способствовать дальнейшей «капитализации» успеха. Во-вторых, возможности каждого ресурса мягкой силы имеют предел, и российская высокая культура достигла потолка популярности в силу ограниченности аудитории.

⁹ [Белавин, 2012].

В связи со всем вышесказанным хотелось бы обратить внимание на потенциал русского языка в качестве ресурса мягкой силы — аспект, часто упускаемый из виду российскими исследователями по причине их излишней увлеченности «высокой» политикой. Язык является основой культуры любой страны. В качестве универсального средства коммуникации он может служить элементом, объединяющим не только представителей титульного этноса страны, но и цивилизационно и культурно близких к нему групп населения.

2

Самым очевидным инструментом распространения языка за пределами государства являются диаспоры. Россия за последние три века пережила несколько масштабных волн эмиграции. Первые массовые эмигранты, переселенцы, покинувшие территорию Российской империи в XVIII—XIX вв., не смогли сформировать сплоченную диаспору, и сегодня сложно сказать, кто из их потомков сохранил ощущение цивилизационной связи с Россией. Основной причиной стала этническая неоднородность эмигрантов. За период дореволюционной миграции Россию покинуло в общей сложности около 4,5 млн человек, из которых лишь 500 тыс. были русские, украинцы и белорусы. Остальной массив состоял из крымских татар, калмыков, евреев, немцев и т.д. Ранняя миграция имела не идеологический, а экономический характер. В ее среде было мало представителей интеллектуальной элиты, способной стать ядром формирования гомогенных сообществ за рубежом¹⁰.

Начало зарождению «русского мира» в качестве политической единицы было положено в результате «белой» эмиграции начала XX в. Общее число человек, покинувших из-за революции родину, составило по разным подсчетам от 1,5 до 2 млн. Впервые эмиграция состояла преимущественно из этнических русских, а элитный ее характер обусловил обостренное чувство потери родины. В дальнейшем «белая» эмиграция в дальнем зарубежье получала неоднократные пополнения. В общей сложности за период с 1951 по 1991 г. из СССР выехало приблизительно 1,8 млн человек. Из этого числа — 1 млн евреев, 550 тыс. немцев, по 100 тыс. армян и греков. Максимальный отток наблюдался в конце 1980-х — начале 1990-х годов¹¹.

¹⁰ [Тишков, 2007а].

¹¹ [Там же].

Сегодня в дальнем зарубежье проживает 1,5 млн русских. Здесь речь идет исключительно об этнических русских. Число лиц, являющихся носителями культурных и цивилизационных традиций, а также в той или иной степени знающих русский язык, значительно больше. В Европе проживает около 3 млн русскоязычных людей, около 3 млн в США¹², каждый пятый гражданин Израиля говорит по-русски¹³.

Самая крупная и влиятельная российская диаспора в дальнем зарубежье находится в США. «Русские американцы» (русскоговорящие эмигранты из бывшего СССР) составляют 10% от общего числа иммигрантов, родившихся не на территории США. Средний возраст в их среде — 32,5 года¹⁴. Согласно переписи 2000 г. в США, русский являлся первым языком домашнего общения для 700 тыс. человек. Причем необходимо отметить, что собственно этнические русские составляют меньшинство из этого числа (в США только 25%). В Европе две трети говорящих по-русски — это греки, евреи, армяне, украинцы и другие иммигранты из Советского Союза¹⁵.

Однако основная причина образования российских диаспор в XX в. состояла не в переезде людей, а в переносе границ. Распад Советского Союза оставил за границами Российской Федерации более 25 млн этнических русских, оставшихся в странах СНГ. Потенциал формирования влиятельных диаспор наиболее очевиден в рамках постсоветского пространства. Особенностью этнических русских в странах ближнего зарубежья является их готовность формировать монолитные националистически настроенные сообщества. Выходцы из России традиционно стремятся раствориться и ассимилироваться в западных странах проживания. Вследствие культурных различий и национализма в русской среде подобное стремление для соотечественников, проживающих в республиках бывшего Советского Союза, является редкостью.

Население советских республик в подавляющем своем большинстве знало русский язык. В 1989 г. на русском не говорило лишь приблизительно 20 млн граждан СССР, главным образом из республик Средней Азии и Азербайджана¹⁶. После распада Союза ситуа-

¹² [Тишков, 2007б].

¹³ [Найдич, 2005].

¹⁴ Statistics // The American Association of Russian Language, Culture and Education. <<http://aarce.org/index.php/en/russian-culture-in-us/statistics>>

¹⁵ [Тишков, 2007б].

¹⁶ [Там же].

ция стала стремительно ухудшаться. В 2004 г. около 38 млн граждан стран СНГ не владели русским. Помимо стран Средней Азии, выросло и достигло 8 млн число человек, не знающих русский язык на Украине¹⁷. Исследование, проведенное в 2009 г. агентством «Евразийский монитор», выявило, что доминирующим языком русский остается только в Белоруссии: 70% респондентов в этой стране ответили, что используют русский для общения дома. В Казахстане незначительно, но превалирует процент людей, говорящих в семье на русском — 46% против 37%, использующих исключительно казахский. Во всех остальных государствах уже меньше людей говорят по-русски. А в Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Армении и Литве дома используют русский язык 1–4% респондентов¹⁸. Снижение обусловлено главным образом переводом государственно-бюрократических отношений на титульные языки и тотальным вытеснением русского из образовательного процесса как на уровне школ, так и в сфере высшего образования.

Школьное образование на русском языке сохраняется в части бывших советских республик. В Беларуси 75% учащихся получают образование на русском, Казахстане — 41, Украине — 25, Киргизии — 23, Молдове — 21, Азербайджане — 7, Грузии — 5, Армении — 2%¹⁹. Однако обстановка с высшим образованием, а в некоторых странах и со школьным, вызывает опасения. В Украине, где каждый второй считает русский родным, с момента обретения независимости количество школ с преподаванием на русском языке сократилось почти вдвое. В Туркмении были ликвидированы все русско-туркменские школы, закрыты факультеты русской филологии в университетах и педагогических училищах. В высших учебных заведениях стран Балтии полностью ликвидировано преподавание на русском²⁰.

Помимо связи с эмигрантами и их потомками, стимулом для изучения языка могут стать особые отношения между странами и положение государства в международной системе. Пик распространения русского языка был достигнут в 1990 г., когда на нем в той или иной степени говорило 350 млн человек в более чем 100 странах²¹. Распад Советского Союза положил начало падению популярности

¹⁷ [Там же].

¹⁸ [Русский язык на постсоветском пространстве..., 2009].

¹⁹ [Тишков, 2007б].

²⁰ [Доклад Министерства иностранных дел..., 2003].

²¹ [Крючкова, 2007].

изучения русского языка. В 2000 г. количество людей, знающих русский, снизилось до 320 млн²². Особенно резкий спад произошел в странах Восточной Европы. В университетах стран данного региона в конце 1980-х русский язык изучало около 1 млн человек. Сегодня на кафедрах русистики обучается менее 25 тыс. студентов. Во многих странах русский был изъят из системы школьного обучения²³.

Ситуация начала выправляться в 2000-е годы, по мере укрепления позиций России на международной арене и развития экономических и культурных связей с иностранными государствами. Первой восточноевропейской страной, вернувшей русский в систему школьного образования, стала Польша. Варшава пошла на этот шаг в ответ на интенсификацию торговли с Россией и Беларуссией²⁴. Наибольшее количество детей (около 150 тыс.) изучает русский язык в Германии — крупнейшем европейском торговом партнере России. В Германии существует ряд школ с преподаванием на русском, а также общественные организации, поддерживающие подобные инициативы, например, «Общество русскоязычных родителей и педагогов Берлина»²⁵.

Русский язык стал возвращать свои позиции на постсоветском пространстве и, что более важно, все «меньше ассоциируется с инструментом старого империалистического доминирования — образ, который мешал распространению языка в 1990-е годы»²⁶. В октябре 2011 г. в странах СНГ был проведен опрос, в ходе которого респондентам задавался вопрос, хотят ли они, чтобы их дети учили русский. Утвердительно ответили 90% жителей Азербайджана, 99,6 — Армении, 99 — Белоруссии, 97 — Киргизии, 96,8 — Грузии, 97% — Казахстана. Самый низкий показатель был зафиксирован в Молдавии — 87,2%²⁷.

Появление и распространение Интернета — еще один фактор укрепления позиций русского языка. Интернет становится все более эффективным инструментом взаимодействия для бывших соотечественников. Как пишет Роберт Сондерс, оказавшись в сети, «киберрусский представляет собой частицу огромной исторической общности из десятков миллионов людей, разбросанных от Брукли-

²² [Tishkov, 2008].

²³ [Вячеслав Никонов..., 2011].

²⁴ [Tishkov, 2008].

²⁵ [Беленчикова, 2007].

²⁶ [Tsygankov, 2006].

²⁷ [Никонов, 2011].

на до Берлина и Киева, от Прибалтики до Москвы, Владивостока, Сиднея и т.д.»²⁸. В киберпространстве постсоветских государств русский язык становится фактически *lingua franca*, представляя собой универсальное средство общения, которым в той или иной степени владеет большинство пользователей Сети в странах СНГ.

Необходимо понимать, что русский язык в глобальной перспективе никогда не станет в один ряд с английским или испанским по распространению и популярности. Среди наиболее явных ограничений — периферийное положение России относительно глобальных экономических и политических процессов, географическая локализованность русскоговорящих, сложность изучения, скромное влияние современных российских культурных практик на общемировой контекст.

Глобальная несостоятельность русского языка как эффективного ресурса мягкой силы компенсируется региональным измерением. Совокупность исторических и социоэкономических (трудовая миграция, экономическая зависимость от Москвы) факторов обуславливают значимый потенциал ресурса на постсоветском пространстве. Однако уже сейчас китайский язык занял второе после английского место среди наиболее изучаемых языков в Центральной Азии. Смена поколений и уход из активной политики людей, воспитанных в рамках советской культурной традиции, сопровождаемые увеличением присутствия ЕС и Китая в регионе, будут только расширять бездну между Россией и ближайшими соседями. Сохранение влияния в регионе зависит от способности Москвы отказаться от восприятия культурной связи между странами как трансцендентной величины и перейти от инерциального использования советского прошлого к активной капитализации существующего ресурса.

Источники

Белавин П. Броненосец «Потемкин» не тонет // Коммерсантъ. 2012. № 14 (4799).

Беленчикова Р. Русский язык в Германии // Русский язык за рубежом. 2007. № 1.

²⁸ [Сондерс, 2004].

В мире сложилась презумпция виновности России // Коммерсант. 2012. № 163/П (4948). 3 сентября.

Вячеслав Никонов о статусе русского языка в мире, 2011. <<http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0028.html>>

Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «Русский язык в мире». 2003]. <http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/B6BE784B3E2ABD1343256DF8003AC21C?OpenDocument>

Косачев: России нужны новые подходы к «мягкой силе» // Российская газета. 2012. 1 марта.

Крючкова Т.Б. Сохранит ли русский позиции мирового языка в XXI веке? // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. М.: Наука, 2007. С. 103.

Найдич Л. Новая алия сохраняет русский // Отечественные записки. 2005. № 2 (22).

Никонов В. Хранитель Русского мира // Стратегия России. 2011. № 3.

Паниев Ю. Мягкая сила Владимира Путина // Независимая газета. 2012. 10 июля.

Рогозин Д.О. Россия перед вызовом «публичной дипломатии» Запада // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 81–88.

Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространенности // Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор». 2009. С. 5–7.

Сондерс Р. Национальность: киберрусский // Россия в глобальной политике. 2004. Июль-август. № 4.

Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007а. № 7.

Тишков В. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии / Доклад на Общем собрании РАН 19 декабря 2007 г. М., 2007б.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

Nye J.S. The Future of Power. N.Y.: Public Affairs, 2011. P. IX.

President Barroso Speech: Political Foundations in Democracy Promotion, Development Cooperation and Political Dialogue // European Network of Political Foundations. Brussels. 2008. November 13. <<http://www.european-network-of-political-foundations.eu/cms/About-ENoP/President-Barroso-speech>>

Statistics // The American Association of Russian Language, Culture and Education. <<http://aarce.org/index.php/en/russian-culture-in-us/statistics>>

Tishkov V. The Russian World — Changing Meanings and Strategies // Carnegie Paper. Russia and Eurasia Program. 2008. No. 95.

Tsygankov A.P. If Not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. No. 7. November.

Wang Y. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008.

© Димитров В.В., 2014

Е. Евграфова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

Научный руководитель

Е.А. Канаев

ПЛОЩАДКИ МНОГОСТОРОННЕГО ДИАЛОГА ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

На сегодняшний день Япония признается третьей (после Сингапура и Индии) страной по активности участия в процессах региональной интеграции, если за основной критерий брать количество соглашений о зоне свободной торговли, заключенных этой страной¹. По данным Asia Regional Integration Center (Asian Development Bank) за 2013 г., число уже реализуемых соглашений насчитывает тринадцать. При этом предложено еще пять соглашений, восемь находятся на стадии переговоров.

Однако надо заметить, что Япония далеко не всегда была активной участницей процессов регионализации. Фактически такой период наступил только в конце 2000-х годов. Причин тому несколько. В первую очередь это последствия кризиса 2007–2009 гг., который привел к оживлению усилий, направленных на создание региональных экономических группировок и институтов². Не реагировать на такие события японское правительство не могло, иначе «правила игры» определялись бы без участия Японии. Поэтому стране, несмотря на отсутствие единого мнения внутри японской политической элиты, пришлось предпринимать попытки формирования своего видения интеграции, подключаться к переговорам касательно создания зон свободной торговли в АТР.

Другой фактор — это непреходящее стремление Японии сохранять лидирующие позиции в регионе при условии постоянной конкуренции с Китаем. Это злободневный вопрос, сохраняющий свою актуальность для обеих стран уже на протяжении многих лет и с каждым годом становящийся все острее.

¹ [Костюнина, 2011, с. 37].

² [Леонтьева, Швыдко, 2010, с. 33].

Помимо всего прочего, не использовать определенные преимущества, предоставляемые веком глобализации и высокой степенью взаимозависимости стран, крайне невыгодно. Оставаться на периферии необратимых процессов укрепления региональных связей не представляется возможным, если цель государства — развитие и процветание.

Исходя из этих соображений, в конце 2000-х Япония подключилась к процессам регионализации. На властном и экспертном уровне было выработано несколько концепций, как предложенных самим японским руководством, так и поддержанных им: идея Юкио Хатоямы о Восточно-Азиатском сообществе, концепция бывшего австралийского премьер-министра Кевина Радда о Азиатско-Тихоокеанском сообществе, а также идея сообщества на основе АТЭС. Вкратце рассмотрим каждую из них.

Восточно-Азиатское сообщество Ю. Хатоямы. Идея была выдвинута бывшим премьер-министром Японии Юкио Хатоямой в 2009 г. во время его электоральной кампании. Важно отметить, что изначально подобная концепция была предложена премьер-министром Малайзии Мохамадом Махатхиром в 1990 г., когда в качестве основного принципа он определил ослабление влияния США в регионе и усиление независимости региональных государств, а также продвижение региональных интересов на глобальном уровне³. В то время Япония под давлением США была вынуждена отказаться от участия в данной инициативе. Но к 2009 г. взгляды японского руководства изменились, и подобная концепция оказалась к месту. Основными принципами нового сообщества должны были стать:

- философия 友愛 («ю:-ай»), что в переводе с японского означает «содружество, братство». Для Японии это одна из первоочередных задач, так как ей по-прежнему приходится работать на то, чтобы восстановить свою репутацию после долгого периода империалистической жестокости;
- следование примеру Европейского союза: Восточно-Азиатское сообщество как инициатива, основанная на примере примирения и сотрудничества в Европе⁴. Хатояма считал, что в азиатском регионе такому примеру стоило бы последовать Японии и Китаю, главным соперникам;

³ [Junbo, 2009].

⁴ [Address by H. E. Dr. Yukio Hatoyama..., 2009].

- сотрудничество в четырех сферах: обеспечение процветания стран, борьба с экологическими проблемами, защита человеческой жизни и обеспечение безопасности и кооперации на морской территории. Однако этими четырьмя сферами сотрудничество в рамках Восточно-Азиатского сообщества не должно было ограничиваться, они выделялись лишь как основные столпы инициативы.

У этой концепции в то же время был ряд существенных недостатков. Так, например, активные попытки захватить лидерство в регионе усиливают противостояние с соседними государствами, главным образом с Китаем. Подобная «гонка» лишь замедляет процессы интеграции.

Во-вторых, не совсем ясно, как будут строиться отношения с США с учетом стремления японского руководства продемонстрировать свою самостоятельность в политических вопросах.

В-третьих, в концепции не затрагивается вопрос обеспечения безопасности, хотя он крайне важен в свете предполагаемого ослабления связей с Америкой. Отказавшись от помощи Америки, Япония окажется вынужденной перераспределять большие объемы денежных средств на оборону (в то время как сейчас этот показатель составляет не более 1%). Механизмы разрешения подобного вопроса в случае его возникновения бывший премьер-министр Японии в своей концепции не предлагал.

Наконец, спорность положения новой организации в случае успешности ее создания. В регионе на данный момент уже существует несколько подобных институтов с достаточно продолжительной историей и вполне четкой структурой. Какую нишу займет Восточно-Азиатское сообщество, также остается неясным.

В итоге идея Ю. Хатоямы, хотя она и в полной мере соответствует национальным интересам Японии, имеет ряд недостатков, из-за которых она не может стать подходящей платформой для азиатской интеграции.

Азиатско-Тихоокеанское сообщество. Попытки подыскать подходящую платформу для интеграции японская политическая элита не оставила и присоединилась к обсуждению идеи, предложенной бывшим премьер-министром Австралии Квином Раддом в 2008 г. Она довольно значительно отличалась от инициативы, предложенной Ю. Хатоямой.

Во-первых, К. Радд признавал, что у Азии свой путь развития и свои уникальные этапы интеграции, европейскую интеграцию брать за пример не стоит.

Во-вторых, Азиатско-Тихоокеанское сообщество должно было опираться на таких крупных игроков, как США, Россия и Китай, в то время как Хатояма предполагал оставаться в рамках Восточно-Азиатского региона.

В-третьих, Радд акцентировал внимание на том, что в современных условиях такие вопросы, как изменение климата, энергобезопасность, продовольственная безопасность, терроризм, требуют скоординированных действий и обобщенного подхода всех стран. АТС было призвано стать институтом, который занимался бы всеми этими проблемами комплексно.

Почему же идея не реализовалась? Главная причина в том, что в ней слишком малая и незначительная роль отводилась АСЕАН, а участие США рассматривалось как ключевой момент для поддержания региональной безопасности⁵. Такое распределение сил вызвало холодность стран — членов АСЕАН и отсутствие заинтересованности в реализации данной концепции.

Добавим к этому неизбежность соперничества за место лидера в организации, неопределенность позиции нового института относительно уже существующих организаций и неразъясненность того, каким образом будут приниматься решения при условии участия такого большого количества стран⁶. Под влиянием этих факторов концепцию К. Радда реализовать не удалось.

Сообщество АТЭС. Эта концепция является самой современной и наиболее успешной концепцией интеграции в АТР. Официально она была выдвинута на саммите АТЭС в Йокогаме, Япония в 2010 г.

Данная идея была определена как наиболее подходящая сразу после того, как лидеры пришли к выводу, что самое важное на текущий момент — это сотрудничество в сфере экономики. АТЭС же представляет собой лучшую платформу для осуществления такой цели⁷.

Согласно декларации АТЭС, принятой на 18-м саммите в 2010 г. в Японии, лидеры стран АТЭС видят это сообщество как единство трех составляющих.

1. *Экономически интегрированное сообщество, усиливающее и углубляющее экономическую интеграцию.*

⁵ Концепции содействия интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. <<http://www.inosmi.ru/world/20090610/249780.html>>

⁶ [Drysdale, 2009].

⁷ [APEC Ministers in Yokohama..., 2010].

Это предполагает дальнейшую либерализацию торговли и инвестиций, снижение торговых барьеров и упрощение процессов перемещения людей между государствами.

2. Прочное сообщество с высоким качеством роста.

Это подразумевает обеспечение сбалансированного роста, предоставление всем группам населения возможности развивать свой потенциал, защиту окружающей среды и «зеленую» экономику, а также поддержку инноваций и развитие высококвалифицированной рабочей силы.

3. Безопасное сообщество, обеспечивающее более защищенный экономический климат.

Это означает построение сообщества, где люди могут жить, не боясь бедности, голода, криминала, болезней, где они могут свободно заниматься экономической деятельностью. Также предполагает помощь государствам-членам в развитии механизмов и мер по противодействию и ликвидации последствий природных действий.

Важно отметить, что инициатива сообщества АТЭС, не имея некоторых недостатков, присущих ее предшественницам, уже завоевала поддержку бизнес-элит, так как она в принципе соответствует их интересам и способствует развитию торговли⁸.

В ней в том числе признается важность обеспечения безопасности — аспект, который не обговаривался, например, в концепции Хатоямы. Безопасность в рамках этой инициативы рассматривается как сумма продовольственной и энергобезопасности, борьбы с терроризмом, действий по предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий и проч.⁹

К тому же проблема членства стоит не так остро, как в других концепциях, в связи с тем, что шесть из десяти членов АСЕАН являются также членами АТЭС.

Кроме того, в данной концепции четко определены как направления ее развития, так и пути реализации обозначенных целей.

Несмотря на все преимущества, концепция сообщества АТЭС все же имеет некоторые недостатки. К ним можно отнести то, что решения, принятые на саммитах АТЭС, не являются обязательными для выполнения его членами (т.е. не существует «карательных» механизмов за невыполнение тех или иных постановлений), что в определенной степени замедляет и усложняет процессы реализации решений.

⁸ [Fengfeng, 2011].

⁹ [APEC Ministers in Yokohama..., 2010].

Но даже с учетом этих минусов АТЭС по-прежнему остается самой реалистичной платформой для осуществления азиатской интеграции на данном этапе, так как это организация, уже имеющая свою нишу в регионе, с полной поддержкой политических элит и бизнеса. В ее состав входят важнейшие региональные экономики, и более того, у нее уже есть набор четко сформулированных целей и инструментов их достижения. Таким образом, судя по последним тенденциям, после того как эта инициатива была принята на саммите в Йокогаме в 2010 г., она стала наиболее популярной моделью интеграции, а Япония, в свою очередь, эту концепцию также полностью одобряет.

От АТЭС к ТТП? Многие эксперты придерживаются мнения о том, что важность АТЭС для Японии на сегодняшний день высока как никогда. Перед лицом серьезного соперничества с Китаем и необходимостью интеграции в регионе именно АТЭС может помочь Японии отыскать свою нишу, считает профессор Австралийского национального университета П. Дрисдейл. Он подчеркивает, что Австралия и Япония создавали АТЭС именно как инструмент для мобилизации поддержки со стороны всех стран региона с целью продвижения определенных реформ на национальном уровне, которые в дальнейшем принесут пользу всему региону¹⁰.

Сейчас, когда США уверенно продвигают идею Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в регионе и активно вовлекают Японию в эту инициативу, стране необходимо определиться со своими приоритетами. Как известно, присоединение Японии к ТТП вызвало немало дискуссий. Стране присуща низкая заинтересованность в создании зон свободной торговли и в сферах, связанных с этим (включая таможенное регулирование, условия для частных инвестиций и проч.). И несмотря на то что сегодня Япония — одна из лидирующих стран по количеству заключенных соглашений о зоне свободной торговли, японские политическая и деловая элиты по-прежнему относятся к этой идее прохладно и даже настороженно.

Причин несколько. Так, для Японии характерно выделение приоритетных сфер хозяйствования и оказания им поддержки. Например, низкая конкурентоспособность сельского хозяйства требует проведения протекционистской политики. Но это противоречит одному из основных принципов зон свободной торговли — максимально возможному устранению преференций в промышленности.

¹⁰ [Drysdale, 2010].

Японские элиты также полагают, что заключение подобных соглашений приведет к ограничению государственного суверенитета и возможности проведения полностью самостоятельной экономической политики.

В этой же связи нужно рассмотреть и существование так называемого «железного треугольника» в Японии, который характеризуется прочными связями политиков, банкиров и бизнесменов. Сегодня система государственных закупок в стране находится в серьезной зависимости от финансовой и политической поддержки партий, фракций, политических деятелей. Выведение этого на прозрачную основу представляется трудновыполнимым.

Добавим к этому еще и то, что японские бизнесмены склонны считать, что многие существующие проблемы и препятствия имеют политический, а не юридический характер. Соответственно урегулировать их с помощью соглашений о зонах свободной торговли просто не представляется возможным.

Тем не менее сторонники присоединения Японии к ТТП руководствуются следующими доводами. Во-первых, это сложная ситуация, сложившаяся для японских экспортеров. Рост иены, сильная ценовая конкуренция, последствия событий на Фукусиме — все это ухудшает положение японских компаний. Отказ от участия в ТТП предоставил бы дополнительные возможности и преимущества на рынке этого региона другим производителям, оставляя Японию позади.

Второй фактор — усиление значимости иностранных инвестиций для японского бизнеса, как в промышленной, так и в финансовой сфере и сфере деловых услуг. ТТП может обеспечить либерализацию инвестирования, что выгодно для страны.

Более того, растет заинтересованность в усилении режима охраны интеллектуальной собственности, некотором давно назревшем преобразовании кредитно-финансовых институтов и т.д.

Отметим, что сторонники идеи — это в основном представители бизнес-элиты страны, включая финансовых гигантов, Федерацию экономических организаций, Японский совет по внешней торговле. С другой стороны, политическая элита куда менее активна. Она никогда не спешила с решением этого вопроса, стараясь лавировать между интересами различных групп. Только благодаря давлению извне, оказываемому на Японию в преддверии саммита АТЭС в Гонолулу в 2011 г., когда уже необходимо было завершить работу над текстом соглашения о ТТП, произошло некоторое про-

движение вперед. Кабинет Кана Наото официально включил в список своих приоритетов изучение возможностей присоединения Японии к ТТП. Окончательное решение должно было быть вынесено к июню 2011 г. К сожалению, этому так и не было суждено сбыться. В силу тройной трагедии, которую Япония пережила в марте 2011 г., сроки принятия решения были смещены, а правительство нового премьера Ноды в список своих целей работу над ТТП не внесло.

Однако в ноябре 2011 г. японское руководство наконец заявило о готовности Японии присоединиться к ТТП¹¹. Фактическое присоединение Японии к ТТП приведет к тому, что это объединение станет соглашением о наиболее обширной зоне свободной торговли во всем мире. Тем не менее раскол в японском обществе по поводу вступления страны в ТТП сохраняется. Как сообщает «Независимая газета», руководствующаяся данными японского информационного агентства «Киодо», 38,7% японцев выступают за эту инициативу, а 36,1% — против. Одновременно около 80% японцев посчитали, что премьер-министр Нода не дал четких объяснений, почему Японии выгодно участвовать в данной инициативе¹². В политической сфере также нет согласия по этому вопросу, мнения среди членов Демократической партии Японии разделились практически поровну.

Если настолько сильны разногласия, то почему же правительство страны все же решилось принять приглашение американской стороны? Для окончательного осознания позиции Японии по этому вопросу попытаемся понять, какой вектор региональной интеграции важнее для страны на данном этапе: Транстихоокеанский или Восточноазиатский? С одной стороны, готовность Японии поддержать ТТП должна свидетельствовать о соответствующих приоритетах государства. Однако ситуация несколько сложнее, чем может казаться на первый взгляд. Для страны крайне важен именно восточноазиатский вектор, прежде всего потому, что одним из национальных интересов Японии является укрепление своих позиций в качестве самостоятельного лидера в регионе, не находящегося в зависимости от США. Хотя Япония сегодня не может полностью отойти от сотрудничества с Америкой (хотя бы в силу того, что эта держава обеспечивает безопасность в регионе), она стремится с максимальной выгодой сократить зависимость. В то же время в

¹¹ [Премьер-министр Нода заявляет..., 2011].

¹² [Кистанов, 2011].

рамках восточноазиатского вектора регионализации предполагается участие Австралии, за счет которой представляется возможным установить баланс сил в регионе и создать эффективный противовес усиливающемуся Китаю. Этот момент становится для Японии все важнее, так как отрыв между ней и Китаем постоянно увеличивается. Китай уже обогнал Японию в размерах ВВП, сместив ее со второго после США места на третье. Растущий энергодефицит еще более осложняет ситуацию. Соперничество с Китаем в борьбе за лидерство в регионе — второй фактор, объясняющий важность именно восточноазиатского вектора для Японии. Активнее включаясь в процессы относительно закрытой регионализации, страна получает возможность прочнее закрепиться и принять участие в разработке новых стандартов развития взаимоотношений в различных сферах. Но одновременно с этим руководство страны четко осознает свое преимущество в виде многолетнего тесного сотрудничества с США. Поддержка американской инициативы (ТТП) позволяет Японии заручиться ответной поддержкой со стороны Соединенных Штатов и подтвердить свою готовность продолжать с ними эффективное сотрудничество. Даже то, что, по подсчетам японских экспертов, в год от участия в АСЕАН+6 составит рост ВВП на 1,1%, а от присоединения к ТТП — всего лишь 0,5%¹³, не является решающим фактором, так как реализация ТТП и получение от этого определенных бенефиций вероятна в гораздо более короткие сроки, чем окончательное оформление АСЕАН+6. Более того, судя по всему, японское правительство видит определенную выгоду от одновременного участия в обеих инициативах, играя роль некоего соединяющего звена между ними. Умелое лавирование — это, пожалуй, еще одна характерная черта политики, проводимой Японией.

Заключение

Процесс регионализации стран Тихоокеанской Азии стал своеобразным ответом на вызовы глобализации, подразумевавшим объединение с целью защиты собственных интересов. Стремясь обеспечить дальнейший рост и процветание своих экономик, государства данного региона осознали необходимость укрепления сотрудничества в различных сферах. Япония, в числе прочих, встала на этот же путь.

¹³ [Кистанов, 2011].

При этом отличительной чертой политики Японии на данном направлении является амбивалентность ее курса — попытка сочетать работу как на восточноазиатском, так и транстихоокеанском векторах регионализации.

Для Японии роль существующих диалоговых площадок огромна. Степень вовлеченности в текущие процессы будет обуславливать успешность Японии в интегрировании в регион и определять ее роль в нем. Именно поэтому руководство страны предпринимает всевозможные попытки для того, чтобы двигаться в соответствии с современным развитием данной дискуссии и принимать активное участие в формировании новых правил игры. Япония продолжает оказывать государствам региона посильную помощь. Один из последних примеров — намерение Токио выделить 7,4 млрд долл. с целью оказания экономической помощи пяти государствам бассейна реки Меконг (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд), а также списание долга Мьянмы в размере 3,7 млрд долл. в знак поддержки начавшихся в стране демократических преобразований¹⁴. Подобные действия страны направлены на укрепление и поддержание своего имиджа лидера региона, особенно в контексте усиления Китая и роста его заинтересованности в указанных странах.

Источники

Баклунова Т.В. Факторы активизации участия Японии в экономической интеграции в восточной Азии в 2000-е годы // Материалы междунар. науч. конф. «Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Москва, 10–11 декабря 2011 г. С. 31–34.

Кистанов В. Тихоокеанская интеграция: проблемы и дилеммы. Страны АТР ищут свое место в региональной экономике // Независимая газета. 28 ноября 2011. <http://www.ng.ru/courier/2011-11-28/10_atr.html>

Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Международные отношения. Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1.

Леонтьева Е.Л., Швыдко В.Г. Японская экономика после кризиса и смены власти // Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса / отв. ред. В.Б. Амиров, Е.А. Канаев, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

¹⁴ [Thailand to share..., 2012].

Станран Н.В. Ключевые особенности интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Материалы междунар. науч. конф. «Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Москва, 10–11 декабря 2011 г. С. 28–29.

Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Вост. лит., 2009.

Address by H. E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister OF Japan, Japan's New Commitment to Asia. Toward the Realization of an East Asian Community. 15 November 2009. Singapore. <http://www.kantei.go.jp/foreign/hatoyama/statement/200911/15singapore_e.html>

Aingguo J. Realizing the Asia Pacific: geographical, institutional, and leadership challenges // East Asia Forum. June 2009. <<http://www.eastasiaforum.org/2009/07/28/realizing-the-asia-pacific-community-geographic-institutional-and-leadership-challenges/>>

APEC Cooperation Yes — FTAAP Not Right Now // Jakarta Updates. November 2010. <<http://www.jakartaupdates.com/540-11/apec-cooperation-yes-%E2%80%93-ftaap-not-right-now>>

APEC Leaders Declaration: “The Yokohama Vision — Bogor and Beyond” // The White House. Statements and Releases. November 2010. <<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/11/13/apec-leaders-declaration-yokohama-vision-bogor-and-beyond>>

Dent C.M. East Asia Regionalism. N.Y.: Routledge, 2008.

Drysdale P. What can Japan do with APEC? // East Asia Forum. November 12, 2010. <<http://www.eastasiaforum.org/2010/11/12/what-can-japan-do-with-apec/>>

Drysdale P. What Prime Minister Rudd's Asia Pacific Community conference delivered // East Asia Forum. December 2009. <<http://www.eastasiaforum.org/2009/12/07/special-editorial-what-prime-minister-rudds-asia-pacific-community-conference-delivered/>>

Fengfeng W. Business community looks to APEC to facilitate trade // Xinhua news. November 2011. <http://news.xinhuanet.com/english2010/business/2011-11/12/c_131242822.htm>

Junbo J. Why an East Asian Community matters // Asia Times. October 2009. <<http://www.atimes.com/atimes/China/KJ22Ad03.html>>

Mulgan A.G. Is there a “Japanese” concept of an East Asian Community? // East Asian Forum. November 2009. <<http://www.eastasiaforum.org/2009/11/06/blurred-vision-is-there-a-japanese-concept-of-an-east-asia-community/>>

Parameswaran P. Hatoyama’s East Asia Community. Asia Eye, The Official Blog of the Project 2049 Institute. October 2009. <<http://blog.project2049.net/2009/10/hatoyamas-east-asia-community.html>>

Shirashi T. Japan-US ties crucial for East Asia Community // East Asia Forum. November 2009. <<http://www.eastasiaforum.org/2009/11/10/japan-u-s-ties-crucial-for-east-asia-community/>>

Thailand to share Japan Mekong aid // Bangkok Post. April 21, 2012. <http://www.bangkokpost.com/breakingnews/289818/thailand-to-share-japan-mekong-aid>

野田首相、ＴＰＰ交渉参加の方針表明 (Премьер-министр Нода заявляет об участии Японии в переговорах по ТТП) // Асахи Симбун. 11 ноября 2011. <<http://www.asahi.com/special/minshu/TKY201111110508.html>>

© Евграфова Е., 2014

А.С. Пятчкова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
П.М. Мозиас

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СИНЬЦЗЯН- УЙГУРСКОМ И ТИБЕТСКОМ АВТОНОМНЫХ РАЙОНАХ КНР

Введение

Экономическое развитие государства во многом зависит от внутривнутриполитической стабильности. По этой причине решение национального вопроса в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах КНР является одним из ключевых факторов развития этих территорий и страны в целом (хотя и не единственным).

Объектом данного исследования являются националистические настроения в Китае, предметом — социально-экономические проблемы как один из факторов этнической напряженности в национальных автономиях Китая. Цель исследования — выявить проблемы и перспективы развития национального вопроса в КНР с учетом социально-экономической обстановки в регионе.

Исследованием национализма в отношении китайских провинций Тибета и Синьцзяна активно занимаются как китайские, так и зарубежные авторы. Однако представляется, что взаимосвязь социально-экономического развития и обострения национальных конфликтов в КНР в исследованиях прослеживается довольно редко. Особенностью данной работы является то, что проблемы социально-экономического развития крупнейших автономий КНР и национализма изучаются в комплексе, что позволяет составить более полное впечатление о ситуации в рассматриваемых автономных районах КНР.

1. Предпосылки появления национального вопроса в СУАР и Тибете

1.1. Национализм и его причины

Термин «национализм» возник в XIX в., однако особую актуальность национальные вопросы начали приобретать с начала 1980-х годов.

Национализм — это чувство принадлежности к той ли иной нации¹. Истоки национализма кроются в изначально враждебном и настороженном отношении представителей одной нации к другой. Эволюция национализма тесно переплетена с развитием культуры, хотя зачастую причинно-следственная связь между различными факторами трудноопределима².

Идеология национализма основывается на положении, что мир состоит из различных конкурирующих наций. Кроме того, националистические идеи часто предполагают, что объединение нации внутри одного государства должно нивелировать возникающие внутри государства противоречия.

Считается, что основой национализма является определенная социокультурная среда. Упадок в экономике и безработица способствуют радикализации общества. Это служит почвой для возникновения озлобленности и формирования образа врага (коим в данном случае оказывается представитель другой национальности), на которого возлагается ответственность за все нежелательные явления. Влиянию националистов наиболее подвержены беднейшие слои населения, а также молодежь и переселенцы из сельских территорий.

Поскольку социально-экономический фактор, наряду с другими, влияет на степень радикализации общества, важно проследить, как менялась социально-экономическая ситуация в СУАР и ТАР и как это отражалось на националистической борьбе.

1.2. Специфика национализма в КНР

Китайский национализм следует рассматривать на двух уровнях: на государственном и на уровне национальных автономий.

¹ [Kellas, 1994, p. 102].

² [Селищев, 2004].

В основе государственного национализма КНР лежит «ориентация на построение и укрепление единой нации как политического (гражданского) образования»³.

Второй аспект более сложен. Обычно по отношению ко всему населению Китая используется термин «китайцы», который противопоставляется понятию «ханьцы», характеризующему так называемое основное население Китая. При этом в последнее время наблюдается тенденция к постепенному увеличению численности национальных меньшинств в процентном отношении ко всему населению⁴.

Как правило, китайские правители последовательно проводили политику ассимиляции национальных меньшинств и стремились контролировать территории, на которых они проживают. Исторически сложилось так, что национальные меньшинства не могли обрести высокий социальный статус. Экономические реформы часто лишь углубляли этническую стратификацию. Китайские лидеры всегда настаивали на том, что китайская нация едина, и сепаратистские настроения резко пресекались. КПК формально признавала право наций на самоопределение, но оно трактовалось как приобретение автономии внутри единого Китая⁵.

Говоря о специфике рассматриваемых регионов, стоит отметить, что в СУАР, в отличие от ТАР, местное население по количеству значительно уступает ханьцам, в то время как в Тибете коренное население составляет свыше 90%. Еще одним очевидным различием является принадлежность коренного населения СУАР и ТАР к разным религиям: исламу и буддизму соответственно, что во многом определяет их разную жизненную философию, язык, культуру, видение мира и самоидентификацию.

1.3. Социально-экономические условия освоения западных провинций в КНР

Обострение сепаратистских настроений связано с дисбалансом в развитии различных регионов Китая (рис. 1, 2). Учитывая, что западные провинции наименее развиты, проводимая по отношению к национальным меньшинствам политика приобретает особое значение.

³ [Москалев, 2002, с. 126].

⁴ National Bureau of Statistics of China. <<http://www.stats.gov.cn/was40/reldetail.jsp?docid=402722253>>

⁵ [Hyet, 2006, p. 77].

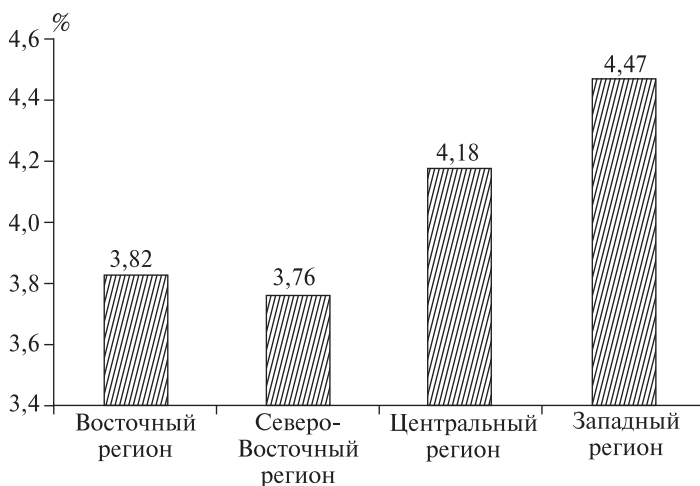

Рис. 1. Различия Восточного, Северо-Восточного, Центрального и Западного регионов

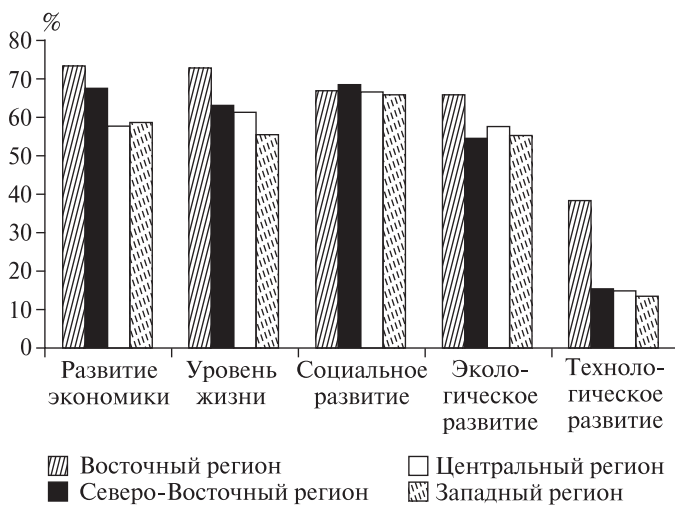

Рис. 2. Различия четырех основных регионов КНР (Восточного, Северо-Восточного, Центрального и Западного) по уровню развития экономики, уровню жизни, социальному, экологическому и технологическому развитию

Стартовавшая в 1999 г. программа развития западных провинций стала основной стратегией развития западных регионов Китая. Она была принята в соответствии с другими мерами китайского руководства, направленными на борьбу с дефляцией. Основной задачей этой программы было решение проблемы внутреннего спроса, а также освоение ресурсов за счет инвестирования в инфраструктуру, развития приоритетных отраслей промышленности, создания экономических кластеров (зон).

Таким образом, материалы первой главы свидетельствуют о том, что урегулирование социально-экономических проблем не приводит напрямую к решению национального вопроса, а их наличие затрудняет налаживание политического диалога между центральным руководством и представителями национальных меньшинств. В следующей главе проследим, как общий тренд отражается в каждом из двух рассматриваемых регионов.

2. Развитие национального вопроса в СУАР на фоне социально-экономических преобразований в регионе

2.1. Предпринимаемые меры в отношении Синьцзяна в период «большого скачка» и «культурной революции»

В 1950–1970-е годы КНР проводила в СУАР политику стимулирования экономического роста, в связи с чем в Синьцзян в массовом порядке направляли молодых специалистов, как правило, ханьцев по национальности, что привело к размыванию национального состава населения. Некоторые меры, такие как коллективизация, имели крайне негативное влияние на развитие региона.

Синьцзян сильно пострадал в годы «культурной революции»: проводились репрессии против мусульманского духовенства, со стороны китайского правительства поступали требования о закрытии мечетей, запрете мусульманских праздников и изучения Корана. В результате начались массовые вооруженные восстания, и итогом «культурной революции» было ухудшение межнациональных отношений.

С конца 1970-х годов Китай начал осуществлять политику реформ и открытости, что способствовало быстрому экономическому росту СУАР, и этот курс был продолжен и развит в 1980–1990-е годы.

2.2. Синьцзян в период 1980-х — начала 1990-х годов

В 1980-е годы произошло усиление сепаратистских настроений, отчасти связанное с тем, что во всем мире произошло возрождение исламизма. Распад СССР также способствовал усилению сепаратизма. Кроме того, в этот период начали активно действовать различные экстремистские организации, задачей которых провозглашалось создание независимого государства «Уйгур-стан». Отмечается, что уже с 1992 г. через территорию Восточного Туркестана в Синьцзян-Уйгурский автономный район попадала литература националистического толка. Кроме того, из Саудовской Аравии и Турции поступали не только денежные средства, но и оружие. Начиная со второй половины 1990-х годов наиболее активную деятельность развернули две группировки, действовавшие в центрально-азиатских республиках, — «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), в ряды которых все чаще стали вступать уйгуры.

2.3. Влияние политики освоения западных регионов на социально-экономическую ситуацию в СУАР

В 2000-е годы в Китае проводилась особая политика в отношении развития западных провинций Китая. В синьцзянской экономике происходит ускорение процессов индустриализации и урбанизации, улучшение региональной экономической структуры. Важной вехой в развитии региона является создание экономических поясов/зон. Кроме того, заметно улучшение инфраструктуры региона⁶. Особое значение для СУАР имеет эффективное освоение природных ресурсов, поскольку СУАР обладает большими запасами нефти, угля и газа.

Одной из самых актуальных проблем в Синьцзяне является опустынивание земель и нехватка воды. В регионе были построены крупные гидротехнические объекты, проводятся работы по озеленению территории (Green Great Wall)⁷.

В связи с проведением преобразований увеличилась открытость Синьцзяна, что проявилось в активном налаживании экономических контактов с зарубежными партнерами⁸.

⁶ [Hyar, 2006, p. 77].

⁷ [Becquelin, 2004, p. 366].

⁸ [Ibid.].

Поскольку различные районы Синьцзяна развиты неравномерно, китайское правительство предпринимает меры для сбалансирования развития региона. Также проводится политика, направленная на улучшение уровня жизни населения (рис. 3)⁹.

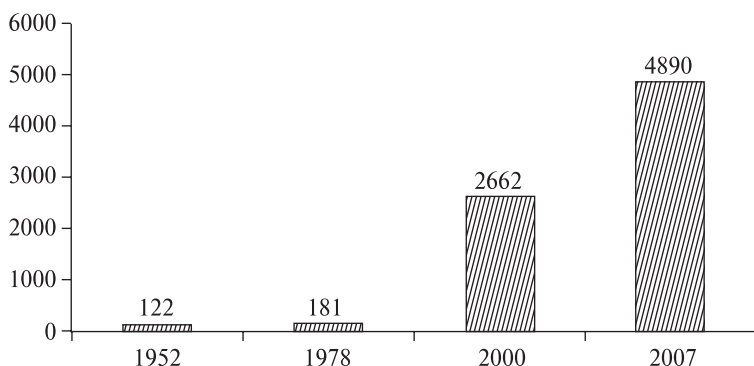

Рис. 3. Средний уровень потребления на одного сельского и городского жителя в Синьцзяне (единица: юань)

Однако, несмотря на очевидные достижения, остается и ряд проблем. Кризис значительно повлиял на экономику Синьцзяна, и ее постепенное восстановление началось лишь с июня 2009 г. Около 80% ВВП Синьцзяна приходится на отрасли тяжелой промышленности¹⁰. Уровень поступления прямых иностранных инвестиций по-прежнему остается самым низким в КНР¹¹. Недовольство уйгуров вызывает и проводимая КНР политика рождаемости¹².

Инвестирование в СУАР стимулирует не только социально-экономическое развитие автономии, но и миграцию представителей ханьской национальности в регион (поскольку именно среди ханьцев, как правило, находят нужных специалистов и инвесторов). По этой причине социальное и экономическое развитие в Синьцзяне часто ассоциируется с «ханьским вмешательством», поэтому все нововведения не получают достаточной поддержки среди местного населения.

⁹ [Becquelin, 2004, p. 366].

¹⁰ National Bureau of Statistics of China. <http://www.stats.gov.cn/was40/gjtjj_detail.jsp?searchword=%D0%C2%BD%AE&channelid=6697&record=108>

¹¹ [Becquelin, 2004, p. 362].

¹² [Ibid.].

На данном этапе можно наблюдать тренд к усилению сплоченности экстремистских организаций в регионе, а также повышению скоординированности их действий. В то же время столкновения стали менее масштабными, чем раньше, что свидетельствует об эффективности мер социально-экономической политики Китая.

3. Национальный вопрос в Тибете в процессе социально-экономических изменений в регионе

3.1. Предпринимаемые меры в отношении Тибета в период «большого скачка» и «культурной революции»

Тибет долгое время находился на феодальной стадии развития, производство было развито очень слабо. Несмотря на то что на территории найдены значительные запасы угля, нефти, калийных руд, они практически не разработаны. Неразвитость инфраструктуры осложняет коммуникации не только внутри региона, но и за его пределами. Политика, проводимая китайским руководством в отношении Тибета, часто оказывалась неэффективной и приводила к социальным катастрофам, в том числе голоду (1961–1964 гг. и 1968–1973 гг.). В 1965 г. состоялась первая сессия собрания Народных представителей Тибета, и на нем Тибет был провозглашен автономным районом Китая. Затем последовали годы «культурной революции», когда Тибет был в значительной степени разрушен. С 1979 г. правительство начало проводить более либеральный курс в политике, что положительно сказалось на экономической ситуации в регионе.

3.2. Тибет в период 1980-х — начала 1990-х годов

Несмотря на то что проводимые с 1980-х годов экономические реформы позволили повысить уровень жизни населения, экономика Тибета в целом до сих пор в значительной степени зависит от дотаций из центра. Считается, что основная доля расходов, формирующаяся из приходящих из центра дотаций, уходила на содержание китайских переселенцев и персонала, а не местных жителей. Отмечается, что в конце 1970-х годов и начале 1980-х дотация на городского жителя в среднем составляла 128 долл., в то время как на сельского приходилось лишь 4,5 долл. В городах же, как известно,

большую часть населения составляли китайские переселенцы (как и в СУАР). Таким образом, получалось, что значительную часть китайских субсидий получали ханьцы. Та же система касается и здравоохранения¹³.

3.3. Влияние политики освоения западных регионов на социально-экономическую ситуацию в Тибете

Главное направление политики в отношении Тибета — развитие экономики и обеспечение стабильности региона, причем показатели прироста ВВП в регионе являются одними из самых высоких по стране. Однако он продолжает оставаться одним из самых отсталых регионов с огромными диспропорциями.

В Тибете отмечается развитие инфраструктуры, однако многие отдаленные районы все еще сталкиваются с проблемой нехватки общественного транспорта. К достижениям китайского правительства стоит отнести то, что после присоединения Тибета значительно увеличилась продолжительность жизни населения — с 36 до 67 лет¹⁴.

В регионе до сих пор довольно остро стоит проблема нехватки энергоресурсов и неэффективности их использования, поэтому правительство уделяет особое внимание развитию энергетики и проводит электрификацию регионов.

Наличие экономических и социальных проблем и противоречий время от времени приводит к конфликтам. Безусловно, один из самых известных произошел перед Олимпиадой в Пекине в 2008 г., однако и сейчас ситуация остается сложной.

Таким образом, мы видим, что факторы национализма в Тибете сопоставимы с проблемами, существующими в Синьцзяне. Для создания объективной картины кажется необходимым отметить усилия Китая в рамках международного сотрудничества, поскольку и Синьцзян, и Тибет находятся на границе КНР.

4. Роль ШОС в решении социальных проблем СУАР и Тибета

Образование независимых государств в Центральной Азии оказало влияние на проблему сепаратизма, в частности, за счет су-

¹³ [Becquelin, 2004, p. 362].

¹⁴ [От скотоводства..., 2010].

ществования связей между уйгурскими сепаратистами и представителями этой национальности в странах ЦА. Поэтому проблема сепаратизма выведена КНР на уровень международного сотрудничества.

Китайское руководство использовало ряд мер для ограничения возможностей сотрудничества радикальных уйгурских организаций с их коллегами за рубежом. Китай также обеспечил себе поддержку центрально-азиатских стран в борьбе с уйгурским сепаратизмом (наиболее тесное взаимодействие было налажено с Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, где уйгурские диаспоры довольно сильны).

В 1996 г. по инициативе Китая на обсуждение «Шанхайской пятерки» был вынесен «уйгурский вопрос»¹⁵.

В 2002 г. в структуре ШОС появилась Региональная анти-террористическая структура (РАТС)¹⁶. На Саммите в 2006 г. были утверждены такие основополагающие документы, как «Программа сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007—2009 гг.» и др.

Как упоминалось выше, социально-экономический фактор часто служит катализатором сепаратистских настроений. По этой причине ШОС развивает сотрудничество и в экономической сфере, хотя оно часто осложняется несогласованностью позиций стран, обусловленной разницей интересов.

Заключение

В данной работе была дана характеристика специфике национализма и национальной политики в Китае, а также социально-экономическому развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района и Тибета.

Социально-экономическое развитие влияет на обострение националистических тенденций в Китае. Именно поэтому успешное проведение политики в отношении западных провинций видится как ключ к решению проблемы национализма в регионе.

Кроме того, важно проводить политику, направленную на сохранение ценностей языка и культуры, в то же время сочетая ее с национальным развитием в рамках единого государства с общей историей и судьбой.

¹⁵ [Шанхайская Конвенция, 2005]. <<http://web1.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168301&subID=100064359,100064384>>

¹⁶ [Там же].

Безусловно, нельзя думать, что решение национального вопроса сводится только к стабилизации социально-экономической ситуации, однако по крайней мере это может ослабить противоречия, порождаемые неравенством статуса и возможностей представителей ханьской и неханьских национальностей. Повышение уровня жизни и образования, нормализация отношений с приграничными государствами способствуют гармонизации отношений между различными народами, но необходимы также меры, оказывающие воздействие на идеологическом, психологическом и других уровнях. В то же время усиление национализма в отдельных регионах мира и возрастающее влияние глобализации и регионализации на мировые процессы открывают новые возможности для изучения этнических конфликтов и нахождения способов их урегулирования.

Источники

Бондаренко А.В. Перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI века. <<http://www.ifes-ras.ru/old/aspirant/Bondarenko-avtoref.pdf>>

Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 205.

Ван Чэнь. Знания о Тибете. Хрестоматия (西藏知识干部读本). Пекин, 2010.

Гусейнов Н. Проблема уйгурского национального движения в векторе отношений КНР с центрально-азиатскими странами // Туркист. 10 июня 2011. <<http://www.turkist.org/2011/06/nikolai-huseinov-uigur-east-turkestan.html>>

Лэй Чжэньян. Политика помощи в ускорении социально-экономического развития в национальных автономиях (帮助民族地区加快经济社会发展政策述评) // Миньцзу Яньцзю. 2010. № 4.

Москалев А.А. Доктрина китайской нации // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5.

От скотоводства до новейших технологий: две стороны Тибета // РИА Новости. 21 ноября 2010. <<http://news.mail.ru/society/4817346/>>

Развитие и прогресс Синьцзяна // Агентство ТЯНЬШАНЬ-НЕТ. 9 февраля 2010. <http://russian.xjts.cn/content/2010-02/09/content_4781248_3.htm>

Селищев А.С. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004.

Соколов К.Н. ШОС и формирование правовой базы для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // ИнфоШос. 27 марта 2007. <<http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20>>

Сун Синьвэй. Эволюция национализма в Китае (民族主义在中国的嬗变). Пекин, 2010.

Тянь Сюэюань, Чжоу Липин. Народонаселение Китая. Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2004.

Шанхайская Конвенция «О борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом» // Юридическая Россия. 2005. <<http://web1.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168301&subID=100064359,100064384>>

Becquelin N. Staged Development in Xinjiang // The China Quarterly. 2004. No. 178.

Clarke M. Xinjiang and China's Relations with Central Asia, 1991–2001: Across the “Domestic-Foreign Frontier” // Asian Ethnicity. 2003. Vol. 4. No. 2.

Clarke M. China's Internal Security Dilemma and the “Great Western Development”: The Dynamics of Integration, Ethnic Nationalism and Terrorism in Xinjiang // Asian Studies Review. 2007. Vol. 31. No. 3.

Hyer E. China's policy towards Uighur nationalism // Journal of Muslim Minority Affairs. 2006. Vol. 26. No. 1.

Kellas K.G. Nationalism and Ethnic Conflict: the Contribution of Political Science to Political Accommodation // Studies in East European Thought. Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1994.

Kurlantzick J. The Unsettled West: China's Long War on Xinjiang // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. No. 4.

National Bureau of Statistics of China. <http://www.stats.gov.cn/was40/gtjj_outline.jsp>

© Пятачкова А.С., 2014

Д.В. Шуваева

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
И.А. Макаров

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ПРЕСНОЙ ВОДОЙ В РЕШЕНИИ МИРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИЦИТА ВОДЫ

Введение

В настоящее время одним из факторов, определяющих направление глобального развития, является все нарастающий дефицит воды. Сегодня нередко говорят о «войнах за воду», которые в XXI в. придут на смену войнам за землю и нефть. При сохранении существующих тенденций водопотребления рано или поздно они могут стать реальностью.

В условиях нехватки воды необходимо обеспечивать население и экономику дефицитным ресурсом. Существует множество способов для того, чтобы если не ликвидировать, то по крайней мере смягчить дефицит воды, однако, по существу, ни один из них не может дать кардинального решения проблемы.

Одно из предлагаемых в настоящее время решений — международная торговля водой, как непосредственно физической, так и виртуальной¹. Являясь самым очевидным способом восполнения нехватки сырья, торговля водой имеет ряд преимуществ. В то же время в современных условиях продвижение такой торговли сталкивается с серьезными и разноплановыми препятствиями, которые порой ставят под вопрос перспективы ее более или менее масштабного применения.

1. Общая характеристика водного кризиса в мире

На сегодняшний день более 1 млрд человек испытывают дефицит воды², и прогнозы экспертов весьма неутешительны. При

¹ Виртуальная вода — вода, необходимая для производства того или иного товара.

² Данные по: [Данилов-Данильян, 2008б, с. 45].

сохранении темпов роста потребления последнее может превысить доступные объемы воды уже к 2030 г.³

Наибольший дефицит воды испытывают засушливые регионы планеты — пустынная Африка, Средняя Азия, т.е. преимущественно развивающиеся страны. На современном этапе кризис обуславливается не столько исходными природными показателями, сколько индикаторами потребления воды и управления водными ресурсами.

Потребление воды определяется экономическими и демографическими факторами. Рост населения увеличивает спрос на воду, потребление воды меняется в связи с процессами урбанизации и изменением уровня дохода. Рост населения неизбежно ведет к увеличению спроса на воду, причем темпы роста потребления воды выше, чем рост населения. При этом все более и более дефицитным ресурсом становится вода приемлемого качества.

Однако основное потребление воды приходится на нужды экономики. В среднем по миру до 70% воды используется в сельском хозяйстве, 22% — в промышленности и всего 8% приходится на бытовое использование.

Превышение допустимого забора воды в прошлом и все увеличивающееся потребление воды растущей экономикой сегодня являются одними из основных причин возникновения и обострения водного кризиса.

С экономическими причинами возникновения водного кризиса тесно связаны причины экологические: объем загрязненных вод составляет до 17 тыс. км³, что составляет почти половину доступной пресной воды⁴, неэффективное управление водными ресурсами также неминуемо ведет к их деградации. Именно антропогенное воздействие представляется основным фактором нарастания водного кризиса, так как влияет и на количественные показатели доступного объема воды, и на качественные⁵.

Водная проблема требует обязательного и скорого решения, и она уже давно входит в международную повестку дня. Естественно, «необходимым условием решения проблемы дефицита пресной воды является экологизация производства и потребления»⁶. Однако это процесс противоречивый и длительный, так как он подразуме-

³ [Данилов-Данильян, 2009, с. 13].

⁴ [Данилов-Данильян, Лосев, 2006, с. 44].

⁵ [Данилов-Данильян, 2008б, с. 48].

⁶ [Там же, с. 50].

вает перестройку как экономических систем, так и потребительских привычек. На первом этапе необходимо разрабатывать схемы уменьшения дефицита уже существующего.

Одним из рыночных механизмов, позволяющих ослабить водный кризис, является торговля. Опыт торговли другими ресурсами показывает, что это эффективный механизм решения проблемы нехватки того или иного ресурса. Поэтому и торговля водой представляется логичным решением. Она раскрывается в двух различных аспектах: торговле физической, или «реальной» водой, и торговле водоемкой продукцией, или водой «виртуальной».

2. Международная торговля физической пресной водой

Торговля является эффективным механизмом перераспределения. Однако вода отличается от остальных природных ресурсов: у нее есть ряд отличительных свойств, ограничивающих возможности торговли ею. Сообразуясь с этими уникальными особенностями воды, можно условно разделить всю торговлю водой на несколько видов.

Во-первых, соответственно показателям качества воды торговлю водой следует разделить на торговлю водой питьевой и торговлю водой для потребностей экономики (в эту же категорию можно отнести торговлю водой для коммунальных нужд, так как объемы необходимой воды ближе к объемам, необходимым для производства).

Другой, не менее важный фактор, — это возможность доставки воды. Несмотря на свою мобильность, вода как ресурс для торговли сложна для транспортировки. Существует несколько способов доставки воды, причем применимость того или иного способа зависит от конкретных условий: необходимого качества торгуемой воды, расстояния от поставщика до покупателя, объема поставок.

2.1. Механизмы торговли физической пресной водой

Наиболее эффективными методами транспортировки являются строительство трубопроводов, каналов, а также перевозка воды в танкерах.

Различного рода трубопроводы и каналы достаточно распространены, однако все имеют естественные ограничители: водоводы

и каналы рентабельны лишь на относительно небольших расстояниях, в рамках «своего» бассейна. Помимо огромных капитальных затрат, подобные проекты могут быть сопряжены с экологическими рисками. Поэтому существует лишь несколько действующих примеров использования водоводов (Великая рукотворная река в Ливии, водовод между Сингапуром и Малайзией) и крупных каналов (переброска воды из р. Янцзы в Китае).

Еще один способ транспортировки воды — перевозка в танкерах. Данный способ используется весьма ограниченно. Это объясняется относительно небольшими объемами возможных поставок, а также высокими издержками, связанными с техническим обеспечением и обслуживанием танкеров и высоким риском загрязнения. Тем не менее перевозка воды в танкерах является идеальным решением в случае экстренных ситуаций.

Таким образом, торговля физической водой не может считаться универсальным способом решения проблемы водного дефицита, хотя и может являться решением локальных проблем, обеспечивая эффективное перераспределение водных ресурсов.

2.2. Ограничения развития международной торговли физической пресной водой

Несмотря на технологическую сложность и малую рентабельность проектов, неправильно было бы объяснять слабое развитие торговли физической водой только лишь техническими трудностями и высокими издержками. Торговля физической водой ограничена еще политическими и экологическими факторами.

Проблема нехватки воды является глобальной, что подразумевает не только первостепенную важность ее решения, но и необходимость объединения усилий для ее решения. В то же время полное политическое согласие между всеми государствами представляется маловероятным.

К этому аспекту примыкает проблема, состоящая в том, что поставки физической воды являются мощным инструментом влияния и политического давления. В результате стране-импортеру приходится учитывать возможные политические последствия, что поднимает проблему водообеспеченности и торговых отношений по поводу воды до уровня вопроса национальной безопасности, поскольку затрагивает проблему обеспечения важнейшим элементом жизнедеятельности.

Еще один важный фактор торговли физической водой — экологический. С данной точки зрения, главная проблема здесь — значительная экологическая неопределенность⁷. Перемещение крупных объемов воды неизбежно ведет к неприятным экологическим последствиям.

Торговля водой затрагивает еще один аспект, который условно можно назвать «проблемой развития». Импорт воды является самым очевидным и в определенном смысле самым простым решением проблемы ее нехватки. Развитие водосберегающих технологий требует не только долгосрочных инвестиций, но определенного начального уровня технологий, а также развития культуры сбережения воды и наличия соответствующих юридических норм, в то время как на рынке воду можно просто купить. В этом смысле импорт физической воды представляет собой некий аналог экстенсивного пути развития: «развитие» происходит за счет расширения потребления ресурса — в данном случае, поиска новых источников воды. А экстенсивный путь развития неизбежно приводит к пределу роста⁸. В связи с этим торговля физической водой является менее перспективным методом решения проблемы дефицита воды по сравнению с путями развития за счет интенсивных факторов (например, водосберегающих технологий).

3. Международная торговля виртуальной водой

Сегодня одним из способов решения проблемы глобального дефицита воды называют торговлю виртуальной водой.

Виртуальная вода отражает объем воды, необходимый для производства того или иного товара. Можно разделить все товары с точки зрения водоемкости, определив их значимость в контексте торговли виртуальной водой: сельскохозяйственная продукция имеет значительный перевес по потреблению воды, именно поэтому вопросы торговли виртуальной водой касаются прежде всего торговли продовольственными товарами⁹.

Суть торговли виртуальной водой на мировом уровне схожа с концепцией глобального разделения труда: «концентрация про-

⁷ [Данилов-Данильян, 2008а, с.157].

⁸ [Данилов-Данильян, 2008б, с. 49].

⁹ Также весьма водоемки энергетика и химическая промышленность.

изводства водоемких продовольственных культур и технологий с низкой производительностью воды в странах, богатых водными ресурсами, одновременное превращение стран с нехваткой воды в импортеров продовольствия и производителей менее водоемких культур»¹⁰. Импорт виртуальной воды, таким образом, не только сберегает воду страны-импортера, но и позволяет перераспределить имеющиеся ресурсы в пользу менее водоемких производств, увеличивая тем самым общий объем производства, и предполагает экономический рост без увеличения потребления дефицитного ресурса.

Несмотря на кажущуюся стройность теории, можно выявить множество противоречий данной концепции.

В первую очередь необходимо отметить, что связь между имеющимися водными ресурсами и импортом виртуальной воды неоднозначна: выделяется некий пороговый показатель в 1500 м³ в год на душу населения¹¹, выше которого прямой зависимости между импортом водоемкой продукции и водными ресурсами нет.

Другой важный момент — относительная обеспеченность страны ресурсами и факторами производства. Важнейшими переменными при выборе того или иного типа обеспечения продовольствием, помимо водообеспеченности, являются площадь пахотных земель, уровень развития человеческого капитала и технологий, наличие свободной рабочей силы, энергетических ресурсов и свободного капитала. Поэтому только определенное сочетание факторов производства позволяет в теории отнести страну к числу потенциальных импортеров или экспортеров виртуальной воды.

3.1. Перспективы и ограничители развития международной торговли виртуальной водой

Торговля виртуальной водой — несомненно, перспективный метод эффективного распределения водных ресурсов на мировом уровне. Тем не менее глобального рынка виртуальной воды не существует, что обусловлено в значительной мере внешними ограничителями развития данного сектора.

Вопрос продовольственной безопасности — один из важнейших факторов ограничения распространения торговли виртуальной водой в глобальном масштабе, так как почти полный отказ от про-

¹⁰ [Roth, Warner, 2008, p. 257].

¹¹ [Yang, Zehnder, 2007, p. 2].

изводства водоемкой продукции и следующая из этого зависимость от импорта продовольствия на определенном этапе перерастает в экономическую и политическую зависимость, что нежелательно для любого суверенного государства.

Однако в случае сильного дефицита пресной воды государства вынуждены прибегать к импорту. При этом импорт виртуальной воды имеет неоспоримое преимущество перед импортом воды физической, так как он не предполагает капитальных затрат. Кроме того, импорт виртуальной воды намного легче диверсифицировать, что также снижает риск политической и экономической зависимости от иностранного поставщика.

Еще одно препятствие активному развитию рынка виртуальной воды — фактор внутриэкономический: негативное воздействие импорта сельскохозяйственной продукции на отечественного производителя.

Однако наиболее острая проблема в контексте ограниченности развития торговли виртуальной водой заключается в сложившейся системе разделения труда. Принимая в расчет исключительно концепцию виртуальной воды, каждое государство должно принять решение о переходе на импорт водоемких товаров или, наоборот, об усиленном производстве сельскохозяйственной продукции в зависимости от обеспеченности водными ресурсами, и это позволит уменьшить глобальный дефицит воды. Однако для реализации концепции необходима значительная перестройка существующей системы международного разделения труда, а также перестройка национальных экономик в соответствии с новыми требованиями этой сложившейся системы. Но такие кардинальные изменения представляются весьма утопичными. Это прежде всего связано с тем, что дефицит воды во многом приходится на страны развивающиеся, в которых сельское хозяйство составляет значительную часть внутреннего производства и для которых резкий переход к менее водоемкому производству затруднителен ввиду технологического отставания. Для стран же, обладающих значительными запасами воды, смягчение глобального дефицита воды не является достаточным стимулом для изменения структуры своей экономики.

На практике большая часть потоков виртуальной воды идет опосредованно между странами, богатыми водными ресурсами, или распределяется по причинам, не связанным с водными проблемами. Соответственно с помощью торговли виртуальной водой до-

стигнуть наиболее эффективного распределения водных ресурсов в глобальном масштабе проблематично.

Выводы

В настоящее время разрабатывается целый ряд способов борьбы с дефицитом воды, одним из которых является торговля водой.

Торговля физической водой весьма затруднительна ввиду технологических и экономических ограничений. Можно выделить также и другие недостатки: политические и экологические. Тем не менее неверно было бы окончательно отвергать торговлю физической водой. Импорт воды может быть оправдан в условиях форс-мажорных обстоятельств, например, в случае природной катастрофы или засушливого сезона, а также для решения локальных и региональных задач.

Более перспективным решением представляется развитие торговли виртуальной водой. Однако, несмотря на экономическую эффективность, ее полное практическое воплощение представляется труднодостижимым. Тем не менее в целом международная торговля виртуальной водой, очевидно, будет развиваться, хотя и не до конца понятно, насколько широко; соответственно и ее роль в решении глобального дефицита воды, скорее всего, останется ограниченной: импорт водоемкой продукции станет составным элементом политики государства по преодолению дефицита воды. При этом необходимо учитывать, что на глобальном уровне торговля виртуальной водой не является решением проблемы дефицита воды, это лишь механизм перераспределения и оптимизации производства. В то же время на национальном и региональном уровне импорт водоемкой продукции является полезным инструментом, позволяющим смягчить нехватку воды.

Таким образом, в ходе исследования гипотеза о том, что международная торговля пресной водой является одним из способов решения проблемы дефицита воды в мире, была опровергнута, хотя и с определенными оговорками. Учитывая все ограничительные факторы, международная торговля водой не может быть универсальным рецептом, но может быть использована в качестве одного из механизмов решения проблемы. Без оптимизации потребления торговля водой не способна решить проблему дефицита воды в глобальном масштабе, а может лишь снизить напряженность в засушливых регионах. Поэтому можно заключить, что в действи-

тельности торговля водой играет некую вспомогательную роль и представляется «дополнением» к политике водосбережения. Тем не менее международная торговля водой может занять собственную «нишу» в комплексе мер по смягчению нехватки воды, но в случаях с торговлей водой физической и виртуальной отведенная им роль будет отличаться.

Источники

Березкин М. Глобальная проблема нехватки пресной воды. <<http://www.rgo.ru/2011/09/globalnaya-problema-nexvatki-presnoj-vody/>>

Бойкова М.В., Крупникова Д.Б. Глобализация ресурсов пресной воды: инновационная стратегия управления // Форсайт. 2010. № 2. С. 4–17.

Данилов-Данильян В.И. Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России. М.: ООО «Типография ЛЕВКО»; Институт устойчивого развития/Центр экологической политики России, 2009. С. 88.

Данилов-Данильян В.И. Глобальный дефицит пресной воды // Международная жизнь. 2008а. № 8. С. 154–160.

Данилов-Данильян В.И. Глобальная проблема дефицита пресной воды // Век глобализации. 2008б. № 1. С. 45–56.

Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический. М.: Наука, 2006. С. 201.

Ansink E. Refuting two claims about virtual water trade // Ecological Economics. 2010. Vol. 69. P. 2027–2031.

Fraiture C., Cai X. et al. Does International Cereal Trade Save Water? The Impact of Virtual Water Trade on Global Water Use // The Comprehensive Assessment of Water Management in Agriculture: Research Report No. 4. 2004.

Hoekstra A.Y., Hung P.Q. Globalisation of water resources: international virtual water flows in relation to crop trade // Global Environmental Change. Part A. 2005. Vol. 15. No. 1. P. 45–56.

Kumar M.D., Singh O.P. Virtual water in global food and water policy making: Is there a need for rethinking? // *Water Resources Management*. 2005. Vol. 19. P. 759–789.

Roth D., Warner J. Virtual water: Virtuous impact? The unsteady state of virtual water // *Agriculture and Human Values*. 2008. Vol. 25. P. 257–270.

Sardana M.M.K. Trade in Real Water and Virtual Water: International Trade Regime. <<http://isid.org.in/pdf/DN1113.pdf>>

Segal D. Singapore's Water Trade with Malaysia and Alternatives. Boston: Harvard University, 2004. P. 54.

Wild D. et al. Water: A market of the future // *SAM Study*. 2010. P. 48.

Yang H., Zehnder A. «Virtual water»: an unfolding concept in integrated water resources management // *Water Resources Research*. 2007. Vol. 43.

Young R.A. Why Are There so Few Transactions among Water Users? // *American Journal of Agricultural Economics*. 1986. No. 5. P. 1143–1151.

Virtual water trade: Proceedings of the International Expert Meeting on Virtual Water Trade // *Value of Water Research Report Series*. 2003. No. 12. P. 248.

Water in a Changing World // *The United Nations World Water Development Report* 3. 2009. P. 320.

© Шываева Д.Б., 2014

DIRECT DEMOCRACY AND REFERENDUMS USAGE IN THE EU: CONVERGENCE?

Introduction

Nowadays at most of the OECD countries the basic mechanism of representative democracy — elections — to some extent loses its importance with declining turnout and party membership [Gray, Caul, 2000] while new forms of action evolve and begin to play a more and more important role. This tendency suggests that “the public’s preferred mode of democratic decision-making is moving toward new forms of more direct involvement in the political process” [Dalton, Scarrow, Cain, 2003, p. 2]. The key process is believed to be shifting political decision-making from elites to citizens themselves, and referendums are regarded to be one of the instruments allowing to satisfy the demands of public and to bring more legitimacy to politics.

In this research we would like to find out, whether the call of public to more direct democracy has been coming true in Europe for the last 2 decades and whether it has made the European countries more similar to each other (whether convergence there can be traced). For this reason referendums, the main instrument of direct democracy, held at the national level in this time period will be analyzed. The countries which we are going to examine are the EU15, comprising Austria, Belgium, Denmark, Finland, France, Germany, Greece, Ireland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Spain, Sweden, the United Kingdom. High level of similarity of political systems, comparable economic development and cultural proximity underlie the case selection as “the most similar cases”. Their high level of interaction, including collaboration within the EU and the OECD, large trade flows and economic cooperation and a number of bilateral and multilateral agreements contribute to diffusion processes.

First, it should be answered what direct democracy actually is, how the concept of it developed in Europe. Secondly, we would like to make a short overview of convergence literature. In the next part the research itself will be done, thus it will be found out, whether there is a convergence trend among European countries in the sphere of direct democracy. Finally, the results will be analyzed and the conclusion will be made.

Direct democracy and referendums

The main instruments of direct democracy include referendums, citizens' initiative and non-party elections. The mechanism which is researched in this work is referendums as the central and crucial instrument of direct democracy. A referendum is a direct vote in which the citizens are asked to either accept or reject a particular proposal.

It is necessary to distinguish three basic forms of referendums: mandatory referendum, optional referendum and citizens' initiative with a referendum [Schiller, 2003, p. 1; Hug, 2002, ch. 7].

1. Mandatory referendums are held in cases when the law obliges authorities to carry out a referendum on particular matters (e.g. constitution amendment). This type of referendums is usually binding.

2. Optional referendums can be called at the will of a public authority, can be initiated by the president and by the government. A government-initiated referendum may be binding and non-binding (consultative) as well.

3. Non-required referendums on the opposition proposals (or citizen-initiated referendums) are available in a limited number of countries (in EU15 it is Italy with an opportunity of an abrogative referendum by petition and the Netherlands with citizen-initiated non-binding referendums). This kind of referendums can also be both binding and consultative.

Referendums in the EU15

The European Union recognizes the need for the reform and a number of measures were taken to increase the citizens' access to decision-making process. This fact and also the collaboration of most of the countries examined here within the OECD, information-sharing and search for common solutions boost diffusion of direct democracy innovations.

However, it should be noticed that the attitude to referendums has been extremely diverse in European countries. The Swiss model always influenced and attracted the countries, which now can be called the EU15. In Germany the other side of referendums was found out — its vulnerability to fascist and populist movements in the inter-war period, which has led to their further prohibition.

Another difference is the difference in the status and in the time of adoption of the referendum institute. In France and Italy popular referendums became obligatory for constitutional amendments after the II World

War, while Finland's government introduced the institute of referendum only in 1987.

Therefore, it is difficult to talk about a common trend within the European countries. For the last two decades the total amount of referendums in the EU15 was going down from 50 referendums held in 90-s to 37 held in the 2000-s. The trend is however nonlinear, there was short increase in 1995–1999, which was mostly provided by Italy for about 2/3 of all of the referendums held in that period. Throughout all the two decades studied the referendums in Italy made up a majority of all. Thus, the development seems to be highly heterogeneous and in some cases it would be better to look for a trend without Italy, as it brings about a significant bias.

All countries regarded, the number of optional referendums exceeds the amount of mandatory ones and the imbalance between them increases throughout the whole period. It could mean that referendums become more and more preferred by the elites and are used more and more often voluntarily. However, if we take a look at the same data but without Italy, the trend changes drastically: from 1990 to 2004 the amount of mandatory referendums was almost stable and much higher than that of optional ones, but in the five years from 2005 to 2009 two variables become equal. This could actually mean the underlying influence by Italy and may be a sign of a kind of diffusion process (Figs 1, 2).

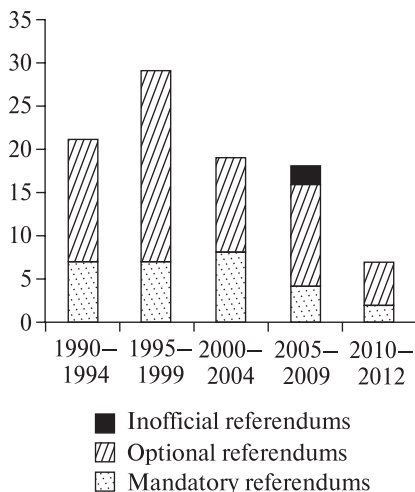

Fig. 1. Mandatory, optional and unofficial referendums, EU15, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy (c2d): <http://www.c2d.ch/index.php>

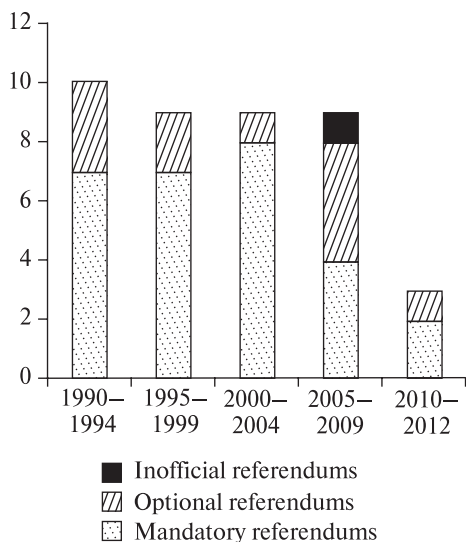

Fig. 2. Mandatory, optional and unofficial referendums, EU15 without Italy, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy (c2d): <http://www.c2d.ch/index.php>

Next, we trace the ratio between binding, non-binding and consultative referendums. Here under consultative referendums are meant these which are initiated with a purpose of consultation, while non-binding referendums are these which are initiated as binding ones, but then fail to fulfill some requirements (as turnout threshold) and might be regarded only in consultation purposes. Within EU15 the number of binding ones is in decline from 1990 to 2009 and there is not clear correlation with mandatory referendums (as some optional referendums can in some countries be also binding ones). Without Italy the tendency is the same as with mandatory and optional referendums taking into account that mandatory referendums are binding, and optional ones can be either consultative or non-binding. The quantity of binding referendums in the first five years of 90-s was stable and higher than the amount of other types, however in the last five years of the 2000-s the variables come to the equal level (Figs 3, 4).

The dominance of the EU-related topics of referendums in 1990–1994 and 2005–2009 is flaring and is obviously explained by the need of ratification of European Integration Treaties signed in these time periods and invoking constitutional amendments, in case of which in many states a referendum is an obligatory procedure (Figs 5, 6).

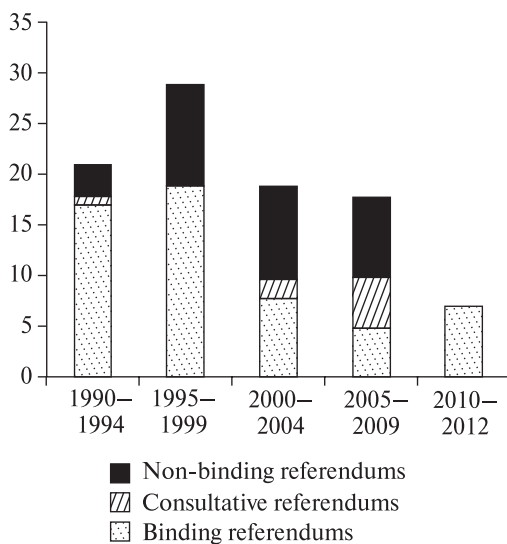

Fig. 3. Binding, consultative and non-binding referendums, EU15, 1990–2012.
 Data by Centre for Research on Direct Democracy (c2d):
<http://www.c2d.ch/index.php>

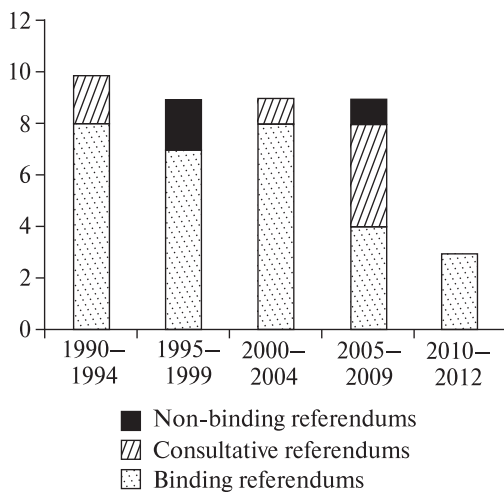

Fig. 4. Binding, consultative and non-binding referendums, EU15 without Italy, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy (c2d):
<http://www.c2d.ch/index.php>

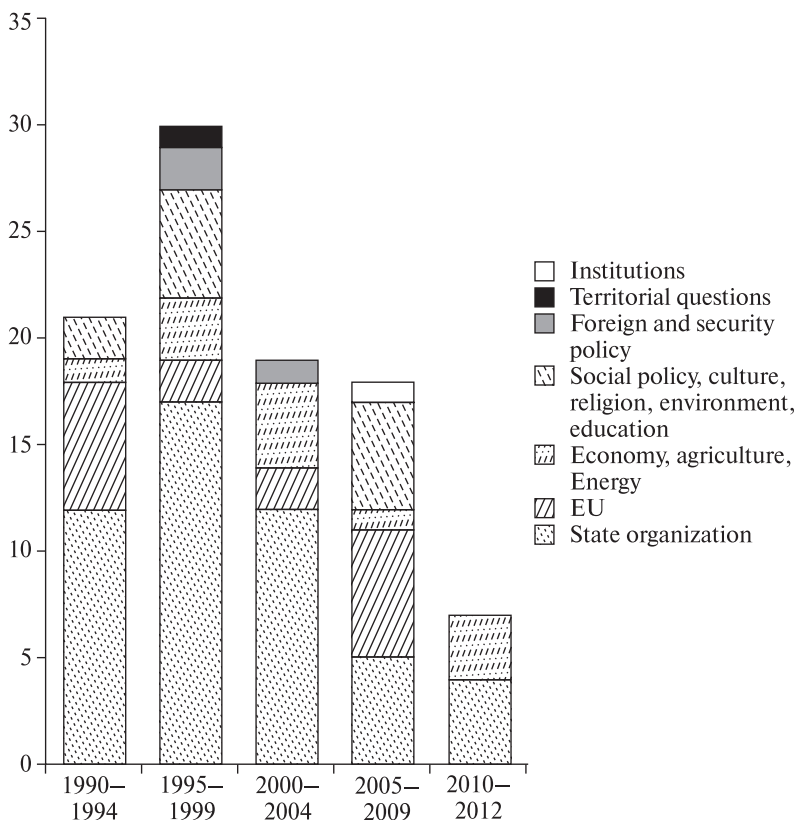

Fig. 5. Themes of referendums, EU15, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy (c2d): <<http://www.c2d.ch/index.php>>

Thus, at the level of the EU15 at the first sight the predicted trend to more direct democracy measured as the number of conducted national referendums is not evident. Quite on the contrary, the total amount is declining. The countries seem to develop rather heterogeneously. Italy stands clearly apart from the rest. In the last 5 years of the 2000-s the move to more optional consultative referendums within the EU14 (without Italy which uses quite a lot of optional non-binding votes) was observed, however, the steadiness of it is not proved. The themes of referendums relate mostly to state organization and European Integration.

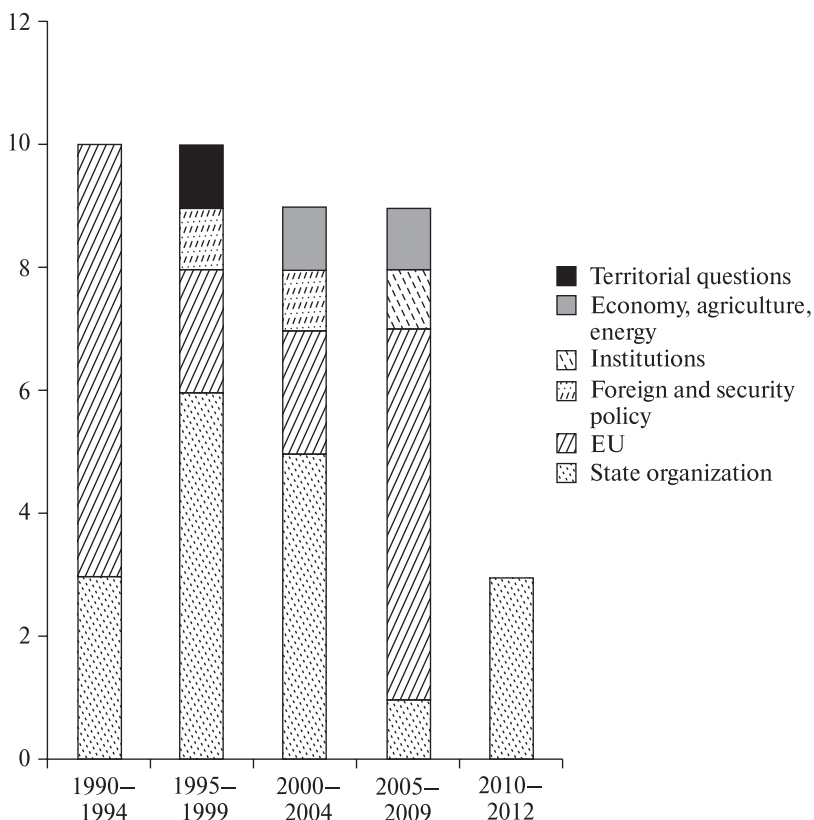

Fig. 6. Themes of referendums, EU15 without Italy, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy (c2d): <<http://www.c2d.ch/index.php>>

However, it should not be stated, based on the work, that there is no trend to direct democracy at all, as it only accounts for the national referendums usage and other direct democracy instruments are not taken into consideration. Even the analyzed data on national-level referendums are not very demonstrative and the results are not so persuasive due to low total amount of referendums conducted in this time period.

Referendums usage: Convergence? Theory

The next step is to assess, whether a very diverse pattern of referendums usage in the beginning of the period studied becomes more homog-

enous at the end. Convergence is usually defined as “increasing similarity over time” [Knill, 2005, p. 776; Plümper, Schneider, 2009, p. 3] and “the socially mediated spread of policies across and within political systems, including communication and influence processes” [Knill, 2005, p. 766] encourages convergence.

There is a number of mechanisms of policy convergence which serve as causal factors for it: imposition, international harmonization, regulatory competition, transnational communication, independent problem-solving [Holzinger, Knill, 2005].

Many mechanisms are surely involved in the European convergence process, however the main one is transnational communication: collaboration within OECD, Council of Europe and the EU provides information exchange and communication. Active involvement of international institutions plays a crucial role for convergence in this sphere.

These convergence mechanisms interact in ways which are not always easy to predict. At the same time they may be counterproductive, which make the effects even more unpredictable. Processes of convergence can “be at work even if convergence is not observed directly, because, for example, other factors at the same time cause a trend to dissimilarity” [Plümper, Schneider, 2009, p. 991].

Summing up, there is a number of factors which could provoke convergence within the EU15 in the field of referendums usage. However, as it is not a pure type convergence and many other variables may influence the result, it is almost impossible to make predictions about convergence scope.

Referendums usage: Convergence? Empirical findings

For each country a “referendums usage index” is calculated (Fig. 7). For each year it represents the amount of referendums held by the government in power per the term of the government or by president per his term of office, according to the competence of referendums initiation in a particular country. Thereby we dispose of a possible bias caused by the difference in duration of political regimes.

$$REF_{t1-t2} = \frac{n_{t1-t2}}{t2 - t1} \times 10,$$

REF — referendums usage index in the time period $t1 - t2$; n_{t1-t2} — number of referendums in the period; $t2 - t1$ — duration of term of the government in power/president’s term. All multiplied by 10 for higher visibility.

With the calculation of the index imbalance among the member states of the EU15 becomes especially visible. The value for Italy reaches 120 at the peak, however the index for most of the countries examined doesn't rise up to 5. More graphical is the same data without Italy.

For each year we calculated the average value of index (the mean) and the standard deviation (Figs 7, 8). However, there is no clear tendency at all: the standard deviation is neither reducing, nor increasing. It is vulnerable to the Italian leaps in 1993 and 1995. Therefore, neither convergence, nor divergence trend can be observed at this stage.

$$SD = \sqrt{\frac{1}{N-1} \sum_{i=1}^N (ref_i - \overline{ref})^2},$$

SD — Standard deviation; *ref_i*, ..., *ref_N* are the values of Referendums Usage Index, *ref* is the mean value of the index).

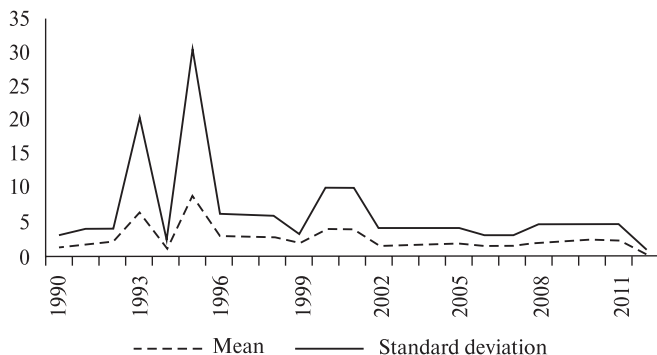

Fig. 7. Mean and standard deviation in referendums usage index, EU15, 1990–2012

If we take a look at a larger scale and calculate the standard deviation not for each year but for a five years period, there can be observed a slight downwards trend except for the years 1994–1999 (Italian leap to 120). The standard deviation goes down from 6,95 in 1990–1994 to 6,71 in the beginning of the 2000-s, then to 4,09 in the end of the decade and 3,59 in the last 3 years. On the one hand, it could mean a moderate convergence trend among EU15, on the other hand, this is a rather rude calculation and, moreover, there is an exception of 1995–1999 years.

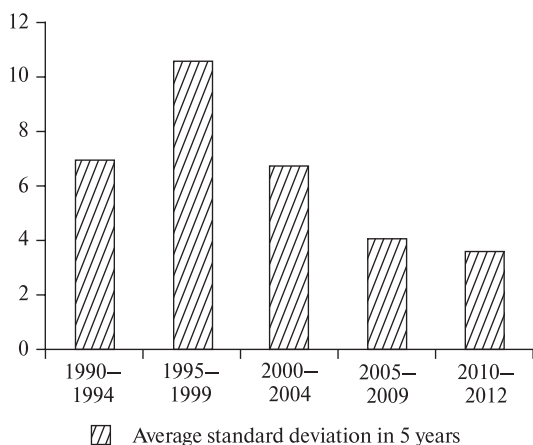

Fig. 8. Standard deviation, referendums usage index in 5 years

There is no clear trend among the EU15 not only due to Italian specific behavior in the sphere of referendum usage (Figs 9, 10). The findings of the data examined having Italy excluded also do not show a convergence pattern. The standard deviation grows at the beginning of 90's, fluctuates and then goes down at the end of the period considered.

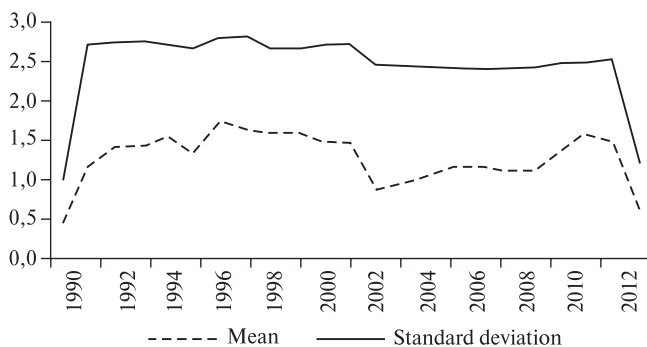

Fig. 9. Mean and standard deviation, EU15 without Italy, 1990–2012

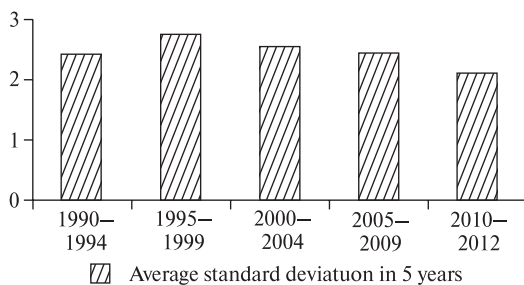

Fig. 10. Standard deviation, referendums usage index in 5 years, EU15 without Italy, 1990–2012

Optional referendums usage: convergence?

We should also reckon with the fact that mandatory referendums are included in the analysis, however, they often have a deterministic quality and public officials are forced to use this type of decision-making instruments and do not really make a political choice. Inclusion of these quasi-automatic referendums in the research may conceal convergence processes in the use of non-mandatory votes.

Counting only optional referendums within the whole EU15 does not lead to significant changes: the line of standard deviation in this case almost copies the one in case of mandatory and optional referendums taken together. All Italian referendums were optional, it means that we have excluded non-Italian mandatory referendums, which have made the divergence even higher. Average standard deviation in 5 years, taking only optional referendums, and the same graph for all plebiscites look alike as well (Figs 11, 12).

Analyzing only optional referendums and excluding Italy do not result in more interesting findings. Wide fluctuations can be traced throughout the whole period from 1991 to 2012 (Fig. 13). Taken more general, average standard deviation in 5 years repeat the already familiar line: it is low in 1990–1994, then reaches the peak of divergence in 1995–1999 (1,18) and begins to decline to 0,57 (Fig. 14).

If we compare standard deviations in all four cases (1) all types of referendums in EU15, 2) all types in “EU14”, 3) optional referendums in EU15, 4) optional referendums in “EU14”), we will find out that divergence is the highest in the cases with Italy, the average standard deviation in 5 years varies from 3,12 to 10,54 and the difference between the first and the third type is not considerable. Without Italy the level of divergence is surely much lower, but there is a significant difference depending

on inclusion or exclusion of mandatory referendums: the average standard deviation in 5 years in the second type (all referendums in “EU14”) keeps in the interval from 2,09 to 2,74, while the same value counting only optional referendums does not exceed 1,18.

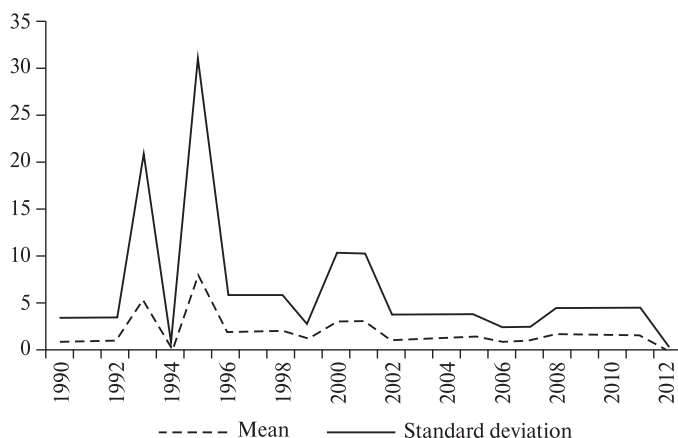

Fig. 11. Mean and standard deviation, optional referendums usage, EU15, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy: <<http://www.c2d.ch/index.php>>

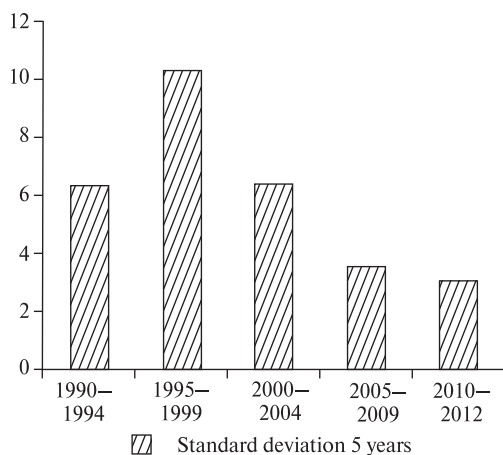

Fig. 12. Average standard deviation in 5 years, optional referendums usage, EU15, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy: <<http://www.c2d.ch/index.php>>

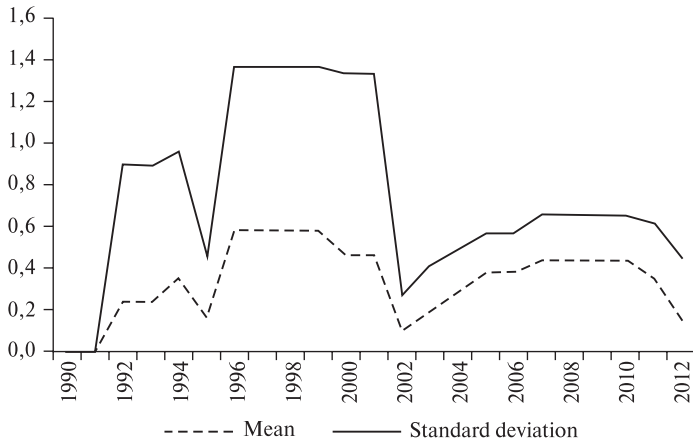

Fig. 13. Mean and standard deviation, optional referendums usage, EU15 without Italy, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy: <http://www.c2d.ch/index.php>

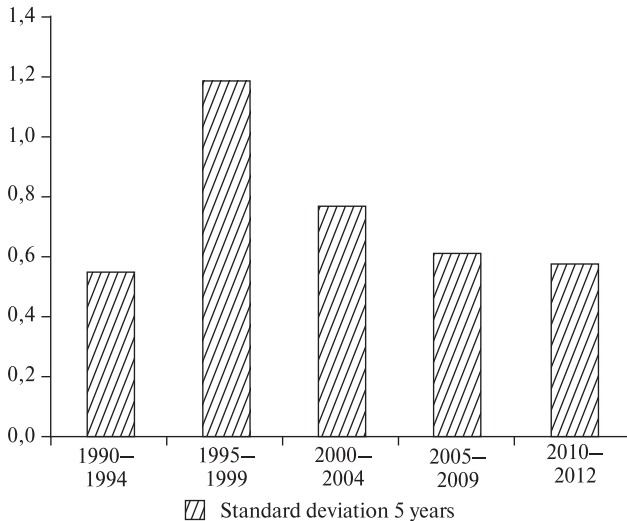

Fig. 14. Average standard deviation in 5 years, optional referendums usage, EU15 without Italy, 1990–2012. Data by Centre for Research on Direct Democracy: <http://www.c2d.ch/index.php>

To sum up, there is no evident convergence as well as divergence among EU15 in the sphere of direct democracy measured by means of the data on national referendums. Neither selecting Italy out, nor taking only optional referendums into account leads to more demonstrative results.

On the one hand, “null findings” may be caused by the limitations of the research: the limited to 22 years time frame, low total amounts of all referendums, excluding sub-national and local level referendums. On the other hand, as it is possible to see in the graphs, referendum usage and standard deviation are tightly correlated, thus growth of the mean contributes to an increase of heterogeneity in the group and thereby to growth of standard deviation. Interaction and actually diffusion thereby create more divergence.

Conclusion

Although representative democracy faces more and more critics, direct democracy instruments, such as referendums, seem to be still not able to replace the existing mechanisms of policy-making.

The predicted growth of usage of direct democracy instruments, here national referendums, in the EU15 was not proved, the total amount of the conducted plebiscites has been declining. The member states develop heterogeneously: Italy with high number of optional referendums stands clearly apart from the rest, where the referendums are held usually under compulsion. However, in the last 5 years of the 2000-s a trend to more optional non-binding referendums within EU14 (without Italy) was observed, but the steadiness of this move is not yet proved. The countries which are seen as “the most similar cases”, where convergence could be the most likely due to a number of facilitating factors (cultural, socio-economic and institutional similarity) and probable convergence triggers (transnational communication and international harmonization), altogether have not shown a general move in one direction.

The findings also do not demonstrate evident convergence as well as divergence among the EU15 in the sphere of national referendums usage. At a large scale (average of 5 years) there can be some signs of convergence, but they do not represent an irrefutable proof of convergence. Neither selecting Italy out, as it provides for as many referendums as the other countries together, nor taking only optional referendums into account, as mandatory ones can be seen as mechanical, leads to more demonstrative results.

The empirical findings do not exclude the possibility of diffusion. Direct democracy policies in the EU15 can influence one another, how-

ever, this trend may be counterproductive with some other tendencies, which leads to the current result. Besides, the argument that the growth of the mean contributes to an increase of heterogeneity in the group and thereby to growth of standard deviation should be also taken into account. Interaction and actually diffusion thus creates more divergence.

It should not be stated that there is no trend to direct democracy at all, as it only accounts for the national referendums usage and such direct democracy instruments as citizen's initiative, non-party elections and sub-national and local referendums are not taken into account.

References

Ansell C., Gringrich J. Trends in Decentralization // Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies / R. Dalton, B. Cain, S. Scarrow (eds). Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 141–163.

Braun D., Gilardi F. Taking “Galton’s problem” seriously // Journal of Theoretical Politics. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 298–322.

Dalton R., Cain B., Scarrow S. Democratic Publics and Democratic Institutions // Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies / R. Dalton, B. Cain, S. Scarrow (eds). Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 250–275.

Dalton R.J., Gray M. Expanding the Electoral Marketplace // Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies / R. Dalton, B. Cain, S. Scarrow (eds). Oxford: Oxford University Press, 2003. P.23–43.

Database by Centre for Research on Direct Democracy (c2d).
<<http://www.c2d.ch/index.php>>

Gray M., Caul M. Declining voter turnout in advanced industrial democracies, 1950–1997 // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. No. 9. P. 1091–1124.

Holzinger K., Knill C. Causes and conditions of cross-national policy convergence // Journal of European Public Policy. 2005. Vol. 12. P. 775–796.

Hug S. Voices of Europe: Citizens, Referendums and European Integration. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002. Ch. 7.

Knill C. Introduction: Cross-national policy convergence // Journal of European Public Policy. 2005. Vol. 12. No. 5. P. 764–774.

Mittendorf V. Databases for (empirical) research on “direct democracy” // Direct Democracy in Europe / Z.T. Pallinger, B. Kauffman, W. Marxer, T. Schiller (eds). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.

Plümper T., Schneider C. The Analysis of Policy Convergence // Journal of European Public Policy. 2009. Vol. 16. No. 7. P. 990–1011.

Referendums around the World. The Growing Use of Direct Democracy / D. Butler, A. Ranney (eds). Washington, DC: AEI Press, 1994. P. 1–21.

Schiller T. Direct Democracy in Europe, 2003. < http://www.iri-europe.org/fileadmin/user_upload/pdf/5_Schiller.pdf>

© Semenova E.A., 2014

П.А. Моргач

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
С.М. Авдошин

ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ОТЧЕТОВ ОБ ОЦЕНКЕ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ

В статье предлагаются основные принципы построения информационно-аналитической системы (ИАС) обеспечения экспертизы отчетов об оценке кадастровой стоимости. ИАС позволяет в автоматизированном режиме выполнять экспертизу результатов массовой кадастровой оценки недвижимости: верификацию базы объектов недвижимости, проведение индивидуальной оценки сравнительным подходом, построение карт ценового зонирования, анализ соотношений результатов оценки и исходных рыночных данных. Система, обладающая указанным функционалом, позволяет повысить уровни производительности и качества услуг, оказываемых оценщиками и экспертами.

Введение

Намеченная Правительством РФ перспектива введения единого налога на недвижимое имущество на основе его рыночной стоимости диктует необходимость проведения массовой кадастровой оценки. В ряде регионов такая оценка проводится сегодня в качестве эксперимента. Чтобы определить величину налога для каждого отдельно взятого собственника, администрации города не-

обходимо будет оценить каждый объект недвижимости. Учитывая количество объектов, в данном случае целесообразно применять методы массовой оценки. В отличие от индивидуальной, массовая оценка недвижимости производится сразу с большим числом объектов, и контроль качества осуществляется через статистическое тестирование и признание результатов заказчиком (городской администрацией). На российском рынке недвижимости в настоящее время отсутствует программное обеспечение, позволяющее автоматизировать работу оценщиков при проведении экспертизы массовой оценки. Конечно, существует программное обеспечение, с помощью которого можно осуществлять предварительную обработку входных данных (*MS Excel*), выполнять кластеризацию (*Deductor Studio*), строить регрессионные модели (*Stata*). Но единая комплексная система, совмещающая необходимый для рынка оценки недвижимости функционал с *наглядным отображением результатов*, на сегодняшний день не разработана.

Используя описываемую информационную систему (ИС), эксперты могут за несколько часов построить карту ценового зонирования для определенного города (при наличии исходной базы с ценами сделок и предложений). Для сравнения: сегодня уходит более месяца на анализ входных данных и создание такой карты в ручном режиме. Система позволяет также определять примерную стоимость отдельных объектов недвижимости с помощью сравнительного подхода. К примеру, налогоплательщик, увидев, сколько должна стоить его недвижимость при оценке сравнительным подходом, может оспорить результаты массовой кадастровой оценки в суде и заказать индивидуальную, чтобы понизить величину налога (если кадастровая стоимость существенно превышает стоимость, определенную в системе). Данная услуга способна обеспечить спрос на ИС среди обычных пользователей персональных компьютеров.

Цель данной работы — описать разработанную авторами информационно-аналитическую систему для анализа результатов оценки и построения карт ценового зонирования недвижимости с учетом специфики российского рынка оценки недвижимости и возможности использования ИАС на любом предприятии. Данная предметная область была выбрана в связи с работой в одной из московских оценочных компаний, позволившей изучить основные трудности и проблемы, которые возникают при экспертизе результатов оценки кадастровой стоимости.

1. Анализ предметной области

Тема: Информационно-аналитическая система обеспечения экспертизы отчетов об оценке кадастровой стоимости.

Цель: Повышение уровней производительности и качества услуг, оказываемых оценщиками и экспертами.

Задача: На основе анализа предметной области разработать информационно-аналитическую систему, позволяющую выполнять экспертизу результатов массовой кадастровой оценки недвижимости (верификация базы объектов, проведение индивидуальной оценки с использованием сравнительного подхода, построение карт ценового зонирования, анализ соотношений результатов оценки и исходных рыночных данных).

Описание предметной области

Задачи, возникающие на разных стадиях массовой и индивидуальной оценки недвижимого имущества, ставят перед сообществом оценщиков, экспертов и исследователей ряд вопросов, а именно: какой математический аппарат применить, какие подходы и методы использовать для оценки различных объектов?

На сегодняшний день на рынке оценочных услуг выделяют следующие основные проблемы.

1. Отсутствие единого методологического подхода к кадастровой оценке объектов приводит к тому, что стоимости сопоставимых объектов, полученные разными оценщиками, могут отличаться в несколько раз.

2. Отсутствие единой и общедоступной базы данных с информацией о ценах предложений и сделок делает непрозрачной и невоспроизводимой процедуру определения рыночной стоимости того или иного объекта недвижимого имущества.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, возникла необходимость в автоматизации информационно-аналитического сопровождения процесса оценки с целью обеспечения сопоставимости, проверяемости и защиты результатов оценки. Такая система позволяет объективно оценить недвижимое имущество и избежать различий в стоимости соседних земельных участков.

Система информационно-аналитического обеспечения экспертизы отчетов оценки кадастровой стоимости создана в качестве реального инструмента, позволяющего пользователям (оценщикам, экспертам) сформировать на основе исходных данных моти-

вированное мнение о рыночной стоимости объекта оценки (проверить результаты проведенной оценки).

Данная система универсальна и может быть использована при решении практически любой задачи в области оценки недвижимого имущества.

Структура системы

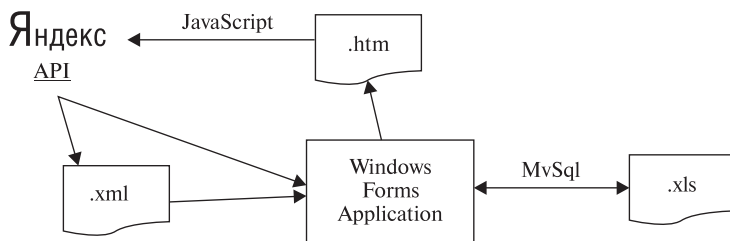

Рис. 1. Схема взаимодействия системы с внешними источниками данных

Основная часть системы (рис. 1) — *Windows*-приложение, написанное на языке *C#* на платформе *Visual Studio 2010*. Входные данные загружаются в систему из *MS Excel*-файлов, экспорт результатов осуществляется также в *Excel*-файлы. Работа с внешними файлами реализована с использованием *SQL*-соединения.

Для определения координат объекта в ИАС осуществляется:

- 1) отправка *url*-запроса на сервер *Yandex*;
- 2) загрузка и обработка *XML*-файлов, полученных с сервера *Yandex.Maps*.

Для отображения объектов недвижимости и ценовых зон на карте осуществляется:

- 1) формирование *html*-файла со вставками на языке *java-script*, используя *Yandex.API*;
- 2) загрузка сгенерированного файла во встроенном в программу браузер.

2. Разработка системы

2.1. Алгоритмы и методы

В связи с тем, что данная информационно-аналитическая система рассчитана на внедрение в оценочных компаниях, набор

алгоритмов для выполнения некоторых функций жестко ограничен. Это связано с тем, что данные алгоритмы и методы официально используются на рынке недвижимости, и результаты, полученные с применением этих методов, могут быть успешно защищены в суде. Кроме того, перечисленные алгоритмы применяются в компании, где внедрена описываемая система.

Способ организации и инструменты работы с входной информацией

В качестве входной базы данных с информацией об объектах недвижимости принимается сформированный заранее *MS Excel*-файл. Доступ к входным *Excel*-файлам внутри системы реализован при помощи *SQL*-соединения.

Аналогом и основным инструментом, официально используемым в среде *VisualStudio* для доступа к *Microsoft Excel*-файлам, является стандартный класс «*Excel.Application()*» [Русский MSDN]. У данного метода есть два существенных недостатка:

- 1) сравнительно низкая скорость работы;
- 2) необходимость установки на компьютер пакета *MS Office Excel*.

Относительно низкая скорость загрузки данных связана с тем, что при открытии внутри системы *Excel*-файла сначала запускается в фоновом режиме *MS Excel* (отсюда и необходимость в установленном на компьютер пользователя пакете *MS Office*), в нем открывается входной файл, и затем информация из этого файла копируется в систему.

При использовании *SQL*-соединения для доступа к входным файлам нет необходимости в установленном на компьютер пакете *MS Office*. При использовании данного инструмента система воспринимает входной файл как *SQL*-базу данных и получает информацию из файла при помощи *SQL*-запросов. Благодаря такой организации доступа к внешнему файлу скорость загрузки данных существенно возрастает и может быть сравнима со скоростью загрузки информации из локальной *SQL*-базы.

В итоге при использовании описанного способа доступа к внешним *Excel*-файлам:

- 1) возникают сложности в реализации этого подхода, поскольку запросы к базе данных, используемые в среде *VisualStudio*, имеют отличный от стандартных *SQL*-запросов синтаксис;

2) устраняются недостатки использования стандартного инструмента:

- а) существенно увеличивается скорость работы;
- б) отсутствует необходимость в установленном на компьютер *Excel*-файле.

Способ определения нормированного адреса
и координат объекта

Для определения координат объектов недвижимости система использует сервисы *Yandex.Maps*. В качестве альтернативного сервиса можно рассматривать *Google.Maps* (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение сервисов *Yandex.Maps* и *Google.Maps*
для решения данной задачи**

Сервис	Преимущества	Недостатки
<i>Yandex.Maps</i>	Высокая детализация карт и подробная информация об объектах недвижимости на территории России	К сервисам предусмотрен доступ только с <i>web</i> -сайтов
<i>Google.Maps</i>	Предусмотрен доступ к сервисам как с <i>web</i> -сайтов, так и с <i>Windows</i> -приложений на <i>C#</i>	Низкая детализация карт на территории России

Система рассчитана на российский рынок недвижимости, и уровень детализации карт России имеет решающее значение при выборе сервиса. Поэтому был выбран именно сервис *Yandex.Maps*, предоставляющий подробную информацию о большинстве объектов недвижимого имущества на всей территории Российской Федерации.

Чтобы узнать местоположение объекта на карте и его адрес в нормированном виде, используя сервис *Yandex.Maps* [API Яндекс.Карт], необходимо запустить *url*-запрос следующего формата:

`http://geocode-maps.yandex.ru/1.x/?format = xml&geocode =
=адрес & key = ключ Яндекс.Карт`

Адрес объекта в формате: Страна, Город, Улица, Дом.

*Ключ для доступа к сервисам *Yandex.Maps* можно получить на сайте *Yandex.ru**

При вводе корректного запроса откроется *XML*-файл, содержащий следующие поля:

```
<pos> координата объекта (X, Y) </pos>  
<LocalityName.*> имя города </LocalityName>  
<ThoroughfareName.*> название улицы </ThoroughfareName>  
<PremiseNumber.*> номер дома </PremiseNumber>
```

Поскольку *Yandex.Maps* рассчитаны только на доступ с *web*-сайтов, то в описываемой системе для каждого объекта:

- 1) с использованием базы данных формируется *url*-запрос указанного формата;
- 2) запрос открывается во встроенном в систему браузере;
- 3) из браузера загружается *XML*-файл;
- 4) с помощью регулярных выражений извлекается необходимая информация.

Таким образом, в данной информационной системе реализована возможность определения координат всех объектов недвижимости, которые отмечены на текущее время на *Yandex.Maps*.

Все функции по обращению к сервисам *Yandex.Maps* в этой системе реализованы с использованием *API* Яндекс.Карт версии 1.1.

Способ отображения объектов на карте

Для отображения объектов на карте с использованием сервиса *Yandex.Maps* генерируется *html*-страница со вставками *java-script*-кода на языке *Ymaps* (*Yandex.API*), поскольку *Yandex.Maps* рассчитан только на доступ с *web*-сайтов.

Содержание *java-script*-функции:

- 1) создание экземпляра карты и его привязка к контейнеру;
- 2) добавление элементов управления;
- 3) установка центра карты и масштаба;
- 4) добавление на карту меток определенного цвета в места расположения объектов недвижимости.

Таким образом, в ИАС открывается карта анализируемого региона с отмеченными на ней объектами недвижимости и набором стандартных инструментов пользователя для управления картой (рис. 2).

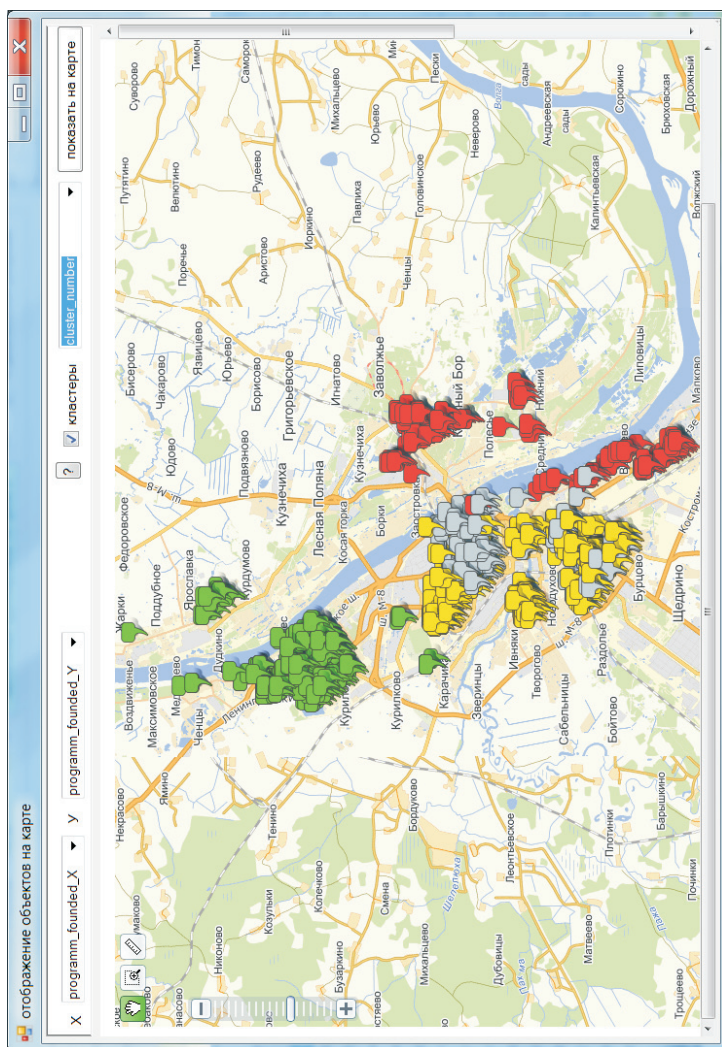

Рис. 2. Отображение объектов на карте

Кластеризация

Система позволяет разбить множество объектов недвижимости на классы, используя метод k -средних. В этом методе в многомерном пространстве минимизируется суммарное квадратичное отклонение точек, принадлежащих кластерам, от центров этих кластеров [Кармен и др., 2005]:

$$V = \sum_{i=1}^k \sum_{x \in S_i} \rho(x, \mu_i) \Rightarrow MIN,$$
$$\rho(x, \mu_i) = \sum_{v=1}^D (x[v] - \mu_i[v])^2,$$

где k — число кластеров; D — число факторов; S — множество полученных кластеров, $S = \{S_i | i = 1, 2 \dots k\}$; μ_i — вектор центров масс векторов $x \in S_i$, компоненты которого вычисляются по формуле:

$$\mu_i[v] = \frac{\sum_{x \in S_i} x[v]}{S_i}, \quad v = 1, 2 \dots D.$$

В целях экспертизы результатов оценки кластеризация проводится по двум факторам (координаты объекта X и Y) либо по трем (к координатам в качестве третьего фактора добавляется нормированная стоимость объекта недвижимости).

Алгоритм работы кластеризации в ИАС следующий.

1. На предварительном этапе кластеризации стоимость всех объектов недвижимости нормируется для устранения значимости всех ценовых факторов, кроме местоположения. Например, для всех объектов из входной базы рассчитывается возможная стоимость при учете, что все объекты находятся в кирпичном одноэтажном доме на первом этаже, имеют две комнаты, отдельный санузел, находятся в отличном состоянии и проч.

Нормирование выполняется оценщиками или экспертами с использованием поправочных коэффициентов на значимость каждого ценового фактора.

2. Все объекты, подлежащие кластеризации, группируются по стоимости с заданным процентным диапазоном разрыва:

- а) все объекты сортируются по возрастанию стоимости;
- б) к первой группе относят объект с наименьшей стоимостью (p_1) и все, стоимость которых ниже чем $p_1 \cdot (100 + \text{процентный диа-}$

пазон) / 100. Ко второй — самый дешевый, не вошедший в первую группу (p_2) и все, стоимость которых ниже, чем $p_2 \cdot (100 + \text{процентный диапазон}) / 100$ и т.д.

3. Начальные кластеры алгоритма k -средних — это группы, полученные на этапе 2. Количество групп соответственно равно начальному количеству кластеров. Кластеризация в системе проводится по двум и трем факторам:

а) по двум факторам (координаты X , Y) проводится кластеризация, для того чтобы выделить районы со сравнимой нормированной стоимостью. В результате кластеризации формируются группы с аналогами и объектами оценки, стоимости которых не должны превышать допустимые диапазоны. Проверка данного факта является одним из методов проверки результатов массовой оценки. В случае если объекты оценки еще не оценены, оценщики могут составить для них допустимые ценовые диапазоны на основе сформированных ценовых кластеров;

б) кластеризация по трем факторам применяется для экспертизы результатов массовой оценки и корректности базы аналогов. Объекты, находящиеся близко друг к другу, должны иметь сходную нормированную стоимость. Поэтому в результате трехфакторной кластеризации по нормированной стоимости на карте должны явно выделяться кластеры объектов, не пересекаясь друг с другом.

4. Пока не перестанут смещаться центры кластеров, выполняется следующее: каждый объект приписывается к тому кластеру, ближе к центру которого он находится по факторам, выбранным для кластеризации. Центр кластера средневзвешенно многомерно смещается в сторону объекта, который в него добавился (рис. 3).

Рис. 3. Пример работы алгоритма k -средних для двумерного случая

Способ определения стоимости индивидуальных объектов

Стоимость индивидуальных объектов недвижимости определяется при помощи сравнительного подхода, основанного на установлении местоположения объекта оценки относительно остальных объектов из входной базы.

Алгоритм реализован таким образом, что в качестве аналогов для объекта оценки выводится ближайший к нему объект недвижимости из входной базы (удаленность до него — X) и все, находящиеся на расстоянии до $130\% X$ (так как 30% — это допустимый в оценке недвижимости диапазон отклонения стоимостей, удаленностей и проч.). Если удаленность объекта оценки от сравниваемого объекта менее 1 км, то такие объекты тоже считаются аналогами (находящиеся на таком расстоянии объекты имеют сходный вклад местоположения в стоимость).

Вероятная стоимость объекта оценки считается как среднее арифметическое удельных стоимостей выделенных объектов аналогов. Таким образом, в распоряжение оценщика предоставляется таблица подробного описания найденных аналогов (рис. 4).

Определение стоимости объекта

Поле Стобец Адрес оцениваемого объекта

Х-координата program_founded_X У-координата program_founded_Y Цена аналогов Цена (стоимость) об

Определить стоимость

Уфа, улица Аграрная

вероятная стоимость 1 м.кв.: 21454,166666666

сохранить в файл

показать ближайшие объекты на карте

№ п/п	Описание объекта аналога и (или) текст объявления	Цена (стоимость) объекта-аналога руб#	F8	Площадь объекта-аналога кв#м#	F11	город
7	202.f#26112010...	14078	4600000	318,2	ГО Уфа	Уфа
71	202.f#08122010...	19423	9100000	465	ГО Уфа	Уфа
88	202.f#28052010...	17502	900000	52	ГО Уфа	Уфа
91	202.f#21042010...	25228	11000000	449,1	ГО Уфа	Уфа
160	202.f#16062010...	25184	9200000	369,4	ГО Уфа	Уфа
188	202.f#19052010...	27370	2750000	101,6	ГО Уфа	Уфа

Рис. 4. Список объектов-аналогов

В ИАС также выводится участок карты с нанесенными на нее объектами-аналогами и объектом оценки для визуальной оценки возможности использования выделенных аналогов (рис. 5).

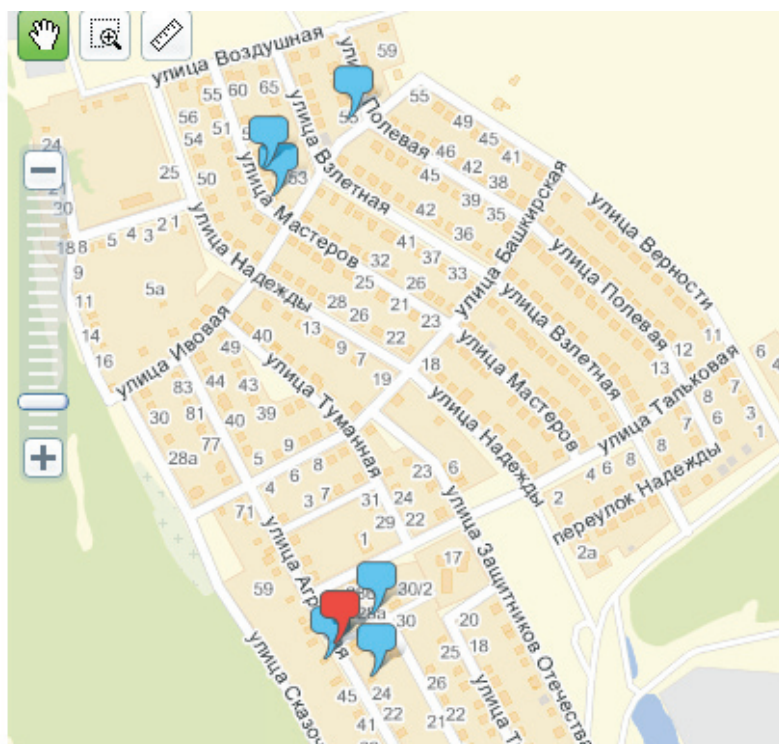

Рис. 5. Расположение объекта оценки и объектов-аналогов

Способ построения карт ценовых зон

Построение карты ценовых зон выполнено при использовании сервиса *Yandex.Maps* и алгоритма Джарвиса построения выпуклой оболочки [Кармен и др., 2005] на сформированных результатах кластеризации методом k -средних.

При корректном стоимостном нормировании и кластеризации границы кластеров являются границами ценовых зон. Таким образом, построив выпуклые многоугольники на каждом полученном кластере, эксперт получит карту ценовых зон для рассматриваемого района.

Построение карт происходит в несколько этапов.

- 1) нормирование данных;

2) проведение кластеризации.

2. Построение выпуклой оболочки на элементах каждого кластера. Алгоритм Джарвиса определяет последовательность элементов множества, образующих выпуклую оболочку для этого множества. Метод можно представить как обтягивание веревкой множества вбитых в доску гвоздей. Алгоритм работает за время $O(nm)$, где n — общее число точек на плоскости, m — число точек в выпуклой оболочке.

Выпуклый многоугольник, очерчивающий границы ценовой зоны, строится для каждого кластера на основании координат X и Y объектов недвижимости кластера. Алгоритм Джарвиса построения выпуклой оболочки (рис. 6):

1) самая левая нижняя точка добавляется в список граничных точек и помечается как начальная;

2) любая точка, еще не попавшая во множество точек выпуклой оболочки, назначается кандидатом;

3) для каждой еще не добавленной точки: если угол α между последней добавленной во множество выпуклой оболочки точкой, кандидатом и рассматриваемой в данный момент точкой отрицательный ($\sin(\alpha) < 0$), то кандидатом назначается текущая точка;

4) если точка-кандидат совпадает с начальной точкой, то осуществляется выход;

5) точка-кандидат добавляется в список точек выпуклой оболочки;

6) переход к пункту (2).

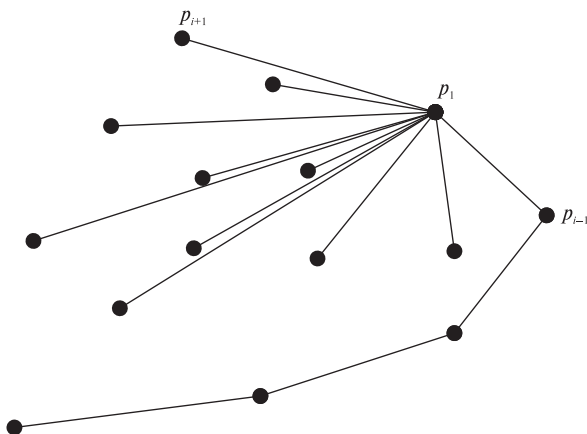
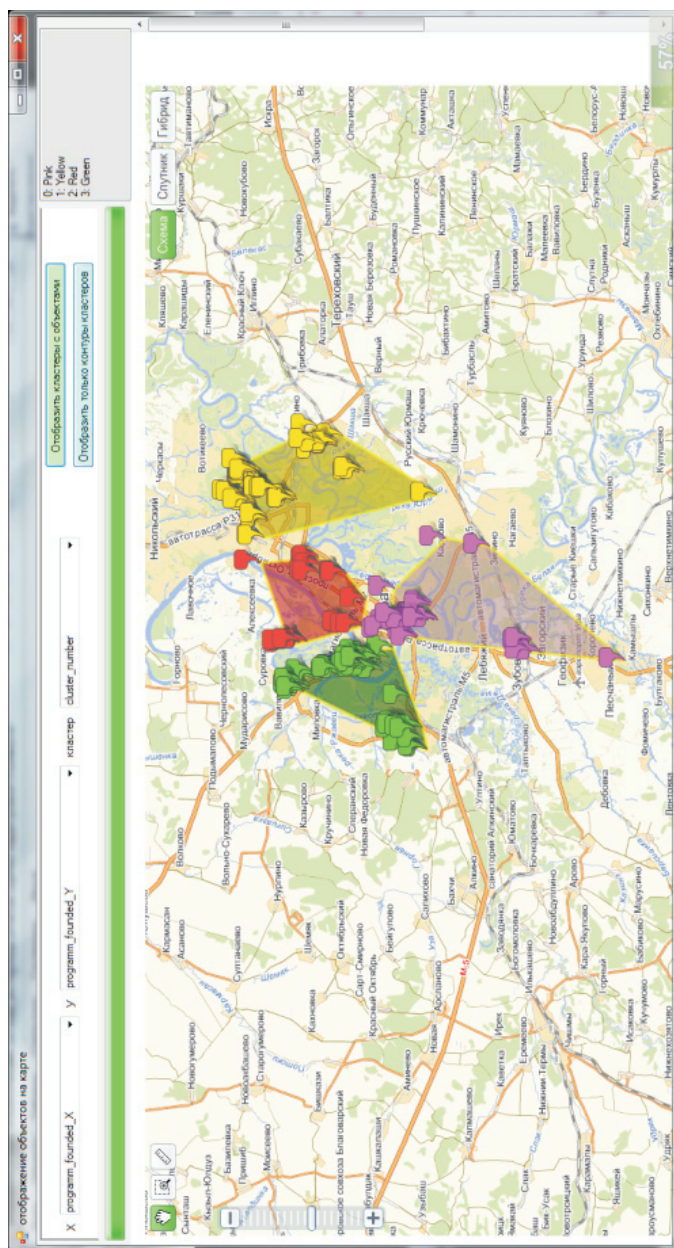

Рис. 6. Схема работы алгоритма Джарвиса

Другой алгоритм построения выпуклой оболочки (алгоритм Грехема [Кармен и др., 2005]) работает за время $O(n \log n)$. Он сложнее в реализации и имеет большую мультипликативную постоянную в апостериорной оценке сложности алгоритма. С учетом того, что решаемые задачи имеют не очень высокую размерность, а компьютерная реализация алгоритма Джарвиса обладает существенно меньшей мультипликативной постоянной в оценке сложности, принято решение об использовании данного алгоритма в ИАС.

3. Непосредственное нанесение границ на карту.

Функция работает так же, как описано в разделе «Способ отображения объектов на карте», но в *java-script*-функцию добавляется пункт: «5) добавление на карту многоугольников определенного цвета с углами в граничных точках, полученных в результате построения выпуклой оболочки» (рис. 7).

2.2. Язык и средства программирования

Для создания данной информационно-аналитической системы был выбран язык *C#*. Для непосредственной разработки системы использовалась среда *Visual Studio 2010*.

При выборе языка основным критерием являлась простота использования полученного программного средства, при этом подразумевалось, что система будет использоваться только на компьютерах с *OC Windows*.

2.3. Развертывание системы

Для работы информационно-аналитической системы необходимы:

1) установленная операционная система *Windows* версии *XP* или выше. Это связано с тем, что система реализована в среде разработки *VisualStudio* на языке *C#* и может работать только под *OC Windows*;

2) установленный пакет *.net framework* версии 3.5 и выше;

3) наличие:

а) драйвера для доступа системы к *MS Excel*-файлам через *SQL*-протокол либо

б) установленного на компьютер пакета *MS Office 2007*;

4) каталог с файлами системы.

Заключение

Разработан программный продукт, полностью отвечающий поставленным требованиям и нашедший практическое применение. Авторами была спроектирована и реализована информационно-аналитическая система, совмещающая набор инструментов, необходимый для работы оценщиков и экспертов. В ходе работы над продуктом были исследованы различные геосервисы, способы работы с ними, изучены методы и алгоритмы, применяемые при оценке недвижимости, и особенности осуществления этого процесса в России.

Источники

API Яндекс.Карт [Электронный ресурс]. М., 2012. <<http://api.yandex.ru/maps/doc/intro/concepts/intro.xml>>

Кормен Т.Х., Лейзерсон Ч.И., Ривест Р.Л., Штайн К. Гл. 33. Вычислительная геометрия // Алгоритмы: построение и анализ = Introduction to Algorithms. 2-е изд. М.: Вильямс, 2005.

Русский MSDN [Электронный ресурс]. М., 2012. <<http://msdn.microsoft.com/ru-ru/>>

Mirkin B.G. K-means and Related Clustering Methods. Copre Concepts in Data Analysis: Summarization, Correlation and Visualization. Springer, 2011.

© Моргач П.А., 2014

С.А. Шершаков

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
И.А. Ломазова

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ КОМПОНЕНТА СИСТЕМЫ SDVRP ДЛЯ ПРОВЕРКИ СВОЙСТВ БЕЗОПАСНОСТИ ПО МИКРОКОНТРОЛЛЕРА ARM

Введение

Вопрос корректности программного обеспечения является одним из непреходящих в области информационных технологий. Обычно под корректностью программы (или алгоритма в узком смысле слова) подразумевают соответствие рассматриваемой программы (алгоритма) некоторой определенным образом заданной спецификации (см., например, [Hoare, 1969; Floyd, 1967]). Формальная спецификация представляет собой некоторую математическую модель, точно описывающую отдельные аспекты поведения системы (например, компьютерной программы). Обычно спецификация явно определяет, что должна делать эта система, не касаясь вопроса, каким образом.

Проблема тестирования и верификации программно-аппаратных комплексов неоднократно поднималась в научных работах [Balakrishnan, Tahar, 1998; Использование..., 2007; Schlich, 2010; Reinbacher, 2009]. Данная работа посвящена вопросам верификации ПО микроконтроллерной (МК) системы на платформе SDVRP. Целью работы являются методики выявления правил, составляющих модель верификации, и адаптация SDVRP для специфических условий разработки ПО для МК.

Работы организована следующим образом. В разд. 1 вводят основные формальные модели, рассматриваются инструменты системы SDVRP. Там же вводится понятие правил безопасности и представляется язык SLIC для определения таких правил. В разд. 2

дается описание тестового макета программно-аппаратного комплекса, необходимое для постановки задачи верификации ПО этой системы, решение которой представлено затем в разд. 3. В заключении подводится итог проделанной работы и оцениваются ее результаты.

1. SLAM, SDV и SDVRP

1.1. Булевы программы

«SLAM» — исследовательский проект подразделения Microsoft Research 2000 г., посвященный, в частности, проблеме надежности

<pre> decl g; void main() begin decl h; [6] h := !g; [7] A(g, h); [8] skip; [9] A(g,h); [10] skip; [11] if (g) then [12] R: skip; else [14] skip; fi end void A(a1, a2) begin [20] if (a1) then [21] A(a2,a1); [22] skip; else [24] g := a2; fi end </pre>	<pre> bebop v1.0: (c) Microsoft Corporation. Done creating bdd variables Done building transition relations Label R reachable by following path: Line 12 State g=1 h=0 Line 11 State g=1 h=0 Line 10 State g=1 h=0 Line 22 State g=1 a1=1 a2=0 Line 24 State g=1 a1=0 a2=1 Line 20 State g=1 a1=0 a2=1 Line 21 State g=1 a1=1 a2=0 Line 20 State g=1 a1=1 a2=0 Line 9 State g=1 h=0 Line 8 State g=1 h=0 Line 22 State g=1 a1=1 a2=0 Line 24 State g=1 a1=0 a2=1 Line 20 State g=1 a1=0 a2=1 Line 21 State g=1 a1=1 a2=0 Line 20 State g=1 a1=1 a2=0 Line 7 State g=1 h=0 Line 6 State g=1 </pre>
--	---

Рис. 1. Оператор SKIP с меткой *R* достижим в данной булевой программе, что следует из вывода, порожденного утилитой проверки моделей Bebop

ПО драйверов [SLAM and Static Driver Verifier..., 2004]. Основная идея SLAM — проверка простого правила для сложной программы на языке С (например, драйвера) — должна реализовываться путем упрощения программы, для того чтобы сделать возможным полный анализ. Для этого необходим механизм получения абстрактной модели программы, сохраняющей поведение оригинальной программы С. В качестве подобной абстракции был предложен подход, основанный на булевых программах (Boolean program) [Ball, Rajamani, 2000].

На рис. 1 дан пример булевой программы, состоящей из двух функций: точки входа *main* и рекурсивной функции *A*. В этой программе всего одна глобальная переменная *g*. Процедура *A* имеет два параметра. Вопрос ставится следующим образом: является ли метка *R* достижимой?

Для проверки моделей — булевых программ разработана утилита (model checker) Вебор. Формально, имея булеву программу *B* и выражение *s* в *B*, Вебор определяет, является ли *s* достижимым в *B*.

1.2. Автоматическое получение предикативных абстрактных моделей программ на языке С

Для получения булевой модели из исходной программы на С автоматически можно воспользоваться принципом предикативного абстрагирования: конкретные состояния исходной программы отображаются на абстрактные состояния в соответствии с их оценкой на конечном множестве предикатов.

Разработана программа C2BP, выполняющая подобную операцию [Automatic Predicate Abstraction..., 2001]. Имея программу *P* на языке С, множество предикатов *E*, представляющих собой обычные выражения языка С без вызова функций, C2BP автоматически создает булеву программу *BP(P, E)*, являющуюся абстрактной моделью программы *P* (рис. 2). Булева программа имеет ту же управляющую структуру, что и исходная программа *P*, но содержит только $|E|$ булевых переменных, каждая из которых имеет свое представление во множестве предикатов *E*.

Булева программа гарантированно является абстрактной моделью исходной С-программы в следующем смысле: любой достижимый путь в С-программе также является достижимым путем булевой программы (обратное утверждение, вообще говоря, неверно).

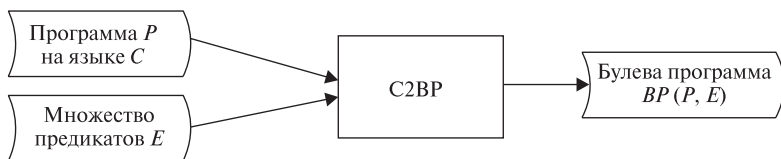

Рис. 2. Схема автоматического получения булевого эквивалента С-программы

1.3. Проверка свойств безопасности

В верификации свойств реального ПО интерес вызывает проверка так называемых свойств безопасности (temporal safety properties), которые можно описательно охарактеризовать [Ball, Rajamani, 2001] так: «что-то плохое не должно произойти». Примером служит хотя бы запрет на повторную блокировку ранее заблокированного ресурса.

Подобное свойство может быть проверено (или опровергнуто) использованием аппарата model checking без необходимости аннотирования кода (написания инвариантов) и построения абстрактной модели пользователем. Автоматическое построение абстрактной модели программы С осуществляется следующим образом.

1. Из проверяемого свойства получается начальная абстрактная модель.
2. Проверяется, можно ли по полученной модели проверить свойство. Если да, работа завершается.
3. Полученная первоначальная абстрактная модель улучшается (refining) при помощи алгоритма усовершенствования.

В худшем случае временная сложность утилит Вебор и C2BP линейна от размера графа управляющей структуры программы и экспоненциальна от числа предикатов, используемых для получения модели.

1.4. Specification Language for Interface Checking (SLIC)

SLIC — низкоуровневый язык спецификаций, спроектированный для описания свойств безопасности [Ball, Rajamani, 2002].

Пусть L — некоторая библиотека подпрограмм, а P — какая-то использующая ее программа. Обозначим их взаимодействие следующим образом: $P\|L$.

Спецификация S на языке SLIC определяет автомат, который отслеживает исполнение программы $P\|L$ в части взаимодействия с интерфейсами API. SLIC вводит понятие «состояние интерфейса» (interface state) на стыке между P и L , представляющее собой тройку вида $\{A, \{call, return\}, \Omega\}$, где A — процедура, второй компонент указывает, что управление передается в A путем вызова или управление возвращается из A в вызывающую процедуру, и наконец, Ω — оценка формальных параметров процедуры и возвращаемого значения A . Автомат отклоняет некоторые конечные пути выполнения (последовательность состояний интерфейсов) $P\|L$ либо из-за того, что P некорректно использует API, реализованное в L , либо потому, что L неправильно реализовывает данный API.

Программа $Q = P\|L$ совместно со SLIC-спецификацией S определяет новую программу Q' , в которой спецификация S совмещена с Q . Программа Q' называется *инструментированной*. Важнейшее свойство такой программы Q' состоит в том, что уникальная метка (SLIC_ERROR) не достижима в Q' тогда и только тогда, когда Q удовлетворяет спецификации S .

1.5. Static Driver Verifier Research Platform (SDVRP)

Описанные выше программы входят в состав ядра инструмента SDVRP — исследовательского расширения инструмента SDV [SLAM and Static Driver Verifier..., 2004]. Помимо этого в SDVRP входят модель окружения, правила для драйверов, скрипты для конфигурирования, GUI-оболочка.

2. Описание тестового макета

2.1. Структура программно-аппаратного комплекса

Рассмотрим структуру тестового макета, послужившего основой для выполнения практической части работы.

Устройство представляет собой термомпринтер, осуществляющий вывод информации на термобумагу. Фотография комплекса в сборе представлена на рис. 3, структурная схема отображена на рис. 4.

Термоголовка FTP-628MCL054 представляет собой законченный встраиваемый модуль термопечати с интерфейсами физического уровня управления шаговым двигателем (ШД), протягивающим печатный носитель, и управления малоинерционными

нагревательными элементами (ТЭ), осуществляющими кратковременный цикл нагрев — охлаждение в зоне печати [Fujitsu Takamisava Component Ltd., 2000].

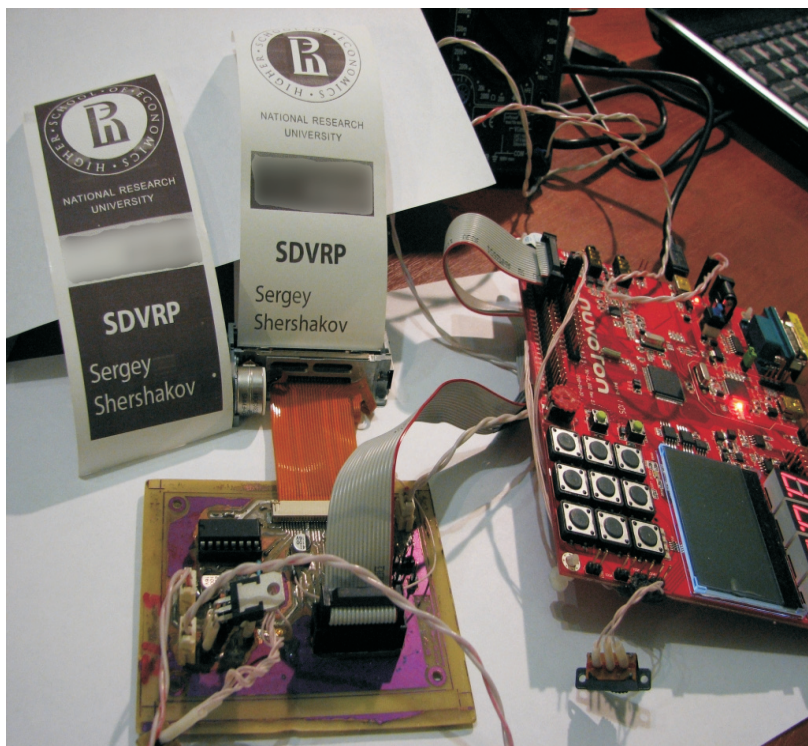

Рис. 3. Фотография макета программно-аппаратного комплекса термопечати

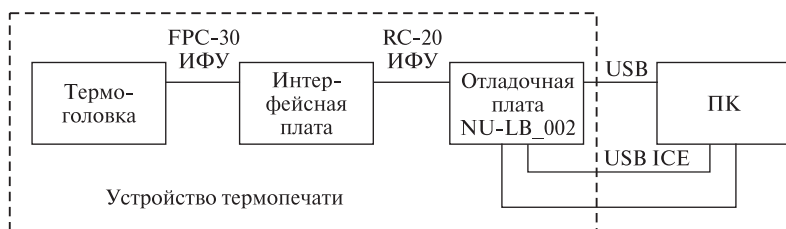

Рис. 4. Структурная схема программно-аппаратного комплекса термопечати

Управление термоголовкой осуществляется путем последовательной подачи на нее управляющих сигналов, и алгоритмы подачи являются основным источником для выявления правил; очередность таких сигналов вкупе с требованиями по правильной предварительной инициализации отдельных блоков термоголовки необходимо строго соблюдать, поскольку некоторые недопустимые комбинации сигналов, поданных на термоголовку, могут вывести ее из строя.

Наиболее существенным аргументом в пользу выполнения статического анализа исходного кода является наличие требований по временным задержкам. Это исключает возможность наблюдения отдельных фаз (происходящих с наносекундными задержками) без задания точек останова в программе управления устройством с последующим считыванием мгновенного состояния CPU. Специфика же устройства такова, что подобные задержки между фазами в некоторых режимах являются недопустимыми в принципе. Например, нагревательный элемент, будучи включенным на нагрузку в течение периода времени, большего нескольких десятков миллисекунд, попросту сгорит, поэтому выполнять плановый останов программы на этой фазе с целью отладки недопустимо.

Отладочная плата NU-LB_002 является самостоятельным законченным устройством, предоставляющая доступ к интерфейсам GPIO микроконтроллера семейства NUC140. Выбор данного микроконтроллера и отладочного комплекса на его основе фактически определяет структуру модели окружения, и они также являются главным источником правил верификации.

2.2. Архитектура микроконтроллера NUC140

Система команд микроконтроллера реализуется ARM-ассемблером, который является основным языком программирования. Имеются также компиляторы для языков высокого уровня C и C++. Поддержка периферии МК серии NUC140 осуществляется библиотекой BSP, включающей драйверы соответствующих периферийных узлов МК и их исходные коды на языках ARM-ассемблер и C.

2.3. Программное обеспечение на стороне МК

Рассмотрим модули ПО на стороне МК. Модуль управления ШД осуществляет формирование нужной последовательности

электрических сигналов на выходах МК, подключенного ко входам микросхемы-драйвера индуктивной нагрузки обмоток ШД. Временной диаграмме сигналов, подаваемых на обмотки ШД, соответствует такая битовая последовательность (каждая тетрада соотносится с состояниями выходов А, В, А# и В#):

1100'0100|0110'0010|0011'0001|1001'1000

Четыре итерации по переключению состояний сигналов на входах ШД осуществляют фиксированный поворот вала ШД на угол, соответствующий одной точечной линии на печатном носителе. Таким образом, вывод одиночной линии на носитель должен сопровождаться циклом из 4-кратной смены состояний определенного регистра МК, что оформлено в виде процедуры Forw1(). Аналогичная процедура Back1() выполняет переключение состояний в обратном порядке, что ведет к повороту вала ШД в противоположном направлении, это, в свою очередь, — к подаче печатного носителя в реверсивном режиме.

Итак, спецификация модуля шагового двигателя может включать следующие правила:

- перед выполнением операции по подаче сигналов на обмотки ШД должен быть подключен к драйверу путем выставления активного (высокого) уровня сигнала EN;
- после выполнения пакетной операции вращения ШД должен быть отключен от драйвера путем выставления неактивного (низкого) уровня сигнала EN;
- набор сигналов на обмотках ШД должен соответствовать одной из тетрад, указанных выше. Всего различных сочетаний состояний выходов может быть $2^4 = 16$, допустимыми из них являются только 8, поэтому появление остальных, недопустимых, может быть проверено с помощью соответствующего флага.

Модуль управления термоэлементом (ТЭ) включает две основные процедуры: 1) запись битового образа печатной строки (384 точки) в сдвиговый регистр (СР) и 2) последовательное включение нагревательных элементов, соответствующих этим точкам и разделенных на шесть зон с целью уменьшения общего нагрева головки и продления срока ее службы. Временная диаграмма сигналов управления логикой термоэлементов является достаточно сложной, и правильное соотношение сигналов — хороший источник для определения правил спецификации. Например, эти правила могут требовать, чтобы начальные состояния всех сигналов (такты),

защелки, строба записи и др.) находились в соответствующих логических значениях (см. спецификацию), а при переключении их в противоположное логическое состояние производилась проверка, чтобы новое состояния сигнала отличалось от текущего, т.е. переключение действительно произошло.

3. Верификация ПО микроконтроллерной системы

Рассмотрим решение задачи верификации ПО МК-системы, описанной в предыдущем разделе.

3.1. Структура плагина пользовательской платформы

Итак, поставим целью разработать компонент SDVRP таким образом, чтобы эта система проверяла корректность взаимодействия модулей ПО на стороне МК с платформой, представленной множеством API, с которым эти модули взаимодействуют.

Для платформы Cortex-M0 этим API является CMSIS — Cortex Microcontroller Software Interface Standard, стандарт на ПО ядра микропроцессорной системы линейки Cortex-M0, — и библиотека BSP.

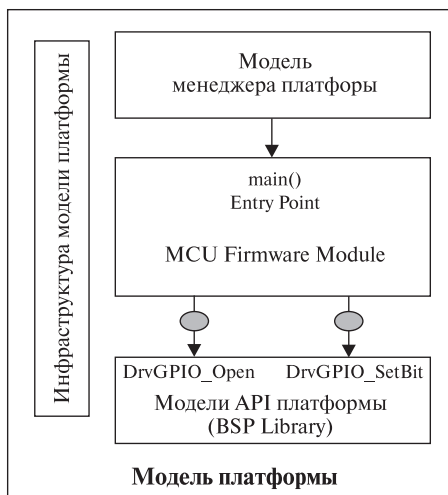

Рис. 5. Модель платформы ПО окружения МК ARM Cortex-M0 NUC140

Модель взаимодействия верифицируемого модуля и программного окружения представлена на рис. 5. На рисунке центральный элемент MCU Firmware Module представляет собой собственно верифицируемый участок кода, модели API платформы (Platform API Models) реализует функционал библиотеки BSP в части интерфейса вызова функций. Модель менеджера платформы (Platform Manager Model) представляет собой специальное организующее звено — оснастку, выполняющую вызов процедуры, являющейся точкой входа, которая вызывает тестируемые подпрограммы (см. ниже).

На рис. 6 представлена структура плагина-расширения пользовательской модели платформы ARM для инструментария SDVRP. Рассмотрим ее подробнее.

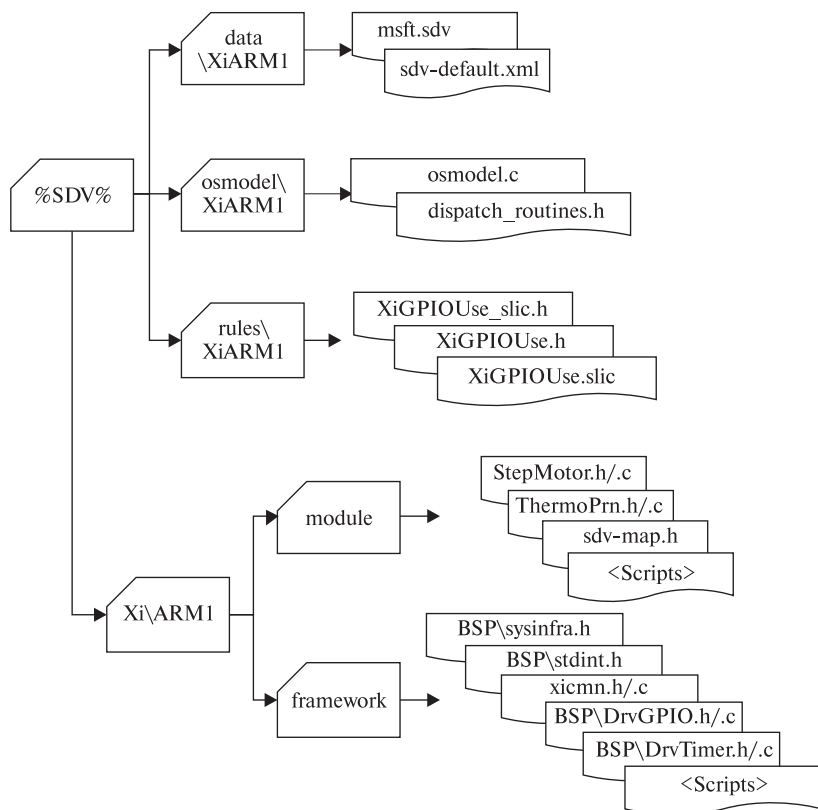

Рис. 6. Структура каталогов и файлов плагина-расширения пользовательской модели платформы ARM

3.2. Реализация пользовательской платформы

Заголовочные файлы пользовательской платформы должны содержать все типы и описания функций, доступных верифицируемым модулям. Заголовочные файлы представляют API, которым пользуются модули ПО МК для выполнения своих функций.

Отдельного пояснения требует описание типа роли (Role Type Declarations): тип роли задается путем определения нового типа данных инструкцией typedef, определяя в одном из заголовочных файлов платформы точку входа в верифицируемый модуль:

```
typedef void MCU_MAIN();
```

Здесь следует обратиться к природе драйверов для ОС Windows, для которых понятие «точка входа» имеет более широкую трактовку, так как обращение некоторых уровней ОС (например, уровня Hardware Abstraction Layer, HAL) к драйверу может осуществляться по-разному, и соответственно возможно наличие нескольких таких «точек входа». Система же SDV (надстройкой которой является SDVRP) разрабатывалась именно для тестирования драйверов, поэтому подобная особенность переносится и на не совсем специализированное использование SDVRP.

Для информирования SDVRP о том, какая же функция в действительности является «точкой входа», мы определяем специальную функцию mcu_main() (см. ниже) (и описываем ее с помощью типа MCU_MAIN()), являющуюся фактически оберткой над реальной функцией main(), которая представляет собой точку входа для всех программ на языке C, в том числе и программ для микроконтроллеров. При этом следует отметить, что ПО для МК обладает такой особенностью, как обработка прерываний реального времени, осуществляемая путем вызова соответствующей функции при возникновении некоторого события (с сохранением в стеке состояния выполнявшегося при этом процесса). Подобные обработчики прерываний являются хорошими кандидатами для альтернативных «точек входа» при статическом тестировании.

3.3. Правила из спецификации микроконтроллерной системы

Рассмотрим в качестве примера правило, являющееся частью формальной спецификации взаимодействия ПО МК с API. Большинство из GPIO-выходов МК может быть сконфигурировано в одном

из четырех заданных режимов. Конфигурирование осуществляется для отдельно взятого выхода путем вызова функции `DrvGPIO_Open` драйвера GPIO библиотеки BSP. С точки зрения схемотехники «безопасными» являются режимы «вход» и «квазидвунаправленный», поскольку в большинстве случаев неверного подключения они представляются во внешнюю среду высокоимпедансными состояниями и этим защищены от повреждения. Режимы же «выход» и «открытый коллектор» предъявляют исключительные требования к корректности подключения к ним внешних схемотехнических приборов, так как, например, соединение двух микросхем «по выходу» с большой вероятностью приведет к физическому повреждению этих выходов.

Таким образом, формулировка правила на естественном языке может быть следующей: «перед первым использованием выхода порта GPIO МК он должен быть соответствующим образом инициализирован (открыт)».

Запишем это в виде правила на языке SLIC (файл *XiGPIOUse.slic*) по отношению к выходу EN, включающему драйвер ШД (см. разд. 2.3):

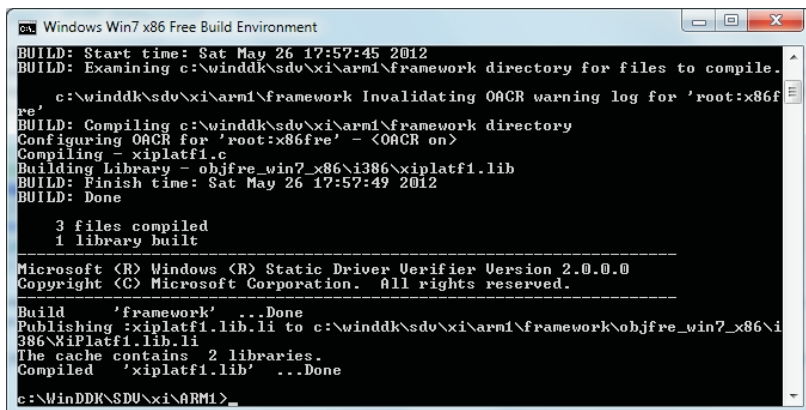
```
#include <XiGPIOUse_slic.h>
// Глобальная структура состояния
state {
    enum {closed, opened} enpinout = closed;
}
// “Подхват” входа в функцию открытия GPIO
DrvGPIO_Open.entry {
    if($1 == TSM_PORT_EN && $2 == TSM_PIN_EN)
        enpinout = opened; // помечаем пин открытым
}
// “Подхват” входа в функцию сброса в ноль ножки МК
DrvGPIO_ClrBit.entry {
    // если пин не был открыт, далее будет ошибка:
    if(enpinout == closed)
        abort “The driver calls $fname before the pin is opened.”;
}
// “Подхват” входа в функцию установки в единицу ножки МК
DrvGPIO_SetBit.entry {
    // если пин не был открыт, далее будет ошибка:
    if(enpinout == closed)
        abort “The driver calls $fname before the pin is opened.”;
}
```


Инструментированный таким образом модуль подвергается статическому анализу в поисках путей, при которых возможен вызов функций `DrvGPIO_ClrBit` и `DrvGPIO_SetBit` до того, как будет впервые вызвана функция `DrvGPIO_Open.entry`. Если такие пути будут найдены, правило считается нарушенным, т.е. процедура верификации выявила несоответствие программы своей формальной спецификации относительно правила *XiGPIOUse*.

3.4. Выполнение верификации

Рассмотрим работу системы верификации на примере проверки простого правила, речь о котором шла в разд. 3.3.

Выполняется построение модели библиотеки (рис. 7), создается «модель платформы» *xiplatf1.lib*. Затем выполняется построение указанного модуля и его верификация путем вызова утилиты `staticdv` с ключом `/rule:XiGPIOUse`, где *XiGPIOUse* задает имя правила, по отношению к которому верифицируется модуль. Команда `staticdv` последовательно вызывает утилиты, выполняющие статический анализ: 1) инструментовка модуля текущим правилом `SLIC`; 2) получение из инструментированного кода его булевой модели; 3) `model checking`-анализ утилитой `Vebo`р, в случае необходимости — выполнение улучшения абстракции и повторение цикла до получения ответа на вопрос о достижимости метки `SLIC_ERROR` либо превышения лимитов по времени или памяти. Результат вывода представлен на рис. 8.

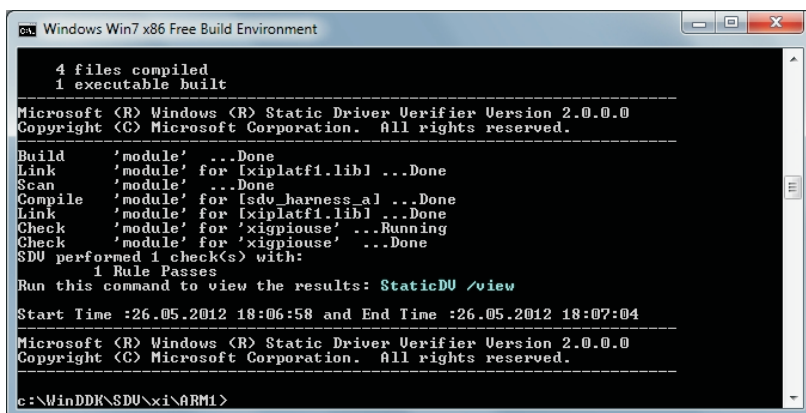
```
Windows Win7 x86 Free Build Environment
BUILD: Start time: Sat May 26 17:57:45 2012
BUILD: Examining c:\winddk\sdu\...\framework directory for files to compile.
BUILD: Compiling c:\winddk\sdu\...\framework directory
Configuring OACR for 'root:x86fre' - <OACR on>
Compiling - xiplatf1.c
Building Library - objfre_win7_x86_i386\xiplatf1.lib
BUILD: Finish time: Sat May 26 17:57:49 2012
BUILD: Done

3 files compiled
1 library built

-----
Microsoft (R) Windows (R) Static Driver Verifier Version 2.0.0.0
Copyright (C) Microsoft Corporation. All rights reserved.

-----
Build 'framework' ...Done
Publishing 'xiplatf1.lib.li to c:\winddk\sdu\...\framework\objfre_win7_x86_i386\xiPlatf1.lib.li
The cache contains 2 libraries.
Compiled 'xiplatf1.lib' ...Done
c:\WindDK\SDU\...\ARM1>
```

Рис. 7. Экранная форма командной консоли с выводом после сборки модели библиотеки


```
4 files compiled
1 executable built

Microsoft (R) Windows (R) Static Driver Verifier Version 2.0.0.0
Copyright (C) Microsoft Corporation. All rights reserved.

Build 'module' ... Done
Link 'module' for [xiplatf1.lib] ... Done
Scan 'module' ... Done
Compile 'module' for [sdu_harness_al] ... Done
Link 'module' for [xiplatf1.lib] ... Done
Check 'module' for 'xigpiose' ... Running
Check 'module' for 'xigpiose' ... Done
SDU performed 1 check(s) with:
1 Rule Passes
Run this command to view the results: StaticDU /view

Start Time :26.05.2012 18:06:58 and End Time :26.05.2012 18:07:04

Microsoft (R) Windows (R) Static Driver Verifier Version 2.0.0.0
Copyright (C) Microsoft Corporation. All rights reserved.

c:\WinDDK\SDU\xi\ARM1>
```

Рис. 8. Экранная форма командной консоли с выводом после сборки верифицируемого модуля

После выполнения построения можно осуществить трассировку полученных результатов. Исходный модуль *ThermoPrn.c* содержит код, не вступающий в противоречие со спецификацией в части правила *XiGPIOUse*, поэтому в результате верификации это правило будет отмечено как пройденное, т.е. формально доказано, что нарушений данного правила нет (рис. 9).

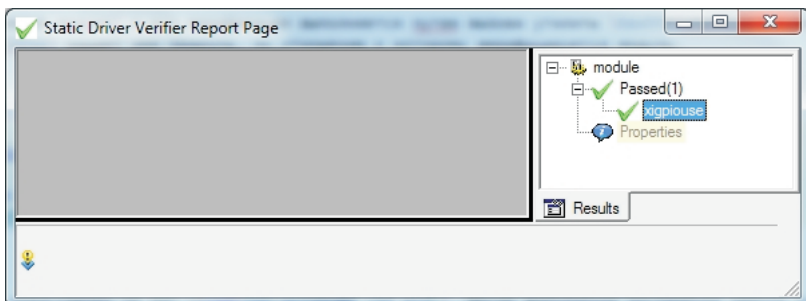

Рис. 9. Экранная форма программы трассировки результатов статического анализа

Рассмотрим исходный код части модуля *ThermoPrn.c*, включающий место первого обращения к инструментированной функции управления выходом МК (*TSM_EnableOut()*) после правильной его инициализации (*TSM_OpenGPIO()*):

```

void MCU_Main()
{...
    // инициализация pin EN и посылка импульсного сигнала
    TSM_Init(&G_sm);
    TSM_OpenGPIO();
    TSM_EnableOut();
    XIC_Delay(G_sm.stdelay);
    TSM_DisableOut();
...}

```

Закомментируем вызов функции TSM_OpenGPIO(). Тем самым мы эмулируем описанную выше ошибку в ПО, приводящую к недопустимым последствиям, а именно к управлению неинициализированным выходом МК. Соберем новую версию модуля и выполним трассировку. Выполнение построения заканчивается выводом сообщения: «SDV performed 1 check(s) with: 1 Defect(s)», а SDV Report Page отображает нарушения правила *XiGPIOUse*.

На рис. 10 видно, на каком участке кода исходной программы произошло нарушение правила. На рис. 11 отображается фрагмент правила, нарушение которого было вызвано комментированием строки TSM_OpenGPIO() исходной программы.

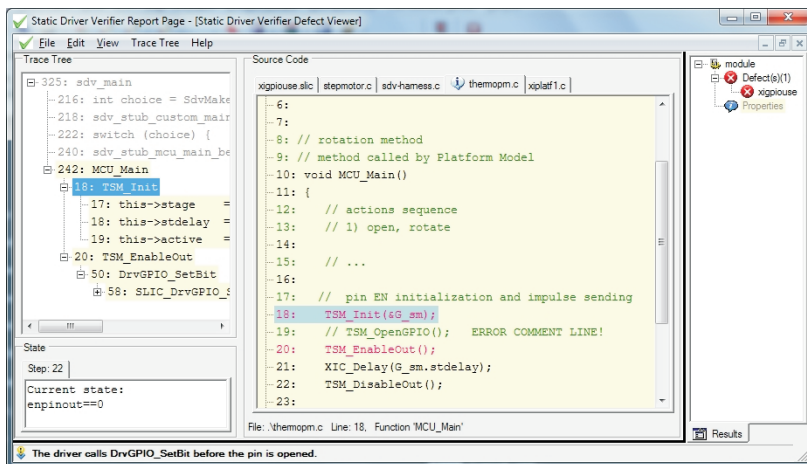

Рис. 10. Экранная форма программы трассировки: место исходной программы, вызвавшее нарушение правила

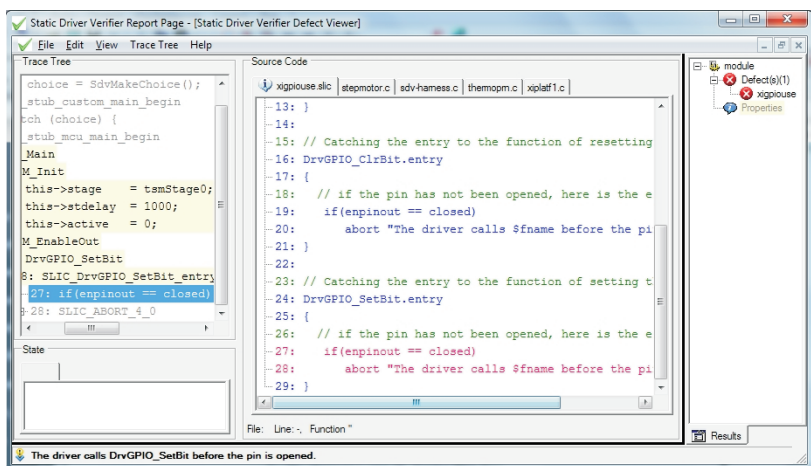

Рис. 11. Экранная форма программы трассировки:
участок правила, нарушенный исходной программой

Заключение

В данной работе на примере разработанной микроконтроллерной системы была представлена методика проверки входящего в ее состав ПО, написанного на языке С. Был произведен комплексный анализ программной платформы, основную часть которой составляют библиотека BSP поддержки функциональных узлов МК Nu140 и ядро микропроцессорной системы ARM Cortex-M0. В результате этого анализа была разработана пользовательская модель платформы, получившая свою практическую реализацию в виде так называемого плагина для системы SDVRP.

Для проверки корректности ПО, лежащего в основе «прошивки» устройства, разработан набор правил на языке SLIC, отвечающий требованиям взаимодействия узлов МК с управляемым им оборудованием. Показано, как логические ошибки, вызванные незначительными изменениями в коде программы, ведут к существенно неверному поведению всей системы и могут быть выявлены с помощью описанной технологии верификации.

Источники

Использование контрактных спецификаций для представления требований при функциональном тестировании аппаратуры / В.П. Иванников, А.С. Камкин, А.С. Косачев и др. // Программирование. 2007. Т. 33. № 5. С. 47–61.

Automatic Predicate Abstraction of C Programs / T. Ball, R. Majumdar, T. Millstein et al. // SIGPLAN Notices. 2001. Vol. 36. No. 5. P. 203–213.

Balakrishnan S., Tahar S. Modeling and Formal Verification of a Commercial Microcontroller for Embedded System Applications // Proceedings. IEEE 10th International Conference on Microelectronics (ICM'98). Monastir, 1998. P. 107–110.

Ball T., Rajamani S.K. SLIC: A Specification Language for Interface Checking (of C): Tech. Rep.: Software Productivity Tools, Microsoft Research, 2002.

Ball T., Rajamani S.K. Bebop: A Symbolic Model Checker for Boolean Programs // SPIN 00: SPIN Workshop. 2000. P. 113–130.

Ball T., Rajamani S.K. Automatically Validating Temporal Safety Properties of Interfaces. 2001. P. 103–122.

Floyd R.W. Assigning Meaning to Programs // Proceedings of the Symposium on Applied Maths. Vol. 19. AMS, 1967. P. 19–32.

Fujitsu Takamisawa Component Ltd. Thermal Printer FTP-628MCL054. Product Specification. 2000.

Hoare C.A.R. An Axiomatic Basis for Computer Programming // Communications of the ACM. 1969. Vol. 12. No. 10. P. 576–580.

Reinbacher Th. Model Checking and Static Analysis of Intel MCS-51 Assembly Code: mast. th. University of Applied Sciences Technikum Wien, 2009.

Schlich B. Formal Verification of Microcontroller Assembly Code: Talk. Vienna University of Technology, 2010.

SLAM and Static Driver Verifier: Technology Transfer of Formal Methods Inside Microsoft / T. Ball, B. Cook, V. Levin et al. // IFM. 2004. P. 1–20.

© Шершаков С.А., 2014

О.Т. Гаспарян

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»
Научный руководитель
Р.С. Ениколопов

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ НА ЛЕГИТИМНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Введение

В настоящее время проблема центробежных и центроостремительных сил в системе взаимоотношения «центр — регион» встала довольно остро. Это связано с тем, что ряд унитарных государств все больше стремится к децентрализованному управлению, объясняя подобную организацию своей власти тем, что «сосредоточение всех возможных функций в центре ведет к чрезмерной бюрократизации, созданию громоздкого и неэффективного аппарата, не способного оперативно и адекватно решать проблемы территорий» [Туровский, 2006, с. 164]. Яркими примерами подобных процессов являются Великобритания, Испания, Италия, Филиппины, Франция [Там же, с. 165]. В то же время другим федеративным государствам, напротив, свойственна чрезмерная склонность к централизованному управлению и концентрации большинства полномочий в руках центра. Все это говорит о том, что изучение процессов политической децентрализации становится довольно актуальной темой. Мы также видим, что процессы политической децентрализации могут оказывать непосредственное влияние на организацию власти в государстве. Политическая децентрализация способствует появлению сильных региональных партий [Brancati, 2008], которые способны проводить более эффективную политику в отношении проблем конкретного региона, нежели центральное правительство. Такое положение вещей может привести к потере центральной властью своей легитимности. Основной вопрос данной работы заклю-

чается в том, чтобы установить, действительно ли с увеличением степени политической децентрализации существующая центральная власть теряет свою легитимность.

Рабочая гипотеза данного исследования состоит в том, что в условиях увеличения политической децентрализации государства его центральная власть все меньше пользуется доверием у граждан. Иными словами, политическая децентрализация влечет за собой снижение уровня легитимности центральной власти.

Описание проблемного поля исследования

За последние 40 лет волна децентрализации прокатилась практически по всему миру. Можно привести примеры таких государств, как Великобритания, Италия, Испания, Португалия, Польша и Франция, которые поняли неизбежность регионализации. Подобная политика свойственна не только развитым странам Европы, в частности ряд стран Азии, таких как Вьетнам, Индонезия, Китай и Филиппины, также сделали видимый поворот в сторону признания необходимости хотя бы частичной автономии регионов. Процессы децентрализации привели к политическим трансформациям и в федеративных государствах. Так, например, новая волна децентрализации была отмечена в 1992 г. в Индии, а также ряд политических трансформаций в странах Латинской Америки в конце 1980–1990-х годов (Бразилия 1988 г., Мексика 1990 г.).

Профессор Д. Трисман описывает существование нескольких типов децентрализации: административной, политической и фискальной [Treisman, 2007]. Однако он отмечает, что выделенные им три типа децентрализации являются «идеальными типами». Следовательно, в реальной политической практике все они оказываются сильно взаимосвязанными. Говоря о едином определении децентрализации, в общем случае мы можем назвать децентрализованным то государство, в котором центральный уровень власти играет меньшую роль, чем все остальные уровни власти [Schneider, 2003].

Концептуализация понятия «легитимность» оказывается более сложной задачей. Гипотеза о том, что легитимность должна восприниматься исключительно в нормативном понимании, потерпела поражение с появлением веберовского подхода к пониманию легитимности, который и по сей день не теряет своей актуальности. С точки зрения М. Вебера [Weber, 1922], любое государство представляет собой отлаженную систему функционирования государ-

ственных органов, направленную на моральное правление и на благоденствие и процветание государства. Следовательно, необходимо совмещение нормативного и позитивного подходов к пониманию легитимности [Hardin, 2009]. Подобная многосоставность концепта легитимности привела к возникновению трудностей, связанных с измерением этого понятия. Одной из первых попыток измерения легитимности считается концепция М. Уезерфорда [Weatherford, 1922]. Он рассматривает два аспекта в понимании легитимности: легитимность «сверху», т.е. понимание легитимности со стороны системы (system-level aspects of legitimacy) и легитимность «снизу» (view from the grass roots: the relevance of the public opinion). Еще одной попытка измерения легитимности представлена в концепции Б. Гилея. Он определяет легитимность как способность граждан на независимое признание или непризнание действующего политического курса (действующей власти), а также разграничение таких понятий, как политическая и социальная власть [Gilley, 2006].

В данной работе понятие легитимности будет складываться из трех составляющих: одобрение гражданами существующих политических институтов и решений, принимаемых этими институтами; участие граждан в политике; а также «легитимность сверху», т.е. справедливость и ответственность власти (справедливость политических институтов).

Связь политической децентрализации и легитимности центральной власти государства: обзор литературы

Ряд исследователей отмечают, что процессы децентрализации могут сопровождаться определенными рисками для государства в целом, а именно для его состоятельности, суверенитета и легитимности его власти. Ведь государство с несколькими уровнями управления предполагает так называемый разделенный суверенитет, а также многоуровневость управленческих структур [Lazar, Telford, Watts, 2003]. Проведение децентрализации приводит к изменению видения суверенного государства: от суверенных централизованных национальных государств к государствам со сжатым государственным суверенитетом и расширенными межрегиональными связями [Watts, 1999].

С начала 2000-х годов наблюдался рост интереса к проблеме взаимосвязи процессов децентрализации и уровня эффективности

центрального управления, а также к проблеме влияния новой организации государственной власти (переход от одного центрального уровня управления к многоуровневому управлению государством) на эффективность государственной политики и на легитимность центральной власти. Изучение негативных последствий децентрализации выявило, что к отрицательным эффектам от нее можно отнести коррупцию и неэффективное управление на низовом (региональном) уровне [Hadenius, 2003; Bardhan, 2002]. А. Хадениус предполагает, что все это отрицательно влияет на эффективность работы общественного сектора, а также на политическую систему в целом. Неэффективное и коррумпированное правительство зачастую стимулирует появление клиентелизма. Все это ведет к тому, что гражданам (grass root) перестают что-либо решать в политической жизни своей страны. В конечном счете происходит снижение легитимности государственной власти [Hadenius, 2003].

Одним из самых популярных кейсов в исследованиях взаимосвязи децентрализации и легитимности стал пример китайской децентрализации, изученный и описанный Ч. Каи-Мингом [Kai-Ming, 1994]. Рассматривая образовательную политику Китая, он показал, что отстранение центральной власти от решения социальных проблем регионов снижает ее легитимность. Важным выводом данного исследования стала идея о наличии взаимосвязи между процессами децентрализации и легитимацией действующей политической власти. Вопрос лишь в том, какой характер носит эта взаимосвязь, действительно ли центральная власть теряет доверие граждан в условиях политической децентрализации или же, наоборот, вызывает одобрение со стороны граждан. Именно это и становится основной проблемой данного исследования.

Описание данных

В качестве индикатора (проху) для измерения уровня политической децентрализации был выбран показатель доли расходов региональных правительств от общего объема расходов по всей стране (Fiscal Decentralization Indicators). Данный показатель, в свою очередь, может служить индикатором автономности или же, наоборот, зависимости регионов от центра. Показатель измеряется как процентная доля от федерального бюджета и, следовательно, представлен в шкале от 0 до 100. Данные взяты из базы данных финансовых показателей (Financial Indicators) Всемирного бан-

ка (World Bank), собранных Международным валютным фондом (International Monetary Fund) на основе данных по государственной статистике отдельно взятых стран (IMF, FDI).

Для измерения понятия легитимности была использована процедура построения интегрального индекса. В качестве первого шага в построении интегрального индекса важно выбрать ряд релевантных субиндикаторов, которые наиболее полно отражали бы смысл измеряемого концепта. Понятие легитимности в рамках данного исследования складывалось из трех составляющих: одобрения гражданами существующей власти, политического участия граждан, а также справедливости власти. Соответственно был подобран набор субиндикаторов, наиболее полно отражающих смысл каждого из трех компонент.

Одобрение гражданами существующих политических институтов представлено следующими субиндикаторами:

- интерес к политике;
- доверие к органам власти;
- доверие полиции.

Политическая активность.

Четыре отобранных субиндикатора взяты из базы данных World Value Survey (WVS).

Справедливость государственной власти оценивается следующим набором индикаторов:

- независимость судебной ветви власти;
- внесудебные убийства;
- лишение свободы по политическим основаниям.

Три последних индикатора взяты из базы данных Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project (HRDP).

Агрегирование отобранных субиндикаторов в единый индекс легитимности было произведено с помощью **метода главных компонент** (МГК).

С использованием метода Кайзера (собственное значение больше 1) были выделены три главные компоненты с кумулятивной информативностью, равной примерно 71% (см. табл. 1). Для построения итогового индекса легитимности была выведена следующая формула:

$$\begin{aligned} \text{Индекс легитимности} = & (0,32/0,71) \times \text{Компонента 1} + (0,24/0,71) \times \\ & \times \text{Компонента 2} + (0,14/0,71) \times \text{Компонента 3} = 0,4548 \times \\ & \times \text{Компонента 1} + 0,3410 \times \text{Компонента 2} + 0,2042 \times \text{Компонента 3}. \end{aligned}$$

В качестве контрольных переменных использовались следующие показатели: численность населения, ВВП на душу насе-

ления по ППС, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, уровень урбанизации, форма территориального устройства, а также фиктивные переменные на годы.

Таблица 1

Результаты МГК для построения индекса легитимности

Общая объясненная дисперсия						
Компоненты	Собственные значения			Выведенная сумма квадратов нагрузок		
	Абсолютная величина	Объясненной дисперсии (%)	Процент кумулятивной объясненной дисперсии	Абсолютное значение	Объясненной дисперсии (%)	Процент кумулятивной объясненной дисперсии
1	2,256	32,233	32,233	2,256	32,233	32,233
2	1,692	24,169	56,402	1,692	24,169	56,402
3	1,013	14,469	70,871	1,013	14,469	70,871
4	0,646	9,223	80,094			
5	0,554	7,911	88,005			
6	0,430	6,147	94,152			
7	0,409	5,848	100,000			

Методы исследования и полученные результаты исследования

Исходный массив данных представлял собой пространственно-временную выборку (time-series cross-section, TSCS), где в качестве объектов наблюдения выступают 75 стран мира (полный список стран см. в приложении 1) за период с 1981 по 2009 г.

Из табл. 2 корреляционного анализа видно, что между уровнем децентрализации и показателем легитимности наблюдается статистически значимая (на уровне значимости, равном 1%, так как минимальный уровень значимости меньше 0,01) положительная, но не очень сильная корреляция, равная 0,347.

Диаграмма рассеяния (см. рис. 1) не показывает четкой линейной или нелинейной связи. Скорее они характеризуются некоторой закономерностью, когда с ростом одного показателя другой увеличивается или уменьшается.

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа политической
децентрализации и индекса легитимности**

		Индекс легитимности	Уровень децен- трализации
Индекс легитим- ности	Коэффициент корреляции	1,000	0,347*
	Уровень значимости (Sig. (2-tailed))	.	0,000
	Число наблюдений	1962	1153
Уровень децентра- лизации	Коэффициент корреляции		1,000
	Уровень значимости (Sig. (2-tailed))		.
	Число наблюдений		1161

* Коэффициент корреляции значим на 1%-ном уровне значимости для двусторонней альтернативы.

Рис. 1. Диаграмма рассеяния наблюдений
за весь анализируемый промежуток времени

В рамках данного исследования были построены две модели регрессии: модель на объединенной пространственно-временной

выборке с робастными ошибками и модель с фиксированными эффектами для панельных данных.

Таблица 3

**Результаты для модели регрессии на объединенной
пространственно-временной выборке**

Переменные	Модель-1 Индекс легитимности	Модель-2 Индекс легитимности
<i>Уровень децентрализации</i>	0,302*** (0,0523)	0,0585 (0,0462)
Младенческая смертность	−0,00487*** (0,000641)	−0,00770*** (0,000543)
Продолжительность жизни	−0,00611** (0,00240)	−0,0136*** (0,00204)
ВВП на д/н по ППС	1,02e-05*** (7,20e-07)	1,61e-05*** (7,23e-07)
Этническая фрагментарность	−0,215*** (0,0282)	−0,0922*** (0,0238)
Численность населения	−8,13e-11** (0)	1,04e-10*** (0)
Уровень урбанизации	−0,00280*** (0,000435)	−0,00244*** (0,000373)
Форма территориального устройства	0,00192 (0,0158)	−0,0146 (0,0131)
Константа	1,210*** (0,182)	1,724*** (0,154)
Общая численность наблюдений	1092	1092
R^2	0,553	0,691

Примечание. В круглых скобках указаны робастные стандартные ошибки.
* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Из Модели-1 (см. табл. 3) видно, что при анализе объединенной пространственно-временной выборки наблюдается ста-

статистическая значимость коэффициента регрессии при показателе политической децентрализации ($\beta_1 = 0,302$). При этом любопытно: в отличие от нашей исходной гипотезы коэффициент регрессии оказывается положительным, и это свидетельствует о том, что при увеличении индекса политической децентрализации при прочих равных условиях легитимность существующей в государстве власти увеличивается. Стоит отметить, что R^2 данной модели равен 0,553. Это свидетельствует о том, что модель объясняет примерно 56% вариации.

После исключения нетипичных наблюдений (по итогам теста Кука, см. рис. 2 в приложении 2) и переоценки коэффициентов регрессии остается подозрение, что получившаяся в первой модели статистическая значимость коэффициента регрессии при показателе децентрализации носит случайный характер. А потому добавим к Модели-1 дамми-переменные на годы, чтобы исключить возможный тренд в наблюдениях:

$$Y_i = \beta_0 + \beta_1 X_i + C_i + \text{Year}_i + \varepsilon_i. \quad (2)$$

Как видно из результатов регрессионного анализа для Модели-2 в табл. 3, коэффициент при показателе децентрализации оказывается также статистически значимым, так как здесь минимальный уровень значимости равен 0,0462.

Для наиболее точной оценки эффекта влияния уровня децентрализации на легитимность центральной власти на нашей подвыборке построим модель с фиксированными эффектами и робастными ошибками — Модель-3.

Из табл. 4 видно, что при наличии фиксированных эффектов коэффициент регрессии при уровне децентрализации оказывается статистически незначимым, минимальный уровень значимости (p -value) в данном случае равен 0,166. Иными словами, результаты этой модели показывают, что влияния процессов политической децентрализации на уровень легитимности центральной власти на примере данной выборки не наблюдается.

Исходя из результатов регрессионного анализа (для модели с фиксированными эффектами и робастными ошибками) мы можем сделать вывод, что на полной выборке, состоящей из 75 стран за период с 1981 по 2009 г., не наблюдается статистически значимой связи между уровнем политической децентрализации и уровнем легитимности центральной власти. Однако стоит предположить,

что влияние децентрализации на легитимность центральной власти может быть весьма разнородным и даже противоречивым в зависимости от состава выборки. Именно поэтому необходимо провести кластерный анализ и рассмотреть характер взаимосвязи между децентрализацией и легитимностью в каждом из кластеров.

Таблица 4

Модель-3 с фиксированными эффектами и робастными ошибками

Переменные	Уровень легитимности
Уровень децентрализации	0,169 (0,166)
Младенческая смертность	–0,00173 (0,00222)
Продолжительность жизни	–0,00383 (0,00666)
ВВП на д/н по ППС	1,05e-06 (1,18e-06)
Численность населения	–3,57e-10* (1,87e-10)
Уровень урбанизации	–0,00440* (0,00237)
Константа	1,170* (0,620)
Число наблюдений	1,092
Число групп наблюдений	54
R^2	0,038

Примечание. В круглых скобках указаны робастные стандартные ошибки.
* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

В качестве исходных условий кластеризации мы использовали индекс легитимности, уровень политической децентрализации и этническую неоднородность, которая также может быть одним из факторов переориентации модели легитимности в современном мире. По итогам первичной иерархической кластеризации, реализованной с помощью метода Варда (Ward method) и метрики — ква-

драта Евклидова расстояния, наша выборка была разбита на пять кластеров (результаты кластеризации см. в приложении 1).

Проведем регрессионный анализ с использованием пространственно-временной модели с фиксированными эффектами для каждого из кластеров.

Из табл. 5 видно, что статистически значимыми коэффициентами регрессии при показателе уровня политической децентрализации оказались коэффициенты во втором и в четвертом кластере. При этом отметим, что знак коэффициента в этих случаях различен. Иными словами, для второго кластера с увеличением степени политической децентрализации при прочих равных уровень легитимности центральной власти увеличивается. А в четвертом кластере наблюдается противоположная тенденция, которая и соответствует нашей исходной гипотезе исследования, т.е. с увеличением степени политической децентрализации уровень легитимности центральной власти снижается, здесь происходит изменение модели легитимности: люди в большей степени одобряют свою региональную власть, чем центральную (общенациональную).

В результате регрессионного анализа на каждой из подвыборок мы пришли к выводу, что политическая децентрализация может создавать определенные условия для изменения уровня легитимности центральной власти. Подобные явления наблюдаются в двух случаях. В первую очередь это сильно централизованные унитарные государства, где перераспределение полномочий от центра к регионам сопровождается одобрением политики государства со стороны населения. А также, наоборот, в сильно децентрализованных государствах с исторически сложившимся институтом федерализма (США, Швейцария) или же с довольно раздробленной системой управления государством (Испания, Канада), где политика общенационального уровня власти не настолько связана с актуальными социальными проблемами граждан, а потому общенациональная власть здесь оказывается легитимной лишь в силу того, что она избрана гражданами государства, в то время как региональные власти в этих странах легитимны именно в силу своей эффективной региональной политики. Таким образом, стоит предположить, что в развитых децентрализованных государствах именно перераспределение ключевых полномочий между центральной и региональной (местной) властью становится основной причиной снижения уровня доверия к центральной власти, что и является оправданием нашей исходной гипотезы исследования.

**Результаты регрессионного анализа на подвыборках (кластерах)
для моделей с фиксированными эффектами и робастными оценками**

Переменные	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
	Индекс легитимности	Индекс легитимности	Индекс легитимности	Индекс легитимности	Индекс легитимности
Уровень децентрализации	-0,324 (2,535)	9,206*** (2,667)	0,849 (1,463)	-4,389** (1,302)	-4,857 (3,445)
Младенческая смерт- ность	6,594 (5,137)	4,797 (4,509)	-23,64** (8,475)	-9,118 (5,935)	-5,485 (5,004)
Продолжительность жизни	-0,144 (0,196)	-0,406*** (0,108)	-0,917*** (0,124)	-1,178*** (0,117)	-0,619*** (0,0609)
ВВП на д/н по ППС	-0,166 (0,327)	0,274 (0,380)	1,845*** (0,486)	2,419*** (0,334)	-0,380 (0,244)
Этническая фрагментар- ность	0,00101*** (0,000235)	0,000837*** (8,21e-05)	0,000233* (0,000108)	0,000272** (6,18e-05)	0,000958** (0,000286)
Уровень урбанизации	2,59e-08* (1,37e-08)	-1,33e-07 (2,01e-07)	3,27e-07 (2,81e-07)	2,77e-08* (1,16e-08)	-1,20e-07* (6,07e-08)

Переменные	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
	Индекс легитимности	Индекс легитимности	Индекс легитимности	Индекс легитимности	Индекс легитимности
Форма территориального устройства	1,184** (0,386)	0,674* (0,315)	0,339** (0,119)	0,0597 (0,0455)	0,267** (0,106)
Константа	1,921*** (50,57)	1,930*** (31,00)	1,827*** (38,24)	1,809*** (26,03)	2,040*** (17,86)
Число наблюдений	217	302	270	112	164
Число групп наблюдений	9	15	11	4	9
R^2	0,955	0,949	0,983	0,996	0,972

Примечание. В круглых скобках указаны робастные стандартные ошибки.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Заключение

В данной работе проверялась гипотеза о том, что увеличение степени политической децентрализации приводит к снижению уровня легитимности центральной власти государства. Для проверки гипотезы были использованы данные по 75 государствам за период с 1981 по 2009 г.

Результаты регрессионного анализа показали, что на всей выборке наша гипотеза о наличии взаимосвязи политической децентрализации и уровня легитимности центральной власти должна быть отвергнута. Однако в результате проведения кластерного анализа мы пришли к выводу о существовании подобной взаимосвязи в двух из пяти группах стран.

В слабо децентрализованных развитых унитарных и новых федеративных (характеризующихся процессами централизации, в частности России) государствах исходная гипотеза не подтвердилась. Иными словами, в этих странах какие-либо изменения в перераспределении полномочий между центральными и местными властями никак не влияяют на легитимацию существующих государственных институтов.

Подобный вывод нельзя распространять на небольшие унитарные государства, которые характеризуются не самым высоким уровнем своего социально-экономического положения. Наличие прямой линейной связи между децентрализацией и легитимностью для данного кластера может объясняться одобрением гражданами политики центра, направленной на перераспределение ресурсов. Вторая группа стран с наличием статистически значимого воздействия процессов политической децентрализации на уровень легитимности центральной власти — это государства с исторически сложившимся федерализмом (Канада, США и Швейцария), а также сильно децентрализованное «государство автономий» — Испания, где с каждым годом все сильнее чувствуются сепаратистские настроения. Регрессионный анализ, проведенный на выборке стран из данного кластера показал, что с увеличением автономии отдельных регионов в рамках этих государств, при прочих равных граждане в большей степени одобряют и поддерживают политику своих региональных властей, чем общенациональных.

Наличие линейной взаимосвязи политической децентрализации и уровня легитимности центральной власти даже для отдельных групп государств может свидетельствовать о возможном нача-

ле переориентации модели легитимности в условиях доминирования центробежных сил во взаимоотношениях «центр — регион». Если еще в начале XX в. даже для таких децентрализованных сегодня государств, как Испания, США и Франция, ключевым понятием считалось «национальное государство» и то, как граждане легитимируют это национальное государство, то сегодня можно отметить отдельные примеры стран, где в условиях чрезмерного развития процессов децентрализации доверие граждан перемещается с общенационального на региональные и локальные уровни. Становится очевидным, что именно региональные и локальные власти могут более эффективно справляться с различными проблемами на своем локальном уровне.

Источники

Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс]. <http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.htm>

Гуриев С.М. Три источника — три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 134—141.

Испания // Электронная библиотека «Кругосвет» [Электронный ресурс]. <http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/ISPANIYA.html?page=0,6>

Канада // Электронная библиотека «Кругосвет» [Электронный ресурс]. <http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/KANADA.html?page=0,6>

Олейнов А.Г. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход // *Полис*. 2009. № 4. С. 53—71.

Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица и др.; науч. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999.

Понеделко Г. Региональная политика Испании // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 1. С. 84—93.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Bardhan P. Decentralization of Governance and Development // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16. No. 4. P. 185—205.

Beck N., Katz J. Modeling Dynamics in Time-Series — Cross-Section Political Economy Data. California Institute of Technology, Social Science. Working Paper No. 1304. P. 1–32.

Beramendi P. Federalism // Article 31. Oxford Handbook of Comparative Politics. 2009 [Электронный ресурс]. <http://www.oxford-handbooks.com/oso/public/content/oho_politics/9780199566020/toc.html/>

Bermeo N. Conclusions: the Merits of Federalism // Federalism, Unitarism and Territorial Cleavages / ed. by U. Amoretti, N. Bermeo. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. P. 457–486.

Boix C. Democracy and Redistribution. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Brancati D. Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // International Organization. 2006. Vol. 60. P. 651–685.

Brancati D. The Origins and Strengths of Regional Parties // British Journal of Political Science. 2008. Vol. 38. P. 135–159.

Bunce V. Federalism, Nationalism and Secession: the Communist and Postcommunist Experience // Federalism, Unitarism and Territorial Cleavages, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. P. 417–440.

Carroll R.J., Wang S., Simpson D.G., Stromberg A.J., Ruppert D. The Sandwich (Robust Covariance Matrix) estimator. 1998 [Электронный ресурс]. <<http://citeseerx.ist.psu.edu/>>

Davis M.C. The Case for Chinese Federalism // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. No. 2. P. 124–137.

Desposato S.W. The Impact of Federalism on National Party Cohesion in Brazil // Legislative Studies Quarterly. 2004. Vol. 29. P. 259–285.

Easton D. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. McGraw-Hill, 1969.

Filippov M., Ordeshook P.C., Shvetsova O. Designing Federalism: A Theory of Self-sustainable Federal Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Galligan B. Comparative Federalism // Article 14, Oxford Handbook of Political Institutions [Электронный ресурс]. <<http://www.ox->

fordhandbooks.com/oso/public/content/oho_politics/9780199548460/toc.html>

Gilley B. The Meaning and Measure of State Legitimacy: Results for 72 Countries // European Journal of Political Research. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 499–525.

Hadenius A. Decentralization and Democratic Governance Experiences from India, Bolivia and South Africa. 2006 [Электронный ресурс]. <http://www.ispla.su.se/gallery/bilagor/Hadeniusstudy2003_3.pdf>.

Hardin R. Reasonable Agreement: Political not Normative // Impartiality, Neutrality and Justice: Re-reading Brian Barry's, Justice as Impartiality / ed. by P.J. Kelly. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. P. 137–153.

Hardin R. Compliance, Consent, and Legitimacy // Article 10. Oxford Handbook of Comparative Politics. 2009 [Электронный ресурс]. <http://www.oxfordhandbooks.com/oso/public/content/oho_politics/9780199566020/toc.html>

Hechter M. The Dynamics of Secession // Acta Sociologica. 1992. Vol. 35. P. 267–283.

Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.

Kai-Ming C. The Changing Legitimacy in a Decentralized System: The State and Education Development in China // Educational Development. 1994. Vol. 14. No. 3. P. 265–269.

Lazar H., Telford H., Watts R.L. The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems: A Comparative Analysis. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2003.

Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven, CT: Yale University Press, 1999.

Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. N.Y.: Doubleday, 1959.

March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. P. 734–749.

Moreno L. The Federalization of Spain, The Cass Series in Regional and Federal Studies. L.; Portland, OR: F. Cass, 2001.

Musgrave R. Devolution, Grants and Fiscal Competition // Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11. No. 4. P. 65–72.

Oates W. Essays in Fiscal Federalism. Cheltenham: Edward Elgar, 1991.

Oates W.E. An Essay on Fiscal Federalism // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37. No. 3. P. 1120–1149.

Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. Gosport (Hampshire): Ashford Colour Press, 2005.

Podestà F. Recent development in quantitative comparative methodology: The case of pooled time-series cross-section analyses. 2002 [Электронный ресурс]. <http://localgov.fsu.edu/readings_papers/Research%20Methods/Podesta_Pooled_Time_Series_Cross_Section.pdf>

Riker W. Federalism: Origin, Operation and Significance. Boston: Little Brown, 1964.

Rodriguez-Pose A., Tijmstra S.A.R., Bwire A. Fiscal Decentralization, Efficiency, and Growth // Environment and Planning A. 2009. Vol. 41. P. 2041–2062.

Schneider A. Decentralization: Conceptualization and Measurement // Studies in Comparative International Development. 2003. Vol. 38. P. 32–56.

Treisman D. The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tursan L. Regionalist Parties in Western Europe. L.: Routledge, 1998.

Useem B., Useem M. Government Legitimacy and Political Stability // Social Forces. 1979. Vol. 57. No. 3. P. 840–852.

Watts R.L. Comparing Federal Systems. 2nd ed. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999.

Weatherford M.S. Measuring Political Legitimacy // The American Political Science Review. 1992. Vol. 86. No. 1. P. 149–166.

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1922.

Электронные базы данных

Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project [Электронный ресурс]. <<http://ciri.binghamton.edu/documentation.asp>>.

Fiscal Decentralization Indicators [Электронный ресурс]. <<http://www1.worldbank.org/publicsector/decentralization/fiscalindicators.htm#Formulas>>

International Monetary Fund [Электронный ресурс]. <www.imf.ru, <http://www.imf.org/external/index.htm>>

World Value Survey [Электронный ресурс]. <<http://www.worldvaluessurvey.org/>>

Приложение 1

Перечень стран в выборке

1. Австралия	24. Зимбабве
2. Азербайджан	25. Индия
3. Албания	26. Индонезия
4. Алжир	27. Иордания
5. Аргентина	28. Испания
6. Армения	29. Италия
7. Бангладеш	30. Канада
8. Беларусь	31. Кипр
9. Болгария	32. Колумбия
10. Босния и Герцеговина	33. Латвия
11. Бразилия	34. Литва
12. Буркина-Фасо	35. Македония
13. Великобритания	36. Малайзия
14. Венгрия	37. Мали
15. Венесуэла	38. Марокко
16. Вьетнам	39. Мексика
17. Гана	40. Молдова
18. Гватемала	41. Нигерия
19. Германия	42. Нидерланды
20. Грузия	43. Новая Зеландия
21. Доминиканская Республика	44. Норвегия
22. Египет	45. Пакистан
23. Замбия	46. Перу

47. Польша	61. Уругвай
48. Россия	62. Филиппины
49. Руанда	63. Финляндия
50. Румыния	64. Франция
51. Словакия	65. Хорватия
52. Словения	66. Чехия
53. США	67. Чили
54. Таиланд	68. Швейцария
55. Тайвань	69. Швеция
56. Танзания	70. Эстония
57. Тринидад и Тобаго	71. Эфиопия
58. Турция	72. ЮАР
59. Уганда	73. Южная Корея
60. Украина	74. Япония

Результаты кластеризации

Выделено 5 групп:

1. Аргентина, Беларусь, Бразилия, Индия, Россия, Колумбия, Мексика, Перу, ЮАР.

2. Болгария, Чили, Хорватия, Чехия, Франция, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Уругвай, Армения, Азербайджан, Доминиканская Республика, Филиппины, Эстония.

3. Австралия, Финляндия, Германия, Венгрия, Италия, Южная Корея, Нидерланды, Норвегия, Польша, Швеция, Соединенное Королевство (Великобритания).

4. Канада, Испания, Швейцария, США.

5. Эфиопия, Индонезия, Таиланд, Грузия, Латвия, Македония, Малайзия, Молдова, Украина.

Приложение 2

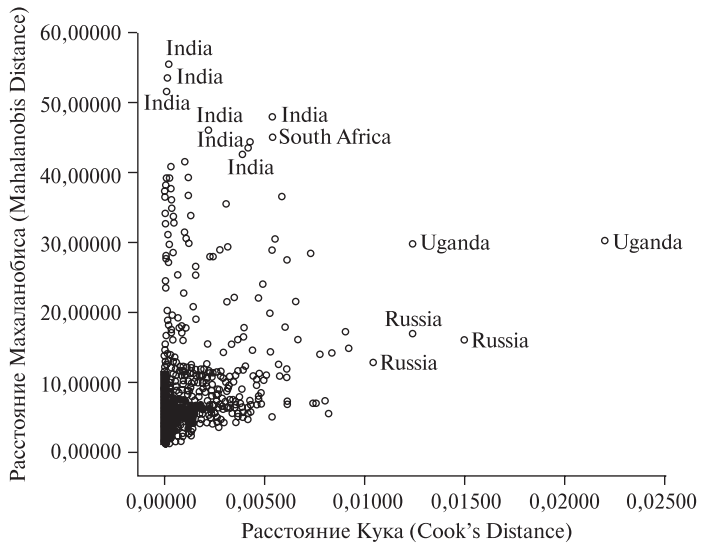

Рис. 2. Графическая интерпретация теста Кука, выявляющая нетипичные наблюдения в выборке

© Гаспарян О.Т., 2014

Д.И. Зверева

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

Научный руководитель
Д.К. Стукал

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Введение

Хотя государство исследуется уже не один век, тема государственной состоятельности до сих пор остается слабо разработанной. Однако сегодня с развитием статистики наши возможности по изучению эффективности государства значительно расширяются. Кроме того, растет интерес к этой теме не только со стороны академического мира, но и со стороны непосредственно управляющих государством, что создает благоприятные условия для развития исследований в этой области. Одновременно повышается интерес и к изучению качества жизни, так как в современном мире улучшение этого показателя является одним из приоритетов политики государств, а также критерием оценки действий чиновников. Вместе с тем до сегодняшнего дня каких-либо серьезных исследований на тему влияния государственной состоятельности на качество жизни не проводилось.

Рабочей гипотезой настоящего исследования является предположение, что государственная состоятельность положительно влияет на качество жизни, так как от способности государства выполнять свои базовые функции (защищать границы, обеспечивать правопорядок и легитимность, организовывать управление и развитие) зависит качество жизни граждан (защищенность, доступ к общественным благам и т.д.).

Работа состоит из трех глав. В первой главе проводится анализ литературы по теме исследования, выделяются несколько подходов к государственной состоятельности: с точки зрения военной мощи, управленческой способности, слаженности политических институтов; рассматриваются разные определения качества жизни. Во второй главе описываются используемые данные. В третьей гла-

ве описываются полученные эмпирические результаты: построение индексов государственной состоятельности и качества жизни, их интерпретация; создание типологии государств, выявление характера влияния государственной состоятельности на качество жизни.

Обзор литературы

Государственная состоятельность. Одной из первых и ключевых работ для современных исследований государства и, в частности, государственной состоятельности является статья М. Манна «Автономная сила государства» [Mann, 1986], в которой автор выделил два вида власти: деспотическую и инфраструктурную. Исследование М. Манна во многом и сейчас остается актуальным: свидетельством этого является недавно опубликованная работа Х. Зойфера «Государственная инфраструктурная власть: подходы к концептуализации и измерению» [Soifer, 2008], где автор рассматривает три подхода к инфраструктурной власти¹ — с точки зрения возможностей государства, т.е. его потенциальной способности осуществлять контроль, с точки зрения охвата (reach) территории функционирующими государственными институтами и с точки зрения возможностей государства оказывать влияние на общество, т.е. качества институтов.

Военная мощь: государственная состоятельность может быть определена как способность государства предотвращать и подавлять вызовы собственной власти с помощью силы. Национальная армия является центральной репрессивной силой и занимает привилегированное место в эмпирических исследованиях, связывающих репрессивную мощь с возникновением, продолжительностью и окончанием гражданской войны. При прочих равных условиях меньшая и хуже организованная армия должна представлять меньшую угрозу повстанцам, чем большая и хорошо организованная. Обычно военная мощь операционализируется как количество военных на душу населения. Некоторые исследователи считают, что чем больше вооруженные силы, тем меньше вероятность начала и продолжительность конфликта. Профессор Университета Калифорнии Б. Вальтер [Walter, 2006] считает, что количество военных на душу населения не связано с вероятностью институционализа-

¹ Инфраструктурная власть часто используется как синоним государственной состоятельности.

ции конфликта. Профессор Университета Пенсильвании Э. Хендерсон и профессор Университета Мичигана Д. Сингер [Henderson, Singer, 2000], напротив, считают, что большие затраты на армию могут увеличивать вероятность начала конфликта из-за коррупции и патронажа, который дает привилегированное положение военным за счет гражданских, тем самым вызывая недовольство последних.

Управленческая способность (administrative capacity): возможно, дело не в военной мощи, а в способности государства собирать информацию о потенциальных проблемах и адекватно ее использовать. Данный подход часто встречается в литературе по политическому развитию, согласно которому государственная состоятельность характеризуется профессионализмом бюрократии. Попытки оценить эффект такой способности можно разделить на две категории: исследование качества бюрократии и риска экспроприации; косвенная оценка административной мощности с акцентом на профиле экспорта или создании дохода [Collier, Hoeffler, 2004]. Профессор Университета Алабамы К. де Роуэн и профессор Университета Луизианы Д. Собэк [DeRooen, Sobek, 2004] оценивают влияние качества бюрократии на продолжительность и исход гражданских конфликтов. Авторы приходят к выводу, что повстанцы побеждают реже в странах с высоким качеством бюрократии.

Альтернативная точка зрения: государственную состоятельность лучше операционализировать через способность государства заинтересовать частных инвесторов. Литература по экономическому росту фокусируется на способности государства ограничить собственное хищническое поведение. Дж. Фирон считает, что страны — экспортеры сырья имеют больший риск экспроприаций и нарушений контрактов, что связывает с вероятностью начала гражданской войны [Fearon, 2005].

Также государственную состоятельность можно рассматривать как способность государства собирать налоги, что является альтернативой получения ренты от экспорта. Нефтедобывающие страны обычно имеют более слабый государственный аппарат, чем ожидается при таком уровне дохода, потому что правительство менее заинтересовано в инвестировании в бюрократию для сбора налогов. Профессор Норвежского университета естественных и технических наук Х. Бахог [Buhaug, 2010] в своих исследованиях использует показатель относительной политической состоятельности, который считается как отношение собранных налогов к ожидавшимся, и приходит к выводу, что государства, способные

собрать больше налогов, являются более мощными, а также в них менее вероятно начало гражданского конфликта.

Качество и слаженность политических институтов: государственная состоятельность может рассматриваться как уровень смешения демократических и недемократических черт в политической системе. Наиболее распространенный индикатор — индекс «Полития». Профессор Университета Осло Х. Хегре пишет [Hegre et al., 2001], что в смешанных режимах наиболее вероятны внутренние конфликты. Консолидированные автократии могут успешно подавлять восстания, консолидированные демократии — институционализировать конфликты, неконсолидированные режимы не сильны ни в том ни в другом, а потому более подвержены внутренним конфликтам.

Шведские политологи Х. Бек и А. Хадениус в своей работе «Демократия и государственная состоятельность» [Baeck, Hadenius, 2008] рассматривают государственную состоятельность как административную состоятельность и обнаруживают J-образную связь между демократией и государственной состоятельностью: при низких значениях демократии она отрицательно влияет на государственную состоятельность, при средних значениях влияние незначимо, а если демократия консолидирована, это положительно влияет на государственную состоятельность. Это объясняется тем, что в авторитарных государствах может успешно осуществляться контроль «сверху», контроль «снизу» лучше всего работает в демократических государствах.

В данной работе государственная состоятельность будет определяться как управленческая способность. Данная концептуализация менее спорна, чем определение государственной состоятельности как военной мощи, однако не является единственно возможной, так как плохо отражает возможности и преимущества контроля «сверху», т.е. более характерна для либерально-демократической парадигмы.

Качество жизни. Измерение и сравнение качества жизни является необъятной и неисчерпаемой темой, которой в последнее время все больше интересуются политологи, социологи и экономисты. На сегодняшний день существует множество теоретических концепций, которые расставляют акценты на различных аспектах качества жизни, и до сих пор не существует универсального определения этого понятия. В этом нет ничего удивительного, так как в мире господствует плюрализм ценностей, которые к тому же имеют

тенденцию изменяться во времени. Так, например, вряд ли для человека XIX в. фактор экологии играл настолько же большую роль, как для человека XXI в., и наоборот, происхождение человека, его социальный статус, сейчас не имеет того значения, которое оно имело в XVIII в.

Все существующие подходы к измерению качества жизни можно разделить на две группы:

- субъективистский подход: главным актором здесь является индивид, оценивающий качество своей собственной жизни;
- объективистский подход: главным элементом являются социальные структуры, а исследователь оценивает статистические показатели групп и индивидов [Айвазян, 2012].

Основными теоретическими концепциями качества жизни являются следующие.

1. Концепция экономического благосостояния. Основоположником считается А. Смит. В рамках концепции достигнут консенсус, что качество жизни зависит исключительно от материального благосостояния индивида.

2. Утилитаристская концепция. Основоположник — английский экономист А. Пигу. Теория полезности здесь рассматривается исключительно со стороны желания, а именно его исполнения. Это классический субъективистский подход.

3. Концепция расширения человеческих возможностей. Данный подход на сегодняшний день кажется наиболее перспективным. Качество жизни рассматривается здесь как процесс развития человека, расширения его возможностей, рост самореализации через осуществление свобод. Одним из наиболее известных представителей этого подхода является заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, профессор С.А. Айвазян.

В настоящей работе качество жизни моделируется в рамках объективистского подхода в сочетании с концепцией расширения человеческих возможностей. Индекс качества жизни будет составлен из двух групп переменных — отражающих безопасность жизни и социально-экономический уровень развития.

Описание данных

Для эмпирического анализа была выбрана пространственно-временная выборка, состоящая из 187 стран мира за период с 1990 по 2010 г.

Построение индекса государственной состоятельности проводилось по нескольким показателям.

1. Функционирование государства (база Freedom House).
2. Статусность (база Freedom House).
3. Политическое давление и контроль медиаконтента (база Freedom House).
4. Качество управления (база ICRG).
5. Индекс восприятия коррупции (база Transparency International).
6. Индикаторы управления (база World Bank):
 - политическая стабильность;
 - эффективность правительства;
 - качество регулирования;
 - верховенство закона;
 - контроль над коррупцией.

Построение индекса качества жизни проводилось по следующим показателям.

1. Индекс физической целостности (база CIRI).
2. Индекс расширенных прав и возможностей (база CIRI).
3. ВВП на душу населения (база World Bank).
4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (база World Bank).
5. Детская смертность (база World Bank).

Описание результатов эмпирического анализа данных

Построение индексов государственной состоятельности. Для создания интегрального индекса государственной состоятельности с помощью метода главных компонент были выявлены переменные, характеризующие государственную состоятельность в разных аспектах и потому сильно коррелирующие. На основе корреляционного анализа удалось выделить две смысловые группы, включающие следующие переменные:

- «функционирование государства» (FG), «качество управления» (ICRG), «индекс восприятия коррупции» (CPI), «индикаторы управления» (CC, GE, PS, RL, RQ)²;
- «статусность» (St), «политическое давление и контроль медиаконтента» (PPCMC).

² World Bank Governance Indicators (WBGi).

Было построено несколько индексов государственной состоятельности, состоящих из разных комбинаций переменных обеих групп. Описательные статистики промежуточных индексов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Статистические характеристики промежуточных индексов

	Число наблюдений	Минимум	Максимум
PPCMC_St (политическое давление и контроль медиаконтента, статусность)	2730	−1,99	2,80
ICRG_CPI (качество управления, индекс восприятия коррупции)	1357	−2,69	3,00
ICRG_CPI_WBGI (качество управления, индекс восприятия коррупции, индикаторы управления)	1089	−6,47	5,17
ICRG_WBGI (качество управления, индикаторы управления)	1343	−6,08	4,87
CPI_WBGI (индекс восприятия коррупции, индикаторы управления)	1423	−5,90	5,05
WBGI (индикаторы управления — 5 переменных)	1970	−5,66	4,68
PPCMC_St_WBGI (политическое давление и контроль медиаконтента, статусность и индикаторы управления)	1592	−3,05	2,55
PPCMC_St_ICRG (политическое давление и контроль медиаконтента, статусность и качество управления)	1976	−2,92	2,48
PPCMC_ICRG_CPI (политическое давление и контроль медиаконтента, качество управления, индекс восприятия коррупции)	1221	−2,80	2,38
PPCMC_ICRG_WBGI (политическое давление и контроль медиаконтента, качество управления, индикаторы управления)	1204	−3,07	2,45
FG_ICRG_CPI (функционирование государства, качество управления, индекс восприятия коррупции)	529	−3,14	3,59

	Число наблюдений	Мини- мум	Мак- симум
FG_ICRG_WBGI (функционирование государства, качество управления, индикаторы управления)	547	–6,30	5,13
FG_CPI_WBGI (функционирование государства, индекс восприятия коррупции, индикаторы управления)	659	–5,97	5,66
FG_ICRG_CPI_WBGI (функционирование государства, качество управления, индекс восприятия коррупции, индикаторы управления)	529	–6,48	5,69
Valid N (listwise)	393		

Теперь рассмотрим индекс, полученный по переменным «статусность», «политическое давление и контроль медиаконтента». Его можно интерпретировать как репрессивность государства, или подавление основных гражданских свобод для осуществления власти.

В табл. 2 представлены некоторые значения этого индекса. Высокие значения индекса соответствуют репрессивным государствам, низкие значения индекса — государствам, не подавляющим гражданские свободы.

Таблица 2

Индекс репрессивности государств

Страна	Индекс	Страна	Индекс
Норвегия (2000)	–1,99	Иран (1993)	1,27
Австралия (1994)	–1,91	Казахстан (2006)	1,88
Бельгия (2002)	–1,91	Туркменистан (2004)	2,57
Лихтенштейн (2007)	–1,61	КНДР	2,8

Индексы, построенные по следующим комбинациям переменных, можно интерпретировать как управленческую способность государства. Для проверки конвергентной валидности рассчитывается несколько индексов управленческой способности, включающих различные комбинации исходных переменных, они отражены в табл. 3, в которой представлены некоторые значения

этих индексов. Высокие значения соответствуют государствам с высокой управленческой способностью, низкие значения характерны для государств с низкой управленческой способностью.

Таблица 3

Индексы управленческой способности государств

ICRG_CPI		WBG		ICRG_WBG		CPI_WBG	
Сомали (2008)	−2,69	Сомали (2008)	−5,66	Сомали (2008)	−6,08	Сомали (2008)	−5,90
Парагвай (1999)	−1,47	Нигерия (2009)	−2,56	Нигерия (2006)	−3,02	Эквадор (2009)	−2,50
Ливан (2008)	−0,91	Россия (1998)	−1,37	Россия (2004)	−1,46	Россия (2009)	−1,76
Греция (2006)	0,05	Румыния (1998)	−0,02	Румыния (2008)	0,03	Бразилия (2000)	0,04
Бельгия (2004)	1,71	Франция (2000)	3,00	Франция (2007)	2,71	Эстония (2008)	2,50
Финляндия (2000)	3,00	Исландия (2005)	4,68	Финляндия (2003)	4,87	Исландия (2005)	5,05

Индекс качества жизни

Аналогичным образом был построен индекс качества жизни.

В табл. 4 представлены некоторые значения индекса. Высокие значения соответствуют государствам с высоким качеством жизни, низкие значения характерны для государств с низким качеством жизни.

Таблица 4

Индекс качества жизни

Страна	Индекс	Страна	Индекс
Ангола (1995)	−2,95	Албания (1996)	0,00
Афганистан (1998)	−2,87	Греция (1997)	0,92
Ирак (2002)	−1,68	Великобритания (1996)	1,36
Узбекистан (1997)	−0,97	Норвегия (2002)	2,54
Россия (2004)	−0,88	Люксембург (2004)	2,99

Взаимосвязь государственной состоятельности и качества жизни

Для кластерного анализа по признакам «качество жизни» и «индикаторы управления»³ был выбран 2000 г.⁴ В результате реализации процедуры мы получили три группы стран. В первый кластер попали страны Западной Европы (Дания, Швейцария, Финляндия, Австрия, Норвегия, Франция), а также Канада, Австралия и Япония. Для этого кластера характерен высокий уровень качества жизни и государственной состоятельности. Во второй кластер попали демократизированные бывшие советские республики, страны Центральной Европы и Латинской Америки, для этого кластера характерен неплохой уровень жизни при среднем уровне государственной состоятельности. В третий кластер попали африканские страны, а также некоторые авторитарные режимы постсоветского пространства — Беларусь, Россия, Узбекистан — страны с достаточно низкими показателями.

Таблица 5

Сопряженность индексов

Сопряженность Life Quality WBGI					
			WBGI*		Всего
			0,00	1,00	
LQ**	1,00	Число наблюдений	191	2	193
		Ожидаемое число	113,4	79,6	193,0
		Стандартный остаток	7,3	−8,7	
	2,00	Число наблюдений	346	142	488
		Ожидаемое число	286,8	201,2	488,0
		Стандартный остаток	3,5	−4,2	
	3,00	Число наблюдений	2	234	236
		Ожидаемое число	138,7	97,3	236,0
		Стандартный остаток	−11,6	13,9	
Всего		Число наблюдений	539	378	917
		Ожидаемое число	539,0	378,0	917,0

* Индикаторы управления (0 — низкая управленческая способность, 1 — высокая); ** Качество жизни (1 — низкое, 2 — среднее, 3 — высокое).

³ Использование остальных индексов дает те же результаты в силу обладания свойством конвергентной валидности.

⁴ Достаточно типичный год, для которого не характерны резкие изменения показателей, связанные, например, с кризисами.

Для дальнейшего анализа индекс государственной состоятельности был разделен на две категории (выше и ниже среднего); индекс качества жизни — на три уровня (низкий, средний, высокий). Анализ табл. 5 позволяет заметить, что в странах с низкой управленческой способностью редко существует высокое качество жизни, и наоборот, для стран с высокой управленческой способностью не характерен низкий уровень жизни. Данная таблица подтверждает предположение о положительной взаимосвязанности государственной состоятельности и качества жизни.

Влияние государственной состоятельности на качество жизни

Диаграммы рассеяния⁵ (переменных «государственная состоятельность» и «качество жизни») отражают положительную связь между управленческой способностью государства и качеством жизни, и отрицательную связь между подавлением гражданских свобод и качеством жизни.

Далее приведены результаты регрессионного анализа с фиксированными эффектами. Модель-1 в качестве предиктора использует индекс «индикаторов управления» (WBI). Модель-2 в качестве предиктора использует индекс, состоящий из «индикаторов управления» (WBI), «статусности» (St), «политического давления и контроля медиаконтента» (PPCMC). Модель-3 в качестве предиктора использует индекс, состоящий из «статусности» (St), «политического давления и контроля медиаконтента» (PPCMC), «качества управления» (ICRG).

Таблица 6

Результаты регрессионного анализа

	Константа	Коэффициент	R ²	F-статистика	Число наблюдений
Модель-1	−0,9095***	0,2387***	0,97***	148,17	917
Модель-2	−0,9488***	0,3461***	0,97***	151,87	917
Модель-3	−1,0771***	0,0717***	0,96***	236,67	1460

*** Коэффициент значим на уровне доверия 99%.

⁵ См. приложение.

Качество моделей очень высокое: предиктор объясняет свыше 95% изменчивости. Однако проверка гетероскедастичности⁶ дала положительный результат, а значит, использованные МНК-оценки являются неэффективными, а стандартные ошибки либо недооценены, либо переоценены, следовательно, проверить гипотезу о значимости предиктора невозможно. Удаление наиболее влиятельных наблюдений приводит к снижению значения статистики Бреуша — Пагана с 54,34 до 13,19 в Модели-1, с 61,29 до 6,18 в Модели-2, с 106,76 до 20,69 в Модели-3, что отражает значительные улучшения, однако проблема со стандартными ошибками все еще остается. Для получения более надежных их оценок воспользуемся робастной оценкой Уайта⁷.

Таблица 7

**Результаты регрессионного анализа
после учета гетероскедастичности**

	Константа	Коэффициент	R^2	F-статистика	Число наблюдений
Модель-1	-1,1085***	0,2200***	0,98***	499,62	860
Модель-2	-1,1951***	0,3003***	0,98***	521,38	859
Модель-3	-0,8468***	0,0076***	0,97***	577,22	1379

*** Коэффициент значим на уровне доверия 99%.

После учета гетероскедастичности значения коэффициентов в Модели-1 и Модели-2 изменились незначительно, однако в Модели 3 коэффициент стал незначимым. В целом гипотеза о наличии положительной связи между государственной состоятельностью и качеством жизни подтвердилась.

Заключение

Государственная состоятельность в этом исследовании определяется как управленческая способность государства. Конечно, это не единственная возможная концептуализация, интересно также было бы учесть военную мощь государства, однако отсутствие

⁶ Критерий Бреуша — Пагана (Breusch-Pagan test).

⁷ Использование кластеризованной оценки ошибки дало идентичные результаты.

подходящей статистики и противоречивость теорий, описывающих влияние военных сил государства на его состоятельность, не позволили рассмотреть эту концептуализацию в данной работе. Качество жизни определяется в рамках объективистского подхода и концепции расширения человеческих возможностей.

В исследовании предложено несколько индексов государственной состоятельности, индексы обладают свойством конвергентной валидности. Также предложен интегральный индекс качества жизни, отражающий безопасность жизни и уровень социально-экономического развития государства. В исследовании выделено шесть типов сочетаний этих концептов, два из которых встречаются крайне редко: это типы, в которых высокая управленческая способность сочетается с низким уровнем жизни и низкая управленческая способность сочетается с высоким уровнем жизни. Это отражает типичность положительного влияния государственной состоятельности на качество жизни.

Также в работе предложено разделение стран на три группы: в первой находятся страны с высокими показателями обоих индексов — это страны Западной Европы и наиболее развитые демократические страны. Во второй группе находятся демократизированные бывшие советские республики, страны Центральной Европы и Латинской Америки — для них характерны средние показатели обоих индексов. В третью группу попали государства с низким качеством жизни и низкой управленческой способностью — это большинство стран Африки, а также Россия и Узбекистан, Беларусь.

Регрессионный анализ подтвердил гипотезу о наличии положительного влияния государственной состоятельности на качество жизни. С ростом индекса государственной состоятельности на единицу показатель качества жизни улучшается в среднем от 0,22 до 0,3 в зависимости от операционализации индекса. Этот результат отражают и диаграммы рассеяния (см. приложение), на них четко прослеживается положительная связь.

Источники

Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М.: Наука, 2012.

Baech H., Hadenius A. Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2008. Vol. 21. No. 1. P. 1–24.

Buhaug H. *Dude, Where's My Conflict?* LSG, Relative Strength, and the Location of Civil War // *Conflict Management and Peace Science*. 2010. Vol. 27. No. 2. P. 107–128.

Collier P., Hoeffler A. *Greed and Grievance in Civil War* // *Oxford Economic Papers*. 2004. Vol. 56. P. 563–595.

DeRouen K., Sobek D. *The Dynamics of Civil War Duration and Outcome*. *Journal of Peace Research*. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 303–320.

Fearon J. *Primary Commodity Exports and Civil War* // *Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 483–507.

Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N. *Toward a Democratic Civil Peace Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992* // *American Political Science Review*. 2001. Vol. 95. No. 1. P. 33–48.

Henderson E., Singer D. *Civil War in the Post-Colonial World, 1946–1992* // *Journal of Peace Research*. 2000. Vol. 37. No. 3. P. 275–299.

Mann M. *The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results* // *Archives européennes de sociologie*. 1984. Vol. 25. P. 183–213 (reprint: *States, War and Capitalism* / ed. by M. Mann. Oxford: Basil Blackwell, 1988).

Soifer H. *State Infrastructural Power: Approaches to Conceptualization and Measurement* // *St Comp Int Dev*. 2008. Vol. 43. P. 231–251.

Thies C. *State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975–2000* // *International Studies Quarterly*. 2004. Vol. 48. No. 1. P. 53–72.

Walter B. *Building Reputation: Why Governments Fight Some Separatists but Not Others* // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. No. 2. P. 313–330.

Базы данных

Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project [Электронный ресурс]. <<http://ciri.binghamton.edu/documentation.asp>>

Freedom House [Электронный ресурс]. <<http://www.freedom-house.org/>>

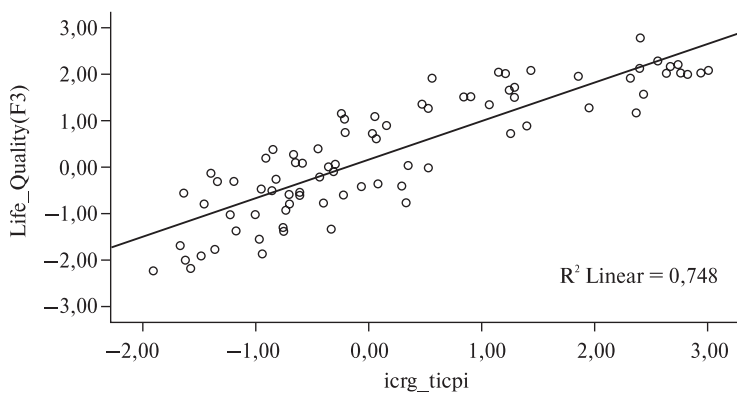
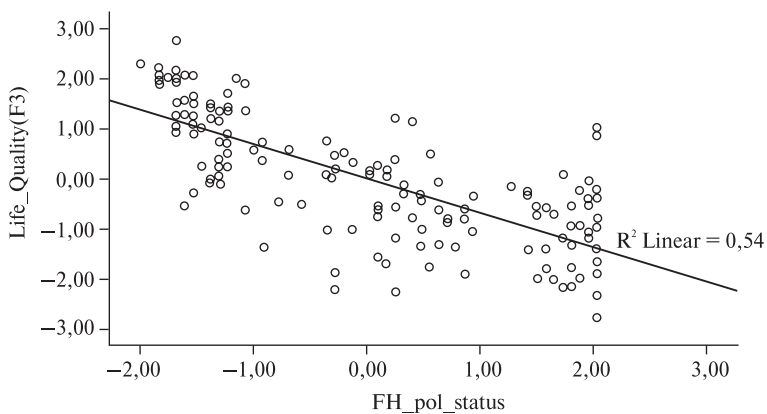
International Country Risk Guide (ICRG) [Электронный ресурс]. <http://www.yale.edu/icrg/icrg_mission.html>

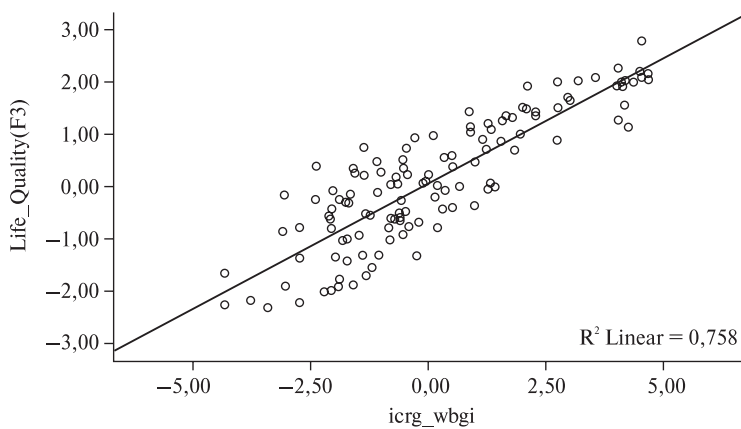
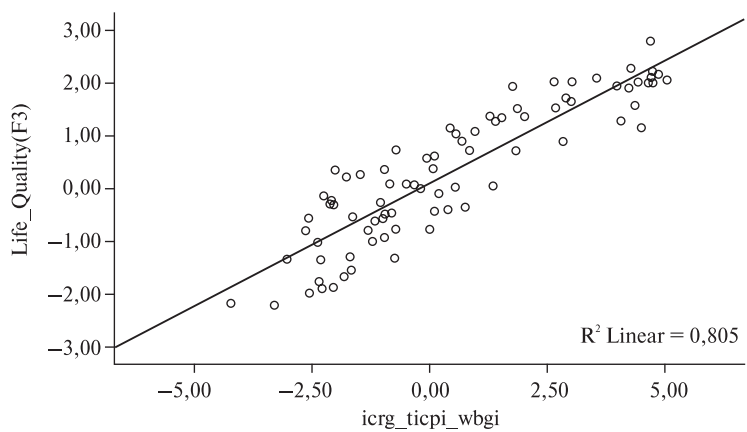
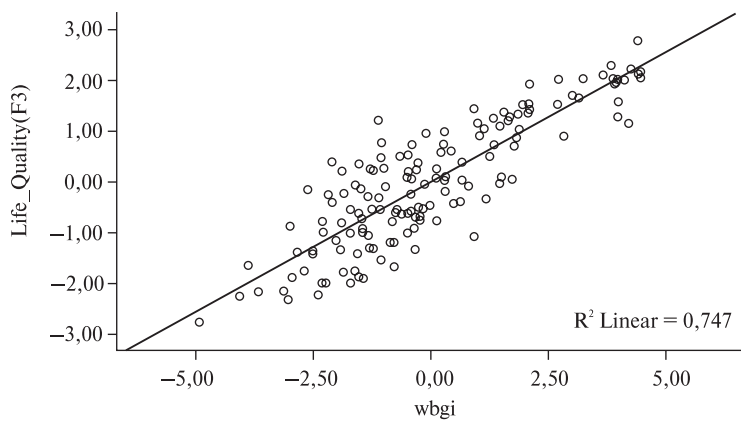
Transparency International [Электронный ресурс]. <<http://www.transparency.org/>>

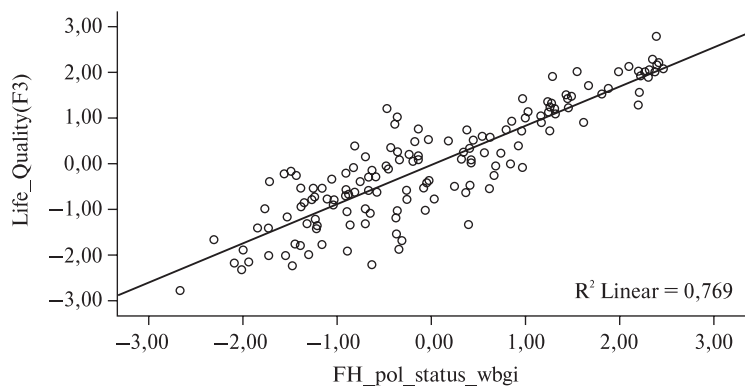
World Bank [Электронный ресурс]. <<http://www.world-bank.org/>>

Приложение 1

Диаграммы рассеяния государственной состоятельности и качества жизни

© Зверева Д.И., 2014

Д.В. Сальникова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
Д.К. Стукал

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГРАЖДАН

Введение

Универсальность одной из наиболее распространенных в политической науке трактовок легитимности, предложенной Максом Вебером, подвергается сомнению рядом исследователей (см., например, [Grafstein, 1981; Habermas, 1992; Dogan, 1992; Но Вryan, 2011]). Классическая типология легитимности (легально-рациональная, харизматическая, традиционная) критикуется за недостаточное внимание характеристикам политического режима и переоценку субъективного фактора — восприятия режима гражданами. В нашей работе предполагается проверить обоснованность выделения за рамками классической типологии легитимности консеквенциалистской трактовки легитимности политического режима, в основу которой положен тезис о наличии положительной связи между эффективностью функционирования политического режима и поддержкой гражданами политических институтов. Проблеме нашего исследования можно сформулировать в форме исследовательского вопроса: действительно ли существует взаимосвязь уровня легитимности политического режима и экономического благосостояния граждан как одного из критериев эффективности функционирования политического режима?

На наш взгляд, существенным недостатком предшествующих исследований (см., например, [Anderson et al., 2008; Levy, Sacks, 2009; Uslaner, 2004]) данной проблематики является тот факт, что при анализе взаимосвязи легитимности и экономических факторов авторы не учитывали фактор политического режима. Прагматическая трактовка легитимности появилась как обоснование существования легитимных авторитарных режимов [White, 1986]. В частно-

сти, С.М. Липсет отмечал, что экономическая составляющая как фактор роста легитимности играет меньшую роль в демократических государствах. В свою очередь, демократиям приписывается более высокий уровень нормативной легитимности. Нормативная трактовка подразумевает, что функционирование политических институтов согласно общепринятым нормам и ценностям выступает основанием для поддержки гражданами политического режима [Spanakos, 2008]. Существуют альтернативные точки зрения на направление каузальной связи между демократией и легитимностью. Сторонники первой исследовательской позиции придерживаются положения о том, что качество демократии определяется результатами функционирования институтов. Демократия, согласно определению Морлино [Morlino, 2009], кроме необходимости гарантировать гражданам определенный уровень свободы и равенства и наличия контроля со стороны непосредственно граждан над обеспечением свободы и равенства, представляет собой общепризнанную, обладающую легитимностью институциональную структуру. Демократия в первую очередь является широко признанным режимом, результаты функционирования которого удовлетворяют граждан. Неотъемлемым условием существования демократии является поддержка гражданами институтов. Согласно альтернативной точке зрения демократия является предпосылкой легитимности. Теория политической легитимности должна предлагать ответ на вопрос, почему несмотря на неотъемлемость принципа равенства всех людей, имеет место власть одних над другими? Согласно демократической теории власть одних над другими оправдана и должна быть признана в обществе при условии «равенства всех граждан в праве определения властвующих» и «утверждения основных законов» [Buchanan, 2002]. Эгалитарная демократическая теория не отрицает необходимость властной вертикали в обществе, но вводит определенные условия, при которых практика власти одних над другими должна быть признана всеми членами общества. Демократический режим, который гарантирует соблюдение человеческих прав всех граждан и обеспечивает принцип равенства, является необходимым условием легитимности.

Гипотеза исследования

Рассмотренные исследования позволяют сформулировать следующую гипотезу: существует положительная взаимосвязь ана-

лизируемых показателей — с ростом экономического благосостояния граждан повышается уровень легитимности политического режима. В исследовании *не* предполагается выявление направления причинно-следственной связи между показателями.

База данных и методы

В исследовании анализируется межстрановая выборка, включающая значения отобранных показателей по 44 странам (Австралия, Аргентина, Болгария, Бразилия, Буркина-Фасо, Вьетнам, Гана, Гватемала, Германия, Грузия, Замбия, Индия, Индонезия, Иордания, Испания, Италия, Канада, Китайская Народная Республика, Малайзия, Мали, Мексика, Молдавия, Марокко, Норвегия, Перу, Польша, Республика Кипр, Республика Корея, Республика Тринидад и Тобаго, Румыния, Сербия и Черногория, Словения, США, Таиланд, Турция, Украина, Уругвай, Финляндия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южно-Африканская Республика, Япония) за 2005 г. Узкий временной охват и ограниченный размер выборки обусловлены недостаточностью доступных статистических данных по показателям, характеризующим уровень доверия политическим институтам. В качестве показателей, характеризующих легитимность политического режима, в данной работе предложены:

- уровень доверия правительству;
- уровень доверия политическим партиям;
- уровень доверия парламенту.

В настоящей работе использованы данные пятой волны опросов World Values Survey (WVS; 2005—2008 гг.). В работе осуществлен переход от исходных показателей по респондентам к показателям по государствам. В результате полученные показатели уровня доверия политическим институтам представлены в интервальной шкале — от 0 до 100% респондентов, обозначивших свой уровень доверия тому или иному политическому институту как «высокий» и «выше среднего» (0 и 1 в анкете соответственно), от общего количества человек, ответивших на данный вопрос:

- «индекс соблюдения прав и свобод человека» (измерен в интервальной шкале от 0 — полное несоблюдение набора основных прав и свобод человека до 10 — полное соблюдение основных прав и свобод человека);
- «количество политических заключенных» (измерен в порядковой шкале от 0, что соответствует большому (больше 49) количеству

заклученных по причине их политических убеждений, до 2, означающее отсутствие политических заключенных [CIRI coding guide]).

Значения данных показателей представлены в проекте Цингранелли — Ричардса (CIRI Human Rights Data Project).

Выбор этих показателей позволяет учесть содержательную трактовку легитимности политического режима в рамках как нормативного подхода (соблюдение основных прав и свобод человека: показатели «количество политических заключенных», «индекс основных прав и свобод человека»), так и подхода, основанного на выявлении субъективного отношения граждан к существующим политическим институтам (показатели доверия политическим институтам). Традиционный подход учитывает сравнение политических систем по таким параметрам, как подотчетность, эффективность проводимой политики, процедурная справедливость и справедливость распределения [Weatherford, 1992, p. 152], обеспечение политических прав и гражданских свобод (свобода выражения мнения, свобода совести, собраний), применение военной силы для решения конфликтов внутри страны [Dogan, 1992, p. 119]. Второй подход основывается на субъективном факторе — сравнении *оценок* гражданами политических систем по этим же критериям. Аналогично в работе «Права человека, легитимность и применение силы» А. Бьюкенен отделяет от нормативной трактовки легитимности социологическую. Институты обладают легитимностью в социологическом смысле, если граждане *«верят в то, что они имеют право управлять»* (в отличие от *«имеют право управлять»*) [Buchanan, 2010, p. 105].

В качестве индикаторов субъективного экономического благосостояния выбраны показатели, измеренные в рамках проекта WVS, а именно «уровень удовлетворенности финансовым состоянием своей семьи (домохозяйства)» (вопрос V68) и вопрос V251 — «количество денежных сбережений за прошлый год». В работе переменные представлены в непрерывной шкале (осуществлен переход от исходных порядковых показателей по респондентам к непрерывным показателям по странам). Показатель «удовлетворенность финансовым состоянием своей семьи» измерен от 0 до 100% удовлетворенных (9 и 10 в анкете) своим финансовым состоянием респондентов от общего количества человек, ответивших на данный вопрос. Показатель «количество денежных сбережений за прошлый год» — от 0 до 100% респондентов, оценивших свой уровень сбережений за прошедший год как «выше среднего» (1 и 2 в анкете), от общего количества человек, ответивших на данный вопрос.

В качестве показателей уровня объективного экономического благосостояния (уровень экономического развития государств) выбраны такие показатели, представленные в базе Всемирного банка, как ВВП на душу населения (в текущих долларах США) и темп роста ВВП на душу населения (в % к предыдущему году), характеризующие динамику экономического развития рассматриваемых государств.

В массиве данных представлены также значения уровня демократии анализируемых государств. В качестве показателя демократии выбран индекс Polity IV. Уровень демократии измерен в порядковой шкале: от -10 , что соответствует недемократическим странам, до 10 — демократическим странам. Довольно частое использование данного индекса в эмпирических исследованиях связано с рядом преимуществ данного показателя относительно других показателей уровня демократии: широкий географический охват и длинный временной ряд. В проекте Polity IV четко определяются правила кодирования, указывается степень совпадения значений одного и того же показателя, определяемого разными экспертами.

Результаты исследования

Для получения индекса легитимности политического режима применен метод главных компонент, позволяющий свести исходное многомерное признаковое пространство к пространству меньшей размерности. Исходные переменные были разделены на две подгруппы. Первая подгруппа объединяет показатели субъективной легитимности: уровень доверия правительству, уровень доверия политическим партиям и уровень доверия парламенту. Во вторую подгруппу были включены показатели нормативной легитимности: показатель соблюдения основных прав и свобод человека, количество политических заключенных.

Для выявления того, в какой мере межстрановые различия в уровне экономического благосостояния объясняют межстрановые различия в уровне легитимности, в рамках данного исследования была построена множественная линейная регрессионная модель. В качестве независимых переменных — предикторов — в данной модели выступают показатели экономического благосостояния и уровень демократии, в качестве зависимой переменной — уровень легитимности политического режима.

По причине малого размера выборки (44 наблюдения) в работе приведены оценки стандартных отклонений коэффициентов, полученные посредством 1000 бутстрап-репликаций.

Модель-1. Уровень демократии и экономические показатели как предикторы «субъективной» легитимности.

Регрессионная модель-1 объясняет 56,02% изменчивости зависимой переменной (см. приложение 1, Модель-1). Коэффициент при предикторе политического режима является статистически значимым. С ростом показателя «уровень демократии» на единицу уровень субъективной легитимности в среднем при прочих равных условиях снижается на 0,2. С ростом показателя «удовлетворенность финансовым состоянием» на единицу уровень субъективной легитимности в среднем при прочих равных условиях возрастает на 0,068.

Модель-2. Уровень демократии и экономические показатели как предикторы уровня нормативной легитимности.

Изменчивость предикторов объясняет 59,1% изменчивости зависимой переменной, а именно нормативной легитимности (см. приложение 1, Модель-2). С ростом показателя «уровень демократии» на единицу уровень нормативной легитимности в среднем при прочих равных условиях (при равных значениях экономических показателей) растет на 0,18.

Есть основания полагать, что константы регрессий, построенных отдельно для демократических и недемократических государств, будут различаться. Для проверки данного предположения была введена фиктивная переменная на показатель уровня демократии, при этом менее демократическим странам соответствует 0, а более демократическим странам соответствует 1. Для разграничения более и менее демократических государств было условно выбрано значение 8 по шкале Polity IV (страны, которым соответствует значение уровня демократии ниже 8, отнесены к менее демократическим странам). Установление другого «порога» для разграничения более и менее демократических государств привело бы к получению более несбалансированных по составу групп государств.

Модель-3. Регрессионная модель с включением дамми-переменной на показатель политического режима (зависимая переменная — субъективная легитимность).

Регрессионная модель с включением в нее фиктивной переменной на показатель уровня демократии позволяет объяснить 44,33% изменчивости показателя уровня легитимности политического режима, понимаемой как уровень доверия граждан политическим институтам (субъективная легитимность) (см. приложение 1, Модель-3). В государствах с более низким уровнем демократии уровень легитимности, понимаемой в терминах доверия граждан

политическим институтам, при прочих равных условиях (равных значениях экономических факторов) на 1,4 ниже, чем в демократических государствах.

Модель-4. Регрессионная модель с включением дамми-переменной на показатель политического режима (зависимая переменная — нормативная легитимность).

Регрессионная модель с включением в нее фиктивной переменной на показатель уровня демократии позволяет объяснить 43,03% изменчивости показателя уровня легитимности политического режима, понимаемой как уровень доверия граждан политическим институтам (см. приложение 1, Модель-4). В менее демократических странах уровень нормативной легитимности при прочих равных условиях, а именно значениях показателей экономического благосостояния, в среднем на 1,2 выше, чем в более демократических странах.

Следующий этап исследования представляет анализ взаимосвязи легитимности и экономического благосостояния граждан на основе данных, характеризующих доверие граждан политическим институтам на индивидуальном уровне и экономическое благосостояние как на межстрановом уровне, так и на уровне индивидов. Для анализа иерархических данных в работе применено многоуровневое регрессионное моделирование. В качестве первого уровня выступают данные по уровню доверия каждого индивида политическим институтам и их субъективного благосостояния, в качестве второго уровня — уровень объективного благосостояния, измеренного по каждой стране (в анализе представлены 44 государства, рассматриваемые в данной работе ранее). На основе применения метода главных компонент для каждого индивида было получено значение индекса легитимности, понимаемой как доверие политическим институтам (на основе исходных показателей доверия парламенту, правительству и политическим партиям). Для построения значения индекса уровня субъективного благосостояния для каждого индивида также использовался метод главных компонент (исходные показатели: удовлетворенность индивидом финансовым состоянием его семьи и количество сбережений за прошедший год). В качестве предиктора уровня легитимности на втором уровне был выбран такой экономический показатель, как темп прироста ВВП на душу населения за год (в % к предыдущему году).

Для подтверждения необходимости рассмотрения в данной работе многоуровневых регрессионных моделей построим модель,

не включающую предикторы первого и второго уровня (null-model). Высокое значение статистики Вальда свидетельствует о наличии значимых различий в значениях констант регрессий, построенных для разных государств. Внутрикласовый коэффициент корреляции, рассчитываемый как отношение межгрупповой дисперсии показателя к суммарной дисперсии, показывает, что 26% изменчивости уровня легитимности относится к межстрановому уровню.

Изначально предполагается, что предиктор второго уровня — темп роста ВВП на душу населения — обуславливает разницу в значениях легитимности на уровне государств, а именно разницу констант регрессий для разных государств. Также выдвинуто предположение о том, что для разных государств регрессионные прямые имеют разные наклоны. Была построена регрессионная модель, включающая предикторы первого уровня (субъективное экономическое благосостояние индивида) и предиктор второго уровня (темп роста ВВП на душу населения):

$$\begin{aligned} \text{Уровень легитимности}_{ij} = & \gamma_{00} + \gamma_{01} \times \text{Рост ВВП/чел}_j + u_{0j} + \gamma_{10} \times \\ & \times \text{Субъективное экономическое благосостояние}_{ij} + u_{1j} \times \\ & \times \text{Субъективное экономическое благосостояние}_{ij} + \epsilon_{ij}, \end{aligned}$$

где γ_{00} , γ_{01} , γ_{10} — фиксированные эффекты; u_{1j} , u_{0j} , ϵ_{ij} — случайные эффекты.

Все фиксированные и случайные эффекты — параметры модели — являются значимыми на уровне доверия 0,95. При условии равенства всех предикторов нулю ожидаемый уровень легитимности государства равен 0,63 (см. приложение 2, Модель (а)). Положительное значение коэффициента при показателе субъективного экономического благосостояния свидетельствует о том, что более высокие значения экономического благосостояния соответствуют более высокому значению уровня легитимности. Стоит обратить внимание на отрицательное значение коэффициента при предикторе второго уровня, а именно темпа роста ВВП на душу населения: при увеличении темпа роста показателя темпа роста ВВП на душу населения уровень легитимности политического режима понижается на 0,11 единицы шкалы измерения легитимности.

Построенная регрессионная модель не учитывает того факта, что предиктор второго уровня может влиять не только на значение константы регрессионной модели, но и на значение коэффициентов при предикторе первого уровня — экономического благосостоя-

ния. Для того чтобы учесть изменчивость наклонов регрессионных прямых, необходимо включить в модель влияние совместного эффекта (взаимодействия) предикторов первого и второго уровней. Уравнение регрессии в данном случае имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{Уровень легитимности}_{ij} = & \gamma_{00} + \gamma_{01} \times \text{Рост ВВП/чел}_j + u_{0j} + \gamma_{10} \times \\ & \times \text{Субъективное экономическое благосостояние}_{ij} + \gamma_{10} \times \\ \times \text{Рост ВВП/чел}_j \times & \text{Субъективное экономическое благосостояние}_{ij} + \\ & + u_{1j} \times \text{Субъективное экономическое благосостояние}_{ij} + \varepsilon_{ij}. \end{aligned}$$

Коэффициент при предикторе, обозначающем совместный эффект предикторов первого и второго уровня, оказался статистически незначимым (см. приложение 2, Модель (б)).

Заключение

В работе было выявлено наличие положительного влияния удовлетворенности финансовым состоянием домохозяйства на уровень субъективной легитимности. Данные результаты устойчивы к изменению спецификации модели, изменению используемых методов. «Количество сбережений за прошлый год» выступает плохим предиктором уровня субъективной легитимности. Это, в свою очередь, можно объяснить тем фактом, что данный показатель не отражает удовлетворенности граждан уровнем своих доходов. Экономические показатели не оказывают статистически значимого влияния на уровень нормативной легитимности. Данный факт может быть обусловлен тем, что нормативная легитимность отражает функционирование политических институтов в соответствии с набором определенных общепризнанных норм и при этом не отражает оценки непосредственно гражданами функционирования политических институтов. Статистическая незначимость коэффициентов при показателях экономического благосостояния граждан, в свою очередь, ставит под сомнение обоснованность использования нормативной трактовки легитимности в рамках консеквенциалистской теории. Соответствие более демократическим государствам более высокого уровня нормативной легитимности обусловлено тем фактом, что в качестве показателя политического режима используется индекс Polity IV, отражающий функционирование политических институтов в соответствии с определенным набором норм, правил.

Вывод о неустойчивости характера взаимосвязи объективного экономического благосостояния с уровнем субъективной легитимности в целом совпадает с полученными результатами существующих исследований, посвященных рассматриваемой проблематике. В частности, такой же вывод делает исследователь Э. Вид, получая неустойчивые результаты характера взаимосвязи показателя экономического роста и уровня легитимности [Weede, 1996, p. 224].

В качестве дальнейших перспектив изучения взаимосвязи легитимности и экономического благосостояния обозначим проверку устойчивости полученных результатов к смене выборки, изменению концептуализации и операционализации легитимности политического режима и экономического благосостояния.

Источники

Anderson J.Ch., Singer M. The Sensitive Left and Impervious Right. Multilevel Models and the Politics of Inequality, Ideology, and Legitimacy and Europe // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. Iss. 4/5. P. 564–599.

Buchanan A. Political Legitimacy and Democracy // *Ethics*. 2002. P. 689–719.

Buchanan A. Human Rights, Legitimacy, and the Use of Force. Oxford University Press, 2010.

CIRI Coding Guide. <http://ciri.binghamton.edu/documentation/ciri_coding_guide.pdf>

CIRI Human Rights Data Project. <<http://ciri.binghamton.edu/index.asp>>

Dogan M. Conceptions of legitimacy // *Encyclopedia of Government and Politics*. L.: Routledge, 1992. P. 116–126.

Grafstein R. The Failure of Weber's Conception of Legitimacy: its Causes and Implications // *Journal of Politics*. 1981. Vol. 43. Iss. 2. P. 456–472.

Habermas J. Legitimation Crisis. Cambridge: Polity Press, 1992.

Ho Bryan. Re-Conceptualizing "Legitimacy" for Studying Electoral Politics in Rural China // *Journal of Chinese Political Science*. 2011. Vol. 16. Iss. 2. P. 207–227.

Levy M., Sacks A. Legitimizing Beliefs: Sources and Indicators. 2009. <http://ducis.jhfc.duke.edu/wp-content/uploads/archive/documents/Levi_paper.pdf>

Morlino L. Legitimacy and the Quality of Democracy // International Social Science Journal. 2009. Vol. 60. Iss. 196. P. 211–222.

Polity IV. <<http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>>

Spanakos T. Stumbling Blocks to Belief: Legitimacy, Social Imaginaries, and the Problem of Community in Venezuela // Paper Prepared for II Jornadas de la Sección de Estudios Venezolanas Asociados de Estudios Latinoamericanos LASA. 2008.

Uslaner E. Trust and Corruption. 2002 // Corruption and the New Institutional Economics / ed. by J.G. Lambsdorf, M. Taube, M. Schramm. L.: Routledge, 2004.

Weatherford M.S. Measuring Political Legitimacy // The American Political Science Review. 1992. Vol. 86. No. 1. P. 149–166.

Weede E. Legitimacy, Democracy, and Comparative Economic Growth Reconsidered // European Sociological Review. 1996. Vol. 12. No. 3. P. 217–225.

White S. Economic Performance and Communist Legitimacy // World Politics. 1986. Vol. 38. No. 3. P. 462–482.

World Bank Group. <<http://www.worldbank.org/>>

World Values Survey. <<http://www.worldvaluessurvey.org/>>

Приложение 1

Регрессионные модели

	Модель-1	Модель-2
Уровень демократии	–0,206*** (0,0591)	0,181*** (0,0395)
Уровень удовлетворенности финансовым состоянием домохозяйства	0,0676** (0,0232)	0,00239 (0,0189)
Сбережения	0,0228 (0,0179)	0,00274 (0,0175)
ВВП / чел.	0,0000170 (0,0000131)	0,00000991 (0,0000110)

Продолжение табл.

	Модель-1	Модель-2
Рост ВВП / чел.	0,187 (0,116)	−0,0447 (0,0798)
Константа	−2,432 (1,753)	−1,408 (1,523)
N	44	44
R ²	0,560	0,591

Примечание. Стандартные ошибки приведены в скобках. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

	Модель-3	Модель-4
Уровень демократии	−1,434* (0,565)	1,205* (0,504)
Уровень удовлетворенности финансовым состоянием домохозяйства	0,0828*** (0,0246)	−0,0105 (0,0254)
Сбережения	0,0338 (0,0205)	−0,00719 (0,0233)
ВВП/чел.	0,00000811 (0,0000142)	0,0000180 (0,0000140)
Рост ВВП/чел.	0,228 (0,132)	−0,0841 (0,0887)
Константа	−3,996* (1,972)	0,0362 (1,837)
N	44	44
R ²	0,443	0,430

Примечание. Стандартные ошибки приведены в скобках. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Приложение 2 Многоуровневые регрессии (модели со смешанными эффектами)

Фиксированные эффекты. Модель (а)

Параметр	Оценка	Стандартная ошибка	Количество степеней свободы	t-статистика	Минимальный уровень значимости	95%-ный доверительный интервал	
						Верхняя граница	Нижняя граница
Константа	0,632054	0,236236	42,013	2,676	0,011	0,155316	1,108793

Параметр	Оценка	Стандартная ошибка	Количество степеней свободы	t-статистика	Минимальный уровень значимости	95%-ный доверительный интервал	
						Верхняя граница	Нижняя граница
Рост ВВП/чел.	−0,112946	0,040682	42,016	−2,776	0,008	−0,195044	−0,030847
Субъективное экономическое благосостояние*	0,116627	0,013167	44,303	8,857	0,000	0,090096	0,143159

*Зависимая переменная — субъективная легитимность.

Фиксированные эффекты. Модель (б)

Параметр	Оценка Lower-Bound	Стандартная ошибка Upper-Bound	Количество степеней свободы Lower-Bound	t-статистика Upper-Bound	Минимальный уровень значимости Lower-Bound	95%-ный доверительный интервал	
						Верхняя граница	Нижняя граница
Константа	0,632032	0,236226	42,013	2,676	0,011	0,155314	1,108750
Субъективное экономическое благосостояние	0,110415	0,029586	43,264	3,732	0,001	0,050759	0,170071
Рост ВВП/чел.	−0,112958	0,040680	42,016	−2,777	0,008	−0,195054	−0,030863
Субъективное экономическое благосостояние*	0,001207	0,005094	43,267	0,237	0,814	−0,009065	0,011478

*Зависимая переменная — субъективная легитимность.

© Сальникова Д.В., 2014

А.К. Хахунова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
Ю.А. Нисневич

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2007–2012 гг.: СПЕЦИФИКА МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ

Введение

Внимание к оценочным практикам на федеральном и региональном уровнях возникло в России сравнительно недавно. Необходимость осуществления кардинальных реформ в сфере государственного управления назрела к 1990-м годам: со сломом основ советской социально-экономической и политико-административной системы началось внедрение в российскую административную практику новых институтов, заимствованных из успешного опыта западных стран и (или) построенных по их образцам. Вместе с тем оценка результатов предпринятых управленческих мер получила свое широкое развитие в стране лишь к середине 2000-х годов.

В региональном аспекте важное значение имеет создание Фонда развития региональных финансов, подход к распределению средств которого основывался на идеях «режима максимальной пользы» (*англ.* *best value regime*), — политики, внедренной в Великобританию в 2000 г. Суть этой политики «заключается в том, что местным властям вменялось в обязанность осуществлять непрерывное совершенствование их деятельности с учетом эффективности использования средств и достижения наилучших результатов» [Цыганков, 2009, с. 173]. Позже функции повышения эффективности деятельности региональных властей и их поощрения по ре-

зультатам оценки отошли к Минрегиону России, который проводит наиболее известную в России общерегиональную комплексную оценку эффективности, привлекающую внимание специалистов.

Общие контуры системы оценки эффективности в 2007–2012 гг.

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществляется с 2007 г. Пилотный проект в указанной сфере, реализованный специалистами Администрации Президента России, представлял собой анализ реперных точек социально-экономического развития регионов, по результатам которого был выпущен первый доклад об итогах деятельности региональных администраций в 2006 г. Сжатые сроки реализации поручения президента и отсутствие значительного опыта подобного масштабного кроссрегионального сравнения на государственном уровне предопределили дефицит первичной информации для подготовки первого отчета, а также необходимость дальнейшей качественной системной доработки внедряемого механизма.

Окончательное организационно-институциональное оформление в рамках Минрегиона России система оценки эффективности получила с принятием в 2007 г. Указа, а также основополагающего для сферы оценки постановления Правительства РФ от 15 апреля 2009 г. № 322, закрепившего Перечень показателей, методику и форму доклада.

Данные по показателям социально-экономического развития предоставлялись в форме докладов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. До 2012 г. информация собиралась по 11 ключевым сферам социально-экономического развития. Вместе с тем рейтинг эффективности определялся лишь с учетом четырех основных отраслей: государственное управление, здравоохранение, образование, ЖКХ, — каждая из них включала данные по социологическим опросам (10%), качеству управления финансами (50%), результативности (40%).

Окончательным этапом мероприятий по оценке являлась работа Экспертной комиссии по корректировке математически полученных результатов (с учетом анализа ситуации в регионах-лидерах) и определению окончательной редакции рейтинга для выделения грантов. Результаты оценки и промежуточные данные в свободном

доступе хранятся в информационно-аналитической системе «ГАС Управление». Вместе с тем несмотря на продолжительность работы над совершенствованием системы оценки эффективности, результаты преобразований неоднозначны.

Недостатки системы оценки эффективности

В течение четырех лет изменения механизма традиционно касались оптимизации перечня исходных показателей. Первоначально введенные Указом 43 конечных показателя ежегодно дополнялись новыми параметрами и сферами. База излишне перегружена, в том числе показателями, не используемыми в анализе эффективности: к 2012 г. это 329 показателей, предоставляемые 18 федеральными органами власти, а также региональными органами власти. В то же время важно отметить, что в решении проблемы оптимизации перечня показателей Минрегион России ограничен Указом Президента РФ, институциональная форма которого с формальной и неформальной сторон лимитирует возможности внесения в него изменений.

Важно также, что отсутствие внимания к показателям планового характера в рамках системы оценки эффективности не освобождало субъекты Российской Федерации от кропотливой работы по их заполнению. Как свидетельствует опыт проведения подобных мероприятий, правила игры могут поменяться в процессе самой «игры», что вынуждает региональные органы исполнительной власти со вниманием относиться к вопросам планирования и прогнозирования своей деятельности.

Кроме того, уровень подачи данных (от лица высших должностных лиц субъектов Российской Федерации) довольно высок, вследствие чего информация досконально проверяется региональными государственными структурами. Практика оценивания эффективности ежегодно демонстрирует выявление множества различного рода ошибок в статистической отчетности субъектов Российской Федерации, однако нельзя исключать и фактор намеренной корректировки цифр из конъюнктурных соображений.

Недостатки широкого перечня показателей очевидны. Однако они способствуют более внимательному отношению специалистов к региональной статистике, что в целом повышает качество статистических сведений на национальном уровне.

Опасность «раздувания» базы данных всегда являлась существенной проблемой для системы оценки эффективности: так, конъюнктурно были включены показатели спорта высоких достижений (олимпийского спорта) и целые разделы по охране окружающей среды, энергетической эффективности. Множество заседаний государственных органов власти федерального уровня оканчивались предложениями расширить перечень показателей теми или иными индикаторами (см., например, [Стенограмма..., 2011]).

Одно из сквозных направлений совершенствования системы оценки эффективности — изменение порядка расчета объемов неэффективных расходов, сам факт анализа которых вызывает наибольшую критику со стороны экспертного сообщества.

В 2011 г. изменен порядок расчета объемов неэффективных расходов в сфере здравоохранения (в части оптимальной численности прочего персонала), неоднозначно воспринятый профессиональным сообществом и общественностью в целом [Бутрин, 2011], также подготовлен проект, ориентированный на нивелирование природно-климатических особенностей районов Крайнего Севера и территорий, приравненных к ним, при расчете неэффективных расходов в сфере ЖКХ.

Подобные изменения в системе оценки являются попыткой учета особенностей географического расположения, низкой (или, напротив, излишне высокой) плотности населения, удаленности населенных пунктов, труднодоступности топливных ресурсов, в том числе высокой стоимости производства тепловой и электрической энергии, не соотносимой со среднедушевыми доходами граждан, минимизируют один из значимых пунктов экспертной критики, заключающийся в невозможности объективного анализа «общей эффективности» деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в связи с «совершенно разными базовыми условиями регионального развития» [Гаман-Голутвина и др., 2009, с. 76].

На значение показателей в отобранных для оценки эффективности сферах, помимо природно-климатических, существенное воздействие оказывают и иные факторы, к примеру, плотность населения, связанная с процессами распределения и оптимизации бюджетных сетей в сферах образования и здравоохранения, показателями подушевых государственных расходов в ключевых отраслях. Во избежание несопоставимости данных при проведении оценки эффективности используется корректировка с помощью

коэффициентов расселения, транспортной доступности, сетевых нормативов.

Единство методики оценки эффективности для всего многообразия субъектов Российской Федерации, а также автономность деятельности по ее проведению, не вписанная в реализацию конкретных программ и проектов, обуславливает существенный пункт экспертной критики, связанный с отрицанием научной обоснованности использования принципа межрегионального сравнения для поиска обобщенной эффективности деятельности государственных структур (логика общемировой практики проведения оценки подразумевает, как правило, автономное сравнение достигнутых результатов программы (политики) с запланированными).

Вместе с тем перманентные изменения, происходящие в методике оценивания, чреватые несравнимостью данных за разные отчетные периоды. Изменение порядка расчета показателей, как правило, связано с изменением форм статистического наблюдения, кодов бюджетной классификации и сопровождается запросом данных за предшествующие периоды у ответственных ведомств. При этом может возникнуть проблема фактического отсутствия данных (в отдельных случаях компенсирующаяся информацией, поступающей от субъектов Российской Федерации).

Нередки разночтения в понимании сути и порядка расчета отдельных показателей, как новых, к примеру, связанных с электронными торгами, так и принятых ранее, связанных с расчетами степени снижения административных барьеров.

«Классическая» проблема валидности измерений, связанная также с трудностями разграничения полномочий между уровнями публичной власти, характерна для системы оценки глав регионов: общая соотносимость сформулированных показателей с тем, что они должны измерять, не всегда выдержана; отдельные показатели оценивают деятельность не высших должностных лиц субъектов РФ, а территориальных органов ФОИВ, анализируя исполнение полномочий, закрепленных в ведении Российской Федерации (в частности показатели, разработанные Минприроды России). «Спорный характер» показателей отмечают и отечественные исследователи [Гаман-Голутвина и др., 2009]. При этом формулировка и расчет показателей периодически выступают объектом «ведомственных войн», существенно повышающих издержки взаимодействия.

Российская практика оценки эффективности РОИВ опирается в первую очередь на экономоцентричный подход, с высокой

долей значимости счетных финансовых показателей в итоговой оценке (как в блоке неэффективных расходов, так и в результативности). Попытка оценить социальную эффективность содержалась опосредованно в учете социологической составляющей — мнении населения и отчасти в экспертизе, ориентированной на качественный анализ успешности управления и развития.

Пониманию социальной эффективности как степени достижения социально значимого эффекта уделено значительно меньшее внимание. Так, к примеру, измеряется не эффект улучшения самочувствия нации, качество жизни или здоровья, а процессы реформ (доля тех или иных учреждений, применяющих новые стандарты, переведенных на новую отраслевую систему оплаты труда); не уровень грамотности и повышение культурного потенциала, а укомплектованность классов в сельской и городской местности и показатели относительной заработной платы работников.

Выбор подобных экономических критериев продиктован их относительной объективностью и доступностью (по собираемым федеральным формам статистического учета). Однако сохраняется проблема соответствия индивидуальных числовых индикаторов глобальной цели эффективности. Неэффективно потраченные финансовые ресурсы в отношении к общей сумме располагаемых финансов — довольно осязаемое и понятное соотношение, хотя вопрос того, как определить, что ресурсы потрачены неэффективно, остается открытым. В целом набор показателей в значительной мере является компромиссом ведомств.

Однако и количественный характер данных не решает проблем, связанных с их объективностью, в связи с различными источниками и сроками их предоставления, множеством привлекаемых форм статистического учета, где к тому же нередки ошибки при заполнении и учете.

При этом ранжирование субъектов РФ, являясь довольно значимым в статусном отношении мероприятием, вызывает попытки конъюнктурной корректировки значений в целях занятия более выгодной позиции, что чревато как неадекватностью данных действительности, так и развитием коррупционных связей. Роль страховки от подобных девиаций выполняют ежегодные проверки Счетной палаты РФ, на настоящий момент подобных случаев не выявлено [Расходы..., 2009]. Вместе с тем отечественные исследователи отмечают широкий лоббистский потенциал регионов на федеральном уровне [Гаман-Голутвина и др., 2009, с. 77].

Также возможны случаи точечной корректировки показателей, направленных на изменение индикаторов оценки, но не реальной ситуации в отрасли. Так, например, произошло с численностью государственных и муниципальных чиновников в 2010 г. Сократив число госслужащих, используемое в расчете неэффективных расходов на сферу, некоторые регионы существенно увеличили число муниципальных служащих, расчет по которому не ведется. Данный факт может свидетельствовать как о передаче полномочий на муниципальный уровень вследствие политики децентрализации, так и о попытке соответствующего «улучшения» показателей, используемых в оценке.

Кроме того, резкие сокращения реальных значений показателей в отрыве от контекста развития конкретного региона с ориентацией на нормативные или среднероссийские значения чреваты возникновением острых дисбалансов, особенно в сфере здравоохранения. К примеру, в отсутствие сформированных региональных нормативов численности персонала учреждений здравоохранения расчет производился в привязке к общенациональному уровню и не учитывал специфических особенностей территорий.

Современный этап развития системы оценки эффективности

Система оценки эффективности развивается, и ежегодно в процессе ее реформирования ставятся масштабные для данного проекта задачи. В 2011 г. в рамках Минрегиона России была предпринята попытка качественного реформирования системы с помощью привлечения экспертного знания. Неоднократно представители политической элиты заявляли о необходимости реформирования системы оценки эффективности.

В августе 2012 г. ежегодная работа по совершенствованию системы оценки эффективности была окончена принятием новой нормативной базы, предполагающей, на первый взгляд, качественно иной подход к оценке. В действительности, за исключением чрезмерной перегруженности базы, новая модель оценки сохранила недостатки предшественницы.

Новая модель включает 11 показателей, сохраняя при этом ключевые вопросы эффективности: экономику, демографию, здравоохранение, образование, жилищную политику, и предусматривает формирование индивидуальных показателей (ежегодно двух отдельно для каждого региона), которые будут дополнительно использоваться при проведении оценки эффективности.

В соответствии с новым проектом рассчитывается объем и темп развития региона по каждому показателю (среднеарифметическое и среднегеометрическое), что фактически является расчетом уровня и динамики из прошлой оценки. Кроме того, в феврале 2013 г. достаточно конъюнктурно был включен показатель по доле детей, оставшихся без попечения родителей. Сохраняется и слабая математическая обоснованность расчета и сворачивания показателей в индексы.

Заключение

Качество организационного оформления и последующей реализации механизмов совершенствования государственного управления, в частности оценки эффективности, сохраняется в России на невысоком уровне. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации характеризуется значительными недостатками, что является предметом перманентных профессиональных дискуссий в среде заинтересованных работников государственной службы и независимых экспертов. При этом оценка представляет попытку агрегации максимально объективной информации о работе глав регионов, в динамическом аспекте и в сравнении с развитием других регионов.

Недостатки исходной эмпирической базы, связанные с качеством ведения статистического учета, обработки, публикации и верификации информации о деятельности государственных органов — лишь малая (хотя и значимая) часть более существенной проблемы, своего рода индикатор низкого качества работы государственного аппарата. Вместе с тем представляется порочной сама природа существующего механизма оценки эффективности, нацеленного на тотальное сравнение различных регионов между собой с попыткой выявить наиболее успешного во всех сферах социально-экономического развития. Дальнейшая работа по совершенствованию подобных механизмов должна быть ориентирована на повышение адресности, индивидуальности оценки, проведения ее в рамках проекта или программы.

Источники

Цыганков Д.Б. Интеграция оценки в государственное управление РФ // Оценка программ: методология и практика / под ред. А.И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н.А. Кошелевой. М.: Престо-РК, 2009. С. 170—192.

Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Соловьев А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления, компетентность государства // I ежегодный доклад ИНОП «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года». М.: ИНОП, 2009.

Концепция совершенствования региональной политики в РФ // Архив официального интернет-сайта Минрегиона России [Электронный ресурс]. <<http://archive.mi№region№.ru/WorkItems/List№ews.aspx?PageID=536>>

Селиверстов В.Е. Две модели региональной политики // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2008. № 4 (Апрель). С. 90–91.

Стенограмма заседания президиума Госсовета по вопросу повышения роли регионов в модернизации экономики 11 ноября 2011 года // Президент РФ [Электронный ресурс]. <<http://xn--d1abbgfbaiiy.xn--p1ai/news/13477>>

Бутрин Д. Врачей успокоят старыми коэффициентами // Коммерсантъ. 2011. № 69 (4610). 20 апреля.

Расходы на государственное управление: региональный аспект / под общ. ред. С.В. Степашина. М.: Счетная палата РФ, 2009.

© Хахунова А.К., 2014

З.С. Гатина

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»
Научный руководитель
Е.А. Вишленкова

МЕДИЦИНСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ИСТОЧНИКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИКО- ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ РОССИИ

В последние три десятилетия наряду с традиционными обобщающими работами о развитии медицины в целом¹ и исследованиями, формирующимися вокруг истории профессий², стало развиваться направление социальной и культурной истории медицины с новыми подходами к изучению феноменов болезни и здоровья, врачей и пациентов³. В центре внимания здесь оказались не великие врачи и

¹ *Рихтер В.М.* История медицины в России: в 3 ч. М., 1818–1820; *Чистович Я.А.* История первых медицинских школ в России, 1883; *Пашутин В.В.* Краткий очерк Императорской Военно-медицинской Академии за сто лет ее существования. Составлен к столетнему юбилею Академии В.В. Пашутиным. 1898; *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М., 1996; *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М., 1998; *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 1999; *Андреев А.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

² Особый вклад в ее развитие внесли Э. Литтре, Ж. Гардиа, Л. Менье, С. Ковнер, Т. Мейер-Штейнег, М. Фуко.

³ *Ramsey M.* Professional and Popular Medicine in France, 1770–1830: The Social World of Medical Practice. Cambridge, 1988; *Lindemann M.* Health and Healing in Eighteenth Century Germany. Baltimore, 1996; Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. М., 2006; Болезнь и подходы: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008.

прогресс медицинской науки, а различные социальные направления развития врачевания. Медицина выступает как особый социальный институт, а болезнь и здоровье — как социальные феномены. В отличие от дисциплинарной истории медицины социальная история медицины изучает социально-исторические аспекты производства медицинского знания, рассматривает историю медицины в контексте истории общества и его отдельных социальных структур, создает социальные истории отдельных медицинских феноменов.

В данном очерке выбран определенный аспект этой темы: проблема возможности использования медико-топографических описаний в качестве источника по социальной истории России первой половины XIX в.

Никакой историографической традиции, непосредственно посвященной изучению медико-топографических описаний, на современном этапе не сформировано. Исследовательские интересы И.Л. Мальковой лежат в области медицинской географии⁴. Объектом исследования А. Афанасьевой⁵ является российская медицинская политика и распространение ее на имперскую периферию, в казахские степи. Автор поднимает вопрос о том, каким образом российские медики осуществляли социальный контроль над киргиз-кайсаками в XIX в. Статья Б.Д. Иванова с многообещающим названием «Медико-топографические описания России (до 1861 г.)» является примером героизации отечественной медицины. Автор признает, что эти тексты стали основой для будущих работ, которые сыграли «большую роль в культурной истории России»⁶, «выдающуюся роль в становлении отечественной медицинской науки и практики»⁷. Использованный нами исследовательский подход впервые был применен к медико-топографическим текстам Е.А. Вишленковой⁸. К выявленным ею источникам были добавле-

⁴ Малькова И.Л. Исторические аспекты медико-географических исследований в Удмуртии (XIX–XX вв.) // Науки о земле. 2006. № 11. С. 35–46.

⁵ Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 113–150; Afanasyeva A. Russian Imperial Medicine: The Case of the Kazakh Steppe // Crossing Colonial Historiographies / ed. by A. Digby, W. Ernst, P.B. Mukharji. Newcastle: Cambridge Scholars, 2010. P. 57–76.

⁶ Иванов Б.Д. Медико-топографические описания России (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. С. 47.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–82; Вишленкова Е.А. Медико-

ны новые, которые нам удалось обнаружить в двух университетских архивах. В результате такого суммирования получилась довольно обширная база медико-топографических сочинений⁹.

Обстоятельства создания медико-топографических описаний

В 1830–1850-е годы архивы врачебных отделений императорских Московского и Казанского университетов¹⁰, а также ведомственные и медицинские журналы («Военно-медицинский журнал», «Журнал МВД», «Казанский Вестник», «Московский Вестник») наполнились медико-топографическими описаниями различных регионов империи. В этих текстах местные лекари, ищущие повышения в чинах, излагали свои знания климатического, географического и санитарного состояния изучаемого региона, культуры проживающих там этнических групп и их участия в экономике края, давали советы местным и центральным властям в отношении улучшения условий жизни, оздоровления климата, очищения питьевой воды и тем самым сокращения смертности жителей и эффективного управления данным регионом. Опубликованные и сохранившиеся в рукописях описания были посвящены разным по масштабу территориально-административным единицам: отдельным предприятиям и природным объектам, городам, регионам. Больше всего сохранилось и было опубликовано описаний пограничных территорий страны, т.е. недавно присоединенных регионов.

Основная доля дошедших до нас в рукописях медико-топографических описаний сохранилась в архивах медицинского факультета Императорского Московского университета и представляет собой сочинения объемом от 25 до 200 страниц. Почти все они имеют оглавление и структурное деление. В первой части, как

биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память: сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 37–66.

⁹ В итоге создана база из 48 различных медико-топографических описаний.

¹⁰ См., например: Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 352. Д. 63. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание Шотинского порохового завода», написанного лекарем Кончиоти. 25 апреля — 2 июня 1844; Там же. Д. 79. О рассмотрении сочинения «Топографическое и медико-статистическое описание Верхнеднепровского уезда», написанного лекарем Зосимовичем. 7 мая — 2 июня 1845; Там же. Д. 96. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание города Шуи и его уезда», представленного лекарем Смирновым А. 26 июня — 5 декабря 1842.

правило, дается историческая справка о рассматриваемом регионе. Вторая часть, основная, посвящена описанию господствующих в крае болезней и причин их возникновения. Заканчивается сочинение описанием народной медицины региона. Размышляя о причинах болезней, авторы медико-топографических сочинений ставят не только медицинские, но и социальные диагнозы народам Российской империи.

Создателями медико-топографических описаний были гражданские и военные врачи, которые находились под ведомственным контролем Министерства внутренних дел и военных ведомств. Они описывали местность, в которой проживали, вели врачебную практику. Накопление эмпирического материала с помощью многолетних наблюдений представлялось вполне разумным способом подготовки к написанию научной работы для последующего ее представления с целью получить повышение в чинах и по службе. Как показывает собранный материал, медико-топографические сочинения писали те из лекарей, кто хотел дослужиться до звания штаб-лекаря: «Для получения звания Штаб-Лекаря нужно представить письменное разсуждение о каком нибудь особенного внимания заслуживающем Медицинском предмете или Медико-топографическое описание»¹¹. В иерархии чинов звание штаб-лекаря было вторым после лекарского.

Постоянно встречающиеся в текстах медико-топографических сочинений указания конкретных способов излечения от того или иного недуга, а также истории болезней отдельных больных говорят в пользу того, что тексты эти были адресованы профессиональному сообществу. В них также встречаются наблюдения, которые предназначались для путешественников или людей, отправляющихся в данный край «по казенной нужде». Другим адресатом медико-топографических сочинений были представители административной власти. К ним были обращены рекомендации медиков по оздоровлению местности.

Е. Вишленкова утверждает, что исключительное право собирать достоверные сведения о движении народонаселения не сразу «монополизировалось» в руках университетских выпускников. Неутешительные результаты о числе родившихся и умерших, здо-

¹¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 341. Д. 68. Дело об отзыве на отношение С. Петербургской Медико-Хирургической Академии, касательно программы Лондонского Общества о преобразовании Медицинской части в Англии. 1834. Л. 11–11 об. В цитате сохранена орфография архивного источника.

ровых и больных, собираемые на протяжении нескольких лет министром полиции, а также поставляемые созданными в 1834 г. губернскими и областными статистическими комитетами, разочаровывали правительство. Поэтому начиная с 30-х годов XIX в. роль поставщиков достоверных сведений о здоровье-нездоровье народонаселения стали выполнять выпускники медицинских факультетов как столичного, так и региональных университетов. По словам Е. Вишленковой, Р. Галиуллиной и К. Ильиной, «впервые потребность власти в профессиональном взгляде и знаниях университетских специалистов проявилась в царствование Николая I. Именно тогда профессора стали привлекаться в качестве советников в правительственные структуры»¹². Правительство, преследуя цель властвования «не в формировании единого социального тела империи, а в оптимизации управления дискретными группами населения, разнородными регионами, в эффективном использовании их потенциалов на общее государственное благо»¹³, охотно финансировало проекты по сбору статистических данных. Поэтому медико-топографические описания в большинстве своем подкреплялись статистическими таблицами¹⁴.

Сами врачи осознавали значимость выполнения поставленной перед ними задачи. С одной стороны, это наделяло их особым статусом «духовников тела», а с другой — покровительство правительства защищало их от притязаний местных незаконных врачей-атеистов, наполняла предмет врачебной практики легитимным содержанием: «Врачи часто пользуются не только почти неограниченной доверенностью, уважением, даже дружбою частных людей всех состояний, но и особенным благорасположением самых Монархов»¹⁵. Вести наблюдения за изменением климата, температурных показателей, снаряжать экспедиции для обследования края, посещать па-

¹² Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 11.

¹³ Там же. С. 13–14.

¹⁴ К примеру, «Краткая ведомость о числе больных, состоявших, заболевших, выздоровевших, умерших и состоящих на лицо в больнице Владимирского Приказа Общественного Призрения в 1838, 1839, 1840, 1841 и 1842 годах»; «Ведомость о числе больных, состоявших, прибывших, выздоровевших, умерших и состоящих в доме умалишенных Владимирского Приказа Общественного Призрения за 1842 г.»; «Показание хода рождения в Гжатске 1839 г. (мальчики, девочки)»; «Движение рождения мальчиков. В Гжатске. В 1839 г.»; «Движение рождения девочек. В Гжатске. В 1839 г.»; «Сравнение движения рождения мальчиков и девочек в Гжатске в 1839 г.».

¹⁵ О преимуществах и невыгодах врача // Друг здравия. 1833. 26 мая. С. 58.

циентов в больницах и на дому, снабжать себя всем необходимым для ведения научных наблюдений позволял уездным лекарям размер жалованья. Он обеспечивал безбедное содержание вдалеке от родного дома: «Кроме того, что наше Правительство состоящим на службе Врачам определяет пристойное содержание, оно обезпечивает их в сем отношении, в случае старости или болезней, а семейства их — в случае смерти. Хороший и даже посредственный, но благоразумный и деятельный Врач, в России, всегда может быть безопасен с сей стороны; услуги, им оказываемая, редко остаются без признательности и посильной благодарности; а случаи оказать свои услуги он будет иметь везде»¹⁶.

Источниковые возможности медико-топографических описаний

Многочисленность медико-топографических описаний в России в 1830—1950-е годы является одним из проявлений медиализации как политического процесса, в котором социальный контроль осуществлялся посредством медицинского языка, наблюдения, сотрудничества с учеными-медиками, имевшими университетское образование. Это сотрудничество проявлялось в обеспечении медиками властей систематическими наблюдениями за определенной территорией. Между властью и университетом в лице ученых нового типа медицинского знания сформировался союз. Правительство было заинтересовано в получении объективной информации об империи (уровне смертности и рождаемости, характере заболеваемости, зависимости распределения различных болезней от природно-климатических и географических условий). Эти сведения позволяли ему, с одной стороны, контролировать число народонаселения империи, а с другой — составить полную картину государства, которая бы, в свою очередь, разрешила проблему превращения России в цивилизованную страну.

В условиях полиэтничной и мультикультурной Российской империи административные чиновники нуждались в фактических сведениях и источниках систематических знаний как о людских, так и о природных ресурсах страны. Получившие университетское образование выпускники медицинских факультетов удовлетворяли

¹⁶ О преимуществах и невыгодах врача. С. 58. В цитате сохранена орфография и пунктуация первоисточника.

именно такую потребность государства. С одной стороны, они воспринимали исходящий от верхов заказ не просто как обязанность, но и как проявление доверия со стороны властей. И в этом смысле желание правительства соответствовало готовности ученых-медиков выполнить такую работу. С другой стороны, медицинская наука, сумевшая к середине XIX в. превратиться из схоластической дисциплины в науку с системным видением человека, основанную на эксперименте и клиническом обучении, претендовала на профессиональную экспертизу социальных проблем. Такое совпадение государственных интересов и профессиональных амбиций содействовало приоритетному финансированию врачебных сообществ, факультетов и исследований в России.

На медиков «нового образца» сначала иностранного происхождения, а позже уже и воспитанников собственных учебных заведений империи была возложена обязанность («честь», «долг») составить санитарно-эпидемиологическую карту Российской империи. И если начало XIX в. ознаменовалось апробированием подобной практики, то в период правления Николая I эта практика была закреплена и возведена в категорию «нормы».

Медики поставляли знания о людском, природно-климатическом и этнографическом потенциале страны. Они собирали информацию о человеческом многообразии, природных условиях проживания, социальных «болезнях», таких как пьянство, предание праздному образу жизни или проституция, профессиональные болезни. Врачи не просто описывали народы и присущие им болезни, они думали, что имеют право предлагать министерству свои способы решения социальных проблем. Изучение медикотопографических описаний позволит, на наш взгляд, расширить круг исторических источников, что, в свою очередь, даст возможность обогатить наше представление о социальной истории России. Но историкам при работе с медикотопографическими описаниями следует быть осторожными. Источниковедческий анализ этих описаний продемонстрировал, что они представляют собой особую группу письменных источников, обладающих специфическим описательным языком, несущих определенный тип информации, имеющих единую структуру и замысел. Подтверждение тому — наличие в медикотопографических описаниях общей цели, признаков социальной и профессиональной принадлежности автора, ярко выраженной адресации. Это рукописи, написанные авторским почерком, некоторые на немецком и латыни.

Специфичный характер медико-топографических сочинений первой половины XIX в. как источников по социальной истории Российской империи вынуждает при работе с ними разрабатывать собственные методологические установки, инструментарий и терминологический аппарат. Сочетание в них медицинского языка (при проговаривании названий болезней, рецептов, наименований лечебных растений, описании историй болезней) с языком художественно-повествовательным, с одной стороны, усложняет восприятие текста медико-топографических сочинений как единого дискурсивного пространства. Но с другой — позволяет феномену «медико-топографических отчетов» претендовать на выделение в самостоятельную группу источников.

* * *

Таким образом, науковеды считают, что конец XVIII в. стал временем профессионализации медицины, ее превращения в синтетическую науку о человеке¹⁷. Из набора практических навыков и отвлеченной университетской дисциплины она выросла в комплекс наук, имеющих теоретические основы, собственный язык и эмпирическую составляющую. В ней появились теории, установившие зависимость между здоровьем подданных и экономикой государства, климатом и рождаемостью, военной мощью и государственной заботой о родах. В начале XIX в. такие теории становятся основой научной медицины в России. Сохранившееся университетское делопроизводство и опубликованные научные трактаты позволяют проследить процесс трансляции этих идей.

В данном исследовании перед нами предстал новый, до сих пор практически не изученный источник по социальной истории Российской империи первой половины XIX в. Это медико-топографические отчеты, основной поток которых приходился на

¹⁷ См.: *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке; *Фуко М.* Рождение клиники. М., 1968; *Bulgakova L.A.* The Profession of Physician in Tsarist Russia / Professionen im modernen Osteuropa. Berlin, 1996. S. 213–231; *Keel O.* The Politics of Health and the Institutionalization of Clinical Practices in Europe in the Second Half of the Eighteenth Century // William Hunter and the Eighteenth-Century Medical World. Cambridge, 1985. P. 207–256; *French R.* Medicine before Science. The Rational and Learned Doctor from the Middle Ages to the Enlightenment. Cambridge. 2003; *Weindling P.* Bourgeois Values, Doctors, and the State: The Professionalization of Medicine in Germany 1848–1933 // The German Bourgeois. L., 1993. P. 198–223.

1830—1850-е годы. Целью написания таких сочинений было конструирование их авторами окружающей социальной реальности, создание медицинской географии разных уголков Российской империи. Медико-топографические описания стали воплощением нового типа знания о населении империи, ее социальных и экономических трудностях. Это достигалось за счет того, что составители медико-топографических отчетов, изучая народы Российской империи, выявляли зазоры между знанием академическим, полученным в университетах, и тем знанием, с которым сталкивались в своей практике. Таким образом рождалось новое, модифицированное, универсальное, заимствованное из европейских медицинских школ знание, с одной стороны, и локализованное, адаптированное, приспособленное к российским реалиям 30—40-х годов XIX столетия — с другой. Изучение природы происхождения и специфики медико-топографических сочинений убеждает в том, что они представляют собой написанные с учетом специфики медицинского языка интерпретации социальных проблем Российской империи, экспертные претензии университетских медиков. Тем самым сочинения уездных штаб-лекарей могут, на наш взгляд, обогатить арсенал источников по социальной истории Российской империи.

© Гатина З.С., 2014

К.С. Голомазова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
Е.В. Акельев

«...А СУДЬЕ ВЕЛЕЛ ВЗЯТИ ПОШЛИНУ ПО СУДЕБНОМУ СПИСКУ»: СУДЕБНИК ИВАНА III В ПРАВО- ПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИ- НЫ XVI в. (по правым грамотам 1503– 1541 гг.)

Значение Судебника 1497 г., первого памятника права российского централизованного государства, трудно переоценить. Неслучайно этот памятник вот уже 200 лет, с момента введения его в научный оборот П.М. Строевым и К.Ф. Калайдовичем в 1819 г.¹, занимает одно из центральных мест в историографии. Ему посвящены и множество беглых обзоров, и специальные исследования, начало которым положил известный юрист С.В. Юшков², и даже целые монографии³. Литература, посвященная Судебнику 1497 г., настолько обширна, что даже специальные историографические обзоры заслуживают отдельного внимания⁴.

¹ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.

² Юшков С.В. Судебник 1497 года. К внешней истории памятника // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1926. Т. 5. Вып. 3.

³ Штамм С.И. Судебник 1497 года. М., 1955; Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.

⁴ См. специальные историографические обзоры работ о Судебнике 1497 г.: Черепнин Л.В. Введение // Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 341–345; Штамм С.И. Русская историография XIX века об источниках Судебников 1497 и 1550 гг. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 102–118; Казаков Р.Б. Судебник 1497 года // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 139–145; Скрипильев Е.А. Историография Судебника 1497 г. в литературе XIX–XX вв. // Судебник 1497 г. в контексте истории

Среди различных направлений изучения Судебника Ивана III наиболее важным, на наш взгляд, является исследование его правоприменения. Особая значимость именно этого вопроса обусловлена тем, что Судебник, первый памятник права единого централизованного государства, дошел до нас в одном-единственном списке. Этот факт вызывает у исследователей закономерное удивление: если Судебник 1497 г. широко применялся на практике, почему же мы имеем дело лишь с одной копией? Ведь даже пожары не помешали другим важнейшим правовым памятникам, таким как Русская Правда и Судебник 1550 г., дойти до нас во множестве экземпляров. Поэтому историкам прежде всего необходимо доказать, что перед нами — правовой акт, применявшийся в судебной практике на всей территории Московского государства. Весьма актуальной в такой ситуации представляется задача выявления и анализа источников правоприменения Судебника Ивана III.

Правые грамоты и правоприменительная практика в России первой половины XVI в.

Важнейшим источником для изучения реальных правоприменительных практик первой половины XVI в. являются разнообразные виды судебных актов: судные списки, «беглые грамоты», губные и жалованные грамоты. Наибольшей ценностью среди этой группы актов обладают **правые грамоты**. Историографический анализ показывает, что именно они чаще всего использовались исследователями при проверке действительности тех или иных статей Судебника 1497 г.

Правая грамота представляет собой документ, состоящий из протокола судебного разбирательства и решения, вынесенного в ходе него. Она создавалась для выдачи на руки выигравшей стороне (с чем и связано, по мысли А.П. Пронштейна, ее название⁵). За создание и выдачу правых грамот в период бытования Судебника 1497 г. взыскивалось несколько пошлин: за написание грамоты воз-

российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 76–96. Подробные историографические обзоры можно найти также в следующих работах: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1, 2. М.; Л., 1948–1951. С. 254–278; *Семенченко Г.В.* Судебник 1497 года и некоторые аспекты правительственной политики в конце XV века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 245–275; *Алексеев Ю.Г.* Указ. соч. С. 28–76.

⁵ См.: *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1976. С. 57.

награждение получал подьячий, за подпись на грамоте — дьяк, за приложение печати — боярин⁶.

Правая грамота в XV–XVI вв. имела довольно устойчивый формуляр⁷. В преамбуле обычно назывались судья (судьи); истец и ответчик; место, где проходил суд; иногда дата суда. Основная часть правой грамоты состоит из двух частей: протокола судебного разбирательства и приговора. В протокольную часть копировался так называемый судный список, который можно считать самостоятельной разновидностью судебных актов, хотя большинство судных списков первой половины XVI в. дошло именно в составе правых грамот⁸. Судный список, в свою очередь, состоял из «судоговорения» (вопросов судей, речей истцов, ответчиков и свидетелей), описания вещественных доказательств, показаний обвиняемого на пытке, различных процессуальных документов (например, разьежжих грамот, крестоцеловальных присяг и т.д.). В случае если на суде стороны предоставляли какие-нибудь документы, их тексты полностью копировались в текст судного списка. Как отмечает американская исследовательница Энн Клаймола⁹, судный список не содержал решения суда, а его функция ограничивалась предоставлением необходимых сведений для того, чтобы это решение было вынесено. Судебное решение, следующее в правой грамоте после судного списка, имеет такое традиционное вступление: «И по государя своего слову великово князя Ивана Васильевича всеа Руси...». Решение суда могло представлять собой простую констатацию факта, а порой могло и содержать подробное перечисление причин, по которым решение было вынесено в пользу той или иной стороны. Завершает правую грамоту удостоверительная часть, примером ее может служить следующая запись: «А подпись на подлинной правой грамоте великово князя дьяка Максима Горина»¹⁰.

Итак, правые грамоты являются важнейшим источником по истории русского средневекового права. Действительно, ведь зако-

⁶ См., например, ст. 15, 22, 40 Судебника 1497 г.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1984. С. 56–57, 59.

⁷ См.: Бельдова М.В. Правая грамота // Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 6. Ч. 2. М.: Наука, 2009. С. 176.

⁸ См.: Она же. Судный список // Там же. С. 312.

⁹ См.: Kleimola A.M. Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Charters (*pravye gramoty*) of the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Philadelphia, 1975. P. 6.

¹⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / сост. А.В. Антонов (далее — АСЗ). Т. 1. М., 1997. № 145. С. 115.

ны (в частности, Судебник 1497 г.) *устанавливают* нормы, а судебные акты (в особенности правые грамоты) демонстрируют, как эти нормы применялись (или же не применялись) на практике. Таким образом, правые грамоты первой половины XVI в. позволяют проводить анализ функционирования средневековой судебной системы и, в частности, правоприменения Судебника 1497 г.

Правые грамоты и Судебник 1497 г.: подходы в историографии

Первая попытка сопоставить нормы Судебника с реальными судебными решениями принадлежит Н.Л. Дювернуа¹¹. Внимание исследователя привлек судный список от 30 июня 1503 г., по которому крестьянин Михалка Жук, совершивший поджог монастырской деревни, был выдан потерпевшему, старцу суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Александру, «в полудесяте рублех до искупа». Н.Л. Дювернуа видит в вынесенном решении несоблюдение нормы Судебника (а именно ст. 9¹² о наказании смертной казнью за определенные преступления, в том числе за поджог)¹³.

Иначе подошел к решению этой проблемы С.В. Юшков. По его мнению, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Судебник являлся источником действующего права: одно свидетельство Сигизмунда Герберштейна, процитировавшего многие статьи Судебника, не оставляет никаких сомнений в его действительности. С.В. Юшков находит более правомерным поставить вопрос иначе: какие именно статьи Судебника не получили применения на практике?¹⁴ В поисках ответа Юшков предлагает разделить все статьи Судебника на пять групп¹⁵.

В первую группу историк относит статьи, устанавливающие размер судебных пошлин (ст. 3, 4–7, 15–17, 21–26, 28–30, 38–40, 44–64). По мнению исследователя, статьи этой группы следует признать безусловно применяемыми на практике¹⁶. Вторая груп-

¹¹ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869.

¹² В работе используется общепринятая нумерация статей Судебника 1497 г., предложенная М.Ф. Владимирским-Будановым.

¹³ См.: Дювернуа Н.Л. Указ. соч. С. 288.

¹⁴ См.: Юшков С.В. Указ. соч. С. 42.

¹⁵ См.: Там же. С. 42–45.

¹⁶ См.: Там же. С. 43.

па (ст. 5–9, 14, 18, 39, 46–52, 54–55, 58–59, 62, 65) определена по принципу заимствования из Псковской судной грамоты, Русской Правды и Уставных грамот. По мнению Юшкова, «нет никаких оснований считать их статьями, не применяемыми судьями», ибо они регулируют уже сложившиеся институты и в значительной степени переработаны на основе московской практики. В третью группу были выделены статьи, которые определяют компетенцию должностных лиц и судебных органов (ст. 1, 10, 11–13, 18–20, 27, 32, 37, 41–42, 45, 53, 65). Несмотря на то что эти постановления являются новыми, С.В. Юшков полагает, что их также можно признать используемыми в судопроизводстве. Что же касается статей четвертой группы, содержащих новые постановления в области уголовного и гражданского права (ст. 10, 11–13, 56–57, 60–61, 63), то, по мнению исследователя, они не все или не в равной степени были восприняты судебной практикой. С большей вероятностью применялись статьи, основанные на обычном праве (например, ст. 57 о христианском отказе).

В использовании на практике остальных статей С.В. Юшков считает возможным усомниться. В частности, не применялись в реальной жизни жестокие наказания за уголовные преступления (татьбу, разбой, грабеж, поджог и проч.). Это мнение основано на свидетельстве Сигизмунда Герберштейна о том, что в Московии даже серьезные преступники (воры, убийцы, а также разбойники) редко приговариваются к смертной казни. Кроме этого, С.В. Юшков упоминает некоторые акты, которые «показывают действительно неприменение на практике строгих норм Судебника»¹⁷. В качестве яркого и показательного примера историк, вслед за Н.Л. Дювернуа, отмечает упомянутый выше судный список от 30 июня 1503 г., по которому «зажигальник, вместо того, чтобы быть подвергнутым смертной казни по ст. 9, был выдан истцу головой»¹⁸.

Наконец, последние 13 статей, которые С.В. Юшков определяет в пятую группу, в большинстве своем призванные бороться со злоупотреблениями судей (запрещение брать посулы и др.), слабо использовались на практике. Об этом, по мнению исследователя, свидетельствуют широко распространенные волокита и взяточничество в судах наместников и волостелей, приведшие к необходимости образования губных органов. Кроме того, С.В. Юшков обра-

¹⁷ Юшков С.В. Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 44. С.В. Юшков дает ссылку на акт в таком виде: А.Ю. № 19. Однако здесь, видимо, опечатка. Правильно: № 10.

щает внимание на свидетельство С. Герберштейна о неприменении в судопроизводстве ст. 68 Судебника, призванной упорядочить судебные поединки¹⁹.

Таким образом, С.В. Юшков приходит к выводу, что не все установления Судебника 1497 г. оказались действенными. Но, к сожалению, выводы С.В. Юшкова основаны скорее на логике, чем на анализе конкретной правоприменительной практики (в своих построениях он использует лишь один-единственный судный список 1503 г.).

Важное место в историографии проблемы правоприменения Судебника 1497 г. занимает работа И.И. Смирнова²⁰. Историк впервые осуществил анализ прямых ссылок на Судебник в актовом материале за период с 1497 по 1550 г. И.И. Смирнов использовал в своем исследовании 13 правых грамот и одну жалованную грамоту 1497–1550 гг., которые содержат ссылку на памятник: 1504 (2 акта), 1502 (2 акта) и 1500, 1518, 1531, 1535, 1536, 1539, 1540, 1541, 1542, 1547 гг. (по одному акту)²¹. Этот анализ привел И.И. Смирнова к выводу, что подобные ссылки на Судебник были не каким-то исключением, а вполне нормальным явлением судопроизводства первой половины XVI в.

Крупным событием в истории изучения проблемы правоприменения Судебника 1497 г. стала статья Б.М. Клосса и В.Д. Назарова²². В этой статье авторы поднимают вопрос о том, как называли Судебник Ивана III его современники (ведь ни в тексте, ни в заголовке памятника самоназвания не обнаруживается). По мнению историков, современники стали именовать законодательный свод Ивана III «судебником» почти сразу же после его утверждения. Для доказательства этого положения они, вслед за И.И. Смирновым, проводят анализ всех отсылок на Судебник 1497 г., встречающихся в актовом материале периода его бытования (исследователи используют 20 документов²³). По наблюдениям авторов, в большинстве случаев фигурирует термин «судебник», но нередко речь идет о «судебном списке». Обращаясь к содержанию документов, в которых обнаружены отсылки на Судебник 1497 г., они отмечают,

¹⁹ См.: Там же. С. 45.

²⁰ *Смирнов И.И.* Судебник 1550 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 267–353.

²¹ Там же. С. 272.

²² *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 53–75.

²³ См.: Там же. С. 68.

что эти акты территориально охватывают 15 уездов. Исходя из этого Б.М. Клосс и В.Д. Назаров приходят к следующему важному выводу: «при всей ограниченности дошедшего до нас массива документов за первую половину XVI в. ...содержащиеся в них известия прямо свидетельствуют о широком распространении Судебника Ивана III в рамках системы судебных органов Российского государства»²⁴.

Таким образом, несмотря на то что в историографии неоднократно предпринимались попытки решить проблему правоприменения Судебника 1497 г. на основе изучения правых грамот, эта задача далека от выполнения. До сих пор не составлен перечень всех судебных актов первой половины XVI в., в которых содержатся прямые ссылки на Судебник, не говоря уже об их комплексном анализе. Вместе с тем в историографии намечены пути осуществления поставленной задачи. Исходя из этого мы можем выделить два основных метода работы с правыми грамотами, позволяющих определить границы использования Судебника 1497 г.: выявление прямых отсылок на памятник и анализ соответствия отдельных его статей конкретным судебным разбирательствам. Оба метода будут апробированы в данной статье на основе изучения всего комплекса выявленных и опубликованных судебных актов первой половины XVI в.

Прямые ссылки на Судебник Ивана III в правых грамотах 1503–1541 гг.

И.И. Смирнов был первым, кто осуществил целенаправленный поиск прямых ссылок на Судебник, встречающихся в актах первой половины XVI в. За период с 1500 по 1547 г. им было выявлено 14 актов, содержащих такие отсылки²⁵. Б.М. Клосс и В.Д. Назаров продолжили дело И.И. Смирнова по поиску прямых отсылок на Судебник 1497 г., в результате увеличив их число до 20²⁶. К сожалению, авторы не снабдили свою ценную статью ни полным перечнем этих актов, ни даже ссылками на их публикации. Анализ всех опубликованных актов первой половины XVI в. позволил нам увеличить число актов, содержащих ссылку на памятник, на 16 документов. Все вновь обнаруженные нами ссылки на Судебник 1497 г. в актах первой половины XVI в. приведены в табл. 1.

²⁴ Клосс Б.М., Назаров В.Д. Там же. С. 70.

²⁵ См.: Смирнов И.И. Указ. соч. С. 267–353.

²⁶ См.: Клосс Б.М., Назаров В.Д. Указ. соч. С. 68.

Таблица 1

№	Год	Цитата
1	1503	«...и по тому дворецкой Константин Григорьевич Заболотцкой ищей Федка да Костю Полуевых оправил, а Гридку Тевелгу обинил и судил его в тати и выдал его ищем на казнь по Судебнику » ¹⁾
2	1504	«...и велел судье на ответчиках на Ортемке на Востром, да на Сенке на Третьяке и на их товарищех взяти вину по судебному списку » ²⁾
3	1504	«...а судье велел на них взяти пошлину по судебному списку » ³⁾
4	1505	«...и, великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, дворецкой Петр Васильевич... велел на нем судье вину взяти по судебнику » «...а на Ондреике на Мартынове на княже Иванове при- кашике судья взял вину по судебнику » ⁴⁾
5	1505/ 1506	«...а судье на них велел взяти пошлину по великого князя по судебному списку » ⁵⁾
6	1508	«...и велел на них судье вину взяти по судебному списку » ⁶⁾
7	1508	«...и велел на них судье вину взяти по судебному списку » ⁷⁾
8	1509	«...и велел на нем судья вину взяти по Судебнику » ⁸⁾
9	1510/11– 1515/16	«...а судье велел на Микифорице вину взяти по судебному списку » ⁹⁾
10	1521	«...а судьям велел на Володе да на Ивашке пошлины свои взяти по их грамоте пожалованной; а не будет грамоты, и судьям на них пошлина своя взяти по Судебному списку » ¹⁰⁾
11	1524	«...а пошлину судьям велел на них взяти по списку по судебному » ¹¹⁾
12	1525	«...и велел на них судьям взяти вину по судебному списку » ¹²⁾
13	1530	«...и судьям на них велел вину взяти по судебному списку » ¹³⁾
14	1534	«...и судии велел пошлину свою взяти на Есюнинских хрестиянх по их грамоте жаловалной, а не будет грамоты и судье пошлину свою взяти по судебному списку » ¹⁴⁾
15	1539	«...и судье на них пошлина взяти по Судебнику » ¹⁵⁾
16	1541	«...а пошлину на них велел судье взяти по Судебнику » ¹⁶⁾

- ¹⁾ *Кашианов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 40. С. 409–414. (Здесь и далее выделено мной. — *К.Г.*).
- ²⁾ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 172. С. 181–187.
- ³⁾ Там же. № 173. С. 187–189.
- ⁴⁾ Там же. № 218. С. 234–236.
- ⁵⁾ Там же. № 48. С. 68–72.
- ⁶⁾ Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 40. С. 43–46.
- ⁷⁾ Там же. № 41. С. 46–49.
- ⁸⁾ Русский дипломатарий / отв. ред. А.В. Антонов. Вып. 4. М., 1998. С. 114–119.
- ⁹⁾ Акты Русского государства 1505–1526 гг. № 77. С. 80–84.
- ¹⁰⁾ Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 159–167.
- ¹¹⁾ Акты Русского государства 1505–1526 гг. № 230. С. 232–234.
- ¹²⁾ Там же. № 255. С. 258–261.
- ¹³⁾ *Лихачев Н.П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. II: Правые грамоты. СПб., 1895. № VIII. С. 172–181.
- ¹⁴⁾ Акты Юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. № 20. С. 42–47.
- ¹⁵⁾ АСЗ. Т. 4. М., 2008. № 503. С. 388–397.
- ¹⁶⁾ АСЗ. Т. 1. М., 1997. № 228. С. 200–203.

Таким образом, на сегодняшний день вместе с 14 актами, выявленными И.И. Смирновым, известно 30 судебных актов 1500–1547 гг. с прямыми отсылками на Судебник. Отметим широкий территориальный охват этих актов: они происходят из Бежецкого Верха, Белозерского, Владимирского, Вологодского, Дмитровского, Кашинского, Каширского, Костромского, Можайского, Московского, Нижегородского, Переславль-Залесского, Солигаличского, Суздальского, Тверского, Углицкого и Ярославского уездов. Прямые отсылки на Судебник, встречающиеся в судебных актах, являются главным и неопровержимым доказательством того, что он на самом деле бытовал как действующий источник права.

Судебник Ивана III и правая грамота 1503 г.: опыт микроанализа

Перспективным методом проверки действенности Судебника 1497 г. является микроисторический анализ конкретных судебных процессов первой половины XVI в. Действенность этого метода будет продемонстрирована на примере детального изучения одной правой грамоты 1503 г.²⁷

²⁷ См.: *Кашианов С.М.* Указ. соч. № 40. С. 409–414.

Дворецкий Константин Григорьевич Заболоцкий вел судебное разбирательство по иску прилуцких монастырских крестьян Троице-Сергиева монастыря Федора и Константина Полуевых к крестьянину села Павловского Углицкого уезда Гриде Тевелге, обвиняемому в краже сена. На суде истцы поведали, что рано утром, «на Устретеньев день» [2 февраля], они пришли на луг посмотреть свое сено (стог в тридцать копен) и обнаружили, что оно было «покрадено». Взяв с собой прилуцких доводчиков (или приставов) Бурку и Останку и еще восемь местных «христьян добрых людей», а также часть оставшегося сена, они отправились по следу в поисках украденного стога. След, т.е. осыпавшаяся труха, привел их к селу Павловскому. Здесь по просьбе доводчика посельский Митя Кожухов дал им своего сына Ширия и других четырех крестьян с тем, чтобы продолжить поиски. След привел их к двору крестьянина Гридки Тевелги, где в сеннице было обнаружено «воза з два» краденного сена. Крестьяне Федор и Константин с помощью приставов и местных крестьян вынули из сенницы свое сено, затем приложили к нему сено «следовое» (т.е. то, что они везли со своего луга). Оказалось, что это было в действительности сено из одного стога («ино сено одно»). Запечатав «следовое» и вынутое сено, истцы вместе с приставами, местными крестьянами и обвиняемым в татьбе Гридкой Тевелгой предстали перед судом. На вопрос дворецкого Константина Заболоцкого, кому принадлежит сено и как оно попало к нему во двор, Гридка Тевелга ответил, что сено не его и было ему подкинута. Тогда судья перешел к допросу приставов и крестьян. Прилуцкие и павловские крестьяне между прочим заявили, что «тот... Гридка Тевелга лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба»²⁸. По их словам, первую татьбу «искали на нем» крестьяне села Павловского, по решению суда Гридка был наказан кнутом, а из его имущества был выплачен «истцов иск». После услышанного дворецкий Константин Заболоцкий спросил у Гридки Тевелги, на самом ли деле он ранее был судим за татьбу и понес телесное наказание. На это Гридка Тевелга ответил, что он действительно обвинялся в татьбе, был пытан, но под пыткой ни в чем не признался.

Теперь же рассмотрим, насколько отраженные в правой грамоте реалии соответствуют установленным Судебником 1497 г. нормам. Если бы Гридка Тевелга обвинялся в татьбе впервые, судьям

²⁸ Там же. С. 413.

следовало применить ст. 10 Судебника, по которой обвиняемый, ранее не замеченный в других кражах («в ыной татбе в прежней довода на него не будет»), подвергался «торговой казни», т.е. публичному наказанию кнутом, и был обязан выплатить компенсацию истцу. В случае если его имущество не позволяло ему удовлетворить «истцов иск», то он выдавался истцу «головою на продажу»²⁹. Возможно, такое решение и вынес бы дворецкий, если бы крестьяне не заявили о том, что «тот... Гридка Тевелга лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба»³⁰. Сам же Гридка признался, что ранее судился по подозрению в татьбе и был пытан³¹. При таких обстоятельствах обвиняемый не подпадал под ст. 10 и должен был судиться по ст. 11, в соответствии с которой человек, пойманный на краже не впервые, подлежал смертной казни, а его имущество передавалось истцу для погашения суммы иска³².

Но применил ли дворецкий К.Г. Заболотский указанные статьи? Для ответа на этот вопрос обратимся к тексту приговора: «И по тому дворецкой Константин Григорьевич Заболотцкой ищей Федка да Костю Полуевых оправил, а Гридку Тевелгу **обинил и судил его в тати и выдал его исцем на казнь по Судебнику, а истцево велел доправити поселскому из его статков**»³³.

Таким образом, судья вынес Гридке Тевелге, как «лихому человеку», смертный приговор, повелев выплатить сумму иска из его имущества. Следовательно, решение этого дела полностью соответствует нормам, установленным Судебником 1497 г. Итак, проанализировав одну правую грамоту 1503 г., мы обнаружили в ней не только прямую отсылку на Судебник, но и последовательное применение на практике всех статей правового памятника, посвященных татьбе.

Наше исследование правых грамот первой половины XVI в. позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, прямые ссылки на Судебник 1497 г. в судебных актах этого времени были обычным и довольно распространенным явлением, о чем свидетельствуют выявленные и проанализированные 30 актов с подобными отсылками. Во-вторых, посредством выявления связей между конкретным судебным процессом 1503 г. и определенными статьями

²⁹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 55.

³⁰ *Каишанов С.М.* Указ. соч. № 40. С. 413.

³¹ Там же.

³² Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 55.

³³ *Каишанов С.М.* Указ. соч. № 40. С. 413.

Судебника 1497 г. можно проследить специфику применения положений этого законодательного памятника на микроуровне, что представляется весьма перспективным направлением исследовательской деятельности.

Приложение

Акты первой половины XVI в., содержащие прямые ссылки на Судебник 1497 г.

1. Докладной судный список («грамота правая») суда данных судей Алексея Григорьева сына Желтухина и Федора Иванова сына Болотникова приказчику троицкого с. Петровского Федору Мошнину по тяжбе между Троице-Сергиевым м-рем и вотчинниками Лыковыми о земле возле троицкой д. Рубцова и лыковской д. Ядромина [в вол. Сурожике Московского у.] (от 13 декабря 1525 г.) // Акты Русского государства 1505—1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 255. С. 258—261.

2. Докладной судный список, с доклада в. кн. Ивану Васильевичу, суда медынского наместника Назара Иванова сына Арсеньева Екатерине Яковлевой дочери, вдове Степана Иванова сына Пронякина, и ее деверям Ивану Иванову сыну Пронякина и Борису Васильеву сыну Сибеккина на Марию, жену Федора Степанова сына Неелова, ее мужа Федора, сына Ждана и человека Федьку, обвиненных в убийстве Степана Иванова сына Пронякина (от 28 февраля 1539 г.) // Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / сост. А.В. Антонов. Т. 4. М., 2004. № 503. С. 388—397.

3. Докладной судный список, с доклада дворецкому Андрею Михайловичу Морозову, арх. Печерского м-ря Илье с братьею по тяжбе между ними и великокняжескими бортниками мордвой Иваном Рамстеевым сыном с отцем о бортном лесе Тумодеевский ухожей на р. Пьянее в Нижегородском у. (от 16 февраля 1509 г.) // Русский дипломатарий / отв. ред. А.В. Антонов. Вып. 4. М., 1998. С. 114—119.

4. Докладной судный список, с доклада дворецкому Петру Вас. [Шастунову], данный судьей Суком Дубровиным Спасо-Ярослав. м-ря архим. Ионе на пожню Чепчюру к монастырской дер. Кишкину, которую оспаривал и покосил кн. Ив. Дм. Пронский (от 2 июня 1505 г.) // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 218. С. 234—236.

5. Докладной судный список суда Василия Бобкова и Григория Нарбекова старосте великокняжеского с. Гастева Федосию Ульянову сыну с тов. по тяжбе между ними и крестьянами троицкого с. Тумы Иваном Захаровым с тов. о пожне возле этих сел [в Опольском ст. Суздальского у.] (от 11 августа 1524 г.) // Акты Русского государства 1505—1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 230. С. 232—234.

6. Докладной судный список суда Михаила Есипова [сына Нетребуева] троицкому слуге Борису [Леонтьеву сыну] по тяжбе между Троице-Сергиевым м-рем и великокняжескими (бывшими монастырскими) крестьянами вол. Верхний Березовец Полуханом Васьевым сыном и др. о наволоках по обе стороны р. Костромы возле дд. Подкосовой и Мичковой Костромского у. (от января 1508 г.) // Акты Русского государства 1505—1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 40. С. 43—46.

7. Жалованная грамота Ивана IV митрополиту Иоасафу (1541 г.) // Архив ЛОИИ. Собрание актов Антониева Сийского монастыря (ссылка в статье И.И. Смирнова).

8. Подписной докладной судный список, с доклада дмитров. и кашин. кн. Юрию Ивановичу, данный судьей Андр. Хвостовым Троицкого Калязина м-ря властям (старцу Агафону) на лес и починки в Жабен. вол. Кашин. у., бывшие в споре с Артемом Вострым с товарищами (от 26 января 1504 г.) // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 172. С. 181—187.

9. Правая грамота (1504 г.) // Акты Уварова. № 19.

10. Правая грамота (1504 г.) // Архив ЛОИИ. Фонд копий грамот Коллегии экономии по Галичу. № 3337/7 (ссылка в статье И.И. Смирнова).

11. Правая грамота (1535 г.) // Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860. № 45. С. 47—52.

12. Правая грамота (1536 г.) // Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860. № 46. С. 52—55.

13. Правая грамота (1539 г.) // Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860. № 49. С. 57—64.

14. Правая грамота (1542 г.) // Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860. № 67. С. 133—144.

15. Правая грамота (1547 г.) // Архив ЛОИИ. Фонд копий грамот Коллегии экономии по Ярославлю. № 14761/13 (ссылка в статье И.И. Смирнова).

16. Правая грамота о завладении крестьянами Есюнинской волости земель, принадлежавших Ферапонтову монастырю, и о размежевании спорных урочищ между Есюнинскими и Сусельскими деревнями (от 11 февраля 1534 г.) // Акты Юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. № 20. С. 42—47.

17. Правая грамота о насильственном владении Якова Внукова пашенною землею Сновицкого монастыря (от 30 декабря 1518 г.) // Акты Юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. № 16. С. 29—31.

18. Правая грамота по делу о спорной земле между Васильем Облязом Лодыгиным и Благовещенским Кержацким монастырем (от 15 мая 1531 г.) // Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. II: Правые грамоты. СПб., 1895. № IX. С. 181—195.

19. Правая грамота по спорному делу между крестьянами Усошской волости и Симановым монастырем о принадлежности последнему пожень Степановской деревни Ватолинского села (от 27 ноября 1500 г.) // Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. II: Правые грамоты. СПб., 1895. № II. С. 124—128.

20. Правая грамота по спорному делу между Ольговским Рязанским монастырем и бортниками Кистьруйского села об озерах Болонье и Волгани (от 20 февраля 1530 г.) // Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. II: Правые грамоты. СПб., 1895. № VIII. С. 172—181.

21. Правая грамота, с доклада боярину Юр. Конст. Сабурову, данная судьей в. князя Ив. Брехом Вельяминовым с. [Зерновым] Чудова м-ря властям на землю монастырского сщ. Клеопинского дер. Потопловской, Плеск. вол. Костром. у., бывшую в споре с волостными крестьянами дер. Зубцова Ив. и Фед. Солониниными (от 27 февраля 1505—1506 гг.) // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 48. С. 68—72.

22. Правая грамота, с доклада дмитров. и кашин. кн. Юрию Ив., данная судьей Яковом Медведем Ярославовым Троицкого Калязина м-ря властям (старцу Касьяну) на починки Крутец

и Красное селище (близ р. Товы) в Кашин. у., занятые было крестьянами Степ. и Аксеном Щелковыми (от 29 июня 1504 г.) // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 173. С. 187—189.

23. Правая грамота (с докладом боярину Григорию Федоровичу Давыдову Хромого) суда Андрея и Нечая Григорьевых детей Девочкина иг. Дудина м-ря Кириллу по тяжбе между дудинским старцем Филаретом и нижегородскими детьми боярскими Владимиром и Иваном Семеновыми детьми Скорятина о земле сщ. Чернцово в Гороховецкой вол. Нижегородского у. (от 17 февраля 1521 г.) // Русский дипломатарий / отв. ред. А.В. Антонов. Вып. 6. М., 2000. С. 159—167.

24. Правая грамота суда дворецкого Константина Григорьевича Заболоцкого прилуцким крестьянам Троице-Сергиева м-ря Федору и Константину Полуевым по тяжбе между ними и крестьянином с. Павловского Углицкого у. Гридей Тевелгою о краже сена (марта 1503 г.) // *Кашианов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 40. С. 409—414.

25. Правая грамота суда дьяка Федора Остафьева сына Сытина посельскому троицкого с. Синкова старцу Андронику по тяжбе между ним и приказчиком Вознесенского м-ря Подмошенского и с. Синковым Дмитровского у. (ок. 1510/11—1515/16 гг.) // Акты Русского государства 1505—1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 77. С. 80—84.

26. Правая грамота суда Михаила Есипова сына Нетребуева троицкому слуге Борису [Леонтьеву сыну] по тяжбе между Троице-Сергиевым м-рем и великокняжескими (бывшими монастырскими) крестьянами вол. Верхний Березовец Полуханом Васьковым сыном и др. о наволоках по обе стороны р. Костромы возле дд. Подкосовой и Мичковой Костромского у. (после января 1508 г.) // Акты Русского государства 1505—1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 41. С. 46—49.

27. Правая грамота суда московского тиуна Гаврилы Андреева сына Тыртова Михаилу и Петру Колупаевым (Васильевым) детям Приклонского на Никитку повара, человека Тимофея Иванова сына Волынского, женившегося на беглой холопке Приклонских (декабря 1541 г.) // Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / сост. А.В. Антонов. Т. 1. М., 1997. № 228. С. 200—203.

28. Правая грамота Ферапонтову монастырю на пожню Крестный наволоок по реке Порозобице усть реки Шелекши

(апреля 1502 г.) // Русская историческая библиотека. Т. 32: Архив П.М. Строева. Т. I. Петроград, 1915. № 73. Стб. 101–109.

29. Судный список (1540 г.) // Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860. № 53. С. 69–75.

30. Судный список по спорному делу между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Словенского Волока, о разчистке ими под свою пашню Сусельского леса (от 25 апреля 1504 г.) // Акты Юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. № 11. С. 20–23.

© Голомазова К.С., 2014

И.Г. Гурьянов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
Ю.В. Иванова

МЕДИКО- АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ МАРСИЛИО ФИЧИНО «О ЖИЗНИ»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ¹

Медицинское знание всегда обладало весьма солидным эпистемологическим статусом: начиная, по крайней мере, со Средних веков и до настоящего времени его относят к области науки, *scientia*. Это делает чрезвычайно интересным объектом изучения различные формы дискурса, которые стремились встроиться в медицинское знание или же под него мимикрировать. Вполне понятно, что наиболее успешными подобные попытки оказывались в периоды интенсивного переустройства самого ландшафта науки, смены дисциплинарных конвенций и парадигм². К таким периодам относится и раннее Новое время: прежде всего нас будет интересовать вторая половина XV в. Несмотря на то что в русле истории идей медико-астрологический дискурс рассматриваемого периода обстоятельно изучен, он все еще остается достаточно обособленной сферой исследования, почти курьезом на фоне более широко понимаемых процессов становления медицинского знания и его роли в формировании ландшафта ранненововековой науки в целом³. В настоящем исследовании особенности аргументации в

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции» при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-03-00482а, 2012–2014 гг.).

² См.: *Cosmacini G.* L'arte lunga. Storia della medicina dall'antichità a oggi. Roma, 2009. P. 99–293.

³ См.: *Zanier G.* Platonic Trends in Renaissance Medicine // *Journal of the History of Ideas*. 1987. Vol. 48. No. 3. P. 509–519; *Siraisi N.G.* Some Current Trends in the Study of Renaissance Medicine // *Renaissance Quarterly*. 1984. Vol. 37. No. 4. P. 585–600.

медико-астрологическом сочинении «О жизни» (*De vita libris tres*, 1489) виднейшего представителя итальянского неоплатонизма Марсилио Фичино будут рассмотрены через призму истории его создания.

Марсилио Фичино (1433–1499) — флорентийский мыслитель и переводчик, находившийся под покровительством семейства Медичи. В истории европейской мысли раннего Нового времени он известен прежде всего как создатель масштабной историософской концепции «*prisca theologia*» («древней теологии»). Именно под эгидой этого учения он осуществил большой переводческий и издательский проект, введя в европейский интеллектуальный обиход целый ряд сочинений античных и эллинистических авторов. Так, он осуществил перевод с греческого на латинский язык полного корпуса сочинений Платона (включая сочинения, приписываемые ему), Плотина, Ямвлиха, Прокла, тексты Герметического корпуса и написал к ним комментарии. Латинские переводы и комментарии Фичино были востребованы вплоть до XIX в. При всем при том в молодости он успел получить медицинское образование и, возможно, даже имел врачебную практику⁴. В настоящее время существует целый ряд сочинений, дающих общее представление о жизни и взглядах флорентийца⁵.

Основным источником для нашего исследования является трактат «О жизни», созданный Марсилио Фичино в период с 1480 по 1489 г. на латинском языке. По замечанию Андреа Корсини, «О жизни» — это первое в европейской интеллектуальной традиции сочинение, специально посвященное профессиональным рискам определенного рода занятий, а именно вопросам здоровья ученых⁶. Существуют исследования, свидетельствующие о большой популярности и востребованности данного трактата в конце XV —

⁴ См.: *Kaske C.V., Clark J.R.* Introduction // *Ficino M.* Three Books on Life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / ed. by C.V. Kaske, J.R. Clark. Tempe; N.Y., 1988. P. 18–19.

⁵ *Allen M.J.B., Ress V., Davies M.* Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy. Leiden etc., 2001; *Kristeller P.O.* The Philosophy of Marsilio Ficino. N.Y., 1942; *Idem.* Per la biografia di Marsilio Ficino // *Studies in Renaissance Thought and Letters*. 1956. Vol. 1. P. 191–211; *Marcel R.* Marsile Ficin, 1433–1499. Paris, 1958; *Voss A.* Marsilio Ficino. Berkeley, CA, 2006; *Иванова Ю.В.* Возрождение философии: Марсилио Фичино // *История литературы Италии*. Т. 2. Кн. 1. М., 2007. С. 385–406; *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.

⁶ См.: *Corsini A.* Il «De vita» di Marsilio Ficino // *Rivista di storia critica delle scienze mediche e naturali*. 1919. No. 10. P. 5.

начале XVI в.⁷ В этом смысле его ставят в один ряд с другим медицинским сочинением Фичино «Руководство по борьбе с чумой» («*Consiglio contro la pestilenza*»), написанным в 1479 г. на народном итальянском языке и изданным в 1481 г.⁸ Флорентиец сам активно следил за распространением своих идей и произведений: сохранилось его письмо к врачу Маттео Аретино от 29 апреля 1490 г., в котором он интересуется оценкой Аретино трактата «О жизни» и просит порекомендовать книгу другим медикам⁹.

В современных исследованиях и академических изданиях основной текст сочинения «О жизни» принято подразделять на три книги: «*De vita sana*» («О здоровой жизни»), «*De vita longa*» («О долгой жизни»), «*De vita coelitus comparanda*» («О стяжании жизни с небес»). Краткое содержание отдельных разделов данного произведения изложено в ряде монографий, посвященных вопросам ренессансной магии и герметической традиции, поэтому мы лишь суммируем их¹⁰. В первой книге Фичино рассматривает связь между умозрительными интеллектуальными занятиями и особенностями устройства человеческого организма с точки зрения физиологических и астрологических знаний своей эпохи. При этом он следует представлениям гуморальной теории и развивает собственное учение о духе (*spiritus*) — тончайшей субстанции, выполняющей функции проводника и посредника между различными элементами мироздания. Фичино определяет черную желчь в качестве физиологического базиса для того типа безумия, которое он, следуя платонической традиции, соотносит с «богowedухновенностью». При этом в соответствии с медицинскими взглядами эпохи он стремится отделить действие этой черной желчи в организме человека от эффектов «вредной» черной желчи, приводящих к болезням. Кроме того, он дает ряд диетологических, гигиенических и фармакологических рекомендаций, направленных на регулирование содержания черной желчи и флегмы в организме человека, посвятившего себя ученым занятиям.

⁷ Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 7.

⁸ См.: Katinis T. *Medicina e filosofia in Marsilio Ficino: il Consilio contro la pestilenza*. Roma, 2007. P. 55–156.

⁹ См.: Ficini M. *Opera Omnia*. Basel: Heinrich Petri, 1576; rpt. Turin: Bottega d'Erasmus, 1959. P. 902.

¹⁰ Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 17–90; Walker D.P. *Spiritual and Demonic Magic: From Ficino to Campanella*. Pennsylvania, 2000. P. 3–84; Shumaker W. *The Occult Sciences in the Renaissance: A Study in Intellectual Patterns*. Berkeley, 1972. P. 120–134; Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 60–78.

Во второй книге Фичино развивает и конкретизирует высказанные в первой книге положения о негативном воздействии черной желчи на организм. В целом она посвящена обсуждению того, как продлить срок жизни человека пожилого возраста, занимающегося учеными занятиями, и сделать его физически более здоровым. Особое место во второй книге занимает репрезентация влияний различных астральных сущностей, например, Венеры и Меркурия — посредством их же собственных речей, обращенных к старцам. Фичино пишет также об особом лекарстве магов (*magorum medicina*). Он утверждает связь между дарами, принесенными волхвами, и планетами: золото соответствует Юпитеру, ладан — Фебу (Солнцу), мирро — Сатурну. Флорентиец предлагает старцам приготовить из этих веществ смесь в определенный благоприятный момент астрономического цикла и затем принимать на рассвете вместе с вином или розовой водой. Все это должно способствовать жизненной влаге, включающей в себя все телесные гуморы, укрепить и усилить основные духи (*spiriti*): природный (*naturale*), жизненный (*vitale*) и животный (*animale*) — оживить чувства, обострить ум (*ingenio*) и укрепить память.

В третьей книге «О стяжании жизни с небес» описываются различные оккультные практики, начиная от исполнения священных гимнов и заканчивая изготовлением талисманов, которые должны воздействовать на «небесные причины» определенных физиологических состояний. В фокусе внимания Фичино находятся уже не просто ученые люди, а «маг» и его «пациент». Флорентиец пишет, что с помощью описанных им средств можно привести их индивидуальное существование в согласие со звездами и Душой мира (*Anima mundi*). В этой книге наиболее эксплицитным образом даны онтологические представления Фичино, выстроенные вокруг принципов аналогии и гармонии, а также идеи симпатических соответствий, организующих разные уровни мироздания. В заключении он приводит пространное размышление о том, что описываемые им практики относятся к области естественной магии и не могут считаться чем-то «нечестивым».

В настоящее время исследователями установлено, что три книги, составляющие трактат, расположены в нем не по хронологии их написания¹¹. Композиционное соотношение различных частей сочинения с учетом реконструкции последовательности их на-

¹¹ См.: *Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 6–8.*

писания очень важно для понимания общего замысла. Сохранились манускрипты, в которых зафиксированы различные этапы работы над трактатом «О жизни», предшествовавшие изданию 1489 г. Кроме того, важнейшим источником информации по истории создания сочинения являются «Письма» («Epistolae») Фичино. Необходимо отметить, что в рассматриваемый нами период письма не носили характер приватного послания, а были одним из нормативных жанров репрезентации собственных научных и философских взглядов.

Считается, что текст первой книги трактата («О здоровой жизни») первоначально создавался именно в качестве письма, открывающего VII книгу «Писем» Фичино. В доказательство этого положения Каске и Кларк приводят фрагмент одной из рукописей «Писем», где от лица автора говорится, что задуманное им письмо, посвященное «здоровью ученых людей» (*de valetudine litteratorum*), «разрослось» до размеров целой книги — к ней флорентиец и адресует читателей¹². Исследователи полагают, что в виде рукописей ранние варианты текста «О здоровой жизни» могли циркулировать в ученой среде начиная с зимы 1480 г. Рукописей второй книги трактата («О долгой жизни») пока не найдено. По мнению исследователей, она была написана последней из трех в августе 1489 г., незадолго до первого печатного издания «О жизни»¹³. В сентябре 1489 г. Фичино написал посвящение Филиппо Валори, предваряющее текст второй. В настоящее время исследователи считают, что текст третьей книги трактата («О стяжании жизни с небес») был написан раньше текста второй книги. Первоначально он представлял собой комментарий к «Эннеадам» Плотина. Перевод данного сочинения был осуществлен Фичино, как свидетельствуют «Письма», к январю 1486 г., после чего он, вероятно, и приступил к составлению комментария к нему¹⁴. Характерной особенностью книг «О долгой жизни» и «О стяжании жизни с небес» являются многочисленные текстовые фрагменты, которые призваны убедить читателя, что вторая книга написана раньше третьей и которые, возможно, были включены в сочинение непосредственно перед осуществлением *editio princeps*.

Существует целый ряд исследований, посвященных медицинской составляющей философских взглядов Фичино. В большинстве

¹² Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 73.

¹³ Ibid. P. 7.

¹⁴ См.: Wells V. *Tempering Heaven: A Commentary on the First Chapt of Marsilio Ficino's De vita coelitus comparanda*: unpubl. MA thesis. Canterbury, 2010. P. 6.

из них упоминается и трактат «О жизни»¹⁵. Из истории его создания ясно, что текст первой книги («О здоровой жизни») автор считал вполне соответствующим медицинским воззрениям эпохи. Каске и Кларк пишут, что конкретные фармакологические, гигиенические и диетологические предписания Фичино инспирированы работами представителей салернской врачебной школы. Однако, с их точки зрения, очень маловероятно, чтобы он следовал какой-то конкретной работе или автору¹⁶. Действительно, в пространных перечислениях «полезного» и «вредного» на первый взгляд отсутствует какое-либо внятное основание, объединяющее элементы. Так, например, в главе «Как уберечься от черной желчи» Фичино пишет:

«Вот что усиливает ту наихудшую черную желчь, о которой выше мы сказали, что ее нужно изгнать из нас: густые и крепкие вина, особенно темные; твердая пища, черствая, соленая, горькая, острая, застарелая, жареная, тушеная, копченая; говядина и зайчатина, выдержанные сыры, соленья, бобовые (в особенности бобы и чечевица), баклажаны, листовая капуста, кочанная капуста, горчица, редис, чеснок, лук, лук-порей, ежевика и морковь, а также все, что горячит или охлаждает, вызывает сухость и все черное; гнев, страх, сожаление, печаль, праздность, одиночество и все, что оскорбляет зрение, обоняние, и слух, прежде всего темнота; чрезмерная иссушенность тела, вызванная длительными ночными бдениями или неустанной мыслительной работой, а также иные заботы и слишком частые половые сношения; пользование вещами, которые слишком горячи или сухи, некие неконтролируемые истечения или опорожнения, большие физические нагрузки, голод и жажда, холод и зной, а также сухой ветер»¹⁷.

¹⁵ Allen M.J.B., Riss V., Davies M. Op. cit.; Copenhaver B.P. Scholastic Philosophy and Renaissance Magic in the De vita Ficino // Renaissance Quarterly. 1984. Vol. 37. No. 4. P. 523–554; Katinis T. Medicina e filosofia in Marsilio Ficino: il Consilio contro la pestilenza. Roma, 2007; Shumaker W. The Occult Sciences in the Renaissance: A Study in Intellectual Patterns. Berkeley, 1972; Koder S. Lady Vampires: Marsilio Ficino on Blood // Disreputable Bodies: Magic, Medicine, and Gender in Renaissance Natural Philosophy. Toronto, 2010. P. 113–132.

¹⁶ См.: Kasse C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 16.

¹⁷ Здесь и далее дается наш перевод фрагментов из трактата Фичино по академическому изданию «О жизни»: Ficino M. Three Books on Life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / ed. by C.V. Kasse, J.R. Clark. Tempe; N.Y., 1988. В скобках приводится номер книги, главы и строки. «Pessimam vero illam, quam in superioribus detestabamur, atram bilem haec augent: crassum turbidumque vinum, praecipue nigrum; cibi uri, sicci, salsi, acres, acuti, veteres,usti, assi, fricti; carnes bovis et leporis, caseus vetus, salsamenta, legumina: praecipue faba, lenticula, melongia, eruca,

В данном фрагменте можно указать как минимум на две логики подбора наименований, хотя в отдельных пунктах они могут и пересекаться: медицинскую и симпатическую. В русле первой из них речь идет о продуктах и их свойствах, вписанных в предшествующую двухтысячелетнюю медицинскую практику. Наиболее авторитетным образом античный и средневековый опыт к XV в. были систематизированы салернской врачебной школой. Можно проследить и текстологические параллели с произведениями некоторых самых известных ее представителей. Так, например, о том, что говяядина и зайчатина возбуждают черную желчь, говорится в «Салернском кодексе здоровья». Однако в том же стихе Арнольд из Виллановы пишет о козьем и оленьем мясе (VII cap)¹⁸. Фичино их не упоминает, что свидетельствует об избирательном подходе к медицинской традиции, однако реконструировать его принципы пока не представляется возможным.

Симпатическая логика, выстраиваемая Фичино, актуализирует все те имманентные свойства, которые могут быть усмотрены в предмете или в его названии по принципу подобия¹⁹. Так, например, «все черное» способствует накоплению черной желчи именно в силу непосредственной причастности качеству «черноты». Симпатическая взаимосвязь может распространяться и на основные конституирующие свойства предметности, каузальными связями которой мистагог стремится овладеть. Фичино неоднократно подчеркивает, что черная желчь — сухая, тяжелая и холодная. Поэтому ее накоплению способствует не только то, что иссушает тело или обезвоживает организм (для этого можно найти и физиологические корреляты), но и явления, причастные сухости: например, «сухой ветер» или абстрактные «сухие вещи». Вместе с тем основанием для постановки чего бы то ни было в ряд предметных соответствий может служить и сама форма слова, например, «мога» (ежевика или

brassica, sinapis, radícula, allium, cepa, porrum, mora, cariotae, et quaecunque calefaciunt vel frigefaciunt simul atque desiccant, et omnia nigra; ira, timor, misericordia, dolor, otium, solitudo, et quaecunque visum et olfactum auditumque offendunt, omnium vero maxime tenebrae; praeterea exsiccatio corporis nimia, sive longis nata vigiliis, sive multa mentis agitatione, vel cura, seu frequenti coitu usuque rerum calidarum multum atque siccarum, seu immoderate quadam deiectione atque purgatione, vel exercitatione laboriosa, vel inedia, siti, calore, vel sicciore vento, vel frigore» (I. X. 1–12).

¹⁸ Regimen Sanitatis Salerni [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Accademia Jaufré Rudel di studi medievali, 1997. <<http://www.accademiajr.it/bibvirt/regimen.html>>

¹⁹ См.: Foss A. Divination and Divine Tears: The Power of a Melancholy Humour // Different Eyes: Essays in Astrology and Divination. Cambridge, 2008. P. 150–169.

шелковица). Можно предположить, что внимание Фицино привлек не только цвет ягод (многие ягоды, не упомянутые в перечне, имеют черный цвет), но и тот факт, что «того» на итальянском языке означает «черный».

Диетологическая логика алиментарных предписаний, заявленная в первой книге, продолжается во второй и третьей, где речь уже идет не столько о теле, сколько о духе (*spiritus*) и спиритуальных сущностях, действующих в человеке и в мироздании в целом. Фицино говорит о духовном теле (*corpus spirituale*), противопоставляя его грубому земному телу и продолжая тем самым, на первый взгляд, интеллектуальную традицию, идущую от философов-неоплатоников и подхваченную Отцами церкви²⁰. Однако в главе «О долгой жизни» (2. XVI. 5) он пишет: «Наслаждение есть некая пища духов» (*Voluptas vero spirituum esca quaedam est*). При этом из контекста понятно, что имеется в виду именно чувственное наслаждение, в частности связанное с воздействием Венеры на организм и даже соитием — «Венериным актом». Под «духами» же понимается некая тончайшая субстанция, находящаяся в человеке и воздействующая на его ментальные способности. В главе «Каким способом ученые могут познать свои ум и придерживаться образа жизни, соответствующего духу» книги третьей Фицино прямо пишет о духовном теле: «Вы, конечно, знаете, что грубое тело питается четырьмя грубыми элементами. Узнайте же, что духовное тело (*spirituale corpus*) питается некими своими четырьмя тонкими элементами. Вино в нем соответствует земле, винные пары подобным же образом занимают место воды, пение и звук опять же есть выражение воздуха, а свет представляет собой элемент огня. Итак, четырьмя элементами дух питается, а именно: вином, говорю я, его парами, пением и равным образом светом»²¹. Таким образом, помещая данную сущность в медицинский контекст, он приписывает ей свойства, размывающие само основание деления на материальное и духовное.

²⁰ Петрова В.В. Учение Оригена о теле воскресения в контексте современной ему интеллектуальной традиции // Космос и душа. Учения о вселенной и человек в Античности и в Средние века / под ред. П.П. Гайденоко, В.В. Петрова. М., 2005. С. 577–611.

²¹ «Scitis profecto crassum corpus crassis elementis quattuor ali. Scitote igitur spiritale corpus suis quibusdam tenuibus elementis quattuor enutriri. Huic enim vinum est pro terra, odor ipse vini vicem gerit aquae, cantus rursum et sonus agit aerem, lumen autem praefert igneum elementum. His ergo quattuor praecipue spiritus alitur: vino, inquam, eiusque odore et cantu similiter atque lumine» (3. XIV. 27–32).

В заключение можно сказать, что неоднородность элементов текста, вошедших в состав трактата «О жизни», репрезентирующих разные уровни рассуждений, — от парафраза медицинских рецептов до комментирования Плотина — не является для Фичино проблемой, но становится мощным ресурсом для присвоения как медицинских знаний эпохи, так и платонической традиции, пестующей идею симпатических соответствий и размышления по принципу аналогии. Соответственно из этой двойственности возникает и амбивалентный статус тела. С одной стороны, оно предстает частью тварного мира — элементом, который способен претерпевать воздействия «естественным», причинным образом, и поэтому его можно лечить, меняя извне и изнутри. С другой стороны, симпатические аналогии, которые проводит Фичино, проецируют телесное устройство из сферы материального на сферу умопостигаемого, что не только лишает дольний мир особого онтологического статуса, но и неявным образом делает медицинское знание основой всякого познания вообще. Подобное повышение авторитета медицины сопоставлено и в то же время является полной альтернативой анатомическому интересу Высокого Возрождения к человеческому телу.

© Гурьянов И.Г., 2014

А.С. Махов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
И.М. Савельева

«ЭТО БЫЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЩИ!» МАТЕРИАЛЬНОЕ В ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ (АНАЛИЗ ДИСКУССИЙ НА ВЕБ-ФОРУМЕ)

Изучение памяти о прошлом обычно концентрируется на анализе того, как в ней отражаются значимые события, ставшие впоследствии историческими. Воспоминания здесь рассматриваются как взгляд «снизу» на «большую» историю. Нетрудно заметить, что, несмотря на наличие определенной специфики в таком понимании прошлого, содержание этой памяти оказывается в значительной мере определено представлениями исследователя о важном и второстепенном, его собственным способом структурирования прошлого. Имплицитное присутствие таких установок заставляет смотреть на эти воспоминания только под определенным углом зрения, скрывает другие их стороны.

Преодолеть этот недостаток отчасти можно, если изучать содержание исторической памяти, основываясь на анализе ее функционирования в условиях повседневной коммуникации — это поможет обнаружить те ее свойства, что бывают заслонены представлениями исследователя. Проблема состоит в том, чтобы найти объект изучения, который бы, с одной стороны, отвечал обозначенному требованию, а с другой — был доступен для исследования. Одним из таких объектов может стать интернет-форум — виртуальная онлайн-площадка, где собираются самые разные люди и обсуждают широкий круг тем — от общественно-политической повестки дня до межличностных отношений. На популярном веб-форуме отражаются почти все аспекты повседневного взаимодействия, что позволяет увидеть, как и с какими сторонами повседневности связана память о прошлом. Кроме того, безусловным достоинством

данного источника является то, что он образуется без вмешательства исследователя, в ходе обыденного общения между посетителями. Эти преимущества объекта исследования позволяют обнаружить такие черты знания о прошлом, которые ранее оставались незамеченными.

Материалом для исследования послужил екатеринбургский веб-форум «E1.RU», существующий около десяти лет и являющийся крупнейшим в России. Он содержит более 60 млн сообщений и ежедневно привлекает тысячи посетителей. Этот форум не имеет какой-либо тематической специализации, на нем допускаются любые обсуждения, не нарушающие установленных правил, что делает его оптимальным для изучения обыденного знания о прошлом.

Обратимся теперь к самим дискуссиям на веб-форуме. Личные воспоминания посетителей обычно выливаются в обсуждение следующих тем: вещи из прошлого, детские увлечения и хобби, жизненный опыт и прохождение через общественные институты. Наиболее популярны на форуме дискуссии, связанные со старыми вещами, которые окружали людей в их повседневном быту, например: «Ты помнишь, дружище, вьетнамские кеды?»¹, «ВЕЩИ из прошлого...»², «Куртка Боинг 90-е»³ и др. Автор темы «ВЕЩИ из прошлого...» так описывает их значение: «...наткнулся на вещи, про истинную ценность которых в то время уже совсем забыли. Я не зря тему назвал “ВЕЩИ” (с большой буквы). Для того времени это были действительно ВЕЩИ!!!»⁴. Приведенная цитата показывает, сколь важное место занимают вещи в картине прошлого. Предметом обсуждения на форуме становятся одежда и бытовая техника, продукты питания и хозяйственные товары — практически все, что относится к минувшей эпохе. Однако общение не ограничивается воспоминаниями о том, какие раньше были вещи, участники переходят к описанию событий и случаев из жизни, делятся своими переживаниями и опытом.

¹ Ты помнишь, дружище, вьетнамские кеды? // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=4401085&t=4401085>> (дата обращения: 06.05.2013).

² ВЕЩИ из прошлого... // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&t=5378923&i=5378923>> (дата обращения: 06.05.2013).

³ Куртка Боинг 90-е // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=9211005&t=9211005>> (дата обращения: 06.05.2013).

⁴ ВЕЩИ из прошлого... <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5378923> (дата обращения: 06.05.2013).

Рассмотрим подробнее одну из таких тем — «Привет из прошлого :)»⁵. Она начинается словами: «Сделал вот фотку», далее помещено фото, на котором изображен фонарик, лежащий на старой газете с объявлениями. В правой части газеты размещено объявление о распродаже электроники, с указанием моделей. Нужно отметить, что автор поднял эту тему не как приглашение к воспоминаниям — похоже, его просто привлекла композиция из старых вещей. Посетители форума начали обсуждать изображенные на фотографии предметы и посторонние вещи, не имеющие отношения к теме. Направление дискуссии изменилось, когда один из участников, прочитав объявление в газете, написал: «у нас плеер такой же был Фунай ВИП 3000. До 2003 года прослужил. Простой как валежник, но живучий»⁶. Вслед за этим высказыванием стали появляться сообщения с воспоминаниями о старой технике, которые иногда сопровождались соответствующими фотографиями, что вызывало большую поддержку и отклик других пользователей. Вместе с воспоминаниями о технике посетители форума начали описывать случаи из жизни, связанные с этими устройствами: «Свему, конечно, жевало безбожно... но зажеванную пленку мы доставали, и склеивали лаком для ногтей, а потом закручивали обратно с помощью карандаша»⁷, «А еще с кассетниками “взрослые” ходили по улицам! А я смотрела на них и мечтала, что придет мое время и я тоже так когда-нибудь пройду»⁸, «Маяк-202 бобинник родители в кредит еще взяли, а я ему сразу чот поломал, сказки слушал на нем и под легендарные “Листья желтые над городом кружатся...” предки танцевали с друзьями на всяких праздниках... а мы типа под ногами мешались. Затем кассетник докупили, маленький, чтобы в машине была музыка, легендарный Легенда-404. С ним на машине и ездили к морям (Азовское, Черное, Балтийское)»⁹. Эти отрывки из воспоминаний демонстрируют, как через такой, казалось бы, малозначимый элемент

⁵ Привет из прошлого :) // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&t=7901855&i=7901855>> (дата обращения: 19.04.2012).

⁶ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=7901855&i=7901892> (дата обращения 12.04.2012).

⁷ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=7901855&i=7902950>

⁸ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=7901855&i=7903588>

⁹ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=7901855&i=7903594>

прошлого люди переходят к очень личным воспоминаниям своего детства и молодости, как вслед за техническими характеристиками появляются переживания из давно ушедшего времени. Интересно, что все эти воспоминания носят позитивный характер — техника и прошлое описывается в положительных тонах, с ностальгией.

Сходным образом развивается обсуждение других тем. Первые сообщения еще не содержат предметных высказываний, они обычно пишутся в насмешливом, ироническом или скептическом тоне: «и чо? а где описание уюта на углях?», «баян ежемесячный...»¹⁰; «Жизнь продолжается:»¹¹. Вслед за ними идут воспоминания, еще короткие и отрывочные, но уже в них мы видим элементы личного опыта: «а в школе писал “золотым” пером. пока в какого драке не погнул ево»¹², «у нас классная была старых правил, наш класс единственный во всей школе ходил как идиоты в форме до выпускного»¹³, «У меня был однокласник <...> Он припер ко мне распиту бутылку из-под Тулламор Дью, мы позвали девок, налили туда портвейн Кавказ и целый вечер понтовались перед дамами...»¹⁴.

Далее появляются более обстоятельные комментарии: «я помню как в начале восьмидесятых смотрел какую-то передачу типа “Время” или “Международная панорама”. Сюжет был про лагеря палестинских беженцев, и меня удивило, что все мужчины там ходили в джинсах и кожаных куртках! У нас в те времена так одевались только директора магазинов, или такие уважаемые люди, как приемщики макулатуры и стеклотары...»¹⁵, «Видики были только у богачей или у тех кто съездил за бугор <...> При чем видики были записаны за бугром с ТВ (постоянно прерывались рекламой), я

¹⁰ ВЕЩИ из прошлого... <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=5378923&t=5378923&page=0>> (дата обращения: 12.04.2012).

¹¹ «Современные дети» // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=1513468&t=1513468&page=0>> (дата обращения 12.04.2012).

¹² Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1513481>

¹³ Еще одна ностальгия. 90-е и мы // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=9540839&i=9541055> (дата обращения: 06.05.2013).

¹⁴ Натуральные Советские Вина (этикетки) // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=11816917&i=11817028> (дата обращения: 06.05.2013).

¹⁵ «Современные дети». <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1513488> (дата обращения: 12.04.2012).

тогда еще поспорил с родителями что у нас так же будет скоро»¹⁶, «...ходил в этой куртке еще со школы. Когда пытались отобрать или выменять, называли ее танкер или боинг. Я хз что это за куртка, но люлей периодически получал. В инстике предупреждали, что ходят очень крутые парни и могу отгresti за несоответствие даж любовь как-то сорвалась — вместо романтического свидания пришлось банально отстаивать вещь»¹⁷. Здесь уже отчетливо видно, как в воспоминаниях о вещах отражается широкий контекст прошлого с его системой ценностей, представлений, общественных и межличностных отношений.

Интересно, что вещи и материальное становятся основным элементом воспоминаний и в темах, специально им не посвященных, например, о прохождении общественных институций: «Брали металлоискатель и с умным видом шли в город к китайцу Чжу Ли за грушевым вином с алюминиевым чайником»¹⁸, «у меня были все три знака отличия пионерских <...> в комсомол приняли без вопросов»¹⁹ — или о детских увлечениях: «был у нас такой типо клуб Австралии <...> и прислали нам паззлы, 2 набора, наверное единственные в городе в 83ем году. Собирали мы их через день...»²⁰. Таким образом, вещи оказываются объектами, в которых аккумулируются воспоминания, связанные с самыми различными аспектами прошлого.

Фокусировка воспоминаний на материальном оказывается важнейшей чертой личного знания о прошлом, а вещи являются одним из главных элементов этой памяти. Публичные историки не раз приходили к похожим выводам. Например, Пол Эштон и Паола Гамильтон пишут, что музеи и исторические места имеют высокую ценность для респондентов, так как они видят в них свидетелей прошлого — такое отношение к вещам поддерживается идеей прямого доступа к про-

¹⁶ ВЕЩИ из прошлого... <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5379329> (дата обращения: 12.04.2012).

¹⁷ Куртка Боинг 90-е. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=9211005&i=9306878>

¹⁸ Армейские байки // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=11486152&i=11487054> (дата обращения: 18.05.2013).

¹⁹ А кто на ОАК пионеры-активисты в прошлом? // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=2128517&i=2128542> (дата обращения: 18.05.2013).

²⁰ Увлечения из прошлого // Екатеринбург Он-Лайн E1.RU [Электронный ресурс]. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=6826591&i=6829266> (дата обращения: 18.05.2013).

шлому, через погружение в его опыт²¹. Рой Розенцвейг и Дэвид Телен также отмечают особое значение, которое имеют для американцев музеи, выставки, исторические места²². В связи с этим стоит вспомнить некоторые идеи в современной социологии, связанные с «поворотом к материальному», а именно тезис о понимании вещи не как объекта, наделенного социальными смыслами и подчиненного им, а как объекта, определяющего социальную действительность²³.

При постоянном и повсеместном воспоминании о материальном память о межличностных отношениях, семье, институтах власти и общества оказывается вытеснена на периферию. Она не становится главным элементом в процессе коллективного воспоминания, объектом отдельных обсуждений. Такое обычно вспоминается мимоходом: «цыганила на свадьбе у подруги 2-день, (свадьба безалкогольная, “Сухой закон” — одни Ессентуки! На 2-й день все в лежку) Продавали пиво в пользу молодых. Одета: юбка из шторы с люрексом, джемпер Монтана, сверху мужской пиджак»²⁴, «А какой там был двор! И горки, и качели. К каждого подъезда родители еще дополнительно заливали горки сами. Для малышей. А дети помогали носить ведра от живших на 1 этаже»²⁵. Как видно, и в этих примерах вещное и материальное составляет основное содержание.

Иногда в личных воспоминаниях появляются элементы истории города, они, как правило, носят повседневный характер и связаны с различными городскими объектами, заведениями, магазинами: «На площади зимой в ледовом городке вагончик строительный, там стулья и видик. Кинозал, короче. За рубль 5 мультиков “Том и Джери” показывали»²⁶, «там где Сандэй, на либнехта, был Пингвин, мороженое, молочные коктейли пироженки трубочки... а там где Купец была Мария...»²⁷, «а до этого просто Универ-

²¹ См.: *Ashton P., Hamilton P. Connecting with History: Australians and Their Pasts // People and their Pasts. Public History Today. L., 2009. P. 31, 32.*

²² См.: *Rosenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. N.Y., 1998. P. 105.*

²³ См.: *Вахштайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: сб. ст. М., 2006. С. 20–21.*

²⁴ Дом престарелых ОАК // Екатеринбург Он-Лайн Е1.RU [Электронный ресурс]. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=10874955&i=10876023> (дата обращения: 18.05.2013).

²⁵ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=10874955&i=10876645>

²⁶ «Современные дети». <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1513975> (дата обращения 12.04.2012).

²⁷ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1514329>

сам № 1, где вечерами можно было колбасы и манеза без талонов хапнуть»²⁸. Еще реже появляется прошлое в масштабе государства, таких сообщений единицы: «Конгресс начало 90-х») эт ельцинский завод американских сигарет, как и магна»²⁹, «Вобщем-то я в 90 ом курил. Ельцин в опале в то время был»³⁰. В другом сообщении нет текста, но помещены два изображения: на первом А.Б. Чубайс презентует приватизационные чеки (фотография отредактирована так, что номинальная стоимость чека — «00 000 рублей»), а на фото ниже изображена нищая старуха на фоне покосившегося сарая³¹ — этими изображениями автор показывает свое отношение к социально-экономическим реформам рубежа 1980—1990-х годов. Этим исчерпывается в трех темах, которые посвящены старым вещам и содержат около 450 сообщений, объем знания о «большом» прошлом.

Личные воспоминания не связаны с политическими пристрастиями участников. Несмотря на то что воспоминания относятся ко времени крупных социальных изменений, новые отношения в обществе сами по себе не становятся предметом сколько-нибудь широкого обсуждения. Довольно редко прошлое сравнивается или противопоставляется настоящему, но иногда сквозь личные воспоминания проглядывают проблемы, волнующие современное общество: «у входа на пляж Джемте стояла одна единственная чебуречная, где через стекло можно было поглядеть, как жарятся офигенно вкусные чебуреки, и не лицами кавказской национальности, а нашими русскими поварами»³². Однако таких сообщений единицы.

Отсутствие связи личных воспоминаний с идеологией и их неактуализированный характер создает доброжелательную, ностальгическую манеру общения, с лирическим оттенком, с описанием прошлого в положительных и светлых тонах: «эээх, у меня это все с беззаботным детством ассоциируется)))»³³, «Читаю посты и прям

²⁸ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1514359>

²⁹ ВЕЩИ из прошлого... <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5380578> (дата обращения: 12.04.2012).

³⁰ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5380586>

³¹ Привет из прошлого :) <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=7901855&i=7902979> (дата обращения: 12.04.2012).

³² ВЕЩИ из прошлого... <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5380136> (дата обращения: 12.04.2012).

³³ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5379595>

вот все так и было как вспомню аж слезу вышибает»³⁴, «я любила туда ходить, постоянно какие-то колечки помню выигрывала, столько радости было». Ушедшее время вспоминается почти исключительно положительно, даже с сожалением, что этого больше нет, иногда описывается превосходство прошлого перед современностью: «какое же у нас было счастливое детство оказывается»³⁵, «хорошо было...»³⁶. Впрочем, некоторые посетители выражают другое отношение к прошлому: «ностяльгии никакой нету, сейчас интереснее жизнь»³⁷, но численно такие высказывания сильно проигрывают положительным оценкам.

Показательно и то, что пользователи практически не спорят — споры в виде редких несогласий являются скорее исключением и происходят между двумя авторами³⁸. Остальные участники не вовлекаются в этот спор, а просто делятся своими воспоминаниями. Вместе с тем нужно отметить значительную степень солидаризации и поддержки воспоминаний других участников форума — многие сообщения получают отклики в виде фраз: «точно!», «угу», «был такой, помню», «+100» и др.³⁹ Это, возможно, говорит о наличии общей и довольно однородной памяти о прошлом.

Попробуем суммировать наши наблюдения. Во-первых, знание о прошлом у посетителей веб-форума практически полностью сосредоточено на вещах и материальных объектах. Личные воспоминания не включают события, ставшие впоследствии «большой» историей, они не связываются с идеологическими пристрастиями участников, ушедшее в этих воспоминаниях не служит актуальной альтернативой настоящему. Поэтому среди участников почти не возникает споров, желания отстоять то или иное представление, оценку прошлого. Во-вторых, стоит отметить, что публичный характер общения на форуме задает определенное направление инди-

³⁴ Современные дети. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1513850> (дата обращения: 12.04.2012).

³⁵ ВЕЩИ из прошлого... <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5379279> (дата обращения: 12.04.2012).

³⁶ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=5378923&i=5380765>

³⁷ Там же. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1513569>

³⁸ См.: Современные дети. <http://www.e1.ru/talk/forum/go_to_message.php?f=67&t=1513468&i=1513588> (дата обращения: 12.04.2012).

³⁹ Там же. <<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=1513468&t=1513468&page=0>>

видуальным воспоминаниям, придает им согласованность, благодаря которой личные воспоминания, детали из жизненного опыта другого человека могут быть близки и понятны. Прошрое выстраивается не на основе «я-перспективы», когда разные воспоминания складываются в цельную картину прошлого отдельного индивида, — напротив, каждый участник встраивает свои воспоминания в общее обсуждение того или иного вопроса, касающегося прошлого (как раньше одевались, что потребляли, чем занимались), показывая тем самым свою причастность к этому прошлому. Отсюда открывается и возможность для коллективного обсуждения индивидуального опыта — каждый посетитель может разделить опыт другого и поделиться своим, поскольку личный опыт укладывается в канву коллективных воспоминаний.

© Махов А.С., 2014

Н.В. Полковникова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
О.В. Будницкий

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЦЫГАН НАЦИСТАМИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЕВРОПЫ И СССР ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение

Теория расовой чистоты в нацистской идеологии вследствие ее применения на практике способствовала возникновению понятия «холокост» в контексте Второй мировой войны. В настоящее время это понятие имеет две трактовки: в узком смысле под Холокостом подразумевается преднамеренное уничтожение евреев во время Второй мировой войны, в широком же смысле холокост означает политику геноцида по национальным, политическим, этническим, религиозным и социальным причинам. Современный американский историк Дорис Берген посвятила отдельные главы своей работы «War and Genocide: A Concise History of the Holocaust»¹ («Война и геноцид: краткая история Холокоста») вопросу нацистской политики истребления евреев, цыган, людей с физическими и умственными отклонениями, Свидетелей Иеговы, гомосексуалистов и проч. Особенность политики преследования населения на оккупированных территориях правительством Третьего рейха заключается в том, что она в большей или меньшей степени осуществлялась по любой из перечисленных причин.

Уничтожение представителей еврейской и цыганской общин, с одной стороны, сходно с точкой зрения преследования по на-

¹ [Bergen, 2003, p. 91].

циональному признаку. Однако при подробном изучении истории преследования этих групп можно выявить, что нацисты обвиняли евреев в поражении Германии в Первой мировой войне, а цыган относили к категории так называемых «социальных аутсайдеров» и «асоциальных элементов»². И все же, поскольку обе группы преследовались по признаку национальной принадлежности, а также были объявлены «расовочуждыми элементами», невольно возникает вопрос, почему нацистский геноцид евреев изучен в большей степени по сравнению с геноцидом цыган? Почему в некоторых странах Европы отрицание Холокоста евреев является нарушением законодательства, а в других до сих пор отрицают цыганский геноцид, тогда как известно, что потери цыганской общины приблизительно равняются 220 000 человек?³ В чем заключается особенность цыганского геноцида? Кроме поиска ответов на поставленные вопросы цель работы состояла в изучении практик преследования и геноцида еврейской и цыганской общин нацистами, сравнении цыганского геноцида на разных территориях, а также отражении масштабов трагедии и сравнительном анализе полученных выводов.

Что касается задач, поставленных в данной работе, то они были следующими: исследование предпосылок возникновения геноцида цыган в нацистской идеологии, изучение реализации этих идей на практике, сопоставление причин и методов воплощения указанных идей на территории стран Центральной и Восточной Европы и СССР, где была уничтожена основная часть цыган.

Несмотря на то что с момента окончания войны прошло почти 70 лет, последствия Второй мировой войны находят свой отклик и в настоящее время. Подтверждением тому являются акты геноцида, совершенные в Руанде в 1994 г., а также в Судане начиная с 2003 г. Более того, что касается непосредственно цыган, то на данный момент они подвергаются дискриминации и сегрегации в Чехии, Словакии и Венгрии, в чем обвинил эти страны в 2006 г. Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии.

² Sinti and Roma (Gypsies). Holocaust Encyclopedia [Электронный ресурс]. <http://www.ushmm.org/research/library/bibliography/?lang=en&content=sinti_roma> (дата обращения: 15.04.2012).

³ См.: Genocide of European Roma (Gypsies) 1939–1945 // Holocaust Encyclopedia [Электронный ресурс]. <<http://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005219>> (дата обращения: 15.04.2012).

Преследование цыган нацистами на оккупированных территориях Европы и СССР во время Второй мировой войны: сравнительно-исторический анализ

Главной проблемой, с которой приходится сталкиваться исследователям геноцида цыган во время Второй мировой войны, остается отсутствие источников (дневников, мемуаров, воспоминаний). Данный факт обусловлен культурными особенностями цыган: это народ без письменности, у которого история передается в устной традиции. Все исследовательские работы, написанные по этой теме, основаны, во-первых, на интервью, собранных у людей, переживших цыганский геноцид или ставших непосредственными свидетелями произошедшего. Вторым источником для комплексных исследований служат документальные архивные материалы, хранящиеся в разных странах. Кроме того, по рассматриваемой проблеме существует ряд монографий и статей отечественных и зарубежных ученых, например, работа Г. Леви «Нацистское преследование цыган» («The Nazi Persecution of the Gypsies») (2000), «Расовая утопия и геноцид» («Rassenutopie und Genozid») М. Циммерманна (1996), «Цыгане» («The Gypsies») А. Фрэйзера (1995), «Германия и цыгане в ней: испытание после Освенцима» («Germany and its Gypsies: A Post Auschwitz Ordeal») Г. Маргалит (1968), а также уникальные энциклопедии.

Изучение оснований, по которым осуществлялось преследование цыган, являлось одной из задач этой работы.

С момента прихода к власти Гитлера в Германии в отношении цыган стали издавать радикальные законы, которые отражали взгляды национал-социалистов на цыган как на асоциальных и расово чуждых элементов. 18 марта 1933 г. было подписано Межгосударственное соглашение по борьбе с цыганской чумой, по которому выпуск и обновление документов на право осуществления торговли для цыган были ограничены, что повышало уровень бедности и безработицы. Более того, если цыгане не могли подтвердить трудовую занятость, их отправляли в лагеря принудительного труда. 25 июля 1933 г. был издан «Закон о предупреждении потомства с наследственными болезнями», запустивший процесс стерилизации, ставший впоследствии одним из трех основных способов геноцида цыган. За этим законом последовал «Закон против опасных привычных преступников и о мерах безопасности», который также касался цыган. Апогеем стало издание «Закона о защите не-

мецкой крови и немецкой чести» или так называемых знаменитых Нюрнбергских законов 15 сентября 1935 г., которые дали властям полное право арестовывать и помещать цыган в тюрьмы и концлагеря⁴. 26 ноября 1935 г. были запрещены смешанные браки между людьми германского происхождения и цыганами.

Если первоначально Нюрнбергские законы были предназначены для борьбы с евреями, то 3 января 1936 г. два из них было разрешено в равной степени применять и к цыганам. 7 марта 1936 г. цыганам и евреям не было позволено принимать участие в голосовании на выборах в Рейхстаг⁵, что является открытым проявлением лишения гражданских прав. Весной того же года был создан знаменитый Институт расовой чистоты, главной задачей которого стала регистрация 30 000 полнокровных и смешанных цыган в Германии и Австрии с целью сбора информации о генеалогии и расе. Из этих постановлений видно, как политика геноцида прошла путь эскалации от ограничения гражданских прав и свобод до издания ряда законов, основанных на расовых принципах, позволяющих осуществлять преследование и депортацию отдельных групп населения.

Что касается реализации этих идей на практике, то в 1936 г. в связи с проведением Олимпийских игр в Берлине гитлеровская партия решила сделать Берлин «свободным от цыган». 16 июля 1936 г. цыгане Берлина были изгнаны за черту города, где образовался первый цыганский лагерь Марцан с ужасными антисанитарными условиями⁶. Впоследствии подобные лагеря будут созданы по всей Европе. Если до начала войны был принят ряд вышеуказанных постановлений по ограничению цыган в правах, то сразу после развязывания войны начались непосредственные депортации цыган из Германии и Австрии, главным образом в Польшу. Один из наиболее крупных цыганских лагерей находился в Освенциме, он просуществовал до 2 августа 1944 г. К моменту его ликвидации 13 614 цыган из Германии погибли от голода, болезней и медицинских опытов, 6432 цыгана были отравлены газом, 32 застрелены во время попыток к бегству. Таким образом, от 20 000 до 23 000 депортированных в Освенцим немецких и австрийских цыган были там убиты. Условия содержания цыган в Освенциме ничем не отличались от тех, в которых были евреи. Они точно так же страдали от насмешек и издевательств со стороны охраны, физического унижения, когда на них проводились разного рода научные и медицинские эксперименты.

⁴ См.: [Zimmermann, 2001, p. 423].

⁵ См.: [Milton, 2001, p. 216].

⁶ См.: Sinti and Roma (Gypsies)...

10 марта 1944 г. циркулярное письмо от Гиммлера оповещало, что издание новых законов и постановлений об ограничении цыган и евреев в правах можно прекратить, так как их выселение и изоляция в значительной степени завершены.

Преследование цыган на оккупированной территории Европы

В **Независимом государстве Хорватии** политика преследования сербов и евреев была приоритетной, но со временем она распространилась и на цыган. Итальянцы, болгары и венгры на этой территории цыган не расстреливали, но цыган из Македонии отправляли в Болгарию на принудительные работы. Что касается количества жертв в Хорватии, исследователи называют разные цифры, но все сходятся на среднем значении, лежащем в промежутке от 25 000 до 27 000 убитых⁷. В **Сербии** военный комендант приказал как евреям, так и цыганам участвовать в принудительных работах, носить желтые повязки на рукаве, соблюдать комендантский час и регистрироваться у местных властей. В **Боснии и Герцеговине**, которые вошли в состав Независимого государства Хорватии, сложилась особая ситуация. Положение цыган в этой части Хорватии оказалось в некоторой степени уникальным благодаря высокой степени их ассимиляции с местным мусульманским населением — это дало им возможность спастись в период депортации цыган в лагеря Хорватии в 1941–1942 гг. В **Румынии** правительство И. Антонеску и без сотрудничества с Гитлером придерживалось политики антисемитизма и ультра-национализма. Поэтому не вызывает удивления, что и в его правление цыгане подвергались гонениям. В некоторых странах Европы цыгане преследовались, но без последующего убийства. Например, в **Словакии** они должны были заниматься исключительно принудительным трудом, подобная ситуация сложилась и во **Франции**⁸.

Преследование цыган на оккупированной территории СССР

Согласно переписи 1939 г., на территории СССР проживало 88 200 цыган⁹. Их положение здесь было достаточно запутанным.

⁷ См.: [Biondich, 2002, p. 39].

⁸ См.: [Peschanski, 2002].

⁹ См.: [Холокост на территории СССР, 2011, с. 1047].

С одной стороны, они подвергались гонениям и репрессиям со стороны советской власти в довоенный период, с другой — со стороны фашистов уже в период Второй мировой войны. В июне 1941 г. цыганские юноши шли добровольцами в Красную армию¹⁰, поэтому для них высока была вероятность погибнуть в рядах славянских народов, также подлежавших преследованию и уничтожению. С началом немецкой оккупации особых распоряжений по обращению с цыганами на оккупированной территории СССР из Германии не поступало — до 15 ноября 1943 г., когда Министерство оккупированных восточных территорий выпустило указ «об обращении с цыганами в оккупированных восточных областях». Этим распоряжением предписывалось держать цыган в специальных поселениях под особым наблюдением¹¹.

В 1935 г. цыганская община **Латвии** была самой большой среди стран Балтии. С началом войны айнзацкоманды при помощи местных команд латышской вспомогательной полиции безопасности стали проводить казни над цыганами. В общей сложности в 1941—1942 гг. в Латвии были убиты 1500—2000 цыган. Хотя А. Вайс-Вендт считает, что за этот период там было уничтожено 3800 представителей цыганской диаспоры¹². Политика по отношению к цыганам в **Литве** не была столь жестокой, как в других регионах. В общей сложности там погибло около 500 цыган¹³. На **Украине** уничтожение кочевых цыган проводилось повсеместно, но практика истребления цыган отличалась в разных оккупационных зонах Украины. Общее количество цыган, истребленных там в 1941—1944 гг., можно оценить в 19 000—20 000 человек. К моменту нападения Германии на СССР в **Белоруссии** проживало около 17 000 цыган. Их арестовывали в том случае, если цыганские таборы появлялись на пути у карателей: их задерживали во время массовых проверок документов и облав. Оседлых цыган отправляли на принудительные работы, кочевых расстреливали. Развитие антицыганской политики в значительной мере явилось результатом инициатив местных властей. Всего на оккупированной территории Белоруссии погибло до 3000 цыган. Многие цыгане с семьями ушли в партизанские отряды¹⁴. Положение цыган в **Крымской СССР** во многом сопоставимо с их положением в Бос-

¹⁰ См.: [Бессонов, 2009].

¹¹ См.: [Круглов, 2009].

¹² См.: [Weiss-Wendt, 2003].

¹³ См.: [Холокост на территории СССР, 2011, с. 1051].

¹⁴ [Там же, с. 1052].

нии и Герцеговине — по той же причине ассимиляции с местным населением (крымскими татарами), за счет которой многим из них удалось спастись. Считается, что немецкую оккупацию в Крыму пережили в общей сложности около 1000 цыган, но по иронии судьбы они, принятые за татар, подверглись советским репрессиям, когда в 1944 г. из Крыма было депортировано 1109 цыган¹⁵. Что касается масштабов потерь, то в период с декабря 1941 г. по июнь 1942 г. в Крыму было истреблено около 1300 цыган¹⁶.

При сопоставлении практик преследования цыган на разных территориях очевидной становится главная особенность цыганского геноцида: этот процесс был не планомерным, а *хаотичным*. Причины, по которым преследовались цыгане, со временем менялись от социальных к расовым, и от одной территории к другой. Если в Румынии и Германии, например, они подлежали массовым депортациям и убийствам, то во Франции тот же процесс происходил без последующего убийства. Если в Боснии и Герцеговине, а также в Крыму у них была возможность спастись за счет ассимиляции с местным населением, то в Белоруссии подобная практика либо отсутствовала, либо встречалась редко. Если на начальных стадиях войны в Эстонии и Германии они еще имели шанс спастись в зависимости от того, к какой группе их относили, — к кочевым или оседлым — то к концу войны правительство Третьего рейха уже не обращало на это никакого внимания.

Главное различие между политикой А. Гитлера и И.В. Сталина в отношении цыган состояло в том, что в СССР это были скорее социальные чистки, тогда как в Германии и оккупированных ею странах они были расовыми, но обосновывались как социальные. Более того, цыгане, сосланные И.В. Сталиным в северные и восточные регионы страны, оказались там, куда немецкие войска не дошли, и последние не имели возможности их истребить, что стало еще одним фактором, позволившим некоторым представителям цыганской общины выжить.

Заключение

Ответ на вопрос, почему изучению и признанию геноцида цыган уделяется недостаточно внимания по сравнению с геноци-

¹⁵ См.: [Холокост на территории СССР, 2011, с. 1053].

¹⁶ См.: [Круглов, 2009].

дом еврейской диаспоры, был частично найден нами в исследовательской литературе. Этот вопрос остается одним из наименее изученных в силу культурных особенностей цыганского народа: «им не хватает собственной социальной и политической видимости, поэтому мало кто уделял внимание их положению и многочисленным способам преследования их, евреев и других политических групп»¹⁷. Более того, важно отметить наличие предрассудков по отношению к цыганам, существующих в европейском обществе с самого момента их появления там и до сегодняшнего времени. История цыган — это история преследований и гонений, дискриминации и геноцида. «...По отношению к ним правительствами всех режимов систематически проводилась и проводится до сих пор политика ассимиляции. Однако ничто не приобрело таких масштабов, какие приобрел геноцид, проводившийся в отношении цыган немецкими фашистами. Тот факт, что широкая общественность узнала об этом геноциде в самое последнее время, указывает на безразличие к ситуации, в которой находятся цыгане»¹⁸. Цыгане всегда сильно отличались от окружающего населения. «Социальная замкнутость, кочевой образ жизни, непонятный язык “фараонова племени”, яркие одежды, своеобразные песни и танцы и в то же время некоторые стороны бытового поведения цыган, живущих в инонациональном окружении, — все это придавало этому народу ореол некоторой загадочности <...>, но кроме загадочности есть еще один стереотип отношения к цыганам окружающего населения во всем мире — и он связан с обманом, кражей и спекуляцией»¹⁹. И именно последний стереотип достиг своего апогея во время Второй мировой войны в европейском обществе.

Если со стороны правительства Третьего рейха была проявлена инициатива уничтожения конкретного этноса, то она должна была быть либо поддержана, либо отклонена гражданским населением. В большей части стран Европы эту идею поддержали и даже способствовали ее успешному воплощению в жизнь. Отдельно здесь нужно сказать о коллаборационистах. Без их помощи немцы никогда не достигли бы своей цели. Основным источником получения информации о цыганском населении служили для последних отчеты администраций и полицейских, которых они выбирали из числа местных жителей.

¹⁷ [Rosenhaft, 2011, p. 376].

¹⁸ [Демер, 1998, с. 377].

¹⁹ [Там же. С. 383].

Что касается сопоставления геноцида цыган и евреев, необходимо сказать, что эти явления несопоставимы прежде всего по масштабам. Однако ряд общих черт и различий в них все-таки выделить можно. Что касается сходства, то обе этнические группы были признаны «расово чуждыми», и огромную роль в их преследовании сыграли позиции местного населения с религиозными предрассудками по отношению к этим гражданам. Но гражданское население, на наш взгляд, больше опасалось цыган из-за их скрытности, в то время как евреи существовали в европейском обществе дольше и укоренились в нем сильнее. Цыган расстреливали по уже отработанной на евреях схеме: на начальной стадии обе группы были зарегистрированы, затем насильственными методами или обманом евреи доставлялись в гетто, а цыгане — в цыганские лагеря, по существу представлявшие собой те же самые гетто с подобными условиями жизни. Следующим пунктом назначения для тех и других были концентрационные лагеря и «фабрики смерти».

Если говорить о различиях, то в отношении евреев была поставлена задача — уничтожить этнос целого государства, что само по себе удивительно, а у цыган государства как такового не было никогда, поэтому их преследование осуществлялось на основе социальных причин. На цыган политика геноцида была перенесена тогда, когда на некоторых территориях «еврейский вопрос» уже был частично решен. Цыгане и евреи зачастую содержались в одних концлагерях, но в разных бараках (Освенцим и французские концлагеря, например). Если евреев сначала отправляли в гетто, то цыган чаще сразу расстреливали. Однако у части цыган было больше возможностей спастись за счет ассимиляции с местным населением и интеграции в конкретное общество, среди евреев же подобной дифференциации не было. Что касается интеграции в общество, то наглядным примером были цыгане Советского Союза.

На протяжении долгого времени они сосуществовали на одной земле с советским народом и были такой же частью населения, как русские, украинцы, белорусы и др. Это же помогло им в какой-то степени в годы войны, когда местное население их тайно укрывало, а также открыто защищало (Мусульманские комитеты в Крыму). В Европе подобная практика тоже встречалась (белые мусульманские цыгане Боснии и Герцеговины), но совершенно в других масштабах. В СССР крестьяне часто пускали цыган к себе в дом на зиму — данными о таких случаях в Европе исследователи пока не располагают. Цыганские таборы, в отличие от евреев,

сильнее бросались в глаза за счет ярких одежд, хотя больше это относилось к кочевым цыганам румынского происхождения. Другие цыгане были очень бедными, в частности, были одеты в лохмотья, чем вызывали жалость и благодаря чему также впоследствии могли выжить. Сложно сказать, были ли подобные случаи на территории нацистов, но местное население действительно иногда проявляло сострадание. Зачастую цыгане исповедовали ту религию, которая господствовала на территории их проживания, поэтому отношения с местными жителями были не такими напряженными, как, к примеру, у евреев. Но в любом случае, каковы бы ни были сходства и отличия между двумя этими геноцидами, главным остается все же тот факт, что правительством Германии была воплощена в жизнь теория расового превосходства, которая унесла жизни более 6 млн евреев и как минимум 220 000 цыган.

Источники

Монографии

Bergen D. War & Genocide: A Concise History of the Holocaust. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003.

Статьи

Бессонов Н.В. Цыгане СССР в оккупации. Стратегии выживания [Электронный ресурс]. <http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gis/2009_2/BESSONOV.pdf> (дата обращения: 15.04.2012).

Деметер Н.Г. Цыгане Восточной Европы: к проблеме соотношения этничности и государства // Этнические проблемы и политика государств Европы. М.: ИЭА РАН, 1998.

Круглов А. Геноцид цыган в Украине в 1941–1944 гг.: статистико-региональный аспект [Электронный ресурс]. <http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gis/2009_2/KRUGLOV.pdf> (дата обращения: 15.04.2012).

Biondich M. Persecution of Roma-Sinti in Groatia, 1941–1945. Roma and Sinti: Under-studied Victims of Nazism. Symposium Proceedings. United States Holocaust Memorial Museum. 2002.

Milton S. «Gypsies» as Social Outsiders in Nazi Germany // Social Outsiders in Nazi Germany / ed. by R. Gellately, N. Stoltzfus. United States Holocaust Memorial Museum Library. Princeton University Press, 2001.

Peschanski D. The Gypsies in the Upheaval: The Situation in France, 1939–1946. Roma and Sinti: Understudied Victims of the Nazism. Symposium Proceedings. United States Holocaust Memorial Museum. 2002.

Rosenhaft E. Blacks and Gypsies in Nazi Germany: The Limits of the «Racial State» // History Workshop Journal. 2011. Vol. 72. Iss. 1. P. 161–170.

Weiss-Wendt A. Extermination of the Gypsies in Estonia during World War II: Popular Images and Official Policies // Holocaust and Genocide Studies. Spring 2003. Vol. 17. No. 1. P. 31–61.

Zimmermann M. The National Socialist «Solution of the Gypsy Question»: Central Decisions, Local Initiatives and Their Interrelation // Holocaust and Genocide Studies. Winter 2001. Vol. 15. No. 3. P. 412–427.

Энциклопедии

Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Научно-просветительный центр «Холокост», 2011.

Holocaust Encyclopedia [Электронный ресурс]. <<http://www.ushmm.org/wlc/en/>> (дата обращения: 15.04.2012).

© Полковникова Н.В., 2014

М.В. Фадеева

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
А.Б. Каменский

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Работа посвящена повседневной жизни студентов Московского университета 1860–1904 гг. Эта тема изучалась П. Ивановым¹, Ю.Д. Марголисом², А.Е. Ивановым³, С. Кассовым⁴, Д. Цыганковым⁵, И.В. Зиминим⁶, П.В. Гришуниным⁷, рассматривавшими быт студентов, районы их расселения, питание, форму, здоровье и семью, но эти авторы при расчетах бюджетов не учитывали такие статьи расходов, как культурные и половые потребности, письменные принадлежности. Данная работа является опытом реконструкции студенческого бюджета с привлечением новых сведений, которые

¹ *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1903.

² *Марголис Ю.Д.* Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 656–670.

³ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — начале XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1992; *Он же.* Проблемы изучения студенческого движения в трех российских революциях // Интеллигенция и революция. XX век / отв. ред. д.и.н. К.В. Гусев. М., 1985. С. 96–103; *Он же.* Студенты университетов России накануне первой российской революции. Социально-политический облик // Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма: сб. науч. тр. М., 1984. С. 111–130; *Он же.* Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Он же.* Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999; *Он же.* Университетская политика самодержавия накануне первой русской революции 1899–1904 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

⁴ *Kassow S.D.* Students, Professors and State in the Tsarist Russia. L., 1989.

⁵ *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Мауэр, А. Дмитриева. М., 2009. С. 371–460.

⁶ *Зимин И.В.* Студенческая форма и нагрудные знаки в России XIX — начала XX века // Факты и версии. Историко-культурный альманах. Кн. IV: Методология. Символика. Семантика. СПб., 2005. С. 107–121.

⁷ *Гришунин П.В.* Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е–1880-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

были взяты из опубликованных источников: статистических данных, материалов делопроизводства, источников личного происхождения и архивных данных⁸.

На основе разнообразных данных⁹ было выяснено, что среднестатистический студент был молодым человеком 21–22 лет из дворянского сословия и учился на медика (или в равной степени на юриста ближе к концу исследуемого периода). Из переписей Москвы (1882¹⁰ и 1902¹¹ гг.) видно, что за 20 лет число студентов в городе увеличилось с 3488 до 5690 человек, т.е. с 0,8 до 0,92% населения.

Каким был средний студенческий бюджет в то время?

В историографии студенческие бюджеты изучали П. Иванов, Ю.Д. Марголис¹² и А.Е. Иванов, причем два последних исследователя ссылаются на первого и опираются на данные 1903 г., по которым средний бюджет московского студента составлял 25 руб. Это подтверждается документами столичной полиции 1891 г. о трех свидетельствах помощи студентам: один студент «средства к жизни получает от родителей в количестве 25 р.¹³, второй «от отца и от

⁸ Центральное хранилище документов до 1917 г. (далее — ЦДХ до 1917 г.). Ф. 418. Канцелярия Московского градоначальника, г. Москва; Ф. 475. Московская столичная полиция, г. Москва.

⁹ *Чиненный А., Стоян Т.* Студенчество российских университетов (XIX в.) // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал Министерства общего и профессионального образования РФ. 1999. № 5. С. 141–148; Временник центрального статистического комитета министерства внутренних дел / сост. А. Дубровский. СПб., 1888. С. 4, 11, 13; Перепись Москвы 1882 года. Вып. II. М., 1885. С. 12, 14, 24–25, 77; *Терехов Е.Е.* Численность студентов Московского Университета, их сословный и национальный состав в 1890–1914 гг. // Вторые открытые исторические чтения «Молодая наука»: сб. ст. М., 2005. С. 138–144; Перепись Москвы 1902 года. М., 1904. С. 12–13; *Членов М.А.* Приват-доцент Московского Императорского Университета. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 28–75; *Выдрин Р.* Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908.

¹⁰ Перепись Москвы 1882 года. Вып. II. Население и занятия. М., 1885. С. 2, 77.

¹¹ Перепись Москвы 1902 года. Ч. I. Население. Вып. I. Население по полу, возрасту, месторождению, продолжительности пребывания в Москве, семейному положению, сословиям, грамотности и степени образования. М., 1904. С. 2, 38, 106.

¹² *Марголис Ю.Д.* Указ. соч. С. 665.

¹³ ЦДХ до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 709. Переписка участковых приставов с Охранным Отделением и московским Обер-полицмейстером о негласном надзоре и произведении обысков у разных лиц, об удалении из Москвы студентов Университета, участвовавших в волнениях, списки лиц, замеченных в разных злоупотреблениях. 1891 г. Л. 97.

какого-то сибирского общества до 25—40 р. в месяц»¹⁴, третий — «от отца до 25 р. в месяц»¹⁵.

Расчеты П. Иванова датируются 1903 г., архивные материалы о трех студентах — 1891 г., это позволяет с определенной уверенностью говорить о том, что по крайней мере с 1891 по 1903 г. средний бюджет студентов составлял 25 руб.

Каковы были источники формирования студенческих бюджетов?

П. Иванов и А.Е. Иванов приводят четыре источника: помощь семьи; стипендии и пособия; взаимопомощь; подработка студентов. Факт помощи семьи подтверждают дела, описанные выше. Получить стипендию было довольно трудно: по правилам выдачи стипендий и пособий основное внимание обращалось на благонадежное поведение¹⁶. А. Чиненный приводит распределение этих благ среди студентов (табл. 1)¹⁷.

Таблица 1

**Распределение различных льгот среди студентов
Московского университета, %**

Университет	Стипен- дии	Обучающиеся бесплатно	Вносящие умеренную плату	Вносящие полную плату
Петербургский	20,7	7	1,7	70,6
Московский	23	22,2	1,6	53,2

В «Докладе комиссии Московского Университета 1901 года о причинах студенческих волнений» находим информацию о размерах помощи студентам от Университета и Комитета за 1899—1900 г.: (табл. 2).

Проявлению взаимопомощи способствовали студенческие организации (кассы, сходки, землячества). Главной формой подработки были уроки, но получить их могли далеко не все, так как студенту для этого нужна была справка о благонадежности. Вот один из примеров: «желая заниматься уроками в частных домах,

¹⁴ Там же. Л. 159.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Московские университетские известия. 1870. № 2. Официальный отдел. Протоколы заседаний Совета за август месяц 1869 года. С. 61.

¹⁷ Чиненный А., Стоян Т. Указ. соч. С. 144.

покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне удовлетворения о благонамеренности моего поведения»¹⁸. Всего в 1870 г. с подобными прошениями обратились 94 студента Московского университета.

Таблица 2

**Материальная помощь студентам Московского университета
за 1899–1900 академический год (в абсолютных величинах)**

Материальная помощь	Размер, р.
Выдача стипендий на сумму приблизительно	150069,65
Освобождение от платы за слушание лекций на сумму	125550,0
Выдача пособий из казенных и благотворительных сумм Университета на сумму	41695,35
Итого от Университета	317315,04
Выдача пособий от Комитета Общества вспомоществования недостаточным студентам на сумму	36309,21
Выдача бесплатных обедов на сумму	22570,34
Итого от Комитета	58879,35
Перенос итогов от Университета и Комитета	376194,59

Источник: Материалы по университетскому вопросу. Вып. 2. Доклад комиссии Московского Университета 1901 года о причинах студенческих волнений. Stuttgart, 1904. С. 18–19.

В этом же источнике есть конкретные сведения о работающих студентах. К примеру, «Паперн Александр Абрамович. Студент Императорского Московского Университета <...> Обучал сына Лемберха с получением 20 р. в месяц жалованья»¹⁹ и «сын коллежского советника студент Московского Университета, юридического факультета, Борис Всеволодов Добротворский <...> дает уроки детям в частных домах»²⁰.

П. Иванов составил идеальный бюджет и рассмотрел четыре варианта бюджета:

¹⁸ ЦДХ до 1917 г. Ф. 46. Оп. 1. Д. 932. Переписка с ректором университета и прошение студентов о выдаче им свидетельства о благонадежности. 1870 г. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 207.

²⁰ ЦДХ до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 797. Переписка по наблюдению и о лицах, состоящих под негласным надзором полиции. 1900 г. Л. 11.

- 15 р. — минимальный;
- 25 р. — средний;
- 35 р. — высший;
- 50 р. — высший.

Средний бюджет (25 р.) разрабатывается автором наиболее подробно²¹:

1) квартира: «на квартиру с прислугой идет 11 р. За эти деньги можно найти комнату для одного, довольно скверную», «комната за 22 р. [на двоих] уже сносная»;

2) питание: «большинство студентов пользуются полусытными и нездоровыми обедами в кухмистерских. Минимальная плата за обед в этих столовых 7 р. 50 к. Такая же цена и в платной столовой “Общества для пособия нуждающимся студентам”»;

3) «чай четверка — 50 к.»;

4) «сахару — по 4 куса утром и вечером (студенты обыкновенно пьют по 2 стакана и кладут по 2 куса) — в месяц выйдет около 5 ф. — 80 к.»;

5) «хлеба обыкновенно съедается утром на 5 к. и вечером на 5 — в месяц 3 р.»;

6) «освещение при небольшой лампе — 50 к.»;

7) «прачка — 1 р.»;

8) «мелкие расходы (баня, мыло, почтовые марки, бумага, зубной порошок и проч.) — 50 к.».

Итого: 24 р. 80 к.

Ориентируясь на бюджет в 50 р. в месяц (единственно возможный бюджет для нормальной жизни, по мнению автора), П. Иванов составил идеальный бюджет. Он руководствовался тем, что 50 р. за 9 месяцев составляют 450 р., прибавил плату за обучение и обмундирование, исходя из того, что «ежегодный взнос в университет 100 р. Обмундирование среднего достоинства высчитал за первые 2 года (время носки). Сюртучная пара — 45 р., тужурка — 12 р., брюки — 6 р., теплое пальто — 40 р., фуражка — 2 р., штиблеты — 5 р., калоши — 2 р. Белье (по полдюжины) всего 33 р. 66 к. (рубahi — 6 р., кальсоны — 6 р., простыни — 6 р., полотенца — 3 р., носки — 2 р., наволочки — 3 р., платки носовые дюжина — 1 р. 80 к., манжеты — 2 р. 70 к., воротнички — 2 р. 10 к., черный галстук — 1 р.). Итого 145 р. 60 к. Это необходимая сумма при поступлении в университет. На втором курсе придется обновить брюки, фуражку, штиблеты,

²¹ *Иванов П.* Указ. соч. С. 3–5.

калоши, тужурку, — (27 р.), получим 172 р. 60 к. за курс. Все обновить придется на 3 и 4 курсе, значит, весь университетский курс обойдется 345 р. 20 к.»²².

Вопрос о культурных потребностях обращает к критическим замечаниям А.Е. Иванова. Он критикует расчеты П. Иванова по двум пунктам: они не включают расходы на книги и транспорт. Тем не менее у П. Иванова читаем, что на учебники и пособия студент «тратит ежегодно 10–50 р.»²³, так что претензия безосновательна. Что касается транспорта, то книга П. Иванова вышла в 1903 г., а приведенные А.Е. Ивановым два примера расходов на транспорт за 1907 и 1909 гг. выглядят не вполне убедительными аргументами.

Основываясь на исследовании М.А. Членова, можно сказать, что такие сферы жизни студентов, как удовлетворение телесных желаний или посещение театра играли весьма важную роль: 65,6% опрошенных имеют половые сношения, на что 54,7% тратят в месяц от 5 до 10 р.; на момент учебы в университете в театре бывали 97,9% опрошенных, из которых 44,8% бывают там часто²⁴.

Эти цифры указывают на то, что подобные нужды не мог удовлетворить средний студент с бюджетом в 25 р., в котором на «прочие нужды» оставалось 20 к.

Обратимся к «Ведомостям о справочных ценах на припасы и материалы в Москве» за интересующий период. Из всех предложенных вариантов продукции составим список вещей, наиболее необходимых студенту: продукты, мыло, свечи.

В «Ведомостях о справочных ценах» в большинстве годов находим три третних ведомости (январская, майская, сентябрьская), в таблицы сведем данные из январских третних ведомостей. Выберем продукты, наиболее дешевые и доступные студентам, не имеющим возможности готовить (цены на сырое мясо были взяты для сравнения с другими видами мяса). Приведем цены: на говядину, солонину, ветчину, грудинку, шпиг соленый — в фунтах/тушах/пудах, язык — в штуках, молоко — в бутылках/ведрах, сливки — в бутылках, сметану, творог, масло — в фунтах, яйца — в десятках/сотнях, хлеб, сухари — в пудах, хлебы за штуку — в штуках) (табл. 3).

²² *Иванов П.* Указ. соч. С. 10–11.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ *Членов М.А.* Указ. соч. С. 28–75.

Солонина обходилась в 7 к., ветчина вареная — в 20–25 к., грудинка копченая — в 20 к., язык копченый — в 80 к., шпиг солёный — в 20 к. Молоко цельное — в среднем за 7 к., снятое — за 40 к., сливки — за 30 к., сметана — за 15 к., творог — за 6 к., масло — за 28 к., яйца — за 50 к. Хлеб пшеничный стоил 2 р. 80 к., пеклеванный — 1 р. 60 к., ржаной — 70 к., сухари сдобные — 10 р., а хлебы за штуку — 5 к.

Согласно А. Маслоу, физиологические потребности человек должен удовлетворить в первую очередь, но вспомним, что исследуются студенты, ставящие духовную жизнь выше материального быта. Выходом из этого противоречия может стать составление двух альтернативных вариантов бюджета: в одном случае первыми будут рассчитываться базовые потребности, в другом — духовные.

Составим бюджет на 1903 г., что позволит сравнить его с бюджетом П. Иванова 1903 г. и привлечь данные «Половой переписи» М.А. Членова 1903 г.

Вариант первый (*бюджет в 25 р. для студента Московского университета 1903 г.*). «*Edite, bibete, post mortem null voluptas!*»²⁵

Студенты (а в этом варианте их будут интересовать плотские утехы) платили за квартиру («на квартиру с прислугой идет 11 р.»²⁶): 25 р. — 11 р. = 14 р.

Трата на канцелярские принадлежности, освещение, стирку²⁷: самое дешевое мыло (пуд) — мыло зеленое — 3 р., самые дешевые свечи (пуд) — 6 р. 80 к., самая дешевая бумага (стопа) — бумага писчая Протасьевской фабрики 8-го — 90 к., перья стальные (коробка) — 45к. и чернила черные (фунт) — 40 к. Итого: 11 р. 55 к.

Расходы на мыло, свечи и проч. отнесем к ежегодным, а не ежемесячным. Тогда в месяц (из 9 месяцев жизни в Москве) студент тратил на них 11 р. 55 к. : 9 = 1 р. 29 к., округлим эту цифру до 1 р. 50 к., останется: 14 р. — 1 р. 50 к. = 12 р. 50 к.

Если в месячный расчет вложить еще расходы на оплату учебы, а также обновление обмундирования (27 р. в год → 3 р. в месяц) и расход на книги (от 10 до 50 р. в год → от 1 до 5,5 р. в месяц), то студенческий бюджет уйдет далеко в минус. Вслед за А.Е. Ивановым, считавшим, что «летние заработки играли весьма существен-

²⁵ «Ешьте, пейте, после смерти нет наслаждений». Из старинной студенческой песни // Вечные истины на вечной латыни. Латинские изречения. М., 2004. С. 105.

²⁶ Иванов П. Указ. соч. С. 3.

²⁷ По данным «Ведомостей о справочных ценах на припасы и материалы» за 1881–1904 гг.

Цены на продукты питания за 1881–1904 гг.

Продукт	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891
Говядина парная частями	9 к.	11 к.	—	2 р. 80 к.	3 р. 40 к.	—	6 к.	—	7 к.	6 к.	5 к.
Солонина	13 к.	13. к.	—	17 к.	17 к.	—	10 к.	—	8 к.	10 к.	6 к.
Ветчина вареная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грудинка копченая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Язык копченый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шпиг соленый	—	—	—	—	—	30 к.	—	25 к.	—	20 к.	20 к.
Окорока копченые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15 к.	20 к.
Молоко цельное	—	—	—	1 р. 50 к.	1 р.	—	1 р. 50 к.	—	1 р. 50 к.	1 р.	8 к.
Молоко снятое	—	—	—	1 р. 50 к.	1 р. 20 к.	—	50 к.	—	40 к.	50 к.	50 к.
Молоко парное	—	—	—	60 к.	30 к.	—	—	—	—	—	—
Сливки	40 к.	40 к.	—	20 к.	15 к.	—	30 к.	—	30 к.	30 к.	35 к.
Сметана	20 к.	40 к.	—	15 к.	15 к.	—	15 к.	—	15 к.	15 к.	15 к.
Творог	10 к.	10 к.	—	5 к.	5 к.	—	7 к.	—	6 к.	6 к.	6 к.
Масло	60 к.	60 к.	—	30 к.	35 к.	—	30 к.	—	30 к.	28 к.	28 к.
Яйца	—	—	—	60 к.	2 р. 50 к.	—	2 р. 20 к.	—	2 р. 20 к.	2 р. 20 к.	2 р. 40 к.
Хлеб пшеничный	10 к.	—	—	3 р. 60 к.	2 р. 80 к.	—	2 р.	—	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.	—
Хлеб пеклеванный	—	7 к.	—	2 р. 40 к.	2 р.	—	2 р.	—	2 р. 40 к.	2 р.	2 р.
Хлеб ржаной	20 к.	10 к.	—	80 к.	80 к.	—	75 к.	—	80 к.	70 к.	70 к.
Сухари сдобные	—	25 к.	—	10 р.	10 р.	—	10 р.	—	10 р.	10 р.	10 р.
Хлебы за штуку	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.

Таблица 3

1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
5 к.	5 к.	6 к.	5 к.	5 к.	4 к.	4 к.	5 к.	6 к.	5 к.	4 к.	5 к.	5 к.
5 к.	8 к.	8 к.	8 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	8 к.	8 к.	7 к.	7 к.
35 к.	30 к.	20 к.	25 к.	20 к.	25 к.	18 к.	30 к.	23 к.	25 к.	20 к.	35 к.	35 к.
15 к.	25 к.	25 к.	18 к.	20 к.	18 к.	15 к.	16 к.	25 к.	20 к.	20 к.	30 к.	15 к.
70 к.	40 к.	80 к.	80 к.	65 к.	80 к.	70 к.	70 к.	70 к.	80 к.	70 к.	80 к.	90 к.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8 к.	8 к.	7 к.	6 к.	7 к.	6 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	6 к.	5 к.
40 к.	55 к.	60 к.	50 к.	50 к.	40 к.	60 к.	40 к.	50 к.	40 к.	40 к.	40 к.	40 к.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30 к.	25 к.	30 к.	30 к.	25 к.	30 к.	30 к.	25 к.	20 к.	25 к.	30 к.	30 к.	30 к.
20 к.	15 к.	15 к.	20 к.	15 к.	15 к.	20 к.	20 к.	20 к.	20 к.	20 к.	25 к.	20 к.
6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	8 к.	8 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.
28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	30 к.	33 к.	32 к.	32 к.	38 к.	40 к.
2 п.	2 п. 30 к.	40 к.	70 к.	2 п. 20 к.	50 к.	40 к.	50 к.	50 к.	50 к.	35 к.	50 к.	35 к.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 п. 40 к.	2 п. 30 к.	1 п. 60 к.	1 п. 60 к.	1 п. 20 к.	1 п. 30 к.	1 п. 30 к.	1 п. 35 к.	1 п. 35 к.	1 п. 50 к.	1 п. 60 к.	1 п. 60 к.	1 п. 60 к.
1 п. 50 к.	1 п.	90 к.	90 к.	50 к.	50 к.	70 к.	75 к.	70 к.	68 к.	75 к.	70 к.	70 к.
10 п.	10 п.	10 п.	10 п.	3 п. 50 к.	3 п.	3 п.	3 п. 50 к.	3 п. 50 к.	3 п. 50 к.	3 п. 80 к.	3 п. 80 к.	3 п. 80 к.
5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.

ную, а нередко и главную роль в студенческом бюджете»²⁸, выносим эти расходы за пределы ежемесячного бюджета считая, что они окупятся летним заработком.

По части гигиены возникает вопрос о прачке. П. Иванов выделял на прачку 1 р. в месяц, а стоимость рабочего дня работницы по Ведомостям²⁹ за 1903 г. составляла 50 к., — видимо, студенты стирали свою одежду 2 раза в месяц (набор белья, по П. Иванову, включал по полдюжины каждого наименования предметов одежды³⁰). Примем на веру «1 р. на прачку».

Значит, 25 р. — 11 р. (квартира) — 1 р. (прачка) = 13 р.

К плотским наслаждениям относим половые сношения, купленные по сходной цене, и пропитание.

«Сколько тратит на удовлетворение половых сношений в месяц? 5 р. — 120 (12,9%), 10 р. — 73 (8%), меньше 5-ти — 264 (28,5%), больше 10 р. — 50 (5,3%) или ничего не тратит — 424 (45,5%)»³¹. Остановимся на 5 р. в месяц как золотой середине (41,4 % опрошенных): 13 р. — 5 р. = 8 р. Вычтем 50 к. за чай и 80 к. за сахар в месяц (по данным П. Иванова³²). Получаем 8 р. — 1 р. 30 к. = 6 р. 70 к., т.е. студент мог есть на 22 к. в день (из расчета 30 дней в месяце), учитывая следующее меню. Самым дешевым и потому распространенным продуктом был хлеб: хлебы за штуку по 5 к. продаются в Москве с 1890 по 1904 г. Возьмем студенту 2 хлеба в день (на завтрак и ужин), на обед останутся 12 к. Что можно было купить в Москве на 12 к.? Фунт солонины за 7 к., бутылку молока за 6 к.; фунт творога за 6 к. Таким образом, обед мог бы состоять из солонины, или молока, или творога и очередной штуки хлеба.

Следовательно, меню студента на день может выглядеть так: хлебы за штуку — 3 шт. — 15 к., солонина фунт — 7 к., либо творог — 6 к., либо молоко — 6 к. Альтернативный вариант обеда в харчевне, по свидетельству В. Гиляровского, выглядел следующим образом: «За 3 к. — чашка щей из серой капусты, без мяса; за пятак — лапша зелено-серая от “подонья” из-под льняного или конопляного масла, жареная или тушеная картошка»³³.

²⁸ *Иванов А.Е.* Студенчество в России... С. 288.

²⁹ Ведомости о справочных ценах на припасы и материалы в Москве. Январь. М., 1903.

³⁰ *Иванов П.* Указ. соч. С. 10.

³¹ *Членов М.А.* Указ. соч. С. 28—75.

³² *Иванов П.* Указ. соч. С. 4—5.

³³ *Гиляровский В.* Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М., 1957. С. 130.

Вариант второй (бюджет в 25 р. для студента Московского университета 1903 г.). «Plenus venter non studit libentur»³⁴.

Все соображения общего характера, изложенные для первого варианта, остаются верны и для второго.

Каков герой теперь? Это студент, готовый ради наук и высоких наслаждений души отказаться от ужина или посещения дома терпимости, а потому, отняв от 25 р. 11 р. — на квартиру и 1 р. — на прачку, оставшиеся 13 р. он потратит с пользой для души.

Какие развлечения могла найти в Москве 1903 г. жаждущая высокого душа студента? П. Иванов, указывает, что студенты «подписываются в библиотеку 50 к. и выписывают газету 65–85 к.»³⁵. Включим это в бюджет: 13 р. — 1р. 15 к. = 11 р. 85 к.

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о стоимости книг, а потому 69,2% много читающих юношей³⁶ мы оставим во власти библиотек или одолженных у товарищей книг.

В 1903 г. в досуг студента можно включить театр и кинотеатр.

По данным В.П. Михайлова, в 1903 г. в «Новом электрическом театре» «цены местам от 1 р. до 30 к. Дети и учащиеся платят половину»³⁷, а в «Электрооптическом театре» «цены местам: 75 к., 50 к., 35 к., 15 к.»³⁸. Этим можно объяснить популярность кино у студентов. Соответственно включим в бюджет расходы на него. Самые дешевые места в «Электрооптическом театре» были по 15 к. : 2 = 7,5 к. Если вспомнить, что репертуар синемаатографа не менялся часто, то ограничим нашего студента четырьмя посещениями синемаатографа в месяц, а значит, отнимем из бюджета еще 30 к.: 11 р. 85 к. — 30 к. = 11 р. 55 к.

Теперь рассмотрим цены на билеты в театр. Из «Справочной книжки по театральному делу»³⁹ за 1900 г. для Большого театра узнаем, что самые дешевые билеты в оперу стоили 33 к., на балет — 28 к.⁴⁰, для студентов 16 к. и 14 к. соответственно. В Малом театре самые дешевые билеты также были на галерею и стоили 33 к.⁴¹, т.е.

³⁴ «Полный желудок учится неохотно» // Вечные истины на вечной латыни. Латинские изречения. С. 274.

³⁵ Иванов П. Указ. соч. С. 8.

³⁶ Членов М.А. Указ. соч. С. 28–75.

³⁷ Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М.: Материк, 2003. С. 28.

³⁸ Там же. С. 33.

³⁹ Справочная книжка по театральному делу / сост. П.М. Пчельников. М., 1900.

⁴⁰ Там же. С. 199.

⁴¹ Там же. С. 200.

16 к. для студентов. Из всех театров самыми дешевыми были билеты в Новом театре. Билеты в оперу в парадизе стоили всего 15 к.⁴², а значит, 7 к. для студентов; в драму — 5 к. для студентов, т.е. были сопоставимы с ценой на хлеб.

Предположим, что студенты посещали театры, как и кинотеатры, 4 раза в месяц. Тогда следует вычесть от 20 до 60 к. (в зависимости от престижа театра). Зная о том, что Малый театр получил у благодарной публики имя «второго университета», возьмем 60 к. в качестве суммы на театральные расходы.

В бюджете осталось 10 р. 95 к.

Перейдем к питанию. Отнимем 1 р. 30 к. на чай и сахар и получим 9 р. 65 к. на месяц, т.е. 32 к. в день. Оставив прежним завтрак и ужин, представим обед на 22 к. Помимо фунта солонины за 7 к., или бутылки цельного молока за 6 к., или фунта творога за 6 к., он мог включать на два дня такие продукты, как фунт вареной ветчины за 35 к. или фунт копченой грудинки за 30 к., фунт сметаны за 25 к. и бутылку сливок за 30 к., т.е. границы ежедневного меню студента значительно расширяются.

Итак, привлечение неопубликованных источников из архивных фондов ЦИАМа и изучение таких источников, как «Ведомости о справочных ценах...» за 25 лет, позволили уточнить и дополнить уже имеющиеся в историографии сведения о таких сферах повседневной жизни студентов, как бюджет, питание и досуг.

© Фадеева М.В., 2014

⁴² Справочная книжка по театральному делу. С. 201.

Э.Р. Сафиуллина

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
Е.Ю. Мандрикова

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «PERSON- ORGANIZATION FIT»

Современные организации остро ставят вопрос об управлении персоналом. В связи с этим одной из наиболее актуальных для исследований является проблема «соответствия личности организации» (Person-Organization Fit).

Несмотря на то что проблема изучается на протяжении уже более полувека [Kristof, 1996], остается неясным, что представляет собой концепция «Person-Organization Fit», каковы ее практическое применение и стратегии развития.

Кроме того, существует ряд разнородных концепций, включающих понятие «Person-Organization Fit», один из примеров — концепция «соответствия личности среде» (Person-Environment Fit).

В то же время в истории российских исследований проблема «соответствия личности организации» изучена недостаточно. Исследователи сталкиваются не только с проблемой использования единого понятия «Person-Organization Fit», но и с проблемой выбора методик, применяемых к изучению самого явления.

Цель работы: детально раскрыть содержательное понятие «Person-Organization Fit» и определить функциональное положение данного явления в рамках науки организационной психологии.

Задачи исследования.

1. Изучить структуру организации знаний внутри явления «Person-Organization Fit» и проанализировать характер исследований данной области.

2. Выявить наиболее релевантное определение «Person-Organization Fit» и рассмотреть его в контексте имеющихся понятийно-синонимичных аналогов.

3. Выявить основные методы, применяемые в исследованиях при решении проблемы соответствия личности организации.

4. Изучить современные тенденции развития исследований в изучаемой области.

5. Определить наиболее явные взаимовлияющие факторы, воздействующие на развитие явления «Person-Organization Fit».

1. Теоретический обзор работ по соответствию личности организации

1.1. Развитие проблемы соответствия личности организации в рамках науки организационной психологии

Как утверждает Эми Кристоф-Браун [Kristof-Brown et al., 2005], исследования в области соответствия различных элементов взаимодействия занимают важное место в структуре научного знания уже около века. Большое внимание уделялось вопросу о соответствии личности окружающей среде в целом. Такое явление обозначается в психологической теории как «Person-Environment Fit» [Ibid.].

Б. Шнайдер в своей работе «Fits about Fit» [Schneider, 2001] называет подобное явление «синдромом с многими проявлениями», поскольку понятие соответствия личности окружающей среде имеет большое поле проявлений, требующее детального и комплексного изучения. В широком смысле соответствие личности окружающей среде стоит понимать как успешную совместимость характеристик этих элементов.

Первыми исследованиями в области соответствия стали работы Дж. Холланда, занимавшегося проблемой соответствия индивидов выбранным ими специальностям (цит. по: [Kristof-Brown et al., 2005, с. 282]). Его исследования послужили движущей силой в развитии таких категорий соответствия, как соответствие личности должности, организации, рабочей группе или личности руководителя.

В 1991 г. Эдвардсом [Edwards, 1991] была предпринята попытка провести качественный обзор исследований соответствия личности рабочей среде, объединить знания, привести в соответствие

имеющиеся теории, выявить наличие единой измерительной системы различных параметров соответствия. Однако представленный анализ не дифференцировал типы соответствия, следовательно, не мог учитывать всех особенностей соответствия на каждом из имеющихся уровней взаимодействия.

В 1996 г. Эми Кристоф-Браун провела подобный качественный анализ, фокусирующийся на литературе, посвященной исключительно одному из типов соответствия личности среде, а именно POE.

1.2. Основные проблемы исследований соответствия личности организации и применяемые методы

Первый вопрос академического сообщества — вопрос точной концептуализации понятия «Person-Organization Fit».

Несмотря на то что большинство ученых соглашались с важностью концептуализации P-O Fit, их исследования традиционно принимают две формы — подходы с точек зрения личностных и обстоятельственных характеристик [Chatman, 1989].

Первый подход предполагает, что соответствие лучше всего устанавливать путем измерения личностных качеств, ценностей, мотивов, целей, знаний, умений, навыков и способностей личности. Данный метод анализа эффективен в связи с тем, что все предлагаемые элементы стабильны [Chatman, 1989; Kristof-Brown et al., 2005].

Ситуативный же подход предполагает, что соответствие может быть установлено путем оценки характеристик ситуации, в которую помещен конкретный человек [Chatman, 1989].

Таким образом, прослеживается необходимость установления зависимости показателя соответствия как от личностных, так и от ситуативных характеристик данного явления.

Следующая проблема была сформулирована по результатам исследований Д.Дж. Бэма и А. Аллена и исследования В. Грэхема и была связана с антропоморфизацией обстоятельственных характеристик [Ibid.].

Стоит отметить, что еще К. Левин говорил: для максимизации эффективности личностных показателей по отношению к ситуации необходима их концептуализация и изучение данных компонентов в соизмеримых (пересекающихся) показателях [Ibid.].

Д.Дж. Бэм и А. Аллен при попытке предопределения поведения личности в специфической ситуации прибегают к статисти-

ческой Q-методике, основанной на «эталоне», который включает характеристики потенциального сотрудника. Данные «эталон» были основаны на экспертной оценке того, насколько гипотетически представленный человек, который обладает высоким уровнем развития специфического качества (например, доминирование, направленность на достижение успеха) будет себя вести в специфической ситуации (например, при проведении интервью при приеме на работу). Реальным людям предлагалось пройти тест на определение качеств личности, и предположения об их поведении строились на том, насколько схожи или различны их баллы с гипотетическими баллами «эталона». Чем ближе реальный человек к «эталону», тем больше вероятности предсказать его поведение в специфической искусственно сконструированной ситуации [Chatman, 1989]. Данное исследование могло послужить моделью найма сотрудников, однако существует ряд упущений, которые делают такой механизм действий непригодным к использованию на практике.

В. Томом были разработаны меры для исследования сходства между профилем человека и профилем предпочитаемой им организации [Kristof-Brown et al., 2005]. Путем использования двух профилей качеств В. Том показал, что организации, предпочитаемые людьми, были максимально близки по требованиям к набору качеств самой личности. Однако в своем исследовании В. Том столкнулся с тем же проблемами, что и Д.Дж. Бэм и А. Аллен: личностные свойства могут соотноситься со свойствами организации лишь метафорически, поскольку данный профиль был разработан в первую очередь для измерения качеств личности.

В. Грэхем также продемонстрировал необходимость и важность измерения как личностных, так и организационных характеристик [Chatman, 1989]. Он попытался создать шкалы для анкетированного определения качеств личности (Trait Ascription Questionnaire), которые характеризуют человека и организацию на основе сходных соотносимых показателей. Тем не менее В. Грэхем тоже столкнулся с проблемой: было трудно определить, характеризуют ли эти шкалы людей внутри организации или организацию как единое целое.

Таким образом, в соответствии с некоторыми критериями, предложенными К. Левином, потенциальная проблема разработанного Д.Дж. Бэмом и А. Алленом метода эталонного отбора персонала заключается в том, что личность была переоценена.

1.3. Тенденции развития исследований в области соответствия личности организации

В последние 15 лет основные тенденции в области соответствия личности организации связаны с выявлением факторов, под влиянием которых достигается состояние соответствия. Например, американские ученые Ч. Остофф и К.А. Оман считают одним из таких факторов достижение чувства удовлетворенности работой у сотрудников, связанное с более продуктивной деятельностью организации в целом [Ostroff, Aumann, 2004].

Еще одним ключевым вопросом остается проблема взаимовлияния различных типов и категорий соответствия внутри организации. Проблема была описана в работе Дж. Чатман, которая связывала ее с необходимостью проследить изменения мотивации, ценностей и целей личности. Она пишет, что модель POF может определить несоответствия и сходства между людьми и организациями, поскольку отслеживает происходящие поведенческие и нормативные изменения с течением времени [Chatman, 1989].

2. Объекты и методы исследований

2.1. Характеристика анализируемых источников исследований

В основу анализа были положены 38 иностранных источников, описывающих тенденции в области проблемы соответствия личности рабочей организационной среде за последние 30 лет. Статьи зарубежных исследователей отбирались по принципу наивысшего индекса цитирования, предпочтение отдавалось качественным обзорам.

2.2. Объект и предмет исследования

Объектом исследования послужили основные исследовательские работы и разработанные модели соответствия личности организации (POF).

Предмет исследования — степень развитости теорий и характер проявления проблемы соответствия личности организации в системе научного знания внутри направления организационной психологии.

2.3. Методы исследования

Основными подходами стали методы сравнительного и статистического анализа. Статьи подвергались анализу на основании нескольких критериев (цели, задачи, используемая терминология и ее определения, основа методов исследования проблемы, выводы, формулирование проблем будущих исследований) и показателей (индекс цитирования, год публикации, встречаемость ключевых терминов). Каждый из показателей был наложен на временную шкалу, которая позволила отразить развитие тенденций в этой области.

Для реализации данного подхода была использована база данных научного цитирования — Scopus, ориентированная на определение степени актуальности конкретной исследовательской статьи.

Встречаемость (P) ключевых терминов в статьях определяли по формуле:

$$P = \frac{n \times 100}{N},$$

где n — число статей, в которых встречается данный термин; N — число всех изучаемых источников литературы.

3. Результаты исследований и их обсуждение

Для реализации первой задачи предлагаемые статьи подвергались детальному анализу по таким критериям, как цели, задачи, выводы, формулирование проблем будущих исследований.

Полученные результаты показали, что структура организации знаний внутри явления «Person-Organization Fit» выстраивается следующим образом (рис. 1).

Person-Job Fit → Person-Supervisor Fit → Person-Group Fit → Person-Organization Fit → Person-Environment Fit.

Логика подобного распределения элементов в иерархической структуре знаний объясняется обстоятельством «вхождением человека в организацию».

Помимо моделей соответствия, имеющих иерархическую структуру, существуют отдельные связки, такие как «запрос — необходимая способность», «потребность — удовлетворение» или «потребность — ресурсы», которые также входят в модели соответствия в качестве ключевых элементов ее функционирования.

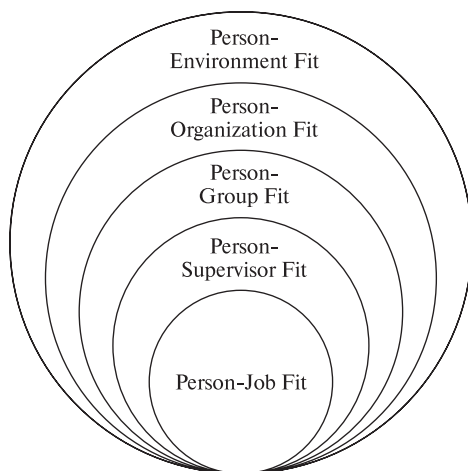

Рис. 1. Структура знаний внутри концепции соответствия

Долгое время существовала проблема необходимого разделения таких моделей, как «Person-Job Fit» и «Person-Organization Fit». Разделение произошло посредством закрепления определений за понятиями, однако никак не сказалось на методах. В большинстве работ авторы по-прежнему используют такие базовые показатели, как ценности, цели, нормы, личностные характеристики, не задаваясь вопросом о том, насколько точно каждый из показателей характеризует соответствие личности на том или ином уровне взаимодействия.

В 2004 г. С.Д. Колдвелл [Caldwell et al., 2004] впервые предложил разделение этих двух типов соответствия по параметрам, которые на них указывают.

Так, P-J Fit представляет собой ту же структуру, что и связка «запрос — необходимая способность»: они являются синонимами. Ученый приходит к выводу, что P-J Fit находит свое отражение в показателях способностей и возможностей потенциальных сотрудников, а в основе измерения P-O Fit лежит соответствие ценностей личности и организации [Ibid.].

Уделим внимание вопросу возникающих связей и ассоциаций при изучении явления «Person-Organization Fit» (рис. 2). На представленной диаграмме отображен показатель встречаемости ключевых терминов в исследуемых статьях. Сфера употребления понятия «P-O Fit» представлена достаточно широко (87%). Несмотря

на отбор релевантных статей, 23% из них не включают этот термин. К таким статьям, как правило, относятся исследования, занимающиеся данной проблемой косвенно или интересующиеся смежной тематикой. Однако очевидно, что чем шире сфера употребления слова (термина), тем оно многозначнее. Данный факт устанавливает проблему выхода употребляемого термина за пределы его истинного значения и необходимость его строгой концептуализации.

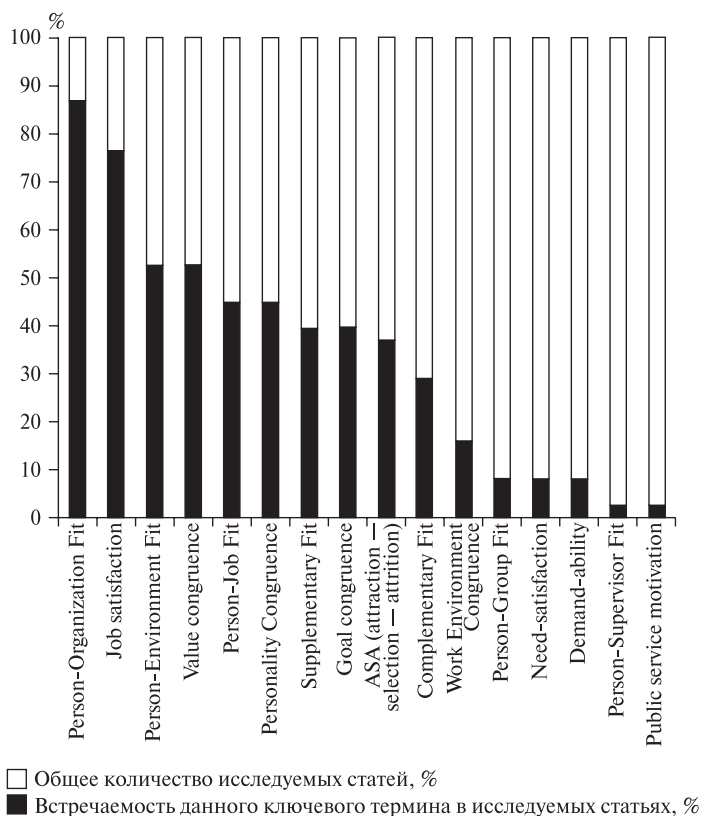

Рис. 2. Анализ встречаемости ключевых терминов в исследуемых статьях

Употребление основного термина «P-O Fit» сопровождается использованием терминов «удовлетворенность условиями труда», «P-E Fit» и «соответствие ценностей», что указывает на неотделимость данных понятий от основного детерминанта.

По данным диаграммы (рис. 2) можно проследить интенсивность изучаемости типов соответствия. Наименьшее внимание уделяется вопросам соответствия личности сотрудника личности руководителя, а комплементарный тип соответствия упоминается в работах реже, чем сублементарный, хотя разработка их концепций начиналась в науке одновременно.

Следующая проблема, которую нам предстоит разрешить, — это проблема концептуализации или определения понятия «Person-Organization Fit».

Данные показали, что более половины статей (73%), посвятившие свои работы тематике Р-О Fit и употребляющие данный термин, не имеют четкого определения этого явления, а имеющиеся объяснения (30%) носят многозначный характер (рис. 3).

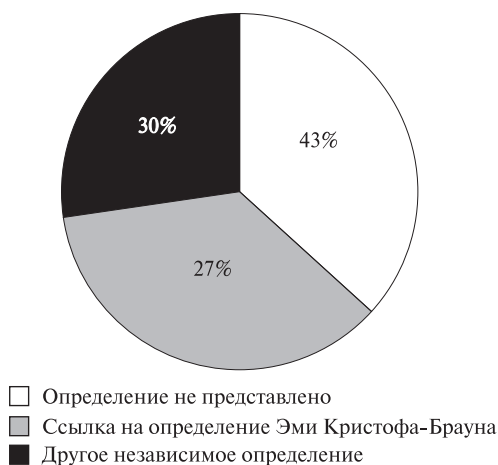

Рис. 3. Степень сформированности общепринятого определения «Person-Organization Fit»

27% статей однозначно ссылаются на данное в 2005 г. определение Эми Кристоф-Браун: «POF — совместимость, устанавливаемая между людьми и организациями в случаях, когда выполнимы следующие условия: а) хотя бы один из элементов концепции POF (организация или сотрудники) удовлетворяет потребностям второго; б) элементы обладают сходными характеристиками; в) когда выполняются оба условия» [Kristof-Brown et al., 2005].

Однако хотелось бы представить несколько других определений, на основании которых мы могли бы сформулировать свое рабочее определение.

POF: 1. Степень того, насколько индивидуальные знания, умения, навыки, соответствуют требующимся для потенциальной должности. 2. Степень соответствия между индивидуальными потребностями и организационной структурой. 3. Соответствие между индивидуальными ценностями и ценностями и культурой организации. 4. Соотношение между индивидуальными личностными качествами и воспринимаемым образом организации.

Ни одно из определений не противоречит определению, выдвинутому Эми Кристоф-Браун, однако такие формулировки слишком просты и не могут отразить всей многогранности изучаемого явления.

Обобщая полученное представление о явлении «Person-Organization Fit», мы попытались дать свое определение.

Соответствие личности организации — это соотношение всех качественно-профессиональных свойств личности и индивидуальных особенностей характера человека, отраженных в легко выявляемых параметрах (цели, ценности, нормы), проявляющихся в поведении индивида, которые соответствуют специфике потребностей и запросов той или иной организации, требуемых с целью повышения уровня эффективности всей организации в целом.

Третья задача ставит перед исследователями вопрос о рациональных методах изучения данного явления.

На основании полученных данных хорошо прослеживаются основные тенденции использования тех или иных параметров для измерения соответствия личности организации (рис. 4).

Более 60% ученых закладывают в основу исследований ценностное соответствие личности и организации. Около 20% ученых групп используют в своих работах метод OCP (Organization Culture Profile), разработанный О'Рейли в 1991 г. [O'Reilly et al., 1991], а организационная культура в более чем 15% случаев исследуется как отдельно существующий параметр POF. На этом основании мы предполагаем, что организационная культура является подсистемным компонентом модели POF, так что измерения области соответствия сотрудников внутри организации, вероятно, требуют подходов с точки зрения критериев, определяющих организационную культуру. Возможно, именно поэтому одно время было популярным изучение влияния особенностей национальных культурных ценностей на внутренние организационные процессы.

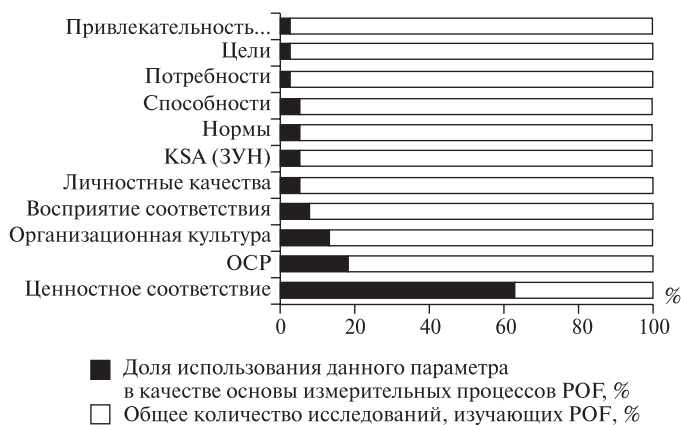

Рис. 4. Доля использования параметров в качестве основы измерительных процессов при изучении P-O Fit

Интересно отметить, что такой субъективный параметр, как восприятие соответствия, оказывается более востребованным показателем, чем объективно проявляющиеся в поведении цели или нормы, что объясняет, почему сублементарный тип соответствия применяется чаще, чем комплементарный.

Завершающий этап нашего исследования — определение ключевых тенденций и выявление полученных исследователями результатов в отношении развития концепции POF.

Статьи анализировались на предмет их цитирования. Полученные данные переложены на временную шкалу, что позволило продемонстрировать основные актуальные направления исследований, проследить их эволюционное развитие (графики 1, 2, 3, 4, 5).

Исследуемые статьи были подразделены на пять основных периодов: 1978–1989 гг., 1990–2000 годов, 2001–2003 гг., 2004–2005 гг., 2006–2010 гг.

Первый период представлен двумя ключевыми работами (график 1). Работы по теории Дж. Холланда можно считать отправной точкой исследований соответствия, поскольку именно Дж. Холланд впервые поднимает вопрос о соответственном найме персонала. Он предложил рассмотреть в качестве предмета будущего исследования влияние предпочитаемых условий рабочей среды (в соответствии с личностными характеристиками и образом жизни сотрудника) на удовлетворенность сотрудника условиями трудовой деятельности.

Идею, выдвинутую в 1978 г., возродили спустя 24 года. Несмотря на то что она была несколько модернизирована под влиянием современных тенденций, работа 2002 г. успешно отразила задуманные предположения, основываясь на восприятии соответствия. Однако работа, сфокусированная на изучении соответствия личностных типов и типов среды, не смогла найти отклик в силу проблемы антропоморфизации обстоятельств.

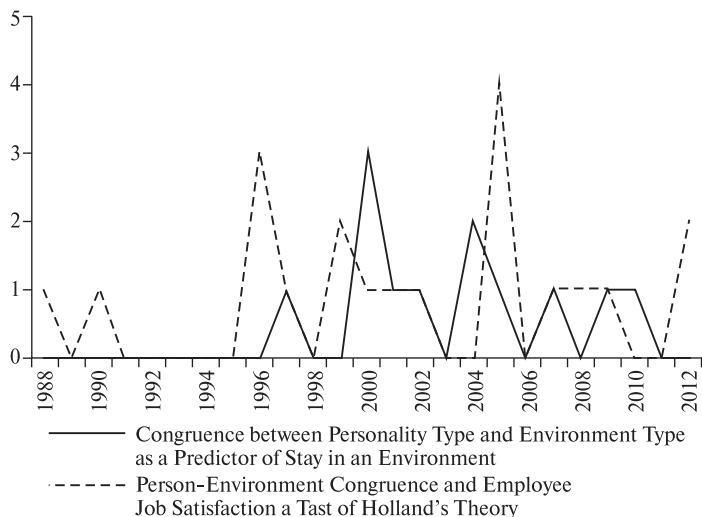

График 1. Цитирование ключевых статей, изданных в период 1978–1989 гг.

Примечание. Здесь и далее во всех графиках начало графика обусловлено моментом первого, зарегистрированного в базе данных научного цитирования, факта цитирования одной из статей, изданных в указанный период; график отражает динамику цитирования статей за весь период существования статьи: от момента публикации до момента проведения настоящего исследования.

На этапе 1990–2000-х годов основные тенденции представлены работами, основанными на концептуализации, методах измерения и описывающими будущие исследования (график 2). Данная статья интенсивно цитируется в варьирующей геометрической прогрессии и сегодня, что свидетельствует о признанном интересе к концептуализации модели РОФ.

Второе и третье место по популярности цитирования занимают работы, посвященные прикладному аспекту принятия решений о найме персонала, восприятию организационного образа потенци-

альными сотрудниками до входа в компанию, а также исследования, измеряющие ценностное соответствие.

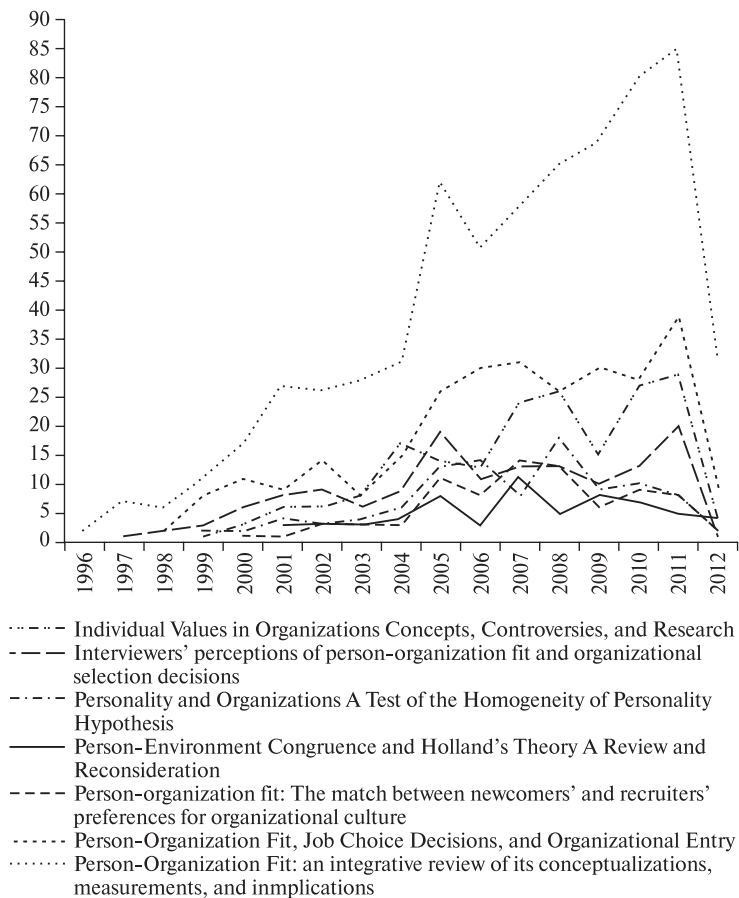

График 2. Цитирование ключевых статей, изданных в период 1990–2000-х годов

Период 2001–2003 гг. представляет собой самый активный период развития исследований в области «Person-Organization Fit» (график 3). Ключевой интерес представлен обзорами ранее проведенных исследований; основное внимание уделяется проблеме субъективного восприятия, которая в наше время оказалась на пике исследовательского интереса.

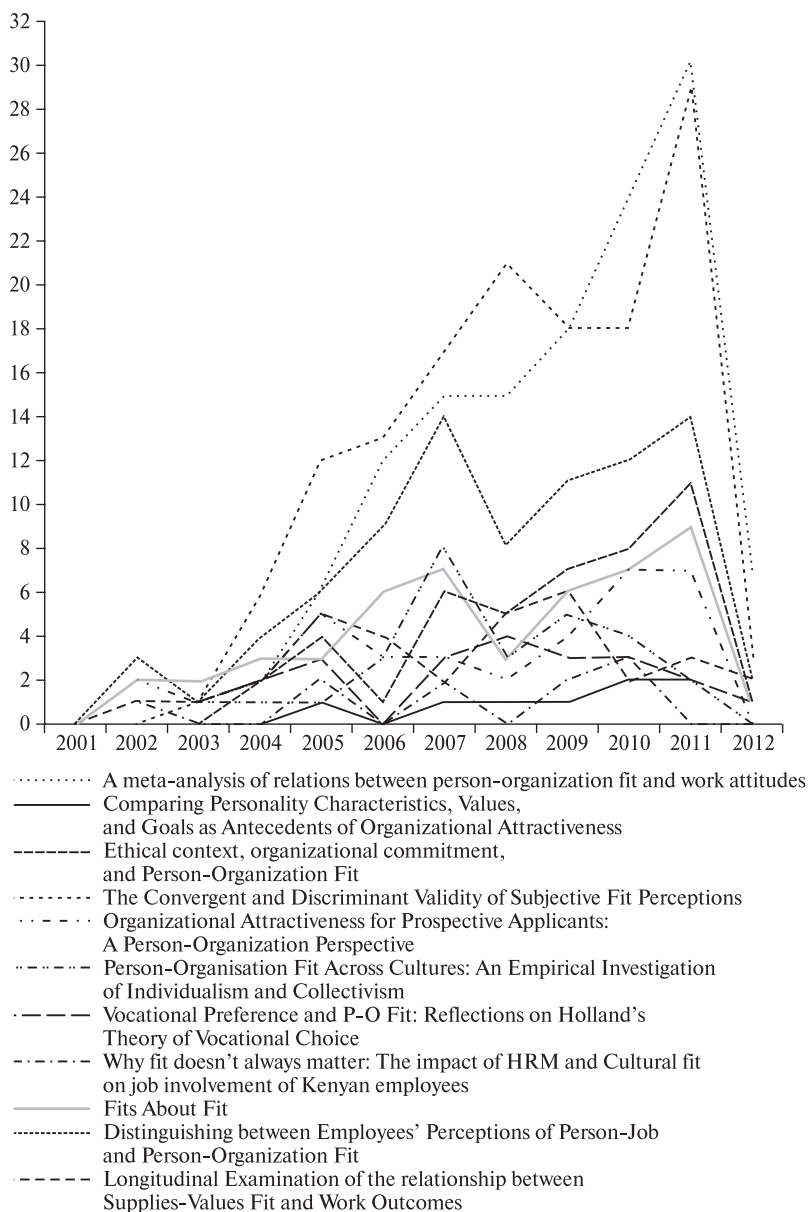

График 3. Цитирование ключевых статей, изданных в период 2001–2003 гг.

Кроме этого, возникает проблема более осознанного разделения типов соответствия и выделения относительно четких параметров для каждого из них (оговаривавшееся разделение концепций P-J Fit и P-O Fit).

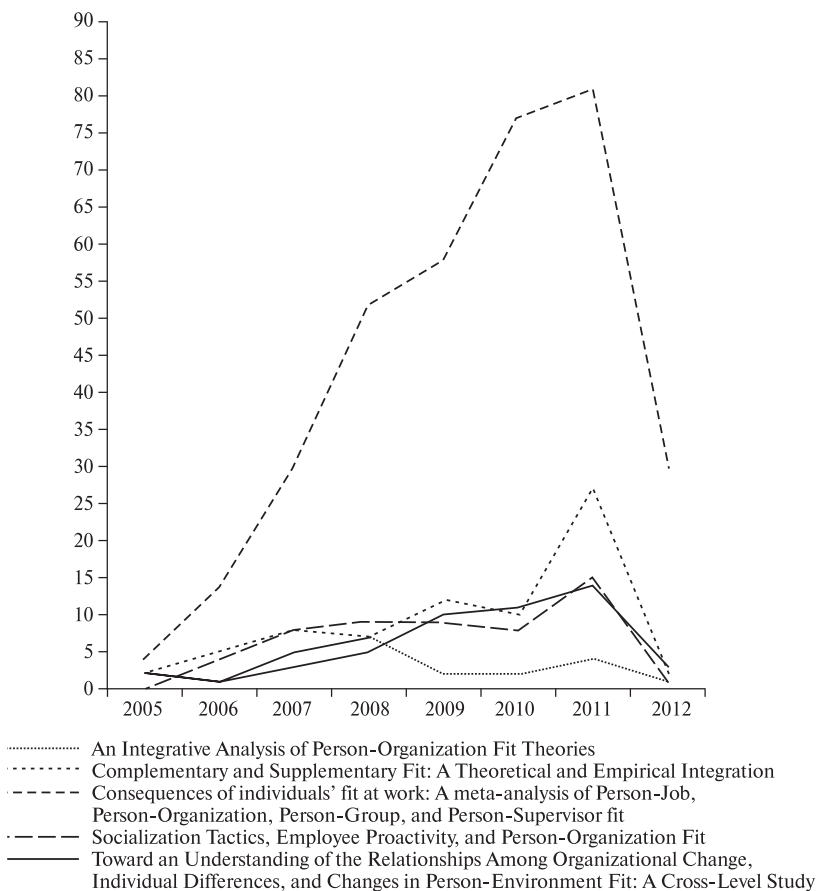

График 4. Цитирование ключевых статей, изданных в период 2004–2005 гг.

Период 2004–2005 гг. характеризуется ярким проявлением обобщенного обзора всех типов соответствия, была проведена интеграция накопленных знаний. Кроме того, прослеживается актуализация разработки комплементарного и сублементарного типов соответствия.

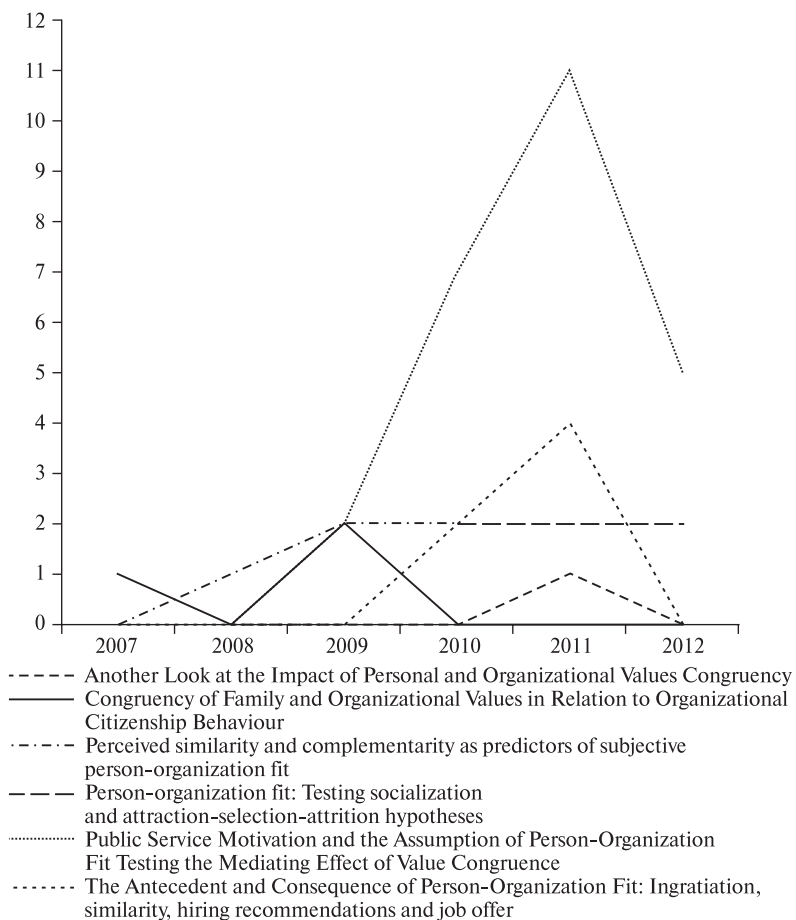

График 5. Цитирование ключевых статей, изданных в период 2006—2010 гг.

Последний период — 2006—2010 гг., наиболее четко отображающий реальность, говорит о развитии направлений прикладного характера: осуществляется непосредственный перенос полученных систем, проверенных механизмов на практику.

Выводы

Организация знаний внутри явления «Person-Organization Fit» имеет иерархическую структуру, не исключаяющую подсистемных

ответвлений, а на данном этапе представлена последовательно-стью: Person-Job Fit → Person-Supervisor Fit → Person-Group Fit → Person-Organization Fit → Person-Environment Fit.

На основании сравнительного анализа было сформулировано определение POF как соотношения всех качественно-профессиональных свойств личности и индивидуальных особенностей характера человека, отраженных в легко выявляемых параметрах (цели, ценности, нормы), проявляющихся в поведении индивида, соответствующих специфике потребностей и запросов той или иной организации, требуемых с целью повышения уровня эффективности всей организации в целом.

На основании того, что более 60% ученых закладывают в основу измерения POF ценностное соответствие личности, а 20% используют метод ОСП (Organization Culture Profile), был сделан вывод: организационная культура является подсистемным компонентом модели соответствия личности организации измерения, что требует подходов с точки зрения критериев организационной культуры.

Современные подходы исследования POF тяготеют в большей степени к прикладному применению полученных знаний, нежели к их теоретическому развитию.

Источники

Caldwell S.D., Herold D.M., Fedor D.B. Toward an Understanding of the Relationships Among Organizational Change, Individual Differences, and Changes in Person—Environment Fit: A Cross-Level Study // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol. 89. No. 5. P. 868—882.

Chatman J. Improving Interactional Organizational Research: A Model of Person-Organization Fit // *Academy of Management Reviews*. 1989. Vol. 14. No. 3. P. 333—349.

Edwards J. R. Person-Job Fit: A conceptual Integration, Literature Review, and Methodological Critique // *International Review of Industrial and Organizational Psychology* / C. Clrit (ed.). Wiley, 1991. Vol. 6. P. 283—357.

Kristof A.L. Person-Organization Fit: An Integrative Review of its Conceptualizations, Measurements, and Implications // *Personnel Psychology*. 1996. Vol. 49. No. 1. P. 1—49.

Kristof-Brown A.L., Zimmerman R.D., Johnson E.C. Consequences of individuals' fit at work: a meta-analysis of person-job, person-organization, person-group, and person-supervisor fit // *Personnel Psychology*. 2005. Vol. 58. P. 281–342.

Ostroff C., Aumann K.A. Person-Environment Fit // *Encyclopedia of Applied Psychology: in 3 vols / Ch. Spielberger (ed.). Elsevier Academic Press*, 2004. Vol. 3. P. 19–38.

Schneider B. Fits About Fit // *Applied Psychology*. 2001. Vol. 50. No. 1. P. 141–152.

© Сафиуллина Э.Р., 2014

Н.Н. Буйлова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
О.Н. Ляшевская

СЛЕНГ ПОКЛОННИКОВ АНИМЕ

В последнее время все больше внимания уделяется специфическим областям языка, таким как сленг, или жаргон. Это вызвано тем, что в русском языке происходит формирование так называемого общего сленга, в котором профессионализмы, диалектизмы, сленгизмы становятся общеупотребительными.

В нашей работе речь идет о «языке анимешников», зафиксированном на языковой карте в виде отдельного нового семантического поля особых терминов: *аниме*, *манга*. Диффузия сленгов проявляется в том, что новые единицы, подобные *кавай* («мило»), *аригато* («спасибо»), не ограничены в употреблении рамками неформального общения между «анимешниками».

Язык уже долгое время отрабатывает механизмы вхождения и ассимиляции англицизмов, выработаны правила грамматического освоения слов из общего сленга. Японизмы не подчиняются правилам русского языка; модели склонений, определения рода не устоялись.

В нашей работе мы исследовали массив слов, состоящий из 116 единиц. Из них 39 англицизмов (*косплей*, *айкетч*, *деформинг*), 64 японизма (*бака*, *ахоге*, *бисенен*) и 13 производных единиц, изменяющихся по русским моделям (*каваище*, *няшка*, *анимешник*).

Аниме-сленг является частью общего молодежного сленга. Общими причинами для возникновения подобных социальных диалектов можно назвать отход от обыденности, определенное маркирование «свой-чужой».

Займствованиа в сленге поклонников аниме

Займствования в аниме-сленге являются прямыми, т.е. они приходят непосредственно из японского/английского языка. Это свидетельствует о насыщении русского языка англицизмами (лексеми общего сленга) и о недавнем всплеске популярности японской культуры (собственно японизмы).

Принято считать, что язык производит заполнение номинативной лакуны тремя способами:

1) заимствуется само слово: в нашем исследовании это англицизмы — слова типа *дропнуть*, *косплей*, *хардсаб* и т.д., либо японизмы — *бисенен*, *биседзе*, *итачи* и т.п.;

2) создается новое слово из своих морфем по образцу иностранного; в сленге аниме-фанатов не встречается (требует глубокого знания японского и русского, точного соотнесения языков);

3) для выражения нужного значения используется уже имеющееся слово, ему придается новое значение по образцу иностранного, имеющего ту же структуру или внутреннюю форму; в нашем исследовании примером подобного заимствования может служить *отыгрыш*¹, *антенки*².

Наиболее актуальный механизм заимствования японизмов — это первый способ, поскольку он наиболее прост и способен распространяться стихийно. Возможно, одной из причин подобной популярности является то, что большая часть заимствований — термины, не имеющие точных соответствий в русском языке.

Вызывают определенные сомнения слова третьей группы, поскольку они по происхождению русские, но приобретают определенные смысловые оттенки. Стоит ли включать их в словарь аниме-сообщества — вопрос открытый, но мы считаем, что они не обладают особенностями, характерными для заимствований.

Данные

Для того чтобы собрать данные, использовался словарь анимешника, который размещается на многих сайтах и является продуктом коллективного творчества. Каждое слово было проверено

¹ Отыгрыш — постановка аниме-сценки косплеерами, «пребывание в образе».

² Антенки — особый вид прически, при котором одна-две пряди выбиваются из укладки.

поисковиком Google (общий поиск): первые 30 результатов просматривались, и если контекст сообщения не был словарной статьей, лексема оставалась в словаре. Таким образом, из 161 лексемы исходного словаря осталось 110. Были исключены слова, которые не используются сообществом, например, *камекко* — фотограф, который профессионально снимает косплееров.

Действительно употребляемые слова были разделены на группы по различным признакам:

- а) по происхождению (англицизмы, японизмы, русские производные);
- б) по тематическим группам;
- в) по функциям.

Классификации лексем аниме-сленга

Англицизмы представляют собой существенную часть сленга анимешников. Большинство из них пришли из общего сленга, который активно формируется в Интернете. В свою очередь, туда эти слова попали из компьютерного сленга и стали особенно популярны в русском языке в начале 2000-х.

Можно отметить следующие функции аниме-сленга:

- а) экспрессивная;
- б) эмоционально-оценочная;
- в) функция категоризации и систематизации;
- г) номинативная.

Оценочная функция жаргонизмов представляется преобладающей. Номинативная функция сленга обусловлена тем, что в русском языке не существует адекватных аналогов японизмов, потому все названия тех или иных явлений — заимствования.

В сленге выделяются следующие основные тематические группы:

- 1) стиль жизни фаната;
- 2) жанры;
- 3) персонажи, типы героев;
- 4) дополнительные опции к мультфильму или комиксам (*фансервис*).

Первая группа представляет собой разветвленную систему, в которую входят:

- а) определения деятельности, которой занимаются фанаты (*сканлейтинг*, *фандаббинг*) или названия определенных действий (*дропнуть*);

б) единицы, заменяющие в речи анимешников какие-либо повседневные выражения (*чаоссу, аригато, оясуми*);

в) названия стилей, которые включают не только жанры аниме, но и стиль одежды, литературные направления, предпочтения в кинематографе (*паропанк, стимпанк, гонзятина*).

г) названия отдельных явлений, которые сопровождают жизнь анимешника (*иташа, сайонара, пламо*).

Следует отметить, что в русском наиболее распространены слова именно этой группы, поскольку в нее включаются также англицизмы из общего компьютерного сленга. Также можно сказать, что именно эти единицы служат маркерами отличия своих от чужих.

Слова, относящиеся ко второй группе, подразумевают наименование жанров аниме (*джосэй, дзесэй, кодомо*). В нее входят только японизмы, выполняющие номинативную и оценочную функции. В русском языке эти слова не являются однокоренными, поэтому достаточно сложно говорить о том, что эти определения относятся к сходным объектам.

Третья группа жаргонизмов охватывает наименования типичных персонажей аниме или манга (*усагимики, фурри, цундере*). Как уже указывалось выше, эти понятия в русском языке могут быть обозначены только описательно. Эти лексемы не могут нести в себе оценки, поскольку являются условными «терминами» и имеют только номинативную функцию.

Четвертая группа включает то, что можно назвать общим словом «фансервис», т.е. многочисленные наименования реальных объектов, смысл которых абсолютно непонятен непосвященным (*ситадзики, ранобэ, джосей*). Также в эту группу включены японизмы, которые заменяют аналогичные русские слова (*аригато* — «спасибо», *конбава* — «добрый день»). Преимущественно это японизмы. Как и слова предыдущей группы, эти лексемы не несут в себе ярко выраженной эмоционально-оценочной коннотации. В данном сегменте можно выделить крупные языковые гнезда, например, с корнем *-бан* (*айзобан, бункобан, канзенбан* — различные типы печати манги), или морфемой *-инг* (*сканлейтинг, фансаббинг, деформинг*). Последние представляют собой заимствования из английского и обозначают действия, что является дословной калькой с английских отглагольных существительных, с одной стороны, и свидетельствует о существовании общего сленга (в данном случае этот термин понимается как взаимодействие русского и английского сообществ анимешников) — с другой.

Производные единицы, изменяющиеся по русским моделям (*кавайтесь, анимешник, няшка*), будучи однокоренными словами с японизмами и англицизмами, при этом полностью подчиняются правилам русского языка. Они выполняют номинативную функцию. Часто они обозначают уже известные объекты, которые так или иначе соприкасаются с жизнью аниме-фаната и требуют переосмысления.

В дополнение к вышеприведенной классификации стоит отметить, что некоторое количество русифицированных терминов обрывает весьма ясными коннотациями (пренебрежительное *гонзятин*, *синдром отакуизма*, *онемешнеги* и проч.); что характерно, это наиболее часто используемые слова.

О проблеме освоения заимствований в русской грамматике

Все правила русского языка, касающиеся определения рода (см. «Русская грамматика-80»), применимы к аниме-сленгу, но отнесение слов к тому или иному роду необходимо разобрать для англицизмов и японизмов по отдельности.

Большая часть англоязычных терминов аниме-сленга — мужского рода (31 единица из 36), что можно объяснить не только смыслом определения, но и лингвистическими особенностями. В частности, большая часть существительных в английском языке оканчивается на согласную, что в русском соответствует существительным второго склонения (мужской род, нулевая флексия)³. Эту гипотезу подтверждают две лексические единицы, которые оканчиваются на гласную (первое склонение) и употребляются в женском роде (*ОВА, аудиодрама*); и одна единица, которая имеет колебания в присоединении флексии и в соответствии с этим может относиться как к женскому, так и к мужскому роду (*рав, рава*)⁴. Подобная вариативность характерна для недостаточно освоенных заимствований.

Аббревиатуры, образованные соединением начальных букв англицизмов, из которых состоит полное наименование, опреде-

³ «Перед публикацией **фанфика**, прочтите советы по размещению!!!»: <<http://www.vampiromania.ru/fanfik>>.

«Аудиодрама, созданная на основе одноименной новеллы авторства Yuuki Kazumi»: <<http://www.diary.ru/~kriteg/?tag=220184>>.

⁴ «Китайские **рав** провайдеры»: <<http://horde.ucoz.ua/forum/10-67-1>>; «раньше я ныл из-за того, что **новое аниме** в **раве** появляется в четверг»: <http://chiolin.ya.ru/replies.xml?item_no=1382>.

ляют свой грамматический род по роду ведущего слова составного наименования, например:

- ОВА, ж. р. (род от слова «анимация»);
- ДДР, м. р. (род от слова «танец»).

Род японизмов — более нетривиальный вопрос. Условно их можно разделить на четыре группы:

- в японском оканчиваются на согласную, в русском относятся ко второму склонению; мужской род (*бисенен, сэйнен, токусацу*)⁵;
- в японском оканчиваются на «а», «я», в русском относятся к первому склонению; женский род (*асадора, иташа, ахоге*)⁶;
- в японском оканчиваются на прочие гласные «и», «у», «о» (*усагими, сеншууракку, пламо*)⁷;
- в японском оканчиваются на «й» (*джосей, дзесей, ренай*)⁸.

Существует несколько стратегий классификации рода в русском языке:

- 1) по фонетическому признаку (флексия);
- 2) сочетаемость с прилагательными;
- 3) по роду русскоязычного эквивалента.

Поскольку для двух последних типов в русском языке нет адекватной модели определения рода, а смысловое наполнение зачастую не проясняет ситуацию, существует два пути: в первом случае род чаще всего определяется как средний либо общий; во втором род существительных определяется по русскоязычному синониму (первые два существительных обозначают жанры аниме), либо «й» считается согласным, и в таком случае существительное причисляется к мужскому роду (*ренай* — вид игры).

Из-за большого количества слов, оканчивающихся на гласные, в аниме-сленге наблюдается обилие существительных среднего рода. Род несклоняемых существительных может проявляться через согласование прилагательных либо синтаксически, главным образом путем постановки сказуемого в форме женского рода. Субстантивированные несклоняемые слова (*кавай, ковай, сугуй*)⁹ относятся к мужскому роду.

⁵ «Какой **бисенен** из аниме к вам подходит больше всего?»: <<http://aeterna.qip.ru/test/view/1687/>>.

⁶ «Последней такой **асадора** была Haruyo, Koi в 1994 году»: <<http://nightwolflynx.ucoz.ru/forum/22-30-1>>.

⁷ «Мир маленькой **УСАГИМИМИ**»: <<http://mimianimatis.beon.ru/>>.

⁸ «...продолжился как типичный **джосей**»: <<http://shizuku.diary.ru/>>.

⁹ «Откуда он, **этот кавай**?»: <http://mircharliks.ucoz.com/index/stil_quot_kavaj_quot_v_mirechar/0-22>.

Отступления от правила объясняются влиянием аналогии, употреблением слова в другом значении, тенденцией относить к среднему роду несклоняемые слова на «о» и т. д., например: *кодомо*¹⁰ (*совпадение смысла и определяющего слова*), *оданго*¹¹ (*влияние конечного «о»*).

Большая часть японизмов не склоняется. Таким образом, род может быть определен только через сочетаемость с прилагательными или постановку глагола в определенной форме.

Словообразование

Словообразование в аниме-сленге отличается рядом особенностей. В частности, прослеживается достаточно необычное явление, такое как возникновение языкового гнезда вокруг междометия *ня*. В русском языке этот процесс в принципе возможен, но скорее можно ожидать возникновения глаголов, которые будут основаны на звукоподражании (*ой* — *ойкать*), а не существительных. Междометие *ня* образует целую совокупность однокоренных слов, таких как *няш*, *някать*, *няшный* и проч. Скорее все, это связано с активным употреблением этого междометия и с вхождением его в общий сленг.

Также стоит отметить гнездо, которое образовалось вокруг слова *кавай* (*кавайный*, *кавайше*, *кавайться*, *кавайно*). По формальным признакам *кавай* необходимо отнести к наречиям. Существование столь крупного языкового гнезда, которое возводится к наречию, не столь очевидно для русского языка.

Отдельно необходимо упомянуть о языковом гнезде, пришедшем из японского целиком. Это лексемы с корнем «бан» — «книга» (*бункобан*, *кайзобан*, *айзобан* и т. д.). Они обозначают различные варианты выпуска *манги*, т. е. относятся к одному и тому же объекту в реальной жизни.

Остальные японизмы чаще всего не образуют новых слов. Даже возможность возникновения притяжательных прилагательных не используется — не говорят: «Усагимин костюм», говорят: «Костюм усагими».

Возможно, это связано с малой употребимостью подобных лексем (аниме-сообщество не настолько обширно и не настолько сплочено, чтобы отработать все варианты обращения этих слов), или все с той же неосвоенностью японизмов русским языком.

¹⁰ «Это **кодомо-аниме** очень близко к европейской анимационной школе»: <http://animeshke.ucoz.ru/index/zhanry_anime/0-5>.

¹¹ «Хитрость в том, что хвосты перед завязыванием в узлы надо скручивать, чтобы оданго атама получилось округлое»: <<http://otvet.mail.ru/question/43547810>>.

Глагол в аниме-сленге

В активном словаре анимешников не так много глаголов. Всего два из них употребляются с аффиксами («косплеить» и «каваться»). Они используются с приставками *за-*, *от-*, *с-* и *пере-*, *у-*, *за-* соответственно. Глаголы с приставками от «косплеить» могут использоваться как синонимы. Все они в этом случае обозначают однократность. В то же время они могут иметь собственный смысл. «Закосплеить» может обозначать начало действия и переход глагола в совершенный вид, «откосплеить» — его завершенность, «ско-сплеить» — однократный отыгрыш.

Значения приставок в целом совпадают со значениями, которые представлены у русских глаголов, например, «заиграть/отыграть/сыграть».

Глагол «каваться» по морфологическим признакам (частица *-ся*) относится к непереходным. Он не сочетается с существительными в винительном падеже без предлога, при присоединении приставки не становится переходным.

Значения приставок глагола «каваться» более любопытны:

1) *пере-* и *у-* являются полными синонимами и обозначают наивысшую точку в состоянии, некий избыток действия; в русском они обозначают повторяемость действия и завершенность соответственно (*переделать*, *упиться*);

2) *за-* обозначает начало действия (*задуматься*).

Приставки *пере-* и *у-* приблизительно совпадают по семантике с основными значениями — завершенность действия (*перекаиваться* = *укаиваться*).

Глагол «дропнуть», заимствованный из сленга геймеров, несколько изменил свое значение. В изначальном варианте — «бросить игру/миссию». В словаре анимешников — «не досмотреть аниме/дорама до конца». Суффикс *-ну-* присоединяется к таким глагольным основам, которые обозначают конкретное длительное действие, состоящее из множества отдельных актов, мыслимое как цепь моментов и разложимое на составные акты. Глагола «дропать/дропить» не существует, суффикс *-ну-* ограничивает такое действие пределами одного акта, т.е. придает глаголу значение недлительности, что совпадает со значением глагола: бросить смотреть что-то можно только раз. Аналогом в русском языке можно считать слова типа «кинуть», «тронуть».

Освоение лексем русским языком

Освоение иноязычного слова новой для него языковой системой — процесс постепенный и во многих случаях длительный. Если иноязычное слово адаптируется грамматической системой языка, как правило, возможности образования производных от таких грамматически освоенных заимствований расширяются¹².

В аниме-сленге не так много полностью освоенных лексем. Анализ аниме-форумов позволяет говорить о популярности таких слов, как *кавай*¹³, *ковай*, *сугой*, *косплей*. Именно эти единицы образуют языковые гнезда и многочисленные производные, которые изменяются по правилам русского языка.

Не склоняются слова, оканчивающиеся на гласные «у», «и», «е». Скорее всего, это связано с трудностями при определении склонения существительного¹⁴.

Значительной проблемой для исследователя являются затруднения с определением части речи, которые зачастую представляются неразрешимыми. Одно и то же слово в различных коммуникативных ситуациях может восприниматься по-разному и относиться к разным частям речи. Так, не представляется возможным точно определить принадлежность *ня* к той или иной части речи. Во-первых, это звукоподражательное слово (в японском — мяуканье кошки). Во-вторых, явно присутствует положительная эмоциональная окраска (милый, прелестный, забавный), что причисляет эту лексему к междометиям. В-третьих, *ня* можно рассматривать как прилагательное в том же случае проявления эмоций («ты просто ня» — «ты просто прелестен»).

Немного проще ситуация со словом «кавай», которое может считаться наречием. Оно обозначает примерно тоже самое, что и *ня* — «мило», но в отдельных случаях может употребляться как существительное («Задавим зиму каваем»¹⁵), прилагательное («Маль-

¹² [Евреинова, 1965].

¹³ «=приступ кавая=»: <<http://my.mail.ru/mail/rockabilygirl/>>; «Кстати, у меня есть знакомая, которая считает кавай не столько жанром аниме, сколько японским мировоззрением»: <<http://anishock-club.ucoz.ru/forum/6-30-1>>; «...чтобы определить собственное отношение к Каваю и отношение Кавая к тебе лично...»: <http://clubs.ya.ru/4611686018427400160/replies.xml?item_no=3372>; «Поделитесь каваем»: <<http://otherotakufan.beon.ru/>>; «давайте подумаем о кавае»: <<http://www.lovehate.ru/blog/62209>>.

¹⁴ «Наш сайт целиком и полностью посвящен субкультуре отаку»: <<http://nift-forum.ru/>>; «В чем только не обвиняют отаку и их субкультуру!»: <<http://asiaafrica.ru/>>.

¹⁵ <<http://forum.naruto-world.ru/index.php?showtopic=3006&st=560>>.

чки просто кавай»¹⁶), или междометие («Такие глазки, такой ротик ^О^ Кавай-кавай-кавай ^_^ Даже покруче чем Дей»¹⁷ — *кавай* как выражение восторга).

Библиография

Блинова М.В. СМИ в Японии: медиабизнес, традиции, культура. М.: МедиаМир, 2008.

Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1997.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е.А. Земской. М.: Наука, 1996.

Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания новых слов. Кишинев: Советская лексикография, 1988.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель, 2012.

Крысин Л.П. Жизнь слова: книга для учащихся. М.: Русское слово, 2008.

Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Материалы конференции «Изменяющийся языковой мир». Пермь, 2002.

Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Наука, 2005.

Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1985.

Химник В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.

Эпштейн М.Н. Типы новых слов: опыт классификации // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). СПб.: Институт лингвистических исследований, 2006.

© Буйлова Н.Н., 2014

¹⁶ <http://adultmanga.ru/see_you_in_the_school_of_the_muse>

¹⁷ <http://hapyto.ucoz.ru/stuff/flash/dress_up/chibi_sasori_dress_up/4-1-0-1049>

А.С. Лукашкин
Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»
Научный руководитель
Е.Н. Пенская

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ СТЕНДАЛЯ «КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ»

Тема настоящей работы предполагает изучение исторического контекста написания произведения. Я попытался выяснить, какую роль сыграл исторический факт, положенный в основу романа «Красное и черное», проследить генезис элементов жанра исторического романа в произведении Стендаля. Для понимания текста Стендаля крайне важно учитывать личный, лирический, почти интимный элемент восприятия истории.

Моя задача — проследить, как исторический факт, документ преломляется и отражается в художественном тексте и становится частью личного пространства. К историческим документам я отношу автобиографический материал писателя, материалы прессы, публицистику.

В мою задачу входит изучение биографии писателя и среды, в которой он жил, отслеживание художественных интерпретаций биографических обстоятельств.

К моменту написания Стендалем романа «Красное и черное» (1830) в европейской словесности уже сложилась установленная, главным образом Вальтером Скоттом, традиция написания исторического романа, расцвет которого пришелся как раз на первую треть XIX в. Для Стендаля, участвовавшего в Наполеоновских войнах и занимавшего видную должность (аудитор Государственного совета 1-го класса), большая история, в которой вершатся судьбы народов, перекраивается европейская политическая карта, стала реальным фактом его биографии и судьбы.

Стендаль представляет один из двух доминирующих способов обращения с историей во Франции 1830-х годов. Все события автор пропускает через собственный опыт и биографию, историческая и биографическая реальности сплавлены в художественном тексте.

Для изучения этого вопроса я обратился к научной и художественной литературе. Чтобы определить, какие биографические детали можно найти в «Красном и черном», я изучал автобиографический роман «Жизнь Анри Брюлара». Чтобы найти сходство между реальной историей Антуана Берте и историей Жюльена Сореля, я прочел выдержки из дела Берте, опубликованные в газете «La Gazette des tribunaux» в декабре 1827 г., и главы из исследовательской работы Christine Klein «Le rouge et le noir, Stendhal: analyse critique». Работая с этими источниками, тексты я перевел самостоятельно — в первом случае, чтобы ознакомиться с оригиналом дела, во втором — ввиду того, что переводов данной работы еще нет. В качестве мемуаров мне послужили «Биографические заметки Анри Бейля о самом себе», а также «Жизнь Анри Брюлара». На примере нескольких кейсов (прежде всего на примере анализа того, как происходит трансформация реальности — биографических данных, газетных источников) я попытаюсь выявить особенности структурной поэтики исторического романа.

Биографические детали и их отражение в тексте романа

Многочисленные факты, заимствованные Стендалем из собственной биографии, я объединил в несколько тематических таблиц. Они представляют разные области: литература, быт и проч. В левом столбике приведены факты из реальной жизни, в правом — перекликающиеся с ними обстоятельства в романе.

Литература	
Известно, что Стендаль называл «Манон Леско» аббата Прево одним из наиболее трогательных романов. В «Красном и черном» ему уделяется отдельный эпизод ¹ .	Ч. 2, гл. 28: Как-то раз вечером в Опере, сидя в ложе г-жи де Фервак, Жюльен превозносил до небес балет «Манон Леско». Единственным основанием для подобных похвал было то, что сам он находил его ничтожным. <...> — Среди подобного рода безнравственных, опасных сочинений, — продолжала маршалыша, — «Манон Леско» занимает, как говорят, одно

¹ [Стендаль, 1933а, с. 83].

Литература	
	из первых мест. Заблуждения, а также заслуженные страдания глубоко порочного сердца описаны там, говорят, с большой правдивостью и проникновением, что, впрочем, не помешало вашему Бонапарту на острове святой Елены сказать, что этот роман написан для лакеев.
О литературных пристрастиях в набросках: «Я обожал красноречие с шестилетнего возраста. Думается мне, отец, наверное, передал мне свое восторженное преклонение перед Жан-Жаком Руссо, которого затем проклял как антимонархиста» ² .	Ч. 1, гл. 5: Этот страх оказаться за одним столом с прислугой не был свойствен Жюльену; чтобы добиться положения, он пошел бы на испытания гораздо более тяжелые. Он почерпнул это отвращение в «Исповеди» Руссо. Это была единственная книга, по которой он представлял себе свет.
Отец маленького Анри Шерюбен плотно запирает книжный шкаф. Мальчик подобрал ключи и, расставляя тома Вольтера так, чтобы скрыть освободившееся пространство, убежал с книгой и читал Вольтера, Руссо и других энциклопедистов — трюк, который не раз проделывали Жюльен и Матильда ³ .	Ч. 2, гл. 2: Он чуть не сошел с ума от радости, когда открыл томик Вольтера и побежал раскрывать дверь, чтобы не быть застигнутым врасплох. Ч. 2, гл. 3: Дело в том, что она (Матильда. — <i>А.Л.</i>) потихоньку таскала книги из библиотеки отца; сегодня же визит ее не удался из-за присутствия Жюльена, и это тем более было ей досадно, что она пришла за вторым томом «Вавилонской Принцессы» Вольтера, книгой, которая достойным образом дополняла высокомонархическое и религиозное воспитание, полученное ею в монастыре Sacré-Coeur. Он сам частенько брал по несколько томов из прекрасного издания в великолепных переплетах и, раздвигая немного тома, маскировал таким образом то, что уносил с собою; вскоре, однако, он заметил, что кто-то другой тоже читает Вольтера.

² [Там же, с. 58].

³ [Там же, с. 36].

Детали быта	
65-летний Дарю, главный секретарь Сен-Приста, пригласил будущего писателя работать в канцелярии военного министерства вместе со своим сыном. «Дарю усадил меня за рабочий стол и велел переписать отношение». Бейль сделал орфографическую ошибку, которую впоследствии повторил Жюльен Сорель ⁴ .	Ч. 2, гл. 2: Час спустя вошел маркиз, посмотрел переписанное и с удивлением заметил, что Жюльен пишет <i>это</i> с двумя «т» — <i>этто</i> : «Уж не сказка ли все то, что аббат рассказал мне о его учености!»
Восьми лет от роду, в 1790 г. совсем юный Анри Бейль потерял мать. Еще не состарившегося отца тяготила забота о детях. Биографу Виноградову трудно однозначно сказать, что было тяжелее переносить мальчику — смерть горячо любимой матери или равнодушие нелюбимого отца ⁵ .	Ч. 1, гл. 4: С самых ранних лет его необыкновенно задумчивый вид и чрезвычайная бледность наводили отца на мысль, что сын его не жилец на белом свете, а если и выживет, то будет только обузой для семьи.

Портреты реальных людей и портреты персонажей романа	
Увлечение Мелани Гельбер, с которой Стендаль познакомился на уроках декламации. Привычка переходит в страсть — Бейль не может обходиться без Мелани ни одного дня. Он обещает помочь ей воспитать ее маленькую дочь ⁶ .	Жюльен Сорель и госпожа де Реналь: сначала Жюльен сомневается в своих чувствах, потом страстно влюбляется. У нее тоже есть дети.
С Мелани они переезжают в Марсель. Там появляется русский помещик господин Барков, разыгрывающий из себя знатного вельможу. Неожиданно, прямо из театра, он увозит возлюбленную Стендаля и ее дочь на русском корабле в Москву транзитом через Одессу ⁷ .	Появление русского в романе, тот же образ знатока женских сердец, светского щеголя. Он преподает «уроки» Жюльену. Ч. 2, гл. 24: «Мне кажется, вы переусердствовали, следуя тому правилу серьезности, которое я когда-то преподавал вам в Лондоне. Грустный вид совершенно не соответствует хорошему тону, надо иметь вид не грустный, а скупающий».

⁴ [Стендаль, 1933а, с. 249].

⁵ [Там же, с. 39].

⁶ [Стендаль, 1933б, с. 387].

⁷ [Там же].

Портреты реальных людей и портреты персонажей романа	
	Уроки того, как вернуть любимую женщину: «Итак, во-первых, вы должны видиться с ней ежедневно. Во-вторых, вы должны начать ухаживать за одной из светских женщин, но не проявляя при этом никаких признаков страсти, понятно?» «У меня с собой в дорожной сумке лежит шесть томов любовных писем. Всех сортов, на любой женский характер. Найдутся и для образцовой добродетели!»
Вернувшись в Париж из русского похода, Бейль находит там свою бывшую возлюбленную Мелани, теперь Баркову. Однако отношения их не были похожими на прежние, и Бейль сознательно идет на разрыв ⁸ .	Вторая встреча с госпожой де Реналь, после семинарии, перед разлукой, на которую решается Жюльен. Ч. 1, гл. 30: «Я покидаю этот край, где я забыт даже тою, кого я любил больше всех в моей жизни, и больше уже никогда не вернусь сюда. Я еду в Париж...»
В 1820-х годах Бейль часто проводил вечера у итальянской артистки Паста. Там он встретил ди Фиоре, неаполитанского революционера, бежавшего в Париж и приговоренного к смерти в Неаполе в 1799 г. еще в возрасте 27 лет. Он стал прообразом графа Альтамиры в романе «Красное и черное» ⁹ .	Ч. 2, гл. 5: «У янсенистов он (Жюльен. — А.Л.) познакомился с неким графом Альтамирой, человеком гигантского роста, либералом, приговоренным к смертной казни у себя на родине и при всем том весьма набожным человеком. Его изумляло это странное противоречие — набожность и любовь к свободе».

Этапы жизни, обстоятельства	
Маленького Стендаля отдали в Центральную школу, открытую в силу декрета Конвента 25 февраля 1795 г.	Ч. 1, гл. 26: «Кругом — одни лютые враги. И какой же адский труд, это

⁸ [Там же].

⁹ [Стендаль, 1933а, с. 330].

Этапы жизни, обстоятельства	
по плану, разработанному французским философом Дестютом де Траси. Позже он писал: «Начались пленительные годы моего обучения, но в товарищах я нашел эгоистичных буржуа» ¹⁰ .	ежеминутное лицемерие! Да оно затмит все подвиги Геркулеса! <...> Значит, знания здесь и в грош не ставятся? — говорил он себе с досадой. — Успехи в догматике, в священной истории и прочее поощряются только для виду? <...> Ведь как раз тем, что я всегда выхожу на первое место, я и нажил себе лютых врагов».
Опыт дуэли: Бейль вызывает ученика, прозванного «Голиафом», из-за эпиграммы. Соперники уже зарядили пистолеты и направились к назначенному месту, но нашлись доносчики, которые предупредили школьную администрацию ¹¹ .	Ч. 2, гл. 6: Дуэль с шевалье, оскорбившем его в кафе. Жюльен был ранен в руку, дуэль для него обернулась не очень большим уколom, однако честь свою он отстоял.
Вскоре после знакомства с Байроном Бейль отправляется в Англию. Даже биографы не сообщают о том, где он бы, как проводил время и с кем виделся. Однако то, что он уезжал в Лондон — факт ¹² .	Ч. 2, гл. 7: Однажды маркиз обратился к юноше: «Поезжайте, поживите месяца два в Лондоне <...>». Стоит отметить, что поездка Жюльена уместается в рамках одной главы.
В апреле 1824 г. Бейль возвращается во Францию из Италии. По дороге в Париж он случайно знакомится с графиней Кюриаль и ее мужем. У него завязался роман с графиней, муж которой так ревнив, что Бейлю приходится жить в подвале, куда госпожа Кюриаль приносит ему еду, когда супруг уходил на прогулку или на охоту ¹³ .	Эпизод, как женщина приносит тайком еду своему любовнику, нашел отражение в романе. Ч. 1, гл. 30: «Но вместо того, чтобы бежать, Жюльен, совершенно опьяневший от страсти, стал просить г-жу де Реналь позволить ему провести весь день, спрятавшись в ее комнате, и уйти только завтра ночью. <...>

¹⁰ [Стендаль, 1933а, с. 139].

¹¹ [Виноградов, 1960, с. 40].

¹² [Стендаль, 1933а, с. 330].

¹³ [Там же, с. 20].

Этапы жизни, обстоятельства	
	Наконец наступил вечер. Г-н де Реналь отправился в Казино. Жена его заявила, что у нее ужаснейшая мигрень, и ушла к себе; она поторопилась отослать Элизу и, едва та ушла, тотчас же вскочила, чтобы выпустить Жюльена. Оказалось, что он в самом деле умирает от голода. Г-жа де Реналь отправилась в буфетную за хлебом».

Итак, в произведении отразилось множество фактов из жизни автора. Однако роман «Красное и черное» не автобиографический роман. После него Стендаль пишет «Жизнь Анри Брюлара» — автобиографическое произведение. В «Красном и черном», как и в истории Антуана Берте, легшей в основу романа, много черт из жизни Стендаля. Его биография становится путеводной нитью, ресурсом, из которого он черпает факты, персонажей, события. То, чего недостает, он придумывает. Или специально подменяет реальные детали вымышленными.

«Газетные» корни романа

К 1830 г. «биографизм» Стендаля можно считать одним из главных свойств его писательского метода: им созданы и биографии художников, писателей, композиторов («Жизнеописание Гайдна, Моцарта, Метастазия», «История живописи в Италии»), и критические очерки, в которых тоже важны биографические детали предметов его описаний («Прогулки по Риму»). Но его дебютный роман «Красное и черное» особым образом устроен художественно и структурно. Известно, что в основу произведения легла реальная история, которая была опубликована в разделе хроник «La Gazette des tribunaux» в декабре 1827 г. Давно замечено сходство между Антуаном Берте и Жюльеном Сорелем¹⁴.

Я работал с первоисточником (Christine Klein «“Le rouge et le noir”: analyse critique») и перевел с французского языка ключевые выдержки из статьи об Антуане Берте:

¹⁴ [Klein, 1970, p. 21].

«Антуан Берте, 25 лет от роду, вышел из семьи бедных, но честных мастеровых; его отец — кузнец в деревне Бранг. Будучи хрупко сложенным и не очень хорошо приспособленным к тяжелой физической работе, Антуан с детства отличался незаурядными умственными способностями. Вдохновленный несколькими выдающимися личностями, юный Берте с детства грезил сменить свое скромное поприще на солидную должность в церковной службе.

Деревенский кюре принял Антуана, как родного сына, обучил его азам науки. Вняв настойчивым просьбам кюре, месье Мишу доверил юному Берте образование своих детей, благодаря чему молодой человек смог зарабатывать на жизнь. Мадам Мишу, любимая супруга, женщина 36 лет с безупречной репутацией, могла ли она понимать, чем обернется невинное проповедование добрых идей привлекательно-му двадцатилетнему юноше? Так или иначе, по истечении годичного срока Антуан Берте был выставлен из дома Мишу.

В 1825 году Антуану удастся поступить в Большую семинарию Гренобля. Там он показывает себя исключительно талантливым учеником, с великолепной памятью и прекрасным знанием латинских и греческих поэтов. Судя по оговоркам в протоколе, виною того, что уже через месяц Берте был выгнан оттуда без малейшей надежды на возвращение, послужила неблагоприятная политическая характеристика юноши.

Вскоре ему удалось обосноваться у де Кордона и работать репетитором. Антуан перестал думать о своих планах, связанных с церковным поприщем. Тем не менее спустя год его уволил и де Кордон, по достоверно неизвестным причинам, однако, по-видимому, связанным с очередной интригой, — речь шла о каких-то перехваченных письмах, написанных Антуану дочерью де Кордона.

Итак, наш герой вновь собрал свои силы, чтобы попробовать подняться по карьерной лестнице и вернуться в церковную сферу. Он тщетно ходатайствовал о принятии в семинарии Беллея, Лиона и Гренобля; ему было везде отказано, и он, в конце концов, отчаялся.

<...> В прошлом июне Берте был введен в дом Тролле. 15 июля он вернулся в Лион, чтобы купить два пистолета; оттуда он написал новое письмо мадам Мишу, полное угроз. После того как он вернулся в Морестель, его часто видели упражняющимся в тире.

В воскресенье 22 июля Берте зарядил оба пистолета и отправился в Бранг. Во время мессы он появился в церкви и разместился в трех шагах от скамьи мадам Мишу. Вскоре он увидел, как она входит в церковь, сопровождаемая двумя детьми, у одного из которых он был учителем. Там он неподвижно дожидался момента, когда священник раздал причастие. В своем выступлении прокурор сказал: «Ни уваже-

ние к своей благодетельнице, ни святость места, ни одна из самых сокровенных тайн религии, — ничто не смогло тронуть эту душу, преданную гению разрушения”. С глазами, прикованными к своей жертве, чуждый священной атмосфере, которая его окружала, с адским терпением он выждал мгновения, когда смог нанести верный удар. Мгновение пришло, и тогда, когда души всех стоящих вокруг были обращены к Богу, тогда, когда беззащитная мадам Мишу, в своих молитвах, возможно, упоминала имя и этого неблагодарного, для которого она стала самым ненавистным врагом, два выстрела с коротким интервалом прогремели в воздухе. Испуганные посетители видели, как практически одновременно упали и Берте, и Мишу; она, словно в ожидании повторного преступления, закрыла телом своих маленьких детей. Кровь убийцы и его жертвы, смешавшись, хлынула на ступени святыни».

Таким образом, восстанавливается не просто последовательность событий, но и их причинно-следственная связь, потому что это перевод материалов дела, заведенного на Антуана Берте.

Помимо того что сюжет «Красного и черного» практически полностью повторяет историю Антуана Берте, Стендаль придал своему персонажу чрезвычайно схожую с Берте внешность:

О Жюльене: «Это был невысокий юноша лет восемнадцати или девятнадцати, довольно хрупкий на вид, с неправильными, но тонкими чертами лица и точеным, с горбинкой носом. <...> С самых ранних лет его необыкновенно задумчивый вид и чрезвычайная бледность наводили отца на мысль, что сын его не жилец на белом свете, а если и выживет, то будет только обузой для семьи. Все домашние презирали его, и он ненавидел своих братьев и отца; в воскресных играх на городской площади он неизменно оказывался в числе побитых».

Таким образом, мы можем сопоставить систему персонажей с реальными прототипами:

Жюльен Сорель — Антуан Берте

Г-жа де Реналь — мадам Мишу

Маркиза де Ла Моль — мадемуазель де Кардон

Элиза — служанка, выдавшая любовную тайну госпожи Мишу

Также следует сделать комментарий относительно пространства: Стендаль переносит действие из Дофине во Франш-Конте, придумывает городок Веррьер, а епископ, судебный трибунал и прочие представители власти населяют небольшой Безансон.

Стендаль очень аккуратно и последовательно шифрует реальные имена и названия. Практически все они выдуманы писателем;

их прототипы найти нетрудно. Однако такой подход позволяет Стендалю погрузить читателя в мир книги, «вырвать» его из реальной жизни.

Заключение

Роман Стендаля изображает, как писатель лично воспринял историческое событие. Мой анализ показал, что в «Красном и черном» отражены многие биографические факты; в то же время в сюжет произведения легла реальная история. Реальные места, имена, названия в большинстве своем заменены автором, что позволило ему создать художественный текст.

Источники

Альшиуллер М. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986.

Бельский А.А. Английский роман 1800–1810-х годов. Пермь: Изд-во ПГУ, 1968. С. 136–138.

Виноградов А. Стендаль и его время. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1960.

Долинин А.А. Вальтер-скоттовский историзм в «Капитанской дочке» // Тыняновский сборник. Десятые — Одиннадцатые — Двенадцатые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2006.

Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988.

Ладыгин М.Б. К вопросу о типологии русского романтического исторического романа // Типологические соответствия и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе / отв. ред. М.В. Воропанова. Красноярск, 1980. С. 3–23.

Ламартин А. История жирондистов. СПб.: Экспедиционно-комиссионное дело, 1911.

Левкович Я.Л. Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Пушкин. Исследования

и материалы. Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени / отв. ред. Б.С. Мейлах. Л.: Наука, 1969.

Ленобль Г.М. История и литература: сб. ст. М.: Сов. писатель, 1960.

Жирмунский В.М. Проблемы сравнительного изучения литературы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIX. Вып. 3. М., 1960. С. 177–186.

Ленотр Ж. Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 335.

Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М.: РОССПЭН, 2005. С. 429.

Лукач Д. Исторический роман // Литературный критик. 1937. № 7, 9, 12; 1938. № 3, 7, 8, 12.

Малкина В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: На материале русской литературы XIX — начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Матъез А. Французская революция: в 3 т. Т. 2 / пер. с франц. К. Цидербаума, С. Лосева. Ростов н/Д: Феникс, 2005. С. 576.

Мишле Ж. Кордельеры и Дантон. Л.: Всемирная литература, 1926. С. 28.

Мягкова Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII–XVIII веках. М.: Academia, 2006. С. 292.

Немзер А.С. Вальтер-скоттовский историзм, его русские изводы и «Князь Серебряный». М.: Время, 2008. С. 345–373.

Петров С.М. Русский исторический роман XIX века. М.: Худож. лит., 1964; 1984.

Пинский Л.Е. Исторический роман В. Скотта // Пинский Л.Е. Магистральный сюжет. М.: Сов. писатель, 1989. С. 297–320.

Раннику К. Об одной вальтер-скоттовской цитате у Пушкина // Русская филология. 12: сб. науч. работ молодых филологов / отв. ред. Т. Фрайман, О. Паликова. Тарту, 2001. С. 60–64.

Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х годов XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34.

Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. М.; Л.: Худож. лит., 1965.

Реизов Б.Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: ГИХЛ, 1958.

Самарин А. «Под каким присмотром и цензурою печатание книг происходит»: типографское дело и цензура в России эпохи Просвещения (А.Р. рецензия на кн. «Сорочан А.Ю. «Квазиисторический» роман в русской литературе XIX века: Д.Л. Мордовцев. Тверь: Марина, 2007). <<http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/sa34.html>>

Скабичевский А.М. Наш исторический роман // Северный вестник. 1886. № 1.

Скабичевский А.М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А.М. Соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1895.

Сорочан А.Ю. «Квазиисторический» роман в русской литературе XIX века: Д.Л. Мордовцев. Тверь: Марина, 2007.

Стендаль. Анри Брюлар // Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Л.: Худож. лит., 1933а.

Стендаль. Биографические записки Анри Бейля о самом себе // Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Л.: Худож. лит., 1933б.

Стендаль. Красное и черное. М.: Терра-Книжный клуб, 2004.

Тиханов Г. Бахтин, Лукач и немецкий романтизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3.

Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978. С. 249.

Фризман Л.Г., Черный И.В. Проблематика русского исторического романа 1830–1840-х годов // Филологические науки. 1987. № 3. С. 23–28.

Шкловский В.Б. Георг Лукач — книга «Исторический роман» // РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 126.

Шкловский В.Б. Об историческом романе и о Юрии Тынянове // Звезда. 1933. № 4.

Klein Ch. Le rouge et le noire: analyse critique. Paris: Hatier, 1970.

Maigron L. Le roman historique a l'époque romantique. Paris: Hachette, 1898.

Maigron L. Le roman historique. Paris: Ghampion, 1912.

© Лукашкин А.С., 2014

Н.С. Сидорова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
М.Б. Велижев

РАССКАЗ А.И. КУПРИНА «ИЗУМРУД»: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

Введение

Наша статья посвящена литературной семантике такого важного явления русской жизни XIX в., как увлечение лошадьми в дворянской среде. В особенности же нас будет интересовать феномен рысистых бегов как объект литературного описания. В качестве основного текста для анализа мы выбрали рассказ А.И. Куприна «Изумруд» (1907). Обманчиво простой сюжет повествования остается неясным вне интерпретации исторического контекста и специфического словесного материала. Однако эта очевидная энигматичность традиционно упускается из виду: Куприн, в особенности те его произведения, что принято относить к детской и (или) анималистической литературе, изучен плохо и еще хуже прокомментирован. Между тем, учитывая во многом «журналистский» склад писательской манеры Куприна, естественно ожидать в его сочинениях некоторых реакций на важные точки общественного и литературного интереса. Таковые обнаруживаются и в одном из известнейших его текстов — «Изумруде»: анализируя его, мы будем преследовать две цели. Во-первых, для уяснения смысла событий, происходящих в рассказе, необходим историко-культурный комментарий к ситуации рысистых испытаний на рубеже XIX и XX вв. Во-вторых, требует обсуждения и литературная составляющая сюжета: анализ мотивов, связанных с бегами, расширение контекста за счет привлечения научной и русской литературной традиций в изображении лошадей и их «внутреннего мира».

Изначальный анализ сюжета выявляет его простоту: основная фигура повествования — четырехлетний рысак по кличке Изумруд — просыпается утром накануне забега. Глазами лошади описан антураж столичного ипподрома и бегов в целом; важно, что слово «описание» здесь ключевое — рассказ беден событийно, но

насыщен именно пейзажами и портретами. За чисткой и запряжкой Изумруда следует сцена забега — короткая и увенчанная безоговорочной победой жеребца, которая — вопреки читательскому ожиданию — становится причиной скандала и смерти рысака. Абсолютно нелогичный финал является корнем затруднительной интерпретации текста, опровергая наш изначальный тезис о простоте его сюжета. Сложность эта, впрочем, преодолима — через привлечение историко-бытового фона и контекста.

Исторический контекст

Временные рамки периода, охватывающего актуальные для рассказа события, — 1880–1910-е годы.

Явлением, определившим характер развития русского рысистого спорта в этот период, стала американизация бегов. Суть процесса, помимо прочего, заключалась в импорте американских рысakov, которые, уступая орловским по всем эстетическим параметрам (будь то экстерьер или красота хода), имели значительное преимущество в скорости.

Поскольку коннозаводство держалось исключительно на частной инициативе, естественным желанием большинства владельцев спортивных орловских рысakov в сложившихся обстоятельствах стало получение быстрой «скороспелой» лошади — новой породы, на создание которой не требовалось бы много денег и времени. Так появились полукровки — продукт скрещивания орловских и американских рысakov.

Бессистемная метизация вскоре стала угрозой для существования орловской лошади — большая часть лучших кобыл ушли в скрещивание и были потеряны для породы [Шапшал, 1936, с. 12].

Одним из средств, предпринятых для ее возрождения, стал ряд «реформ» на российских ипподромах, одна из которых имеет ключевое значение для интерпретации текста «Изумруда». Заезды теперь были двух типов: открытые (в них имели право участвовать лошади трех пород — орловской, стандартбредной и полукровки) и, соответственно, закрытые (доступные только для орловских рысakov). Важно при этом, что если лошадь орловской породы побеждала в открытом забеге, призовая сумма возрастала.

Обращаясь к тексту рассказа, мы очевидным образом можем заключить: Изумруд участвует в открытом забеге. На кругу ипподрома рядом с ним представители по крайней мере двух пород —

метисы и орловские рысаки («Серый, в темных яблоках, рослый беломордый рысак, *чистой Орловской породы*, с крутой собранной шеей и с хвостом трубой, похожий на ярмарочного коня, перегнал Изумруда» [Куприн, 1912, с. 14]; «Потом подошла сзади стройная, длиннотелая гнедая *кобыла-метиска*, с жидкой темной гривой» [Там же] (курсив наш. — Н.С.)).

На этом этапе анализа возникает закономерный вопрос: какой породы сам Изумруд? Напрямую в повествовании она не названа; очередное обращение к историческому контексту подтвердит, что упущение это — не просто намеренное, но ключевое для текста.

Тотализатор к концу XIX в. уже обрел свою силу, бега перестали быть только «испытанием породы»: коннозаводчики *зарабатывали* на скорости своих лошадей. Желание получить максимум (а в сложившихся обстоятельствах максимумом были призы для орловских лошадей в открытых забегах) без риска проигрыша привело к участвующимся случаям мошенничества. Владельцы метисов и американских рысаков выдавали своих лошадей за орловских, ставили их на круг в открытых забегах и, ожидаемо побеждая, получали огромные деньги еще до того, как афера раскрывалась.

Среди прочих фиктивных рысаков на московском ипподроме появляется жеребец по кличке Рассвет, которого владелец позиционирует как орловского. Однако техника бега и экстерьер выдают в лошади американского рысака. Правда выходит на поверхность, история получает необыкновенно широкую огласку, и Рассвет, ставший теперь для владельца источником проблем, погибает, отравленный во время утренней кормежки [Телешов, 1980, с. 39].

История эта произошла в 1904 г.; через три года свет увидел рассказ Куприна, дублирующий историю Рассвета и в каком-то смысле обобщающий похожие на нее ситуации, которых на тот момент было немало. Возвращаясь к тексту, важно отметить, что исторический фон, помимо прочего, объясняет столь странный для современного читателя финал рассказа: он выявляет причины, побудившие людей отравить призовую, очевидно способную приходить первой лошадь. При этом принципиальный вопрос о породе Изумруда остается открытым.

Существует ряд характерных примет, комплексные сочетания которых являются маркером той или иной породы. Среди таких черт — экстерьер, масть, особенности движений, наконец, характер лошади. Несмотря на то что описание Изумруда в рассказе исчерпывающее, необходимой конкретики в нем нет. «Портрета», дан-

ного Куприным, достаточно, чтобы представить рысака, но мало, чтобы определить его породу.

Для доказательства этого тезиса достаточно обратиться к описанию масти: «Четырехлетний жеребец Изумруд — рослая беговая лошадь *американского склада, серой, ровной, серебристо-стальной масти*» [Куприн, 1912, с. 3] (курсив наш. — Н.С.). Единственное, что очевидно — масть одноцветная, что, в свою очередь, характерно как для орловских, так и для американских рысаков. Разница в оттенках: если среди первых распространены светлые животные, то среди вторых чаще встречаются темные. Семантика же эпитетов «серый» и «серебристо-стальной» слишком размыта, настолько, что невозможно точно определить, светлая лошадь или темная.

Отметим также, что в описании Изумруда периодически возникает прилагательное «американский» — идет ли речь о внешности жеребца или его ходе (об Изумруде: «Это была настоящая *американская выездка*» [Там же, с. 13]; о кобыле-метиске: «Она была прекрасно выработана по *той же американской системе, как и Изумруд*» [Там же, с. 14] (курсив наш. — Н.С.)). Однако даже из такого предельно конкретного определения Куприн делает косвенное: Изумруд «американского склада», но не породы; рысак *выезжен* по американской системе — применявшейся к орловским лошадям наравне с американскими (одно из следствий американизации бегов в России) [Шапшал, 1936, с. 13].

Отсюда напрашивается вывод, что Куприн намеренно обезличивает описанную в тексте лошадь. В этом, как нам представляется, — ключ к определению рассказа как нравственной притчи. Куприн вступает в своеобразную полемику с установившимися на ипподромах законами: *породу* лошади, ее способность приносить деньги он отстраняет на периферию текста, выводя в центр апологию природной красоты и силы, воплощение которых — Изумруд.

Этот прием выводит нас на еще одну грань проблематики рассказа — положение лошади (и животного вообще) в реальном и художественном пространствах.

Литературная традиция

Говоря о литературных подтекстах, нельзя не упомянуть очевидную отсылку к повести Л.Н. Толстого «Холстомер» (1886), указанную самим Куприным в эпиграфе. Впрочем, отсылку эту можно интерпретировать не столько как «подражание», сколько как полемику. В ключевых позициях Куприн отходит от толстовской схемы.

Во-первых, специфика повествовательной структуры «Изумруда» в том, что лошадь фиксирует, но не комментирует происходящее, в то время как толстовский мерин порой пускается в философские рассуждения. При этом для Толстого наиболее важны именно эти рассуждения, в них — суть текста. Наглядная иллюстрация такого различия — восприятие лошадьми людей.

Изумруд не идет дальше сравнения человека с лошастью (к примеру, в описании англичанина: «Вот тот, высокий, худой, сгорбленный, у которого битое лицо и золотые очки — о, это совсем другое дело <...>. Он весь точно какая-то необыкновенная лошадь — мудрая, сильная и бесстрашная» [Куприн, 1912, с. 6]). Холстомер же дает оценки.

Отсюда — второе расхождение. В композиции и сюжете «Изумруда» центральное место занимает лошадь как таковая, а Толстому важно «остранить» человеческие поступки через «психологию» Холстомера, для него лошадь — литературный инструмент, призма, способная преломить реальность.

Таким образом, оглядка на литературную традицию — не приоритет для Куприна. Это подтверждает и сравнительный анализ анималистики А.П. Чехова и «Изумруда»: несмотря на схожую формальную сторону, в чеховском рассказе «Белолобый» (1895) сознание животного изображается значительно проще, чем у Куприна.

В ряду общих черт — особенности нарратива: повествование в обоих текстах ведется от третьего лица; животные «очеловечиваются», но не столь последовательно, как у Толстого. Волчица, как и позже Изумруд, опирается на память; она *мыслит*, но *не говорит*, при этом мысль ее по-животному примитивна. Тем не менее Чехов не ставит перед собой задачи описать когнитивные способности волчицы с позиции, хоть сколько-нибудь приближенной к научной; художественный элемент в его тексте не просто преобладает, но остается единственным — в этом его основное отличие от «Изумруда», при рассмотрении которого необходимо учитывать еще одну традицию.

Научная традиция

Гипотеза о том, что Куприн опирался на современную ему научную традицию, выглядит тем обоснованней, что рубеж XIX—XX вв. был ознаменован не только прорывами в компаративной и зоопсихологии вообще, но и появлением довольно громких теорий

относительно сознания лошади в частности. Животные в купринской анималистике наделяются человеческими чертами — в первую очередь характером и интеллектом. Именно такой взгляд постулировался в компаративной психологии и подвергался критике со стороны оппонентов.

Так, Вильгельм фон Остен [Юцлер-Киндерман, 2011, с. 30–38], первым предположил и попытался доказать на практике существование у лошади не просто разума, но интеллекта, основываясь на опытах, проводимых им в 90-х годах XIX в. Теория его, однако, рухнула после вышедшего в 1904 г. опровержения. Впрочем, последователи у фон Остена все же были: дело его продолжил Карл Кралль, чей труд «Мыслящие животные» (по-немецки вышел в 1912 г., в русском переводе появился в 1913 г.) стал одним из основных для становления компаративной психологии как дисциплины.

Этот научный сюжет не находит, конечно, прямого отражения в рассказе Куприна, однако тот факт, что первая попытка доказать наличие у лошади интеллекта по времени практически совпала с появлением «Изумруда», не может остаться неупомянутым.

Второй небезынтересный для интерпретации купринского текста момент — появление в России Джеймса Филлиса, английского мастера *Haute Ecole*, и его книги «Основы выездки и езды» (по-английски вышла в 1900 г., по-русски — в 1901 г.).

«Вопреки расхожему мнению, умственные способности лошади очень ограничены, а одарена она главным образом памятью»; «Привязанность лошадь не чувствует, ей свойственна только привычка»; «Лошадь совершенно равнодушна к тому, кто за ней ходит и кто на ней ездит» [Филлис, 2001, с. 52] — таковы основные вехи позиции Филлиса относительно интеллекта лошади.

Нам неизвестно мнение Куприна относительно концепций фон Остена или Филлиса, однако тексты его во многом созвучны воззрениям первого и полемичны по отношению к идеям второго. Отсюда напрашивается вывод, что Куприн имел собственный взгляд на вопрос «психологии» животных: фактически каждый его анималистический текст — манифест интеллектуальной природы животного сознания. И «Изумруд» в этом плане — особенно яркий пример.

Заключение

Итак, комментарий к историческим реалиям позволяет восстановить смысл фабулы рассказа «Изумруд», осветить некоторые «темные» места произведения, определить многослойность его структуры.

Являясь художественным текстом, «Изумруд» отклоняется от литературного полюса, тяготея к полюсу противоположному: текст соотносится с научной традицией, частью тоже полемично.

Несмотря на то что лошадь у Куприна приближена к человеку, грань между животным и человеческим мирами не стирается, напротив, становится резче: последний показан как разрушительный и абсурдный, губящий истинную природную красоту.

Подтверждением этого тезиса может служить прием, которым Куприн вводит в текст людей, убивших Изумруда. Их двое — хозяин («высокий человек в длинном пальто и новой блестящей шляпе, которого Изумруд часто видит у себя в конюшне, треплет его по шее и сует ему на ладони в рот кусок сахара» [Куприн, 1912, с. 20] и «...большоголовый, заспанный человек с маленькими черными глазками и тоненькими черными усами на жирном лице» [Там же, с. 22]). Помимо того, что описание лишено всякого положительно-го тона, именно эти двое в сознании Изумруда никак не соотносятся с лошадьми.

Таким образом, происходит, во-первых, их полное отсечение от природного мира и, во-вторых, введение в текст полемической пары «природа» vs «человек», которая является ключевой для многих купринских текстов, не только анималистических. Конфликт этот находит свое разрешение и в «Изумруде»: лошадь, воплощение природы, загублена не столько человеком, сколько созданной им *культурой* — бессмысленной машиной, которая перемалывает все, что ни попадает в ее жернова.

Подводя итог сказанному выше, выскажем предположение о жанровой принадлежности купринского текста. Судя по всему, «Изумруд» пример комбинаторного феномена: сочетая в себе элементы документального очерка и нравственной притчи, он в то же время является и вполне состоятельной научной теорией, облеченной в форму художественного текста.

Библиография

Источники

Американские рысаки и лошади Северной Америки. М., 1890.

Куприн А.И. Изумруд // Полн. собр. соч. А.И. Куприна: в 9 т. Т. 4. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1912.

Толстой Л.Н. Холстомер // Толстой Л.Н. Воскресение. Повести. Рассказы. М.: Худож. лит., 1976.

Краль К. Мыслящая животная. СПб.: ИКЦ, НИК, 2007.

Лопатин Н. Металл, жупел, тотализатор: Кошмары московских купчих. М., 1908.

Тотализатор в России. СПб, 1909.

Филлис Дж. Основы выездки и езды. М.: Центрополиграф, 2001.

Шереметьев Г.П. Тотализатор и закон. М., 1903.

Литература

Афанасьев В. Куприн. М.: Худож. лит., 1972.

Афанасьев С.В. Орловский рысак: К двухсотлетию породы. Пермь: Книжный мир, 2010.

Витт В.О. История коннозаводства. М.: Центрполиграф, 2003.

Волков А. Творчество А. И. Куприна. М.: Худож. лит., 1981.

Воровский В. Из истории новейшего романа (Горький, Куприн, Андреев) // Воровский В. Статьи о русской литературе. М.: Худож. лит., 1986.

Дьякова Е.А. Александр Куприн // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2000.

Киселев Б. Рассказы о Куприне. М.: Сов. писатель, 1964.

Колтоновская Е.А. Куприн как выразитель эпохи // Образование. 1907. № 4. Апрель.

Кулешов Ф.И. Творческий путь А.И. Куприна: 1907—1938. Минск: Университетское, 1987.

Куприна К.А. Куприн — мой отец. М.: Худож. лит., 1979.

Невзоров А.Г. Лошадиная энциклопедия мастера Haute École Александра Невзорова. М.: АСТ, 2010.

Телешов Н.Д. «Среда». Литературный кружок // Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Моск. рабочий, 1980.

Шапшал М.М. Лошадь столетия. М.: НКЗем РСФСР, 1936.

Шкловский В.О. Искусство как прием // Шкловский В.О. О теории прозы. М.: Круг, 1925.

Юцлер-Киндерман Х. Могут ли животные думать? Книга о разуме и нраве животных. М.: Райхль, 2011.

Vamplew W.A. The Turf: A Social and Economic History of Horse Racing. L.: Allen Lane, 1976.

© Сидорова Н.С., 2014

К.П. Глазков

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
И.В. Павлюткин

ФЕНОМЕН ТОРГОВЛИ С РУК НА РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ: ПРОСТРАНСТВЕН- НЫЙ АСПЕКТ¹

Введение

В работе рассматривается конкретный кейс, касающийся рыночной площади у метро «Выхино». Данное место представляет собой перегруженный транспортный узел, ситуацию также усугубляет одноименный рынок, который привлекает дополнительные потоки людей. Обозначенные обстоятельства являются факторами нелегальной торговли с рук, которая издавна активно ведется здесь. Положение торговцев на площади, на первый взгляд, крайне шаткое: их постоянно притесняет полиция, преобладает негативное отношение к их деятельности со стороны прохожих и жителей района. («Но зачем превращать крупный пересадочный узел в сплошной торговый муравейник?» [Выхинский узел, 2008].)

Тема и постановка проблемы

Взаимоотношения торговцев на рыночной площади с сотрудниками полиции можно представить в виде борьбы за простран-

¹ Текст статьи посвящен феномену уличной торговли с рук на рыночной площади в районе станции метро «Выхино». Сбор данных проводился с помощью интервью с торговцами и включенного наблюдения на рыночной площади в периоды сентябрь—ноябрь 2011 г. и февраль—апрель 2012 г. По результатам исследования были построены количественные и содержательные «портреты» рыночной площади в разное время суток, а также выявлены и описаны некоторые парадоксы, по причине которых именно таким образом и реализуется торговля в данном пространстве. Работа может быть интересна для исследователей в области описания пространственных проявлений социальных процессов с помощью количественных наблюдений.

ство, а именно за возможность торговать на определенном клочке земли. Первые попытки наблюдения за ситуацией подсказывают, что давление со стороны полиции не приводит к уходу с «рынка», а только лишь принуждает торговцев скрывать факт своей торговой деятельности за счет перемещений или жестов. Таким образом, «запрещенная» торговля не является недопустимой, напротив, она сильно интегрирована в контекст отношений, выраженных в пространственных практиках. Наблюдается противоречие между официально декларируемыми запретами со стороны властей и реальным нормативным порядком.

Так, можно поставить следующий исследовательский вопрос: как возможна (функционирует) нелегальная торговля с рук на рыночной площади у метро «Выхино»? Или другими словами: каким образом торговцам с рук удастся не покидать торговое пространство рыночной площади в ходе столкновений с полицией и другими силовыми агентами?

Разработанность темы

Тема исследования находится на стыке трех отраслей социологии: уличной экономики, социологии власти и социологии пространства.

В качестве базы для определения объекта исследования затрагивались работы Э. де Сото [2008] и И. Ивлевой [2001]. Де Сото представляется интересным с точки зрения описания практик «захвата улиц», становления неформальной карьеры уличного торговца, в то время как Ивлева рассматривает специфику рыночной торговли на постсоветском пространстве и вопросы статусного положения торговцев среди коллег.

Так как тема напрямую образом затрагивает складывающиеся отношения между силовыми агентами и торговцами, вначале мы обращались к метафоретическим текстам по социологии власти, таким как работа А. Филиппова [2008]. В настоящей работе делается акцент на природу распространения власти, ее делегирование с верхних уровней и буквальную реализацию в низах. Для того чтобы заземлить такие построения, использовались тексты эмпирических исследований полиции [Гладарев, Цинман, 2010; Ходжаева, 2011]. Из них мы старались почерпнуть методологическую специфику изучения полиции и ее практик обращения с обычными гражданами.

Наиболее интересной особенностью нашей работы представляется уклон в пользу описания взаимодействия пользователей рыночной площадью с точки зрения пространственной игры. Для начала мы обратились к текстам Филиппова, в которых закладывается первоначальная теоретическая рамка и методологическая база по изучению пространства [Филиппов, 2009]. Использовались также тексты, которые обладают абсолютно прорывным характером с точки зрения технических возможностей изучения использования публичных пространств. Исследовательский коллектив лаборатории Senseable City Lab Массачусетского университета [Yoshimura et al., 2012] занимается проблемой применимости данных, исходящих от Bluetooth- и GPS-устройств, для анализа социальных явлений. В частности, изучаются траектории перемещения, механизмы построения маршрутов — что очень импонирует нашему исследованию.

Исследования Филиппова публичных мест затрагивают вопросы общей методологии, наполнены содержательными интерпретациями, которые кажутся несколько «подвешенными» в силу отсутствия количественных данных (фотографии решают лишь иллюстративную задачу).

...Манежная бывает заполнена куда более плотно, чем это приходилось наблюдать нам. Однако в общем и целом она в той части, которая расположена над «Охотным рядом», выглядит чаще мало заполненной [Филиппов, 2009б].

У американского коллектива исследователей все обстоит точно наоборот. Используя современнейшие средства сбора и обработки данных и получая количественную картину происходящего, они дают интерпретации сложившихся маршрутов перемещений на непереработанном уровне.

Clarifying visitors' most used trajectory and their nodes transition rates helps to uncover hidden rules behind the seemingly disordered dataset. The data correspond to the route starting by 0-8, which is used by 60,6% of the visitors (7721 devices). Within the people who took this route, 71,1% moved to node 3 (0-8-3)... [Yoshimura et al., 2012].

Тем самым мы предполагаем, что приращение знаний по нашей теме заключается не в техническом аспекте (в отличие от передовых методов сбора данных в MIT, мы используем обычное наблюдение), но в содержательном, а именно в разработке концептуальной и метафорической рамки описания пространственного использования рыночной площади.

Определение ключевых понятий

Нам интересно рассмотреть формально недопустимые отношения между торговцами и представителями власти (полицейскими, сотрудниками метрополитена, охранниками с рынка), которые *наглядным* образом выражены в борьбе за пространство. Такая постановка проблемы требует разъяснения, что здесь понимается под пространством. В нашем случае *пространство* носит скорее не физический смысл, так как метрические характеристики не представляются эффективными в ходе объяснения процессов «обретения места» и перемещения. Большее значение имеют «клочки земли», которые мы далее будем называть *сегментами*. Выделение сегментов осуществляется с помощью обнаружения участков, которые занимаются группой торговцев. Такая группа обладает пространственной общностью, выражающейся в том, что этот «клочок земли» используется ими, и в случае их вытеснения представителями власти с этого места используемые жесты и слова адресуются именно им и никому более. При этом зачастую границы сегментов пролегают по существенным физическим барьерам, как стены, ограждения, палатки, или по оживленным потокам людей. Само «вытеснение» можно рассматривать как *акт давления*, который выражен в вербальном или жестуальном воздействии со стороны представителей власти на торговцев определенного сегмента. Причем мы склонны признавать факт давления лишь в том случае, если, к примеру, полицейский находился в это время в зоне сегмента. Мы не отрицаем возможность удаленного воздействия, но на практике борьба за место осуществляется при непосредственном столкновении сторон.

Другой проблемой при построении абстрактной картины протекающих процессов является то, как понимать перемещение. Но перед этим необходимо задать точку. За *торговой точкой* скрывается сам торговец с его нехитро организованным «прилавком». Так вот, когда можно считать, что точка изменила свое положение? Содержательно перемещение нагружено смыслом необходимости покинуть имеющееся торговое место с целью обрести новое. Так как «бегство» связано с оказанным давлением, а давление характеризуется воздействием в рамках конкретного сегмента, то *перемещение* можно свести к буквальной смене одного сегмента на другой.

Методология

В качестве стратегии исследования использовался case-study с комбинированием методов интервьюирования и включенного наблюдения. В качестве инструментария использовались: гайд для торговцев с четырьмя тематическими блоками вопросов («взаимоотношения торговцев с полицией», «отношения среди торговцев», «практическая схема восприятия пространства площади», «связь рынка “Выхино” и рыночной площади») и протоколы наблюдения, основными разделами которого являются описание торговых точек, их перемещений по сегментам рыночной площади в определенное время.

Выборка осуществлялась по принципу максимальной вариации (торговцы с разными режимами работы, наблюдение и опрос прохожих в разное время суток, в праздничные и выходные дни) с целью выяснения значимости временной переменной во взаимодействии участников на площади.

Описание исследования

Количественная оценка взаимодействия торговцев и полиции.

Перед тем как приступать к анализу использования площади, было необходимо задать систему координат, а в нашем случае — поделить площадь на сегменты. Это осуществлялось на базе первичной рекогносцировки, а затем уточнялось в ходе количественных наблюдений. Деление на сегменты производилось в содержательном смысле за счет членения пространства на места с разными возможностями и качественными характеристиками. В результате это позволяло успешным образом описывать масштаб влияния силового агента, в случае если он попадал в конкретный сегмент, и описывать процесс перемещения торговцев. Результат сегментирования представлен на рис. 1.

В результате количественного наблюдения нами были получены четыре «портрета» рыночной площади в разные режимы ее использования участниками. Для облегчения восприятия данные представлены на четырех картинках (см. рис. 2–5).

Ниже также прилагается график, где, опуская положение в пространстве, отображены те же данные, но несколько подробнее (см. рис. 6). А именно: приводятся 1) среднее число торговцев на площади; 2) стандартные отклонения от средних-1; 3) среднее число прохожих в минуту; 4) вероятность присутствия силовых агентов.

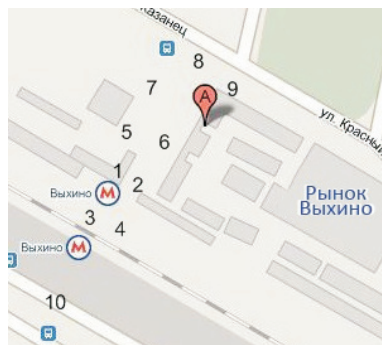

Рис. 1. Схема сегментирования рыночной площади

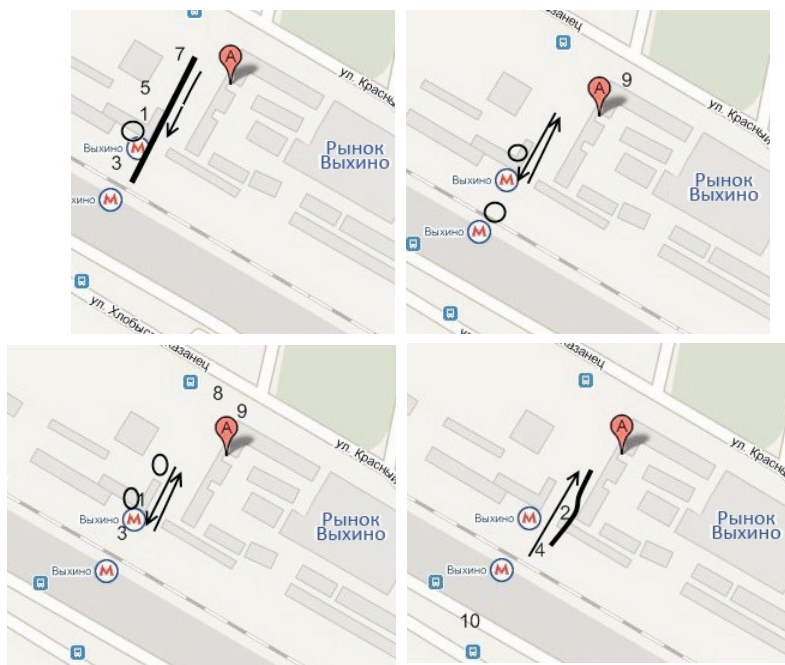

Рис. 2–5. Режимы пользования рыночной площадью

Примечание. Жирная полоса — интенсивный торговый ряд; стрелки — направление потока прохожих; круг — часто встречающееся положение силового агента; номер сегмента — торговые места.

Рис. 6. Режимы пользования рыночной площадью

На базе данных можно сделать следующие заключения, касающиеся *наглядных* процессов взаимодействия участников на рыночной площади в зависимости от времени суток.

Утро	Полиция не мешает торговать, торговый ряд выстраивается вдоль потока прохожих <i>к</i> метро
День	Потоки прохожих выравниваются. Полиция играет с торговцами в догонялки
Вечер	Большие потоки в обе стороны с некоторой разницей. Торговля «мертва». Полиция очистила площадь
Поздний вечер	Полиция появляется очень редко и уже «не работает». Торговцы выстраиваются вдоль потока прохожих <i>из</i> метро

Таким образом, *утром* наблюдается противоречивая картина: с одной стороны, торговцы следуют логике «больше прохожих — больше покупателей», поэтому их, как и прохожих, очень много на рыночной площади, с другой стороны, силовых агентов в это время тоже немало, но они почему-то не мешают осуществлять торговую деятельность. *Днем* число торговцев падает, и вместе с тем растет степень мобильности их перемещения — происходящее можно описать метафорой «догонялок» между торговцами и полицией.

Вечером наблюдается удивительная картина: несмотря на то что через площадь курсируют большие потоки прохожих, торговцев нет, потому что силовые агенты вдруг почему-то начинают эффективно бороться с торговлей. *Поздним вечером* происходящее можно описать формулировкой «если бы не было полиции»: силовые агенты уже «не работают», а торговцы, следуя логике «больше прохожих — больше покупателей», ведут себя уверенно и свободно, будто на легальном рынке.

На базе описанных «портретов» можно строить гипотезы о причинах такого характера использования площади. Ниже предложены наши гипотезы для каждого времени суток².

Утро	Торговцы и силовые агенты в этот период времени достигают договоренностей на предстоящий рабочий день (проплачиваются взятки)
День	В рамках договоренности торговцы и силовые агенты разыгрывают представление, будто торговля действительно запрещена на площади
Вечер	В это время на площадь приезжает высшее руководство силовых агентов и проверяет состояние подвластной территории. Полиция выслуживается и зачищает площадь
Поздний вечер	Наблюдается ситуация отсутствия силовых агентов, торговцам нет необходимости разыгрывать спектакли, они попросту занимаются торговлей

Что происходит в ситуации акта давления. Чтобы в какой-то степени продвинуться в прояснении вопроса, как возможна торговля с рук на площади, необходимо рассмотреть критический случай — акт давления на торговцев со стороны силовых агентов. На уровне оперантов нам надо проанализировать ситуацию на площади с точки зрения распределения торговцев по сегментам, когда хотя бы один из них вдруг становится занятым полицией (1 — присутствие / 0 — отсутствие).

² Необходимо отметить, что сформулированные гипотезы появились и были детализированы в ходе дальнейшего включенного наблюдения. Вначале нам удалось провести интервью с несколькими представителями рыночной площади, в том числе и с торговцем, который занимается сетевым маркетингом в компании Amway. Информант (далее И1) изначально был заинтересован в привлечении новых лиц, поэтому пошел на интервью. Впоследствии нам удалось зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей, а с помощью И1 появилась возможность находиться на рыночной площади под легендой того, что мы хотим развиваться в этом бизнесе.

Необходимо отметить, что такой анализ уместен лишь для дневного времени суток. Именно в это время разыгрывается пространственная игра «в догонялки», тогда как в остальное время она сведена на нет (утром и поздним вечером — свободная торговля, вечером — торговли нет). Количественно это выражается также в том, что отношение вариации признака к среднему днем является самым большим (7 к 7, 100%).

В рамках разделения исследовательской проблемы на составляющие можно выделить аспект, касающийся неоднородности отношений между торговцами и полицейскими. Такая неоднородность склонна выражаться, к примеру, в таких ситуациях: сотрудник полиции достиг территории сегмента и оказывает давление на всех торговцев, которые пользуются этим пространством. Одни торговцы покинули сегмент сразу, вторые начали упираться и оспаривать действия властей, третьи, несколько модифицировав торговую точку, остались в сегменте, что позволило им не искать нового места, а, дождавшись, когда полиция уйдет, продолжить торговлю на старом.

На деле мы видим схожую картину. В ситуации, когда полиция достигает сегмента, можно наблюдать продолжение из трех вариантов: «уход», «постоянство», «перемещение». «Уход» (15% всех случаев) характеризуется тем, что численность торговцев в сегменте и по площади в целом падает по сравнению с моментом до воздействия. Это не исключает возможности переключаться торговцам на другие публичные пространства, располагающие к торговле (благо их в округе предостаточно), тем не менее это в какой-то степени отражает то, что полиция «должным» образом (как это предполагается) справляется с проблемой нелегального «захвата улицы». «Постоянство» (10–20%) описывает противоположную ситуацию: полиция достигает определенного сегмента, но некоторые из торговцев остаются в пределах сегмента и частенько даже продолжают торговать в их присутствии. Это, напротив, дает больше оснований думать, что между двумя сторонами достигнуто некое соглашение о праве пользования пространством площади, которое позволяет торговле чувствовать себя на «Выхино» уверенно на протяжении уже длительно-го времени. Вариант «перемещения» может также расцениваться как опция для «выживания» торговли, так как в его рамках торговлю не истребляют, а лишь создают трудности в виде необходимости перемещаться по площади из сегмента в сегмент, не имея закрепленного за собой места. Последний вариант подразумевает две стадии последствий акта воздействия. На первой стадии происходит концен-

трация большинства торговцев (50–80%) в сегменте 1–2, а затем на второй стадии они рассредоточиваются по всей площади, занимая в том числе самые непопулярные сегменты, которые в обычное время пустуют. После чего ситуация нормализуется и возвращается к изначальному состоянию до момента следующего патрулирования.

Наша интерпретация механизма концентрации торговцев на первой стадии «перемещения» заключается в том, что сегменты 1–2 являются пограничными между зонами «юрисдикции» полиции обычной и полиции метрополитена. Уходя в «чужие» области, торговцы стремятся отвязаться от погони силовых агентов, что не всегда удается и требует дальнейшей мобильности.

Цикл полицейского патрулирования. Рассматривая варианты развития ситуации столкновения торговцев с полицией, мы уже упомянули некую цикличность, связанную с частотой появления силовых агентов на площади. Ниже обозначим выявленные закономерности по этому вопросу.

Утром и вечером полицейские практически постоянно присутствуют на площади и занимают сегменты 1 и 2, которые расположены у входа в переход к метро. Поздним вечером они появляются раз в час, проходя мимо торговцев и лишь изредка останавливаясь не по служебным делам. Днем наблюдается следующий цикл мобильности полицейских патрулей: 15–20 минут они находятся на опорном пункте рынка (вне площади), затем 10 минут — на площади. При этом можно выделить два варианта построения маршрутов полицейскими: они либо занимают сегменты 1 и 2 (самые популярные и желаемые среди торговцев), либо проходят по сегментам 5–8, которые расположены по центру площади на отдалении от метро и рынка. Если первый вариант походит на «должный» способ борьбы с торговлей (так как такие столкновения требуют от торговцев, как мы уже выяснили, хотя бы перемещений), то второй больше напоминает симулирующие прогулки, цель которых — создать у всех участников взаимодействия (в первую очередь рядовых граждан и возможных начальников) ощущение работы.

Перспективы исследования

Возможные варианты продолжения работы над этим или иными исследовательскими проектами в схожем ключе должны опираться на критику достигнутого. В данном тексте мы разделяем два направления: 1) интерпретативное и 2) методологическое.

Среди первых наиболее остро стоит общий вопрос о том, что такое пространство для социологических исследований. Может ли пространство стать равноправным предметом изучения в социальных науках, или его следует рассматривать как один из многих факторов, опосредующих социальные взаимодействия? Схожая проблема хорошо раскрыта в статье Б. Верлена [2011]. Отсюда следует загвоздка уже нашего исследования, которая отсылает скорее к методологии. В зависимости от представлений о пространстве исследователь волен сам решать, как его делить и в чем мерить. Один из первых проделанных шагов заключался в попытке отыскать естественное устройство рыночной площади, выраженное в выделенных сегментах. Исследовательский вопрос и желание постичь динамику перемещений торговцев направлял нас при выборе критерия для пространственного членения. При этом мы отдаем себе отчет, что выбранный критерий носит субъективный характер, а также в значительной мере искажает дальнейшее описание наблюдаемых процессов («Было перемещение или нет? Был акт воздействия или нет?»).

В рамках ответа на ключевой вопрос исследования «как возможна торговля» не проясненными остаются роли основных участников взаимодействия: торговцев и полиции. Про первых непонятно, кто они такие, какие мотивы привели их на рыночную площадь? Мир вторых совсем кажется туманным и расплывчатым: как рядовой полицейский понимает задачу борьбы против торговли с рук, что скрывается в его представлениях за «должным» и «эффективным»? Отсюда следует проблема пересечения их интересов, раскрывающаяся в достигнутых между сторонами договоренностях и соглашениях, детали которых все еще скрыты от нас («Почему встречаются столь разные виды отношений между торговцами и полицейскими? Входит ли в соглашение необходимость перемещения для торговцев, или оно ограничивается только временем и местом пользования рыночной площадью?»).

Чтобы в результате изучения неформальных процессов не получить очевиднейший вывод — «во всем виновата коррупция», необходимо и в дальнейшем делать акцент на описании скрытых механизмов, поддерживающих наблюдаемые формы взаимодействия, и на их последствиях для окружающего контекста городской среды.

Заключение

В рамках исследования феномена торговли с рук на рыночной площади непрерывно затрагивается тема наблюдаемого по-

рядка взаимодействия между участниками. При более детальном рассмотрении нащупываются логичные связи и закономерности, которые опираются на интересы участников и позволяют стабильно существовать такому явлению. Одним из ключевых результатов исследования стало построение количественных и содержательных «портретов» рыночной площади в разное время суток. Количественное описание позволило выделить целый ряд противоречий в логике пользования площадью.

Исследование раскрывает неоднозначную связь между наблюдаемыми отголосками латентных механизмов и их действительными причинами и представляет попытку использования количественных наблюдений для описания пространственных проявлений социальных процессов.

Источники

Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география мест // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2 [Электронный ресурс]. <http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211856626/1_2_2.pdf>

Выхинский узел // «Московская правда» [Электронный ресурс]. <<http://www.mospravda.ru/issue/2008/09/23/article13956/>>

Гладарев Б., Цинман Ж. Милиционеры и гастарбайтеры: уличные практики перераспределения ресурсов // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 37–63.

Ивлева И. Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности / под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2001 [Электронный ресурс]. <http://anthro-economicus.narod.ru/files/Ivleva_Street_market.pdf>

Сото Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму / пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум, 2008.

Филиппов А. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009а. Т. 8. № 3 [Электронный ресурс]. <http://www.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf>

Филиппов А. Пустое и наполненное: трансформация публичных мест // Социологическое обозрение. 2009б. Т. 8. № 3 [Электронный ресурс]. <http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855069/8_3_2.pdf>

Филиппов А.Ф. Власть как средство и среда: два рассуждения на тему Карла Шмитта [Электронный ресурс]. <<http://www.polit.ru/article/2008/11/26/karlschmitt/>>

Ходжаева Е. «Частное» и «публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания) // *Laboratorium*. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. <http://www.soclabo.org/UserFiles/Journal/2011.03/Art_pdf/05_EKh.pdf>

Yoshimura Y., Girardin F., Carrascal J.P., Ratti C., Blat J. New Tools for Studying Visitor Behaviors in Museums: A Case Study at the Louvre // *ENTER*. 2012 [Электронный ресурс]. <http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2011_Yoshimura_et_al_Louvre_ENTER2012.pdf>

© Глазков К.П., 2014

Введение

Развитие и воспитание ребенка — одна из важнейших задач в современном обществе, ведь дети — это будущие граждане, работники, налогоплательщики и активные участники социальной жизни. Для хорошей «отдачи» нужны ресурсы и уход, и сегодня у родителей есть большой выбор в способах воспитания: трата собственного времени, помощь родственников, услуги нянь, частные сады, сады домашнего и семейного типов, государственные и муниципальные дошкольные образовательные учреждения (ДОУ). Различные варианты имеют свои достоинства и недостатки, но наличие очереди в государственные ДОУ говорит об их не меркнувшей с годами популярности¹.

Родители отводят своих чад в садик, чтобы те общались со сверстниками, готовились к школе, развивались интеллектуально и физически. При этом детсад — достаточно закрытое заведение, о происходящем в котором родителям не просто узнать.

Как любая государственная организация, сад имеет структуру должностей, устав, санкции за отклонения от предписаний — признаки бюрократии. Но действия детей бывают «необъяснимы», эмоциональны и не вписываются в общие представления; также дети в саду проходят важный этап социализации и *учатся себя вести*. Пока этого не произошло, эмоции являются важным элементом работы детсада.

В основе проведенного исследования лежали два вопроса: какое место занимает в саду ребенок? И как соотносятся организационный порядок и насыщенность эмоций в саду? Именно на них мы и пытались ответить.

¹ По данным РОССТАТа наиболее острой проблема очереди стала за последние 5–7 лет. <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/d-obr1.htm>

Теоретические предпосылки исследования

Наличие бюрократической системы управления в образовательных учреждениях можно установить по трем признакам:

- определенному уровню квалификации персонала;
- иерархии сотрудников;
- контролю над деятельностью посредством набора документов, правил и процедур [Harper, 1965].

Данные черты актуальны для детсада, потому что и в нем существуют специализация и иерархия сотрудников, идентичность, цикличность и устав. Но если бюрократичность сада очевидна, то эффективность требует отдельного внимания.

Существует два мнения о соотношении эффективности образовательных учреждений и их бюрократичности: Дж.И. Чабб и Т. Моу предполагают, что бюрократии приводят к посредственным результатам, К.Б. Смит и К.Дж. Майер утверждают, что они борются со слабыми результатами, так как хотя бы что-то организуют [Meier, Mastracci, Wilson, 2006]. Так, государственные школы бюрократичнее, они существуют в более сложных условиях, чем частные. Это делает их более чуткими к проблемам и способными к изменениям [Ibid.].

Но «чуткость» противоречива. Учителям должно быть все равно, какого пола, расы и достатка ребенок, задача — научить. Но это *не* так, поскольку учитель выстраивает взаимоотношения с каждым, ищет подходы. И огромную роль здесь играют эмоции.

Именно поэтому образовательной системе *нужна* бюрократия — она разгружает учителей, забирая на себя практически всю административную работу. Как считает Дж. Боте, бюрократия ответственна за «запуск» процесса образования, а учителя — за сам процесс [Bohte, 2001].

Идеальная бюрократия должна почти исключать переживания, но уже давно было замечено, что формальная сторона бюрократического аппарата дополняется вполне человеческой, с ценностями, нравами и чертами характера индивидов [Meier, Polinard, Wrinkle, 2000]. Эмоции и чувства неотделимы от человека и, так или иначе, оказывают влияние на работу организаций. На эту связь личностных переживаний и функционирования организационных структур впервые обратила внимание А. Хохшильд в книге «Managed Heart» [Hochschild, 1983].

Н.М. Ашканаз и К. Эштон-Джеймс в своей статье о перспективах изучения эмоций в организациях определили организа-

ции как «пространства ограниченной эмоциональности [arenas of bounded emotionality]» [Ashkanasy, Ashton-James, 2005]. Подобных взглядов придерживается один из наиболее цитируемых исследователей эмоций в организациях, А. Рафаэли: «Наилучший способ справиться с эмоциями на рабочем месте — вообще ничего не чувствовать» [Rafaeli, 2004].

Что же определяет эмоции сотрудника? Выделяются три группы факторов:

- нормы, предписывающие испытывать то или иное чувство в некой ситуации;
- личные качества и демографические характеристики работника;
- характеристики ситуации взаимодействия (обстоятельств, окружающей обстановки и т.д.) [Wharton, 2009].

Личные качества индивида, его способность к эмпатии и чувствительность уникальны, и не всегда можно предположить, как они отразятся на его работе. Для описания данной ситуации Хохшильд ввела понятие «эмоциональной работы» — процесса, в результате которого работники должны выражать не свои фактические чувства, а ожидаемые от них на данной позиции [Ibid.]. Вырисовывается парадокс: *эмоциональная работа становится элементом бюрократизации, поскольку эмоции приписываются не человеку, а должности, становятся еще одним пунктом в наборе компетенций.*

Организации могут воздействовать на настроения и чувства работников множеством способов. Индивид должен соответствовать логике организации и подстраивать под нее свои чувства, обеспечивая эффективную работу. Образуются «арены эмоций», где эмоции «разыгрываются» для определенного зрителя, которого нужно впечатлить, утихомирить, развеселить и т.п. [The Emotional Organization..., 2008]. МакДональдс и детский сад, без сомнения, вызовут совершенно разные эмоции.

В результате эмоциональной работы может возникнуть «эмоциональный диссонанс» — необходимость транслировать эмоции, совершенно отличные от реально ощущаемых. Если работники его испытывают, возникают истощение, деперсонализация и снижение общей удовлетворенности, признаки «*эмоционального выгорания*» [Wharton, 2009]. Но раз способность к эмоциональной работе становится компетенцией, то «выгорание» может служить основанием для увольнения, что снова наводит на мысль о бюрократизации на такой иррациональной и неконтролируемой основе, как эмоции.

Серьезными последствиями эмоционального труда являются коммодификация и превращение выплат в стимул для чувств и отношений. Также эмоциональную работу нельзя оценить из-за потенциального дисбаланса между зарплатой мужчин и женщин, поскольку некоторые должности имеют гендерный характер и подразумевают больший объем эмоционального труда (и детсад — хороший пример) [Meier, Mastracci, Wilson, 2006].

В феминистических теориях бюрократии гендерная природа эмоционального труда обосновывается тем, что умение и желание слушать, важность личных отношений, забота о других и подобные качества — это то, чего бюрократии избегают. Но бюрократии подстраиваются под женщин, которым эти качества присущи, и в известном объеме позволяют им проявляться на женских позициях [Stivers, 1995].

Существует и экономическая зависимость, определяющая гендерный характер труда. Так, была выявлена обратная зависимость между количеством эмоциональной работы в должности и ставками зарплаты, и примечательно, что должности с более низкими ставками занимают в основном женщины [Meier, Mastracci, Wilson, 2006].

С учетом опасностей «выгорания», трудностей работы в бюрократической структуре и условным разделением ролей деятельность работников детсада выглядит альтруизмом, ведь исключительные эмоциональные затраты практически не компенсируются материально. Впору задаться вопросом, действительно ли воспитание детей — важная задача для общества, если этот труд не оценивается и не поощряется?

В своей книге «Оценивая бесценного ребенка» В. Зелизер высказала мысль, что хоть мы и любим *своих* детей, никакого чувства «любви к детям» у нас нет [Zelizer, 1994]. А если чувства нет, то какое место занимает ребенок в детском саду?

Эмпирическая база исследования

В качестве *объекта* исследования рассматривался детский сад и участники его деятельности — дети, воспитатели и родители; в качестве *предмета* исследования — осуществляемые в детском саду практики и мотивации участников. На этапе разработки методологии было принято решение использовать комплекс методов, основой которого составило *включенное наблюдение*.

Наблюдение проводилось в старшей группе государственно-бюджетного образовательного учреждения детского сада № *n* в Москве². Выбор сада обуславливался тремя параметрами: типичностью (не профильный, не компенсирующего типа, без экспериментальных программ), доступностью и личным знакомством с одним из воспитателей. Выбор группы осуществился заведующей сада.

Сроки наблюдения: со 2 апреля по 12 мая 2012 г., именно в этот период происходил набор детей и формировались группы на следующий год. В среднем наблюдения проводились с 8.30 до 17.30.

В качестве инструментов для сбора данных применялись дневник, фотографии, а также аудиозаписи. В качестве рабочей легенды использовалась концепция преддипломной практики на 4-м курсе социологического факультета НИУ ВШЭ.

Из-за небольшой продолжительности наблюдения, трудностей в выборе фокусов и специфики метода на полевом этапе возникло множество проблем, связанных с внутренними ролевыми конфликтами участника-наблюдателя, степенью включенности, «стимулированием» наблюдения и фрустрациями. Эти проблемы и вопросы крайне важны, и методология проведенного исследования является самостоятельной темой, со своими нюансами. Отдельный интерес представляют «вход» в поле и «хвост», оставшийся после официального окончания периода практики-наблюдения.

Организация работы сада и место ребенка в нем

Пространство сада и его организация интересны в качестве самостоятельной темы, но ввиду ограничений по объему данного издания можно выделить два основных момента:

- пространство функционально, каждый элемент является необходимым и не имеет замены (нельзя находиться в спальне в обычное время, нельзя играть где-то еще, кроме большой комнаты и ковра в ней и т.п.);
- реальные и символические границы не всегда совпадают, что не отражается в документах, но неизменно влечет последствия

² Все имена, фамилии, адреса, номера, а также любая другая информация, которая может послужить для идентификации участников наблюдения, изменена с целью соблюдения конфиденциальности полученной информации.

для нарушителей (нельзя кататься на горке, нельзя заходить за дальний угол здания и веранду, *нельзя играть в прятки*).

Выделенные выше признаки бюрократии в образовательной организации — определенная квалификация персонала, иерархия и контроль деятельности документами и правилами — характерны для детского сада. Он имеет множество документов, определяющих финансирование, распределение средств, программу деятельности и т.д. Но цифры и показатели не всегда указываются верно — демонстрируемое должно быть приемлемым, а точность не обязательна. Фальсифицируются данные о здоровье детей, профессиональной подготовке сотрудников, стаже. Одним же из самых сомнительных показателей является численность детей в группах.

Так, в группе может значиться 22 человека, а посещать ее будут всего 12. А когда к концу периода наблюдения стало ходить по 14—15 человек, воспитательница негодовала, что «зимой никого, а в мае напоприводили».

Реальную посещаемость сада ребенком можно оценить по стопке рисунков и аппликаций, сделанных им за год. Этот неформальный показатель намного честнее, чем любые цифры.

Количество детей — наиболее яркий пример «двухслойной величины». Но есть множество других, и отдельного внимания заслуживают программа сада и отчеты. Несмотря на статус данных документов, на практике они оказываются ментальными конструкциями.

- У каждой группы существует распорядок дня для летнего и зимнего периода. Этот распорядок систематически нарушается: меняются временные рамки; занятия проводятся не по графику и заменяются; преподавателя физкультуры нет в принципе; «второй завтрак» существует только в документах и т.д.

- Заведующая не входя в образовательный процесс, контролирует лишь формальные стороны, что подтверждает теорию Дж. Боте об ответственности бюрократии за «запуск», а учителей — за сам процесс образования.

- Полезность программы для детей в том, что они учатся делать то и тогда, что и когда им говорят. Сбои в механизме приводят к недовольству воспитателей, выражаемому в эмоциях («*Что ты делаешь?!*», «*Заканчивай, ты один остался*», «*Глаза закрыл! Сейчас вон выйдешь!*»).

Эти и многие другие события, связанные с распорядком дня, позволяют сделать следующий вывод: существует расхождение

между официальными документами и реальной деятельностью внутри сада, на всех уровнях организации. При этом *часть формальных требований подвергается влиянию эмоций; части действий придается характер формальных за счет эмоций.*

Хлеб, зрелища и хрупкость

В центре внимания родителей и воспитателей стоят питание детей, их занятия и безопасность.

Еда определяет едва ли не все отношения в саду. Она имеет количество и качество, жесткие стандарты и мягкие нормативы, организует пространство и поддерживает режим, выступает ресурсом для накопления, *различается, будучи идентичной.* Приведем несколько примеров.

Дети в саду едят по-разному. Младших *хвалят*, потому что они едят все, старших *ругают*, потому что они едят выборочно. Старшие подвержены групповым настроениям, и если один отказался, может начаться цепная реакция *«Я тоже не буду»*. Правила чистоты тарелок не существует, но она поощряется, а дети, которые «модничают», не пользуются благосклонностью.

Фрукты или пакетированные продукты *распределяются между работниками группы.* Воспитатели искренне удивлялись отказам исследователя брать еду домой: *«Ты что, стесняешься?»*, *«На диете, что ли?»*, *«Постишься?»* и т.п. Процесс «передачи» таков: воспитатель ищет пакет или заворачивает продукты в салфетку, подходит вплотную и буквально пихает в руки, сопровождая комментариями *«Все, тихо»* и *«Бери!»*.

По наблюдениям за едой в саду можно сделать следующий вывод: *если ты в саду, то и питаться должен в саду, иначе ты не до конца вхож в него, так как имеешь иные ресурсы.*

Творчество в саду двойственно — оно одновременно хаотично и упорядочено. Как уже было описано, у воспитателей есть специальные методички, из которых они берут материалы. Темы выбираются обязательно в том же порядке, в котором они идут в книге. Только один раз за время наблюдения воспитательница провела рисование не по книжке.

Пока дети рисуют, они общаются, а также просят воспитателя посмотреть, *«правильно?»*, *«красиво?»*, *«Вам нравится?»*. Воспитатели отвечают утвердительно, без внимания непосредственно к работе. Настоящая оценка дается, когда дети приносят рисунки на

подпись, чтобы повесить их на выставку в группе. Именно в этот момент воспитатель может рассмотреть нарисованное и похвалить или сделать замечание, что не тот цвет, форма, размер или что такого не бывает. Работа может быть *либо красивой, либо неправильной*. Красота в том, что работа *правильная, и из нее все понятно*.

Правильность очень важна, поэтому если кто-то рисует, что хочет сам, его ругают и объясняют, что сейчас *занятие, а что ему хочется, будет рисовать потом*. Хотя воспитатель часто бросает фразу «*Рисуйте, что как хотите*», действительно свободному творчеству есть место только во время игр.

Рисование — только один пример. Фактически *задача воспитателя не в играх и занятиях с детьми, а в присмотре и наблюдении за ними*.

Безопасность является еще одним центральным компонентом. Дети находятся под постоянным присмотром, воспитатели — в постоянном стрессе, к минимуму сводятся непредусмотренные программой и пространством контакты и действия.

Опасны бытовые объекты: чашки с неровными краями, трубочки от сока, карандаши. В младшей группе детям не дают вилок, только ложки. Опасны игрушки и спортивные снаряды, безмерно опасны средства для уборки, лестницы, мокрые полы. Детская площадка вообще не место для игр — в подтверждение этому воспитатели приводят различные случаи из СМИ. В свете этого странно выглядит оставление ножа рядом с раковиной на кухне или отсутствие замка на шкафу с химией.

Воспитатели постоянно говорят детям «нельзя», потому что те упадут, убьются, или поломают себе что-то, словно дети — хрустальные вазы, а все окружающее нацелено на нанесение вреда. Происходит *сакрализация*, но не ребенка, а его безопасности.

Детей необходимо постоянно сдерживать эмоционально. Это сдерживание ссылается на *нормальное поведение*³. Детям говорится, что они могут делать, что угодно, но вместе с родителями, так как *на территории сада воспитатели несут ответственность за жизнь и здоровье ребенка, вне территории — это забота родителей*.

Обобщая, можно сказать следующее: еда, безопасность и творчество — важные сферы, в которых происходит столкновение организационной и обывательской логик. Регламентируемое уставом

³ «Нормально вообще?!», «Ты нормальный или как?», «Просто ненормальные!». Норма в голове воспитателей — мыслительный образ ребенка, чье поведение не приносило бы им никаких хлопот.

подвергается переосмыслению на уровне воспитателей, и в зависимости от их желания, понимания и отношения, передается детям.

Эмоциональность и изобретательность детей необходимо жестко контролировать, но для контроля не существует официальных правил, есть мягкие *нормативы* и представления самих воспитателей о *нормальном поведении*. *Нормальное поведение* — выполнение заданий вовремя и понятным образом, отсутствие капризов в питании и сдержанное поведение в играх и общении с детьми. Этот *неписанный* образ поведения навязывается детям, чья сдержанная эмоциональность ищет другие способы выхода и, найдя их, наносит организации уже более серьезный ущерб (поломанные вещи и растения, несчастные случаи, скандалы и т.п.). Воспитатели в этой ситуации выполняют роль *надзирателей* и чутко реагируют на отклонения от принятых стандартов нормальности, прикладывают множество усилий, эмоциональных, моральных и физических, чтобы ее достичь. Именно таким образом выглядит деятельность детского сада, где из активных организаторов детей делаем пассивными объектами производства нормального поведения.

Эмоциональная арена детского сада

Как было сказано в теоретической части со слов А. Уартон, эмоции в организации могут определяться нормами, личными качествами и самой ситуацией взаимодействия.

Например, в саду существует условное разделение на «курящих» (заведующая, воспитательница средней группы, сестры-нянечки и нянечка младшей группы) и тех, кто не курит (остальные). Между курильщиками всегда есть дополнительная связь, но факт, что заведующая «курит с няньками», дискредитирует «курящих» в глазах некурящих. И причина не в примере детям, а в том, что курящих сотрудниц подозревают в очковитирательстве и выслушивании, а заведующую — в фаворитизме. Воспитательницы искренне считают, что *«они там с ней курят, а она им потом премии выдает»*.

Практически у каждого воспитателя есть *любимые дети*, обязательно в своей группе. Они могут нравиться по поведению, внешнему виду, вежливости, улыбке — по любому основанию. С этими детьми стараются больше общаться, чаще хвалят, про них больше разговаривают. Это неизбежно влияет на настроения детей, поэтому симпатии воспитатели выражают сдержанно. Нельзя

иметь любимого ребенка только заведующей — это уже нарушает *относительную беспристрастность*.

Отдельного внимания заслуживает *ябедничество*. В него включены дети, воспитатели, а иногда и родители (в зависимости от провинности). Среди детей ябедничество призвано обратить внимание на несправедливость, найти поддержку своему мнению, обратить внимание на себя, разрешить конфликт.

«Ябедничать» могут и воспитатели на детей, но это «жалоба». Разница в смысле и эмоциональной окраске сигнала: когда ребенок ябедничает, он хочет справедливости для себя и таит обиду (переходящую на воспитателя); когда взрослый жалуется, он хочет справедливости для всех и руководствуется негодованием или досадой (которые переходят на детей).

Доносы одновременно окрашены эмоционально и поддерживают устойчивость формальных и неформальных правил системы, в частности, *нормального поведения*. Однако отсутствие какой-то типовой реакции в каждом конкретном случае (к кому-то прислушаются, а кого-то самого поставят в угол) размывает понимание правил и делает этот эффективный механизм сигнализирования соревнованием, кто кого подставит.

В детском саду существует большое количество типов отношений, они направлены на организацию поведения участников, их чувства и настроения и т.д. *Дети влияют на эти отношения прямым и косвенным образом, выстраивают их, и во многом благодаря сформированным эмоциональным связям.*

Заключение

Многие люди с теплом и улыбкой вспоминают детский сад, как место, в котором можно было проводить время в играх и без всяких забот общаться; другие говорят о строгих воспитателях, каше и скуке. В действительности мало кто из нас представляет, чем же на самом деле является этот объект социальной реальности, потому как возможность рассмотреть его деятельность, структуру и участников минимальна. С одной стороны, в центре должны быть дети, потому что они — «наше будущее»; с другой — дети еще не знают, что лучше для них самих, у них мало экономических и властных ресурсов, а также опыта, поэтому решения принимаются за них. Сомнений не вызывает одно: детский сад — это почти всегда шумно, эмоционально и непонятным образом упорядочено.

В данной работе мы ставили перед собой две задачи: рассмотреть организацию работы сада и место ребенка в нем, а также проследить, каким образом взаимосвязаны в саду бюрократическая организация и эмоциональность участников.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что дети входят в систему сада, который работает в некоей «заводской» логике. На уровне воспитателей эта логика переходит на более эмоциональный уровень, где с эмоциями мирятся и работают, детям придают форму «нормальных». Родители желают видеть своих чад развитыми, довольными и яркими индивидуальностями, которым уделяют особое внимание. Эти логики не противоречат друг другу, поскольку формирующийся ребенок может стать и *нормальным*, и *особенным*. Именно поэтому в садах недоброжелательное отношение к больным детям — они уже особенные. А особенностью остальных варьируется от количества: если детей 21, они сильнее различаются, чем когда их 89.

Детский сад необычным образом сочетает бюрократию и эмоциональность. Существуют формальные документы, определяющие деятельность и полномочия, программы, различные формы отчетности. Однако личные предпочтения, настроения и характер сотрудников вносят изменения и в порядок, и в содержание, и даже в смысл событий. Эмоции способны нарушать формальные правила и устанавливать неформальные, и не всегда можно сказать, какие из этих правил имеют большую силу.

Эмоциональность детей необходимо сдерживать, оставлять без внимания и стремиться к беспристрастности, поскольку реакция и внимание укрепляют контакт воспитателя и ребенка, а на остальных не хватает ни сил, ни времени, слишком велика ответственность и неизбежно эмоциональное «выгорание».

Дети же способны чутко реагировать на происходящее, разрушая или, наоборот, скрепляя его механизмом *ябедничества*. Ябеда сигнализирует воспитателю, что что-то идет не так или кто-то ведет себя ненормально. Этот потенциально эффективный механизм нарушается тем, что у воспитателей отсутствует логика в реакции на жалобу, и в результате «нарушение» выливается в эмоции и конфликты в отношениях.

Эти выводы наводят на вопросы о ценности ребенка, «муштре», работе в сфере воспитания и образования и многом другом. Лично для автора одним из главных и пока неразрешимым остается вопрос: действительно ли нужны детские сады и если да, то кому?

Источники

Битэм Д. Бюрократия // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 165–185.

Вебер М. Хозяйство и общество. Гл. 3. Типы господства и их отношение к экономике // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 88.

Сайт для родителей, информация по ДОУ, см.: <<http://www.detskysad.com/zaplata-v-detskom-sadu>>.

Ashkanasy N.M., Ashton-James C.E. Emotion in Organizations: A Neglected Topic in I/O Psychology but what a Bright Future // International Review of Industrial and Organizational Psychology. 2005. Vol. 20. P. 221–268.

Bohte J. School Bureaucracy and Student Performance at the Local Level // Public Administration Review. 2001. Vol. 61. No. 1. January/February.

Cahill S. Emotional Capital and Professional Socialization: The Case of Mortuary Science Students (and Me) // Social Psychology Quarterly. 1999. Vol. 62. No. 2. P. 101–116.

Harper D. The Growth of Bureaucracy in School Systems // The American Journal of Economics and Sociology. 1965. Vol. 24. No. 3. P. 261–271.

Hochschild A.R. Managed Heart of Human Feeling. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1983.

Meier K.J., Mastracci S.H., Wilson K. Gender and Emotional Labor in Public Organizations: An Empirical Examination of the Link to Performance // Public Administration Review. 2006. November/December. P. 899–909.

Meier R.J., Polinard J.L., Wrinkle R.D. Bureaucracy and Organizational Performance: Causality Arguments about Public Schools // American Journal of Political Science. 2000. Vol. 44. P. 590–602.

Rafaeli A. Emotions in the Workplace: Understanding the Structure and Role of Emotions in Organizational Behavior // Human Relations. 2004. October. P. 1343–1350.

Stivers C. Settlement Women and Bureau Men: Constructing a Usable Past for Public Administration // Public Administration Review. 1995. Vol. 55. No. 6. P. 522–529.

The Emotional Organization: Passions and Power / ed. by St. Fine-
man. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

Wharton A.S. Emotional Organizations. The Sociology of Emo-
tional Labor // Annual Review of Sociology. 2009. Vol. 35. P. 147–165.

Zelizer V.A. Pricing the Priceless Child. Princeton, NJ: Princeton
University Press, 1994.

© Конобеева Е.А., 2014

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ В ПОКЕР

За последнее десятилетие покер получил чрезвычайно широкое распространение, о чем свидетельствуют миллионы участников этой игры по всему миру. Катализатором подобной популяризации послужило интенсивное развитие интернет-коммуникаций, максимально упростившее доступ к игре. Появились специальные интернет-казино, специализирующиеся исключительно на покере (poker-room), благодаря которым стало возможно почти беспрепятственно включиться в игру на единых для всех основаниях.

Россия не стала исключением и пусть с задержкой на несколько лет, но все же подхватила эти тенденции, полноценно закрепившись в покерной индустрии¹. Процесс институционализации покера в РФ ознаменовали рост числа участников, появление профессиональных игроков, которые зарабатывают себе на жизнь игрой, и телевизионные трансляции покерных турниров. Многие русские игроки добились заметных успехов и стабильно занимают призовые места в крупнейших мировых турнирах².

Однако развитие покерной индустрии существенно замедлилось после принятия в 2009 г. приказа о лишении покера статуса спортивной игры [Приказ об отмене..., 2009], который тот получил в нашей стране в 2007 г. С этого момента покер попал под действие Закона о прекращении игорной деятельности в России, запретившего работу всех игорных заведений за пределами игорных зон [О государственном регулировании..., 2006]. Нюанс заключается в том, что организация интернет-казино на территории России преследуется по закону, но об участии тех, кто играет в покер-румах, зарегистрированных за рубежом, в законе ничего не говорится. Таким образом, вопрос о том, легально ли играть в покер онлайн, остается

¹ Крупнейший чемпионат мира по покеру, ежегодно проводящийся в Лас-Вегасе. <<http://www.wsop.com/>>

² Подробнее об этом см., например: <<http://www.pokerstars.com/team-pokerstars/>>.

открытым, а статус не только профессионалов, но и просто игроков в покер — неопределенным.

Помимо этого, есть и ряд трудностей методического характера. В российских исследованиях до сих пор сочетание покера, как вида азартной игры, и профессионализации, которая подразумевает получение относительно стабильного дохода, не рассматривалось в принципе. Поэтому очевидного ответа, к какой парадигме отнести этот феномен, нет. В результате вопросы, что это за профессия и что она собой представляет, остаются открытыми. Цель настоящей работы — изучить самоидентификацию профессиональных покерных игроков. При этом мы остановимся также на специфике профессионального покера.

Теоретическая рамка исследования

Анализируя феномен азартных игр, Р. Кайуа подчеркивает, что их отличительной особенностью по сравнению с другими видами игр является наличие осознанного и добровольного риска. При этом, когда автор пишет о природе азартных игр, то сравнивает их с гаданием, подчеркивая исключительное значение удачи в этом занятии, тогда как навыки и (или) талант не являются их необходимой составляющей [Кайуа, 2007, с. 56]. На уровне индивидов данная практика играет весьма противоречивую роль. Как отмечал И. Гофман, действие, сопряженное с рисками (action activity), позволяет человеку уйти от повседневной предсказуемости и рутинного порядка, а также проявить свой характер в стрессовой и проблемной ситуации [Goffman, 1967]. Переживание роковых и неподконтрольных обстоятельств служит способом эмоциональной разрядки. Однако существует и обратная сторона медали. Патологическое пристрастие индивида к азартным играм приводит к деструктивным последствиям для его жизни. Этим вопросам посвящен целый ряд работ, затрагивающих темы мотивации (см., например, [Cotte, 1997] азартных игроков и их аддиктивного поведения (см., например, [Шепель, 2007]).

Однако изучаемый нами объект — профессиональные игроки — не относится к категории азартных игроков (gambler), чья деятельность во многом зависит от удачи и случая. Мы исходим из определения профессионала, сформулированного в рамках неовеберианской традиции. Суть его заключается в способности индивида конвертировать специфические ресурсы — навыки, знания — в

ресурсы другого порядка: социальные и экономические вознаграждения [Larson, 1977, p. 16]. То, как профессиональный покер соотносится с азартными играми, и что характерно для подобного вида занятости, мы рассмотрим далее.

Азарт vs Навык

Впервые сочетание профессиональный азартный игрок (professional gambler) как объект исследования социологии профессий представлено в статье Дж. Роузкранса, посвященной анализу рабочей деятельности профессионалов в сфере ставок на скачках [Rosecrance, 1990]. Руководствуясь аналитической схемой Ч. Хьюза, Роузкранс описывает карьерное развитие, профессиональные компетенции и стратегии игроков, выделяя их как отдельную не-девиантную группу. Сделав попытку охарактеризовать специфику профессии, сопряженную с рисками в отношении получаемого дохода, автор тем не менее не дает ответа, как отличить игрока, систематически проигрывающего деньги и лишь иногда одерживающего победу, от профессионала, который в течение своей карьеры так же может претерпевать финансовые потери. Для того чтобы выявить этот водораздел между профессионалом и любителем, обратимся к типологии игр.

Немецкий социолог И. Фидлер на примере покера показал, как можно «измерить» навык в игре [Fiedler, Rock, 2009]. Автор выделяет две категории: игры навыка и игры случая. В первом случае результат игры определяется преимущественно знаниями индивида, элемент удачи тут незначителен, хотя и не исчезает полностью (например, шахматы). Игры случая, напротив, мало зависят от усилий игрока: их исход определяется случайностью (см. рис. 1).

В своей работе Фидлер демонстрирует, как в случае с покером при большом количестве повторений игры в течение определенного промежутка времени (т.е. на дистанции) способности игрока конвертируются в прибыль, которая все меньше зависит от случайности. Навык в покере превалирует над случаем только при возрастающем количестве повторений игры (что не составляет труда осуществить в онлайн-покере). В отношении же азартных игр действует обратная зависимость: увеличение повторов игры со временем уменьшает вероятность благоприятного исхода.

Тем не менее было бы ошибочным утверждать, что профессиональный игрок отличается от любителя лишь тем, что играет

больше. Владение лишь техникой без специфических знаний не может характеризовать профессионализм, т.е. категория навыка на рис. 1 предполагает некий набор практических индикаторов. Так, в своем эмпирическом исследовании проблемных покерных игроков. Б. Браун пришел к выводу, что есть три необходимые предпосылки для *успешного* покера [Browne, 1989].

1. Знание теории вероятности и азов математической статистики.

2. Правильная организация банкролл-менеджмента (bankroll management). Под этим понимается набор определенных правил финансового поведения в рамках игры: правила по ограничению максимального процента денег, на которые игрок может сыграть в одной игре, определение оптимального размера ставок, а также правила повышения/понижения этих ставок.

3. Менеджмент эмоций (emotion management). Умение справляться с негативными эмоциями, возникающими при проигрыше.

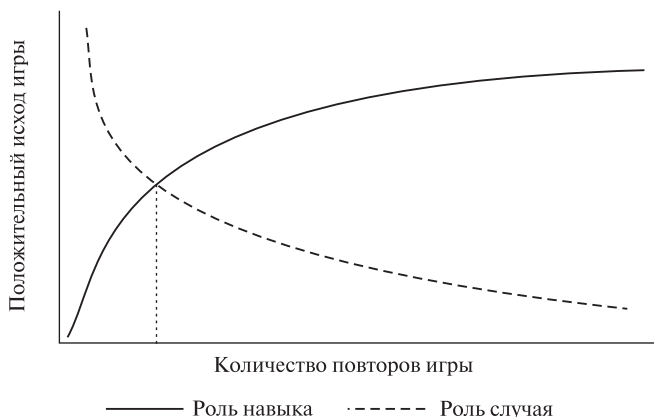

Рис. 1. Навык в игре: зависимость от повторения ситуаций

Итак, однозначно назвать покер игрой случая или же игрой навыка нельзя, поскольку многое зависит от отдельного игрока, его уровня подготовки и того, сколько временных ресурсов он инвестирует в игру. В итоге мы можем подойти к дефиниции профессионального игрока в покер. С нашей точки зрения, профессиональным игроком в покер может считаться индивид, для которого покер является основным источником дохода, благодаря определенному

набору знаний и навыков, позволяющих игроку принимать потенциально правильные решения.

Методология исследования

Из-за особенности объекта исследования, которые мы упоминали во введении, в качестве основного источника данных был использован метод глубинного полуструктурированного интервью. Эмпирической базой исследования послужили 15 интервью с профессиональными игроками в покер разного уровня. В качестве базового критерия, по которому отбирались респонденты, было наличие единственного (или как минимум основного) источника дохода, получаемого от игры в покер. Выход на информантов осуществлялся двумя способами: через личные контакты исследователей методом снежного кома и через объявление на крупном российском сайте, посвященном покеру (pokeroff.ru).

Результаты исследования

Представления игроков о своей профессии. Мы предложили информантам закончить предложение *«Я профессиональный игрок в покер, потому что...»*, что позволило нам прояснить вопрос с самоидентификацией игроков. Наиболее часто встречался ответ о получении единственного или основного дохода с данного вида деятельности. Индикатор профессионализма, который мы предложили в начале, нашел свое подтверждение в той или иной форме во всех интервью.

Помимо денежного аспекта, встречались также следующие критерии, по которым выделяется профессиональный игрок:

- ответственный, серьезный подход к делу;
- организация рабочего времени.

Некоторые отдельно подчеркивали в самом начале важность данного вида деятельности, разделяя понятия «игра», в ее конвенциональном понимании, и «работа»: *«Ты играешь не ради ощущений, а ради результата»* (Андрей, 27 лет, Москва). Здесь важно было дистанцироваться от понятия игры как синонима развлечения и краткосрочного удовольствия. Тем самым рабочая деятельность не должна ассоциироваться с рекреационным проведением времени — это девальвирует ценность труда.

Особо отмечались временные инвестиции, которых требует профессиональный покер. Имеется в виду, что необходимы посто-

янная практика, накопление опыта и приобретение специальных знаний, которые обеспечат тебе успешную игру. Поэтому характер своей деятельности профессионалы маркировали исключительно как интеллектуальный.

Внутренняя и внешняя легитимация профессии. Отношение к азартным играм в нашем обществе крайне неоднозначно, чаще всего встречаются отрицательные установки. Суть игры представляется как простая экспроприация денег у других людей. В связи с этим мы хотели узнать у респондентов, как они воспринимают свою деятельность и каково отношение к ней ближайшего окружения.

Из 15 профессиональных игроков почти все полагают, что деньги от игры в покер заработаны абсолютно честно. В обоснование того, почему эти деньги честно заработаны, а их деятельность не является какой-то аморальной, можно выделить два основных вектора объяснения, которые нередко пересекаются. Первый — это отношение к своей работе как к деятельности в сфере индустрии развлечений. Эта позиция заключается в том, что любители, которые играют в покер и проигрывают деньги, хотят просто развлечься и отдохнуть и готовы заплатить за это определенные деньги, а профессионалы играют с ними, развлекают их и за это зарабатывают.

«Я фактически составляю компанию для игры тем, кто хочет играть. Кому не так важны деньги. Они просто хотят получить удовольствие от игры. Если бы у них не было свободных денег, то они бы не смогли бы играть и наслаждаться игрой» (Александр, 22 года, Москва).

Второй вектор — это отношение к покеру как к честному соревнованию или спорту, где для всех игроков есть общие честные правила, все находится в равных условиях и пытаются победить друг друга. Принцип состязательности не может подвергаться сомнению и в конечном итоге осуждаться.

«Это все-таки принадлежит к какому-то виду спорта, когда чтобы что-то выигрывать, нужно в основном очень много работать над собой, над игрой» (Алексей, 24 года, Санкт-Петербург).

Последний механизм легитимации содержит стратификационный подтекст. Идея заключается в том, что люди, которые проигрывают деньги в интернет-покере, могут себе это позволить в соответствии со своими доходами, для них это просто развлечение. Люди же, для которых покер является источником доходов, по мнению респондентов, изначально не имеют высоких доходов.

Они прилагают усилия, чтобы во время игры забрать этот излишек у людей, играющих для развлечения. Таким образом, средства распределяются от более богатых к более бедным.

«Если взять как гармошку социальный статус от самых бедных до самых богатых, то покеристы ее сжимают» (Александр, 21 год, Донецк).

Мы включили последнюю точку зрения во многом из-за того, что она совпадает с результатами ряда исследований, посвященных аддиктивному азартным играм [Nelson et al., 2008]. Согласно им онлайн-покер становится своего рода подушкой безопасности для людей, подверженных девиантному игровому поведению, так как он усложняет процедуру пополнения финансового баланса, на который можно играть. Этот фактор служит «отводным каналом», предохраняющим от усугубления финансовых потерь.

Однако одно дело — оправдать собственную деятельность перед собой, совершенно другое — найти понимание у близких. Особенно, если игрок имеет семью, за которую он несет ответственность. Лишь в редких случаях к покеру относятся с одобрением. Большинство признавало, что ближайшие родственники были настроены отрицательно (или в лучшем случае скептически) по отношению к выбранной сфере занятости. Решающим аргументом становилась финансовая сторона вопроса. После того как покер начинал приносить относительно стабильный и высокий доход, наступал переломный момент, когда близкие смирялись с профессией.

Качества, необходимые профессиональному игроку в покер. В ходе анализа мы выделили две категории качеств (личностные и профессиональные), которые отличают данную профессиональную группу. В том числе:

- *целеустремленность и амбициозность.* Игроки подчеркивают нацеленность на успех, которая должна обязательно мотивировать игрока добиваться еще большего. Ориентация на результат и установка на развитие, по признанию некоторых игроков, могут компенсировать даже пробелы в знании математики: важно иметь интенцию на прогресс;

- *терпение и усидчивость.* Одной целеустремленности явно недостаточно, если игрок не готов посвящать много времени игре и уметь «пережить» тяжелые моменты в карьере. Периоды подъема и спада в покере неизбежны, поэтому необходимо продолжать играть при любых обстоятельствах;

- *усердие и трудолюбие.* Третьей составляющей успеха считается совершенствование профессиональных навыков. Кроме ориентации

на победу и способности приложить соответствующие усилия, важна практическая реализация этих планов (постоянные инвестиции в развитие собственного карьерного потенциала). К тому подстегивает стремительный рост числа участников, т.е. высокая конкуренция³;

- *аналитический склад ума*. Для профессионального игрока необходимо обладать логическим мышлением и базовыми знаниями математического анализа, чтобы постичь суть покера. Кроме этого, логическое мышление позволяет правильно интерпретировать действия соперника, их последовательность и (или) обоснованность. Умение блефовать во многом обусловлено именно этим качеством. Также необходимо замечать как чужие, так и свои ошибки, при этом стараться выигрывать на ошибках противников и исключать собственные⁴;

- *хладнокровие*. Так как в покере неизбежны проигрыши, профессиональный игрок должен уметь справляться с эмоциями, возникающими при потере денег, по возможности оставаться спокойным. В противном случае излишняя эмоциональность может еще более негативно сказаться на результатах игры. Данное качество отметили все без исключения респонденты⁵, оно также маркировалось информантами как тильтоустойчивость⁶, стрессоустойчивость;

- *дисциплинированность*. Важное качество для игрока в покер — умение как контролировать собственное поведение во время игры, так и планировать свое время и график⁷. Сюда относится и способность правильно вести финансовый бюджет: управлять бюджетом во время игры, при этом не выходя за его рамки.

³ «Нужно постоянно расти, идти вровень с полем, а лучшие его чуть-чуть обгонять. Ты чуть затормозил, поле тебя обошло, тебя унесло назад» (Александр, 21 год, Донецк).

⁴ «Нужно дать им возможность ошибиться, чтоб я заработал больше» (Кирилл, 23 года, Калининград).

⁵ «Когда это профессия, тебе нужно уметь себя контролировать вне зависимости от твоего эмоционального состояния. Ты всегда сосредоточен. Ну потому что, если это любительский покер, у тебя там плохое настроение, то деньги у тебя сразу улетят. Тут ты такого допустить не можешь» (Михаил, 22 года, Москва — Лондон).

⁶ От англ. tilt — потеря контроля над своими действиями в игре (неспособность принимать обдуманные и взвешенные решения) вследствие испытываемых игроком негативных эмоций после крупных проигрышей.

⁷ «Смысл в том, что нужно много выигрывать, когда ты выигрываешь, и проигрывать мало, когда ты проигрываешь. Но человеческий организм так устроен, что ты поступаешь всегда наоборот, к сожалению. Когда ты выигрываешь, тебе хочется схватить и выйти. А когда проигрываешь, тебе хочется отыграться. Отсюда и возникают все проблемы» (Михаил, 24 года, Москва).

О том, какова оптимальная комбинация «личностных-профессиональных» качеств, судить сложно... Ведь по представлению как самих игроков, так и ряда исследователей, количество выигрывающих игроков невысоко: по разным оценкам оно варьируется от 5 до 15% [Siler, 2010].

Заключение

Несмотря на то что профессиональные игроки в покер — явление относительно новое для нашей страны, данная группа уже имеет свои четкие границы по профессиональному признаку. В настоящей работе мы предприняли попытку проанализировать внутренний мир данной профессии: как идентифицируют себя игроки, какие профессиональные и личностные качества необходимы для этой профессии и как обстоит дело с ее легитимацией.

Итак, в рамках нашей работы мы рассмотрели лишь вопросы, связанные с самоидентификацией профессиональных игроков. Данная деятельность предоставляет уникальную возможность изучить особенности экономического поведения индивидов, особенности финансовых стратегии людей, чей доход можно запланировать лишь в долгосрочной перспективе и многое другое. Тем самым покер представляет собой увлекательную экономико-социологическую модель поведения индивидов, что привлекает внимание отечественных исследователей из разных областей.

Источники

Кайуа Р. Игры и люди. Статья и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007.

О государственном регулировании деятельности по организации азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации. 2006. 29 декабря. Федеральный закон (№ 244-ФЗ). <<http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=37202>>

Приказ об отмене и признании утратившими силу некоторых актов Федерального агентства по физической культуре и спорту № 517 от 20 июля 2009 г. <<http://sport.minstm.gov.ru/13/463/527.shtml>>

Шепель Ю. Азартные игры как инструмент разрушения общества // Власть. 2007. Т. 7. С. 61–65.

Browne B.R. Going on Tilt: Frequent Poker Players and Control // Journal of Gambling Behavior. 1989. Vol. 5. No. 1. P. 3–21.

Cotte J. Chances, Trances, and Lots of Slots: Gambling Motives and Consumption Experience // Journal of Leisure Research. 1997. Vol. 29. No. 4. P. 380–406.

Fiedler I.C., Rock J.P. Quantifying Skill in Games — Theory and Empirical Evidence for Poker // Gaming Law Review and Economics. 2009. Vol. 13. No. 1. P. 50–57.

Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y.: Anchor. 1967

Larson M. The Rise of Professionalism. Berkeley: University of California Press, 1977.

Nelson S.E., LaPlante D.A., Peller A.J., Schumann A., LaBrie R.A., Shaffer H.J. Real Limits in the Virtual World: Self-limiting Behavior of Internet Gamblers // Journal of Gambling Studies. 2008. Vol. 24. No. 4. P. 463–477.

Rosecrance J. Professional Horse Race Gambling: Working without a Safety Net // Work and Occupations. 1990. Vol. 15. No. 2. P. 220–236.

Siler K. Social and Psychological Challenges of Poker // Journal of Gambling Studies. 2010. Vol. 26. No. 3. P. 401–420.

© Решетеева Р.И., 2014

А. Царева

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель

А.В. Пашкевич

СРАВНЕНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ПЕНСИОНЕРОВ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ (на примере городов Москва и Дубна)

История изучения проблемы

Тема «Сравнение образа жизни российских пенсионеров в больших и малых городах» включает два аспекта: старость и собственно образ жизни. При изучении старости особое внимание уделяется переходному периоду, связанному со *сменой статуса*. Статус меняется в течение всей жизни человека, однако при вступлении в пожилой возраст человек оказывается на перепутье, и его дальнейшая жизнь может развиваться двумя способами. С одной стороны, старость неразрывно связана с ухудшением состояния здоровья, сужением круга общения, потерей независимости. С другой стороны, отход от дел дает человеку новую свободу и позволяет больше следовать собственным интересам. Таким образом, то, каким образом человек воспринимает изменение собственного статуса и сопровождающие его события, имеет такое же большое значение, как и сами перемены [Крайг, Бокум, 2005].

Со сменой статуса происходит *пересмотр идентичности*. Синтезируя существующие подходы к определению этого понятия, будем понимать идентичность как непрерывный процесс конструирования представления, которое формируется у индивида о самом себе и которое он стремится передать другим индивидам. Прежде всего необходимо уточнить, почему есть смысл говорить о пересмотре идентичности при выходе на пенсию. Во-первых, если человек прекращает профессиональную трудовую деятельность, он, как правило, лишается основного источника дохода и сталкивается с ухудшением материального положения. Это приводит к изменению стиля жизни: становится необходимым отказаться от некоторых

привычек, затрачивается больше времени на поиски оптимальных ценовых решений. Во-вторых, происходит серьезное перераспределение бюджета времени. В-третьих, имеет место трансформация социальных контактов. Используя классическую систематизацию социальных связей, предложенную Э. Дюркгеймом и доработанную современным французским социологом С. Погамом, можно констатировать, что при выходе на пенсию происходит перераспределение веса различных социальных связей индивида [Куштанина, 2008]. Таким образом, все изменения, которые влечет за собой выход на пенсию, приводят к неизбежному пересмотру идентичности.

Помимо психофизиологических изменений и перемен в социальном статусе, на особенности образа жизни пенсионеров также оказывают влияние *смысло-жизненные представления о старости*. Люди с негативным отношением к старости воспринимают этот жизненный этап как время болезней и недомоганий, потерю социальной значимости в силу неспособности исполнять некоторые функции. Позитивное отношение к старости характеризуется положительным восприятием возможности выбирать формы и характер занятости, обретением свободы от обязательств.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению понятия «образ жизни», а также истории его изучения. *Образ жизни* — философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, которая берется в единстве с условиями жизни [Философский... словарь, 1983].

Традиция изучения быта российского населения восходит к земским статистикам. Однако это направление не получило должного развития [Социология в России, 1998]. Исследования были акцентированы на досуге, не затрагивая другие сферы жизни в полной мере. Практически все современные исследования, связанные с пенсионерами, проведены Фондом «Общественное мнение» (далее — ФОМ). Исследование ФОМ (см. [Неработающие пенсионеры: уровень и образ жизни]) показало, что после выхода на пенсию у 22% жизнь не изменилась, у 10% стала лучше, у 61% ухудшилась (7% затруднились с ответом).

Что касается интенсивности социальных контактов и ширины круга общения после ухода на пенсию, то 62% опрошенных сказали, что круг их общения сузился, 30% — что он остался прежним, 3% — что с прекращением работы круг их общения расширился [Жизнь на пенсии].

Также было изучено, какую помощь пенсионерам оказывают их родственники [Неработающие пенсионеры: уровень и образ жизни] (рис. 1).

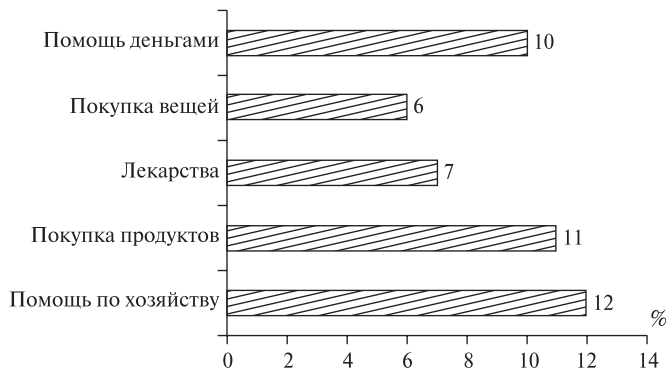

Рис. 1. Виды помощи пенсионерам от родственников (% опрошенных)

ФОМ было проведено еще одно исследование, затронувшее вопрос материальной поддержки. Причем исследовалась поддержка как со стороны молодых родственников, так и со стороны пенсионеров. По результатам опроса, 28% пенсионеров получали материальную помощь от родственников, в то время как 42% сами ее оказывали [Неработающие пенсионеры].

В исследовании ФОМ были проанализированы причины прекращения работы. В итоге получились следующие результаты (рис. 2):

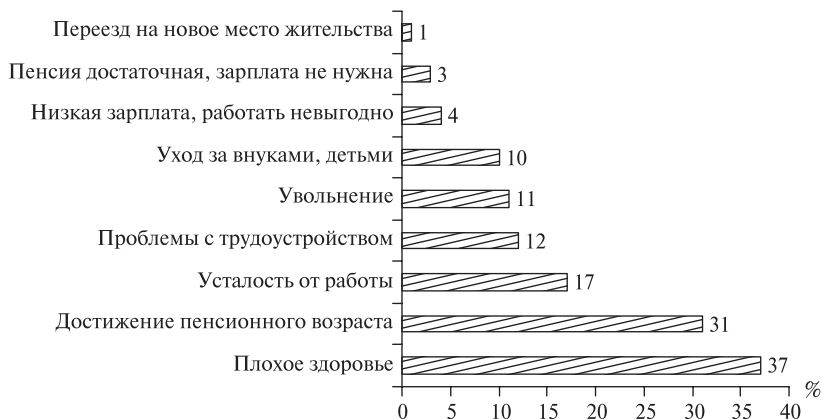

Рис. 2. Причины выхода на пенсию (% опрошенных)

Анализ подходов к изучению образа жизни позволил составить *логическую схему*, на которую мы будем опираться в своем исследовании (рис. 3).

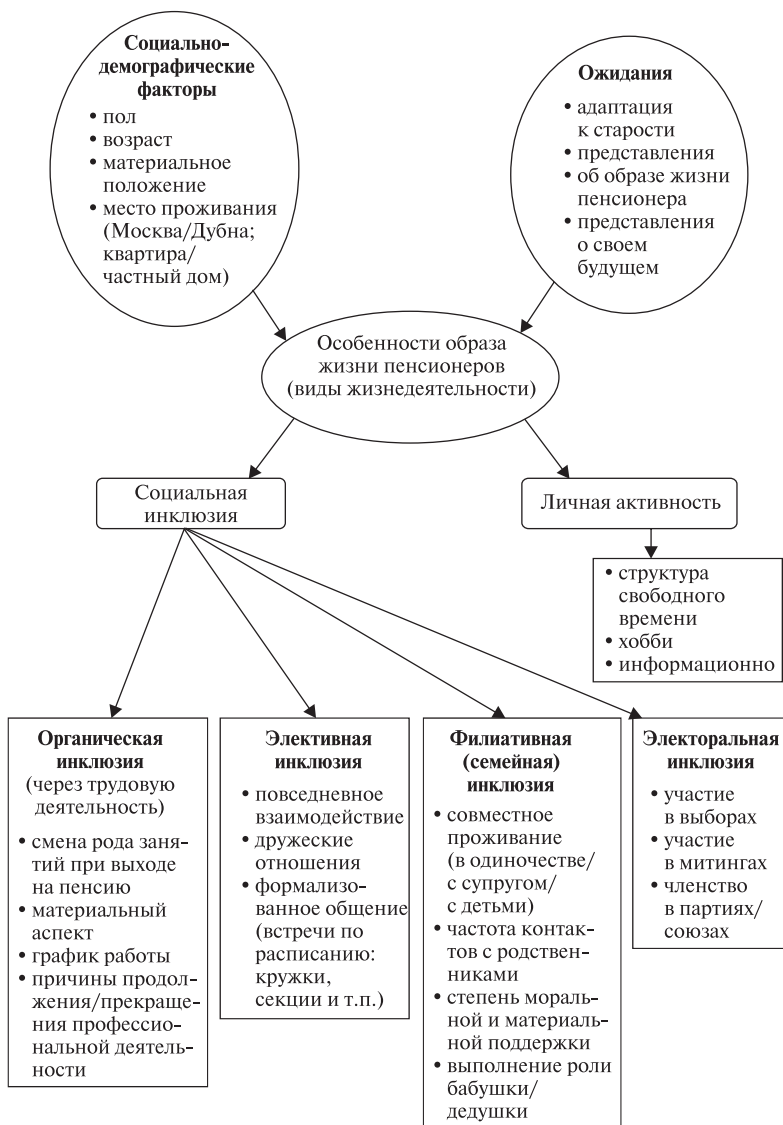

Рис. 3. Образ жизни пенсионеров: логическая схема

Основные характеристики исследования

Цель исследования — дополнить научное знание об особенностях образа жизни пенсионеров, охарактеризовав те виды активности, которые составляют их повседневность, и сравнить особенности образа жизни в больших и малых городах.

В своей работе мы ставили следующие исследовательские задачи.

- Выявить причины продолжения и прекращения профессиональной трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста.
- Выявить степень политической вовлеченности пенсионеров.
- Выявить взаимосвязь удовлетворенности материальным положением и приоритета цены/расстояния при покупке продуктов питания.
- Выявить уровень технической грамотности пенсионеров.
- Выявить, какие характеристики влияют на отношение к старости.

Дизайн выборки. Сбор данных проходил в городах Москва и Дубна. Дубна является типичным малым городом, не выделяющимся по каким-либо признакам. Делается акцент на различиях большого и малого городов (темп жизни, концентрация населения и плотность контактов), предположительно оказывающих существенное влияние на образ жизни пенсионеров. Выборка исследования — невероятностная, в местах скопления, но максимально улучшена за счет вероятностного отбора на начальных этапах. В основу был положен социально-экономический критерий. Объем выборки — 128 человек, равное размещение объема выборки по городам.

Поскольку эмпирический объект исследования — люди пожилого возраста, методом сбора данных было выбрано личное формализованное интервью с использованием карточек для создания более комфортных условий респондентам.

Результаты исследования

Теперь перейдем непосредственно к анализу результатов нашего исследования. Для начала охарактеризуем нашу выборку по социально-демографическим параметрам. В опросе участвовали люди от 55 до 85 лет, 30 мужчин и 98 женщин. Из них 64 человека

продолжают заниматься трудовой деятельностью и 64 человека не работают.

Одной из задач нашего исследования было выявить основные *причины продолжения или прекращения трудовой деятельности*. Начнем с причин продолжения работы (рис. 4).

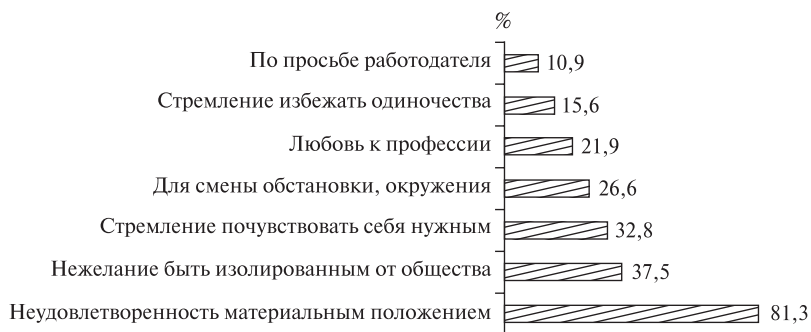

Рис. 4. Причины продолжения трудовой деятельности (% опрошенных)

Что касается различия результатов по городам, то в целом ранжирование причин по важности практически одинаково. Однако в Москве причину «Неудовлетворенность материальным положением» отметили 95,8% респондентов, а в Дубне — лишь 72,5%.

Таблица 1

Причины прекращения работы (% всей выборки)

Причины прекращения работы, все города	%
Стремление больше времени посвящать воспитанию внуков	25,0
Необходимость ухода за кем-то из членов семьи	9,4
Слишком большой объем работы	12,5
Состояние здоровья	35,9
Желание заниматься чем-то другим	12,5
Достижение пенсионного возраста и отсутствие каких-либо причин продолжать работу	31,3
Увольнение и невозможность дальнейшего трудоустройства	14,1

Наша гипотеза предполагала, что основными причинами продолжения трудовой деятельности пенсионеров являются недо-

влетворенность материальным положением и стремление избежать одиночества. Исходя из результатов исследования, мы можем сделать вывод, что гипотеза подтвердилась лишь частично: стремление избежать одиночества, в отличие от неудовлетворенности финансовым положением, не входит в число самых распространенных причин.

Теперь хотелось бы рассмотреть ключевые причины, по которым люди прекращают работать (см. табл. 1).

Преобладающими являются «Состояние здоровья» и «Достижение пенсионного возраста и отсутствие каких-либо причин продолжать работу». Если вспомнить исследование ФОМ [Неработающие пенсионеры], уже упомянутое во введении, то можно увидеть, что самые распространенные причины прекращения трудовой деятельности идентичны в обоих исследованиях.

В данном случае отдельного внимания заслуживают различия между обследуемыми городами (рис. 5).

Рис. 5. Причины прекращения работы в Москве и Дубне (% опрошенных)

Как мы видим, в Москве значительно выше число тех, кто стремится больше времени посвящать воспитанию внуков, и тех, кто просто не может устроиться на работу. В Дубне же значительно выше доля тех, кто не работает просто по причине фактического достижения пенсионного возраста. Тем не менее состояние здоровья остается самой актуальной причиной в обоих городах.

Также ставилась задача выявить *уровень электоральной инклюзии* пенсионеров, при этом выдвигалась гипотеза, что большинство пенсионеров обладают определенными политическими предпочтениями, т.е., например, поддерживают определенную политическую партию. В генеральной совокупности от 52 до 69% пенсионеров не поддерживают никакую политическую партию. Также мы можем заметить различия между городами: в Дубне 50% обладают определенными политическими предпочтениями, а в Москве — лишь 30%. И все же несмотря на размытость политических взглядов, 93% респондентов голосовали на последних выборах в Государственную Думу, а 96% — на выборах Президента.

В исследовании также ставилась задача установления взаимосвязи удовлетворенности материальным положением и приоритета цены или расстояния при приобретении продуктов питания. Большинство респондентов (от 78 до 90% в ГС) предпочли бы покупать продукты питания дальше от дома, но за меньшую цену. Однако мы не выявили значимой связи между выбором магазинов и удовлетворенностью материальным положением.

Помимо этого, предполагалось выяснить степень *технической грамотности* пенсионеров. Сейчас уже можно вести речь о том, что мобильные телефоны используются большей частью населения. Среди опрошенных пенсионеров доля пользователей этих устройств составляет 85,2%. Но мобильные телефоны — это уже практически необходимый атрибут полноценного общения, к тому же они не слишком сложны в использовании. Что касается компьютеров, ими пользуются лишь 43% пенсионеров, а Интернетом — всего 33%. Что характерно, более «молодое» поколение пенсионеров чаще пользуется данными устройствами. По все трем параметрам наблюдается обратная связь средней силы (измерена с помощью коэффициента корреляции Пирсона) между возрастом и использованием этими устройствами (т.е. эти устройства наиболее распространены среди более молодых пенсионеров, и наименее — среди более пожилых).

Еще одна задача была посвящена такому важному концепту, как отношение к старости. Респондентам было предложено выразить степень своего согласия с несколькими суждениями, как позитивными, так и негативными, характеризующими разные аспекты старости. После этого для каждого респондента был подсчитан индекс отношения к старости. На основании результатов было построено распределение значений индекса, измеренного по шкале от 0 до 30 баллов, для двух городов.

Для Дубны распределение бимодально, наблюдаются два ярко выраженных пика (19 и 24 балла) в отличие от Москвы, где распределение равномерно. Впрочем, в обоих случаях наблюдается асимметрия, распределение чуть смещено в правую сторону. Среднее значение индекса отношения к старости в генеральной совокупности лежит в пределах от 18,14 до 19,82 балла, т.е. пенсионеры в целом относятся к старости скорее положительно.

Коэффициент вариации для результатов по Москве и Дубне равен 28 и 22% соответственно, он является свидетельством достаточно высокой однородности ответов, что позволяет считать оценку среднего типичной.

Также на основе набора суждений был проведен *факторный анализ*. Изначально модель строилась по десяти переменным, однако сохраненные значения для двух из них были довольно малы, что привело к их исключению из факторной модели. В итоге на основании критерия Кайзера было выделено три фактора. Трехфакторная модель объясняет 64,6% суммарной дисперсии.

В результате мы получаем следующую матрицу повернутых компонент (табл. 2).

Таблица 2

Факторный анализ отношения к старости пенсионеров

Суждение	Фактор		
	1	2	3
Старость — это хорошая возможность заняться тем, на что раньше не было времени	0,788		
Старость — это лишь ожидание смерти, завершение жизненного пути	0,769		
Старость — это время одиночества, ненужности	0,747		
Старость — это бессмысленное, пустое коротание времени	0,631		–0,496
В старости открывается «второе дыхание», снова появляется интерес к жизни		0,768	
Старость — это такой же полноценный этап жизни, как и все остальные		0,768	
Старость — это время беспомощности, немощности		0,690	
Льготы и стабильная пенсия делают старость привлекательной			0,925

Первый фактор собрал суждения, связанные со временем и времяпровождением. Причем суждения о времяпровождении могут быть как положительными, так и отрицательными. Это «фактор времени». Ко второму фактору относятся суждения, связанные с фактическими проявлениями старости (болезни, немощность, интерес к жизни). Опять же, эти проявления могут быть разнонаправлены. Это «фактор фактов». Третий фактор отражает материальную компоненту (льготы, стабильная пенсия). Также можно заметить, что для людей с высоким значением материальных ценностей нехарактерно считать старость бессмысленным коротанием времени, поскольку всему можно найти материальное применение. Это «фактор денег».

Прежде всего было проверено наличие связи между факторами и городом проживания. Во всех трех случаях критерий χ^2 подтверждал статистическую гипотезу об отсутствии связи, т.е. место проживания не имеет явной связи ни с одним из факторов. Выраженность всех факторов у мужчин и женщин также существенно не различается.

Связь факторов и трудовой деятельности. Трудовая деятельность во многом определяет образ жизни пенсионеров, и построение таблицы χ^2 подтвердило значимость занятости в отношении формирования факторов. Так, для неработающих пенсионеров более характерны крайние значения фактора отношения ко времени. В 32,8% случаев этот фактор выражен крайне слабо (с прекращением трудовой деятельности зачастую утрачивается любой постоянный режим, время сливается в единое целое и не представляет особой ценности), а в 31,3%, напротив, — очень сильно (либо незанятого времени оказывается слишком много для пенсионера и это угнетает его, либо у него появляется возможность посвятить себя чему-то отличному от работы и пенсионер воспринимает это весьма позитивно). Среди работающих пенсионеров не наблюдается большого числа крайних значений фактора, но в целом существует смещение в сторону «значимости» (64% опрошенных), что можно объяснить необходимостью для всех работающих людей следить за временем. Что касается фактора «фактических проявлений», то он особенно значим для работающих пенсионеров (сильно выражен для 43,8%), поскольку именно для них болезни или, наоборот, приливы бодрости, оказывают влияние на работу — основное направление всей их деятельности. У неработающих, напротив, он сильно выражен лишь для 15,6% опрошенных.

Связь факторов и удовлетворенности своим материальным положением. Выраженность фактора времени особенно сильно зависит от степени удовлетворенности материальным положением. Среди тех пенсионеров, кто полностью доволен своим финансовым положением, более 80% придают большее значение этому фактору, чем в среднем по выборке. Для недовольных эта доля составляет около 50%. Фактические проявления старости также более важны для людей, довольных своим финансовым положением, поскольку они либо рискуют потерять источник дохода из-за болезней, либо финансовая стабильность позволяет им более позитивно воспринимать любые проявления старости. То же, хотя и в менее выраженной форме, характерно для пенсионеров, частично удовлетворенных своим материальным положением. Совсем недовольные своим материальным положением, напротив, в 73% случаев оценивают этот фактор как скорее или совсем неважный.

Что касается фактора денег, мы можем отметить, что он более выражен для пенсионеров, удовлетворенных своим материальным положением (73% против 45% для недовольных). Именно они воспринимают старость более позитивно благодаря льготам и пенсиям и не считают ее бессмысленным этапом жизни.

Выводы исследования

Итак, нами была проведена работа по исследованию образа жизни пенсионеров. Попытаемся ответить на вопрос о том, в чем заключаются его особенности и есть ли существенные отличия в больших и малых городах.

Во-первых, большая часть пенсионеров продолжает работать по причине неудовлетворенности материальным положением, что говорит нам либо о довольно высоких амбициях пенсионеров, либо, что гораздо более вероятно, о совершенной недостаточности современной пенсии для обеспечения нормального уровня жизни.

Во-вторых, многие пенсионеры не отдают особых предпочтений какой-либо партии, что говорит либо о политической пассивности данной группы, либо об отсутствии партии, пропагандирующей ценности, релевантные ценностям пенсионеров. Тем не менее более 90% пенсионеров участвуют в выборах, что позволяет сделать вывод о распространенности голосования не по предпочтениям, а по «принципу меньшего зла».

В-третьих, среди пенсионеров уже довольно широко распространено пользование мобильными телефонами, но пользование

всеми элементами технического прогресса характерно для более молодой группы, т.е. технический прогресс идет по пути замещения поколений, а не повсеместной «компьютеризации» пенсионеров.

В-четвертых, вне зависимости от удовлетворенности собственным финансовым положением большая часть пенсионеров живет в режиме «легкой повседневной экономии»: они предпочитают отдаленные дешевые магазины продуктов питания более близким и более дорогим.

В-пятых, пенсионеры в целом скорее склонны относиться к старости как жизненному этапу спокойно или позитивно. Формирование отношения к старости формируется на пересечении трех факторов: озабоченности временным аспектом старости, озабоченности фактическими ее проявлениями (болезни/второе дыхание) и озабоченности материальным аспектом одновременно с непризнанием старости как бессмысленного этапа.

Что касается проживания в разных городах, по результатам исследования мы не можем признать этот фактор значимым для формирования образа жизни пенсионеров в целом, но он оказывает влияние на некоторые его компоненты.

Дополнительно стоит упомянуть, что пенсионеры из двух городов, в которых проводилось исследование, несколько различаются по характеру реакции на интервьюера. В малом городе люди менее привычны к такому явлению, чаще относятся к этой практике с недоверием и пытаются ее избежать. Но это относится именно к «ознакомленности» с практикой проведения социологических опросов. Что касается веры в «реальную полезность» данной практики, в обоих случаях встречались как позиция «а кому мы, пенсионеры, интересны?», так и равнодушие к этому вопросу. Таким образом, мы можем смотреть на информацию, полученную от респондентов из Дубны, и как на полученную от наиболее открытых к новым контактам людей, и как на собранную в новом, нетронутом, «неиспорченном» поле.

Источники

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005.

Куштанова В.А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. № 4. С. 152—163.

Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. вып.: Современная французская социология. СПб., 1999. С. 140–156.

Социология в России. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.А. Ядов. М.: Институт социологии РАН, 1998 [Электронный ресурс]. <http://sbiblio.com/biblio/archive/jadov_sociologija/>

Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

ФОМ «Неработающие пенсионеры: уровень и образ жизни» [Электронный ресурс]. <<http://bd.fom.ru/report/map/dd041937>>

ФОМ «Неработающие пенсионеры» [Электронный ресурс]. <<http://bd.fom.ru/pdf/d16np11.pdf>>

ФОМ «Российские пенсионеры: нынешнее положение и ожидания» [Электронный ресурс]. <<http://bd.fom.ru/report/map/d090411>>

ФОМ «Жизнь на пенсии», отчет [Электронный ресурс]. <<http://bd.fom.ru/report/map/of041703>>

© Царева А., 2014

М.Г. Бельх

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»
Научный руководитель
А.О. Габриелов

АЛГОРИТМ ВЫБОРА ИНСТРУМЕНТОВ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ПРОЕКТА

Введение

В условиях нестабильности современной внешней среды актуальность управления рисками сложно переоценить. Ежедневно компании сталкиваются с множеством непредвиденных ситуаций, которые могут существенно повлиять на цели их деятельности.

Значимость управления рисками для каждого проекта и компании в целом определяет необходимость изучения данной области знаний в управлении проектами. Основные принципы и инструменты управления рисками подробно изложены в стандартах, однако не существует единственного оптимального набора инструментов, который можно использовать в любом проекте, поэтому для каждого из них необходимо разрабатывать свою систему управления рисками. Проблема создания такой системы состоит в том, что в стандартах предлагается более сотни различных инструментов, каждый из которых имеет определенные преимущества и недостатки. Но выбор тех инструментов, которые будут использоваться в конкретном проекте в рамках имеющегося бюджета и других ресурсов, зависит только от менеджера проекта и (или) специалиста по управлению рисками.

Таким образом, целью настоящей работы является разработка модели выбора инструментов и методов управления рисками проекта с учетом его индивидуальных характеристик.

Что касается существующих исследований по данной теме, в основном такие научные работы представляют собой тестовое при-

менение какого-либо одного инструмента управления рисками, анализ эффективности управления рисками конкретного проекта или различные классификации имеющихся рисков ([Aleshin, 2001; Aloini et al., 2012; Damodaran, 2009; Elkington, Smallman, 2002; Gil, Tether, 2011] и др.). Для контроля получаемых результатов была использована диссертация Р. Жуанду [Jouandou, 2010]. Несмотря на довольно сильное сходство темы с данной работой, в методологии и результатах все же имеются различия. Во-первых, исследование в вышеупомянутой диссертации проводилось только для строительной отрасли. В данной же работе была предпринята попытка разработать алгоритм, который можно использовать в любом проекте. Во-вторых, основой для исследования в диссертации являлась первичная информация, полученная посредством опроса 27 менеджеров строительных компаний. В свою очередь, настоящая работа основывается на вторичных данных. Такой подход позволяет подойти к проблеме с более широких позиций, однако имеет очевидные недостатки, касающиеся глубины получаемой информации. Тем не менее результаты двух работ сопоставимы, а значит, близки к реальности. В-третьих, в диссертации используются только 4 характеристики проекта и 8 инструментов управления рисками, в то время как в настоящей работе выделены 26 характеристик проекта, объединенных в 4 группы, что позволяет использовать более индивидуальный подход к каждому проекту, а также рассматриваются все предложенные в стандартах инструменты управления рисками. Кроме того, представляется, что результат данной работы, отраженный в таблице, более нагляден и удобен для практического применения.

Алгоритм выбора инструментов и методов управления рисками проекта

Группы характеристик проекта

Выбор инструментов и методов управления рисками [Aven, 2011; AZ/NZS 4360; ISO 31000:2009; ISO 31010:2009; PMBOK Guide, 2008; Practice Standard..., 2009] предлагается осуществлять по шаблону матрицы Врума — Джаго [Дафт, 2008], так как это позволит рассмотреть все возможные сочетания характеристик [Beldi et al., 2010; Grimsey, Lewis, 2002; Klein et al., 1994; Lenfle, 2011; Long et al.,

2004; Lyons, Skitmore, 2004; Wang, Yuan, 2011; Zhi, 1995]. Кроме того, список характеристик необходимо сократить, сгруппировав их с целью упрощения итоговой матрицы.

1. *Стадия жизненного цикла* проекта [Арчибальд, 2002; Ward, Chapman, 1995]. В данной работе используется модель жизненного цикла, состоящая из шести перечисленных ниже фаз, представляющая наиболее приближенной к практике для большинства коммерческих и высокотехнологичных проектов:

- 1) идея;
- 2) ТЭО;
- 3) ПИР (проектно-изыскательские работы);
- 4) реализация;
- 5) эксплуатация;
- 6) ликвидация.

2. *Объем доступной* команде проекта *информации*, опыта (исторических данных). Данная группа включает следующие характеристики:

- стандартность;
- опыт компании в проектной деятельности;
- качество документации;
- стабильность внешней среды;
- международный/внутренний проект;
- доступ к информации для участников;
- качество организации в целом.

3. *Объем доступных ресурсов*: материальных, человеческих и других, за исключением информационных. Данная группа объединяет следующие характеристики:

- размер проекта;
- срок проекта;
- заинтересованность компании;
- стабильность внешней среды;
- творческий характер;
- наукоемкость;
- коммерческий характер проекта;
- международный/внутренний проект;
- финансирование;
- квалификация участников;
- количество участников;
- доступные ресурсы;
- система ИТ-поддержки;

- личные качества членов команды;
- внешний проект.

4. *Значимость* проекта. В эту группу включаются такие характеристики проекта, как:

- универсальность;
- стратегическая важность для государства;
- доходность;
- отношение топ-менеджмента;
- качество организации проекта в целом;
- гибкость.

Матрица выбора инструментов и методов управления рисками проекта

Область наличия большого объема информации на стадии идеи, на первый взгляд, следует исключить из рассмотрения вследствие парадокса информации. Данное положение опровержимо в том случае, если компания имеет большой опыт в проектной деятельности или похожие проекты реализовывались раньше и по ним имеется информация. В столбце «Предлагаемые инструменты» (табл. 1) используются коды инструментов, присвоенные им при описании (см. приложение).

Что касается значения характеристик, необходимо более подробно описать процесс их расчета. Вначале каждой из 26 характеристик экспертами присваивается значение 1 или 0. Например, если проект универсальный, характеристике *универсальность* присваивается значение 1, в противном случае — 0. Если компания проектно ориентирована, то характеристике *опыт в проектной деятельности* присваивается значение 1, если нет — 0. В списке существует одна характеристика, у которой имеются три альтернативных значения: государственное финансирование, частное финансирование или государственно-частное партнерство. В этом случае первому присваивается 1, второму — 0, третьему — 0,5. Преимущественно значение 1 присваивается тем альтернативам характеристик, которые в большей степени положительно влияют на выбор инструментов управления рисками (УР): стандартный проект по характеристике *стандартность* в группу 2 (*Объем доступной информации*) включается как 1, так как чем «стандартнее» проект, тем выше объем доступной по нему информации.

Затем по каждой группе определяется средневзвешенное значение входящих в группу характеристик, являющихся двоичными величинами. Веса могут присваиваться экспертами. Округление производится по математическим правилам, и в результате получается величина, также являющаяся двоичной, но определяющая качество уже группы в целом.

Следует заметить, что предлагаемые инструменты являются наиболее желательными для данного сочетания характеристик, однако это не означает, что некоторые из них (самые распространенные) нельзя использовать в проектах другого рода. Данное ограничение вводится для того, чтобы уменьшить количество альтернативных инструментов и упростить выбор. Кроме того, по возможности предлагаются более сложные, затратные, но вместе с тем эффективные инструменты. Матрица была составлена на основании таблицы соответствия групп характеристик конкретным инструментам (см. приложение). Например, для инструмента 3.7 (экспертная оценка рисков) необходимо наличие информации об идентифицированных рисках и группа экспертов, обладающих определенными компетенциями и опытом. Однако если проект обладает высокой значимостью, лучше использовать более надежные инструменты, так как человеческий фактор в данном случае приводит к увеличению риска из-за охвата ограниченного объема информации и опасности неучета каких-либо важных характеристик рисков.

При составлении матрицы неоднократно возникали ситуации, когда некоторые ячейки оставались незаполненными. В этом случае распределение инструментов зависело не от характера проекта, а от процесса УР, в котором используется этот инструмент. Для процесса планирования УР при большом объеме доступной информации предлагается использовать шаблоны, в противном случае — проводить совещания. Данный процесс реализуется только на первых двух стадиях проекта. Для процессов идентификации и планирования реагирования на риски применяется мозговой штурм, как наименее затратный инструмент. Для качественного анализа предлагается использовать категоризацию рисков, для мониторинга и управления рисками — совещания по текущему состоянию на последних трех-четырёх фазах проекта. Количественный анализ, как необязательный процесс, опускается. Искусственно распределенные инструменты в матрице указаны в скобках (табл. 1).

Таблица 1

Матрица выбора инструментов и методов управления рисками проекта

Стадия жизненного цикла проекта	Объем доступной информации, опыта (исторических данных)	Объем доступных ресурсов	Значимость	Предлагаемые инструменты
Идея	В	В	В	(1.2), 2.16, (3.5), (5.10)
			Н	(1.2, 2.1), 3.3, 3.7, 3.11, (5.10)
		Н	В	1.2, (2.1), 3.6, (5.10)
			Н	(1.2), 2.11, 2.24, 2.25, 2.31, 3.4, 3.10, (5.10)
	Н	В	В	(1.1), 2.2, 3.2, (5.10)
			Н	1.1, 2.7, 2.12, 2.26, 3.1, 4.8, 5.9, 5.20
		Н	В	(1.1), (2.1), (3.5), (5.10)
			Н	(1.1), 2.1, 2.13, 2.17, 2.18, 2.27, 2.28, 2.29, 3.5, 3.9, (5.10)
ТЭО	В	В	В	(1.2), 2.16, 3.8, 4.1, 4.2, 4.4, 4.5, 4.6, 4.7, 4.9, 4.10, 5.3, 5.7, 5.12, 5.13, 5.14, 5.15, 5.21, 5.24, 5.26
			Н	(1.2), 2.23, 3.3, 3.7, 3.11, (5.10)
		Н	В	1.2, (2.1), 3.6, (5.10)
			Н	(1.2), 2.8, 2.11, 2.24, 2.25, 2.31, 3.4, 3.10, 5.17, 5.18
	Н	В	В	(1.1), 2.2, 3.2, 5.16
			Н	1.1, 2.7, 2.12, 2.14, 2.26, 3.1, 4.8, 5.1, 5.5, 5.9, 5.20
		Н	В	(1.1), (2.1), (3.5), 5.2, 5.6
			Н	(1.1), 2.1, 2.13, 2.17, 2.18, 2.27, 2.28, 2.29, 3.5, 3.9, 4.11, 5.4, 5.8, 5.10, 5.22, 5.23, 5.25
ПИР	В	В	В	2.16, 2.19, 3.8, 4.1, 4.2, 4.4, 4.5, 4.6, 4.7, 4.9, 4.10, 5.3, 5.7, 5.12, 5.13, 5.14, 5.15, 5.21, 5.24, 5.26, 6.3, 6.7
			Н	2.9, 2.23, 3.3, 3.7, 3.11, 5.10

Стадия жиз- ненного цикла проекта	Объем доступной информации, опыта (исто- рических данных)	Объем до- ступ- ных ресур- сов	Зна- чи- мость	Предлагаемые инструменты
		Н	В	(2.1), 3.6, (5.10)
			Н	2.4, 2.8, 2.10, 2.11, 2.20, 2.21, 2.24, (3.5), 5.17, 5.18
	Н	В	В	2.2, 3.2, 5.6
			Н	2.7, 2.12, 2.14, 2.15, 2.26, 3.1, 4.8, 5.1, 5.5, 5.9, 5.20, 6.6
		Н	В	(2.1), (3.5), 5.2, 5.6
			Н	2.1, 2.13, 2.17, 2.18, 2.27, 2.28, 2.29, 3.5, 3.9, 4.11, 5.4, 5.8, 5.10, 5.22, 5.23, 5.25
Реали- зация	В	В	В	2.16, 2.19, 3.8, 4.1, 4.2, 4.3, 4.4, 4.7, 5.3, 5.7, 5.12, 5.13, 5.14, 5.15, 5.21, 5.24, 6.7
			Н	2.9, 2.22, 2.30, 3.7, (5.10), 6.1, 6.2, 6.3, 6.5
		Н	В	(2.1), 3.6, (5.10), (6.6)
			Н	2.4, 2.8, 2.10, 2.11, 2.20, 2.21, 2.24, (3.5), 4.12, 5.17, (6.6)
	Н	В	В	2.2, 2.5, (3.5), 5.16, (6.6)
			Н	2.3, 2.6, 2.12, 2.14, 2.15, (3.5), 4.1, 5.1, 5.5, 5.9, 5.11, 5.19, 6.4, 6.6
		Н	В	(2.1), (3.5), 5.2, 5.6, (6.6)
			Н	(2.1), (3.5), 5.4, 5.6, 5.10, (6.6)
Экс- плуата- ция	В	В	В	2.16, 2.19, 3.8, 4.1, 4.2, 4.3, 4.4, 4.7, 5.3, 5.7, 5.12, 5.13, 5.14, 5.15, 5.21, 5.24, 6.7
			Н	2.9, 2.22, 2.30, 3.7, 5.10, 6.1, 6.2, 6.3, 6.5

Стадия жиз- ненного цикла проекта	Объем доступной информации, опыта (исто- рических данных)	Объем до- ступ- ных ресур- сов	Зна- чи- мость	Предлагаемые инструменты
		Н	В	(2.1), 3.6, (5.10), (6.6)
			Н	2.4, 2.8, 2.10, 2.11, 2.20, 2.21, 2.24, (3.5), 4.12, 5.17, (6.6)
	Н	В	В	2.2, 2.5, (3.5), 5.16, (6.6)
			Н	2.3, 2.6, 2.12, 2.14, 2.15, (3.5), 4.8, 5.1, 5.5, 5.9, 5.11, 5.19, 6.4, 6.6
		Н	В	(2.1), (3.5), 5.2, 5.6, (6.6)
			Н	(2.1), (3.5), 5.4, 5.8, 5.10, (6.6)
Ликви- дация	В	В	В	2.16, 2.19, 3.8, 5.3, 5.7, 5.12, 5.13, 5.14, 5.15, 5.24, 6.7
			Н	2.9, 2.22, 2.30, 3.7, (5.10), 6.1, 6.2, 6.3, 6.5
		Н	В	(2.1), (3.5), (5.10), (6.6)
			Н	2.4, 2.8, 2.10, 2.11, 2.20, 2.21, 2.24, (3.5), 5.17, (6.6)
	Н	В	В	2.2, 2.5, (3.5), 5.16, (6.6)
			Н	2.3, 2.14, 2.15, (3.5), 4.8, 5.1, 5.5, 5.9, 5.11, 5.19, 6.4, 6.6
		Н	В	(2.1), (3.5), 5.2, 5.6, (6.6)
			Н	(2.1), (3.5), 5.4, 5.8, 5.10, (6.6)

Практическое применение алгоритма

После описания алгоритма представляется необходимым привести пример его применения на практике, используя реальный проект. В качестве материала для анализа взята статья Ванг, Лин и др. [Wang et al., 2010].

Ниже представлена сводная таблица, содержащая оценки и веса каждой характеристики, а также интегральные показатели по группам характеристик (табл. 2).

Таблица 2

Пример применения модели

Характеристика	Оценка	Вес	Характеристика	Оценка	Вес
Объем доступной информации $I = 0,75 \approx 1$ (B)			Объем доступных ресурсов $I = 0,54 \approx 1$ (B)		
Стандартность	0	0,05	Размер проекта	0	0,01
Опыт компании	1	0,1	Срок проекта	0	0,01
Качество документации	1	0,3	Заинтересованность компании	1	0,03
Стабильность внешней среды	0	0,1	Стабильность внешней среды	0	0,03
Международный/внутренний проект	0	0,1	Творческий характер	1	0,05
Доступ к информации	1	0,2	Наукоемкость	1	0,2
Качество организации в целом	1	0,15	Коммерческий характер проекта	1	0,1
Значимость $I = 0,55 \approx 1$ (B)			Международный/внутренний проект	0	0,08
Универсальность	0	0,15	Финансирование	0	0,15
Стратегическая важность для государства	1	0,2	Квалификация участников		0,15
Доходность	1	0,15	Количество участников	0	0,01
Отношение топ-менеджмента	1	0,2	Доступные ресурсы	1	0,1
Качество организации проекта в целом		0,2	Система ИТ-поддержки	1	0,01
Гибкость	0	0,1	Личные качества членов команды	1	0,06
			Внешний проект	0	0,01

Таким образом, рассматриваемый проект по трем группам характеристик имеет значение «В» (большой объем доступной информации, других ресурсов, а также высокая значимость проекта).

При идентификации и оценке рисков данного проекта на практике использовались следующие инструменты:

- матрица влияния рисков на показатели эффективности проекта и компании;
- выявление источников риска;
- количественный анализ влияния рисков на показатели эффективности;
- анализ план-факт.

Если предположить, что вышеописанные меры по управлению рисками были предприняты до фазы реализации проекта, на этапе ТЭО или ПИР, то в целом используемые инструменты соответствуют предложенным в матрице: присутствует анализ первопричин, количественные методы, анализ отклонений от тенденций. В соответствующих ячейках матрицы отсутствуют экспертная оценка и исторические данные, однако это объясняется тем, что теоретически было возможно использовать более затратные методы (например, анализ уровней защиты LOPA для идентификации рисков или имитационное моделирование для количественной оценки рисков), но руководство посчитало это необязательным. Использование экспертного метода также можно объяснить научным характером проекта и важностью знаний, компетенций и опыта в области медицины.

Заключение. Выводы

Для разработки алгоритма выбора инструментов и методов управления рисками были выделены 26 характеристик проектов. По данным характеристикам, предварительно ранжированным по важности, предлагается оценить проект, используя двоичную шкалу оценки. С целью упрощения оценки проекта и расчета интегральных показателей указанные характеристики были затем объединены в три группы соответственно совокупным параметрам проекта: объему доступной информации, объему других ресурсов и значимости. Предложенная матрица выбора инструментов и методов управления рисками представляет все возможные сочетания четырех параметров проекта — фазы жизненного цикла и трех перечисленных выше — и рекомендуемые к использованию инструменты для каждого из сочетаний.

В работе также проанализирован пример реального проекта, сопоставлены примененные на практике и предложенные по матрице инструменты, при этом замечено значительное сходство между ними (различия можно объяснить узкой медицинской направленностью проекта и индивидуальными предпочтениями руководства).

В целом поставленная цель была достигнута. Результаты работы представляется возможным использовать на практике. Однако предложенный алгоритм является скорее предварительным вариантом и требует доработки в области оптимизации списка характеристик и системы их оценки.

Источники

Арчибальд Р. Управление высокотехнологичными программами и проектами / пер. с англ. М.: ДМК Пресс, 2002. 464 с.

Дафт Р. Менеджмент / пер. с англ. 6-е изд. СПб.: Питер, 2008. 864 с.

Aleshin A. Risk Management of International Projects in Russia // International Journal of Project Management. 2001. No. 19. P. 207–222.

Aloini D., Dulmin R., Mininno V. Risk Assessment in ERP Projects // Information Systems. 2012. No. 37. P. 183–199.

Aven T. On the New ISO Guide on Risk Management Terminology // Reliability Engineering and Safety. 2011. No. 96. No. 719–726.

AZ/NZS 4360 Risk Management. Standards Australia, Sydney, 2004.

Beldi A., Cheffi W., Dey P.K. Managing Customer Relationship Management Projects: The Case of a Large French Telecommunications Company // International Journal of Project Management. 2010. No. 28. P. 339–351.

Damodaran A. Risk Management Instruments for Debt Driven Conservation Efforts: The Case of India's Project Tiger // Ecological Economics. 2009. No. 68. P. 625–633.

Elkington P., Smallman C. Managing Project Risks: A Case Study From the Utilities Sector // International Journal of Project Management. 2002. No. 20. P. 49–57.

Gil N., Tether B.S. Project Risk Management and Design Flexibility: Analysing a Case and Conditions of Complementarity // Research Policy. 2011. No. 40. P. 415–428.

Grimsey D., Lewis M.K. Evaluating the Risks of Public Private Partnerships for Infrastructure Projects // International Journal of Project Management. 2002. No. 20. P. 107–118.

ISO 31000:2009 Risk Management — Principles and Guidelines.

ISO 31010:2009 Risk Management — Risk Assessment Techniques.

Jouandou R. Dealing with Uncertainty: Selecting a Risk-Analysis Tool on the Basis of Project Characteristics and Phases (Master Thesis). Faculty of the Graduate School of the University of Colorado in Partial Fulfillment. Department of Civil, Environmental, and Architectural Engineering, 2010. 224 p.

Klein J.H., Powell P.L., Chapman C.B. Project Risk Analysis Based on Prototype Activities // The Journal of the Operational Research Society. 1994. Vol. 45. No. 7. P. 749–757.

Lenfle S. The Strategy of Parallel Approaches in Projects with Unforeseeable Uncertainty: The Manhattan Case in Retrospect // International Journal of Project Management. 2011. No. 29. P. 359–373.

Long N.D., Ogunlana S., Quang T. et al. Large Construction Projects in Developing Countries: A Case Study from Vietnam // International Journal of Project Management. 2004. No. 22. P. 553–561.

Lyons T., Skitmore M. Project Risk Management in the Queensland Engineering Construction Industry: A Survey // International Journal of Project Management. 2004. No. 22. P. 51–61.

PMBOK (The Project Management Body of Knowledge) Guide. 4th ed. Newton Square, Pennsylvania, USA: Project Management Institute, 2008.

Practice Standard for Project Risk Management. Practice Standard for Project Risk Management. Newton Square, Pennsylvania, USA: Project Management Institute, 2009.

Wang J., Lin W., Huang Y.-H. A Performance-Oriented Risk Management Framework For Innovative R&D Projects // Technovation. 2010. No. 30. P. 601–611.

Wang J., Yuan H. Factors Affecting Contractors' Risk attitudes in Construction Projects: Case Study From China // International Journal of Project Management. 2011. No. 29. P. 209–219.

Ward S.C., Chapman C.B. Risk-Management Perspective On the Project Lifecycle // International Journal of Project Management. 1995. No. 3. P. 145–149.

Zhi H. Risk Management for Overseas Construction Projects // International Journal of Project Management. 1995. Vol. 13. No. 4. P. 231–237.

Приложение

Соответствие групп характеристик проекта инструментам и методам управления рисками

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необходимость наличия информации	Необходимость наличия ресурсов	Глубина исследования
Процесс планирования управления рисками					
1.1	Совещания (planning sessions)	1, 2		+	
1.2	Шаблоны (templates)	1, 2	+		+
Процесс идентификации рисков					
2.1	Мозговой штурм (brain-storming)	1–3			
2.2	Метод Дельфи (Delphi technique)	1–6		+	+
2.3	Опросы (interviews, questionnaires)	4–6		+	
2.4	Анализ документации (document review)	3–6	+		
2.5	Анализ первопричин (root-cause analysis, «5 why's»)	4–6		+	+
2.6	Контрольные листы (checklists)	4, 5		+	
2.7	Анализ допущений и ограничений (assumption and constraints analysis)	1–3		+	

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необхо- димость наличия информации	Необхо- димость наличия ресурсов	Глубина иссле- дования
2.8	Диаграмма Ишикавы (cause and effect analysis)	2–5	+		
2.9	Блок-схемы процесса	3–6	+	+	
2.10	Диаграммы влияния (influence diagrams)	4–6	+		
2.11	SWOT-анализ	1–6	+		
2.12	Экспертная оценка	1–5		+	
2.13	Первичный, предвари- тельный анализ угроз (primary or preliminary hazard analysis)	1–3			
2.14	Анализ угроз и функцио- нирования (HAZOP — hazard and operability analysis)	2–6		+	
2.15	Анализ угроз и критиче- ские контрольные пункты (HACCP — hazard analysis and critical control point)	3–6		+	
2.16	Оценка внешнего риска (environment risk assess- ment)	1–6	+	+	+
2.17	Метод «Что, если» (SWIFT — Structured what-if technique)	1–3			
2.18	Анализ сценариев (scenario analysis)	1–3			
2.19	Анализ уровней защиты (LOPA — layers of protec- tion analysis)	3–6	+	+	+
2.20	Анализ человеческой на- дежности (HRA — human reliability analysis)	4–6	+		

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необходимость наличия информации	Необходимость наличия ресурсов	Глубина исследования
2.21	Поддержка, ориентированная на надежность (RCM — reliability centred maintenance)	4–6	+		
2.22	Анализ скрытых угроз (sneak circuit analysis)	4–6	+	+	
2.23	Анализ затраты/выигрыш (cost/benefit analysis)	2, 3	+	+	
2.24	Анализ сил влияния (force field analysis)	1–6	+		
2.25	База данных отрасли (industry knowledge base)	1–3	+		
2.26	Метод номинальной группы (nominal group technique)	1–3		+	
2.27	Исторические данные (historical review)	1–3			
2.28	Вспомогательные списки (prompt lists)	1–3			
2.29	Иерархическая структура рисков (RBS — risk breakdown structure)	1–3			
2.30	Системная динамика (system dynamics)	4–6	+	+	
2.31	Анализ иерархической структуры работ (WBS — work breakdown structure — review)	1–3	+		
Процесс качественного анализа рисков					
3.1	Матрица вероятности и воздействия (P-I matrix, consequence/probability matrix)	1–3		+	

Продолжение табл.

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необходимость наличия информации	Необходимость наличия ресурсов	Глубина исследования
3.2	Оценка качества данных	1–3		+	+
3.3	Дерево ошибок (FMEA — failure modes and effects analysis/ FMECA — failure modes and effects and criticality analysis/fault tree)	1–3	+	+	
3.4	Дерево событий (event tree)	1–3	+		
3.5	Классификация (категоризация) рисков	1–3			
3.6	Оценка срочности	1–5	+		+
3.7	Экспертная оценка	1–6	+	+	
3.8	Анализ первопричин (root-cause analysis)	2–6	+	+	+
3.9	Исторические данные (historical information)	1–3			
3.10	Метод аналитический иерархии (analytic hierarchy process)	1, 2	+		
3.11	Причинно-следственный анализ (cause-and-consequence analysis)	1–3	+	+	
Процесс количественного анализа рисков					
4.1	Анализ чувствительности	2–5	+	+	+
4.2	Индексы риска (risk indices)	2–5	+	+	+
4.3	Марковский анализ (Markov analysis)	4, 5	+	+	+
4.4	Принятие решений в условиях многокритериальности (MCDA — multi-criteria decision analysis)	2–5	+	+	+

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необхо- димость наличия информации	Необхо- димость наличия ресурсов	Глубина иссле- дования
4.5	Кривые частота — население (FN curves)	2, 3	+	+	+
4.6	Анализ ожидаемого денежного значения (EMV — expected monetary value)	2, 3	+	+	+
4.7	Моделирование и имитация (метод Монте-Карло, Байесовы сети)	2–5	+	+	+
4.8	Экспертная оценка	1–6		+	
4.9	Дерево решений (decision tree)	2, 3	+	+	+
4.10	Дерево ошибок (FMEA — failure modes and effects analysis/ FMECA — failure modes and effects and criticality analysis/fault tree)	2, 3	+	+	+
4.11	Исторические данные (historical information)	2, 3			
4.12	Системная динамика (system dynamics)	4–6	+		
Процесс планирования реагирования на риски					
5.1	Стратегия уклонения (для угроз)	2–6		+	
5.2	Стратегия передачи (для угроз)	2–6			+
5.3	Стратегия снижения (для угроз)	2–6	+	+	+
5.4	Стратегия принятия (для угроз)	2–6			
5.5	Стратегия использования (для возможностей)	2–6		+	

Продолжение табл.

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необходимость наличия информации	Необходимость наличия ресурсов	Глубина исследования
5.6	Стратегия разделения (для возможностей)	2–6			+
5.7	Стратегия увеличения (для возможностей)	2–6	+	+	+
5.8	Стратегия принятия (для возможностей)	2–6			
5.9	Экспертная оценка	1–6		+	
5.10	Мозговой штурм (brain storming)	1–6			
5.11	Контрольные листы (checklists)	4–6		+	
5.12	Вероятностное планирование (contingency planning)	2–6	+	+	+
5.13	Вероятностная оценка резервов (contingency reserve estimation)	2–6	+	+	+
5.14	Метод критической цепи в управлении проектами (CCPM — critical chain project management)	2–6	+	+	+
5.15	Дерево решений (decision tree)	2–6	+	+	+
5.16	Метод Дельфи (Delphi technique)	2–6		+	+
5.17	Анализ сил влияния (force field analysis)	2–6	+		
5.18	База данных отрасли (industry knowledge base)	2, 3	+		
5.19	Опросы (interviews)	4–6		+	
5.20	Метод номинальной группы (nominal group)	1–3		+	

Код	Инструменты и методы	Фаза ЖЦ	Необхо- димость наличия информации	Необхо- димость наличия ресурсов	Глубина иссле- дования
5.21	Принятие решений в условиях многокритериальности (MCDA — multi-criteria decision analysis)	2–5	+	+	+
5.22	Исторические данные (historical review)	2, 3			
5.23	Вспомогательные списки (prompt lists)	2, 3			
5.24	Анализ первопричин (root-cause analysis)	2–6	+	+	+
5.25	Анализ сценариев (scenario analysis)	2, 3			
5.26	Анализ ожидаемого денежного значения (EMV — expected monetary value)	2, 3	+	+	+
Процесс мониторинга и управления рисками					
6.1	Переоценка	4–6	+	+	
6.2	Аудиты	4–6	+	+	
6.3	Анализ отклонений от тенденций	3–6	+	+	+
6.4	Измерение технического исполнения	4–6		+	
6.5	Анализ резервов (reserve analysis)	4–6	+	+	
6.6	Совещания по текущему состоянию	3–6		+	
6.7	Метод критической цепи в управлении проектами (CCPM — critical chain project management)	3–6	+	+	+

В.А. Маренчук

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
Е.Я. Варшавская

ЗАЕМНЫЙ ТРУД СПЕЦИАЛИСТОВ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ

Тема заемного труда в России сегодня актуальна как никогда. Несмотря на то что в стране сложилась довольно устойчивая практика его применения и такие термины, как «аутстаффинг», «лизинг персонала» и «агентская занятость», прочно вошли в обиход и управленцев, и специалистов по кадрам, попытки систематизации информации по масштабам и формам развития этого явления носят случайный характер и не позволяют увидеть картину в целом. Это обусловлено, во-первых, тем, что в России заемный труд находится фактически «вне закона», так как законопроект¹ по его регулированию рассматривается в Госдуме не первый год, и, во-вторых, тем, что для России заемный труд относительно новое явление, которое распространено преимущественно среди российских представительств западных компаний и редко встречается в отечественных организациях.

Одно из наиболее точных определений заемного труда приводит в своей работе И.М. Козина: «Специфика заемного труда заключается в том, что работники нанимаются в коммерческую фирму (кадровое агентство) с целью предоставления их в распоряжение третьей стороны (предприятие), которая устанавливает им рабочие задания и контролирует их выполнение»². Если немного расширить данное определение, то заемный труд — это аренда труда работников, при которой кадровое агентство³, как сторона, с которой работник заключает договор, занимается только вопросами кадрового администрирования (оформление приказов, учет рабочего времени, начисление заработной платы), а предприятие, являясь фактическим работодателем (установление заемным работникам

¹ [Законопроект № 451173-5].

² [Козина, 2008, с. 4].

³ В международной практике общепринято использование термина «Частное агентство занятости».

трудовых заданий и контроль за их исполнением), не вступает с работником в договорные отношения.

На Западе в изучении заемного труда накоплен несравнимо больший теоретический и практический опыт. Международная организация труда разработала специальную Конвенцию⁴, посвященную заемному труду, что делает его международно признанной практикой. Однако это Конвенция не была ратифицирована Россией. Более того, на государственном уровне стоит вопрос о возможном запрете данной формы занятости, в которой по оценкам некоторых экспертов уже работают от 100 до 300 тыс. человек, что составляет 0,1–0,3% от занятого населения страны. Инициаторами запрета заемного труда являются лидеры профсоюзных организаций, по утверждению которых заемный труд — это способ ограничения работника в правах в результате перевода его с постоянной занятости на временную.

Гипотезы исследования

В работе был сформулирован ряд гипотез, в качестве анти-тезисов к ним выбраны наиболее «острые» и распространенные критические положения, касающиеся заемного труда, условно названные «мифами».

Гипотеза 1. Чем моложе специалист, тем больше вероятность того, что выполняемая им работа соответствует ранее полученному образованию.

Предполагается, что заемный труд для молодых специалистов — это временный этап, а точнее, способ обретения опыта работы по полученному образованию с целью последующего постоянного трудоустройства.

Гипотеза направлена на частичное развенчание мифа о том, что *«заемным работникам предлагается только низкоквалифицированная работа, не соответствующая их уровню образования» (миф 1).*

Гипотеза 2. У специалистов преобладают трудовые, а не гражданско-правовые отношения с работодателем (в случае с заемными работниками договор заключен между самим работником и частным агентством занятости (ЧАЗ), предоставившим временную работу).

⁴ [Конвенция МОТ № 181].

Гипотеза основана на предположении, что причины использования работодателями заемного труда не сводятся к ограничению прав трудящихся, а именно преимущественному заключению договоров ГПХ с минимальными гарантиями для работника. Гипотеза соответствует *мифу 2: «Заемные работники постоянно меняют свои фактические рабочие места, и работодатели предлагают им преимущественно договоры гражданско-правового характера, урезающие их трудовые права».*

Гипотеза 3. Уровень оплаты труда заемных работников-специалистов зависит от срока договора: чем короче срок договора, тем выше заработная плата — как компенсация за непродолжительную занятость.

Гипотеза была сформулирована в соответствии с рыночным предположением, что если традиционный тип занятости дает работнику определенную гарантию постоянства занятости, то заемный труд, как временная занятость, должен предоставлять последнему компенсацию за непродолжительную занятость, т.е. чем короче срок трудового договора, тем выше уровень заработной платы.

Гипотеза направлена на частичное развенчание мифа о том, что *«заемные работники ущемлены в оплате труда по сравнению со штатными сотрудниками» (миф 3).*

Гипотеза 4. Для специалистов — заемных работников более важными факторами выступают содержание и условия труда, а не способ трудоустройства.

Предполагается, что для заемных работников то, каким образом они трудоустроены, вторично по сравнению с тем, какое предложение о работе они получили. Если работа агентская (временная), но обладает субъективно значимыми для соискателя характеристиками (высокий уровень заработной платы, содержание работы, условия труда), то ему не важно, в какой форме он будет трудоустроен.

Гипотеза основана на мифе, что *«заемный труд — это вынужденная мера, а не сознательный выбор самого работника» (миф 4).*

Характеристика выборки

Исследование проводилось на базе анкетирования и серии полуструктурированных интервью с агентскими работниками. Анкетированием было охвачено 1000 работников⁵ всех профессио-

⁵ Анкетирование инициировано НИУ ВШЭ в рамках работы по подготовке предложений по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года («Стратегия — 2020»).

нальных групп (руководители, специалисты, служащие и рабочие), среди которых в качестве исследовательского фокуса была выделена группа в 283 специалиста (28% опрошенных). На этапе полуструктурированных интервью было опрошено 15 агентских работников, также занимавших должностные позиции специалистов⁶.

Соответствие работы полученному образованию

Как видно из табл. 1, менее половины заемных работников, занимающих должностные позиции специалистов, работают по специальности (43%). При этом чем моложе респонденты, тем выше среди них доля тех, кто работает в соответствии с ранее полученным образованием (от 25 до 30 лет — 40%, от 18 до 25 лет — 53%).

Таблица 1

Распределение респондентов по возрасту и соответствию работы образованию, %

Возраст	Соответствует ли работа полученному образованию (диплому)	
	Да	Нет
От 18 до 25 лет	53	47
От 25 до 30 лет	40	60
Старше 30 лет	37	62
Всего	43	57

В группе специалистов был проведен кластерный анализ по возрасту. Сделано это было исходя из предположения, что среди заемных работников-специалистов можно выделить две группы: молодые специалисты без опыта работы (далее — «молодые») и старшие коллеги с опытом работы (далее — «старшие»). Группы оказались примерно равными по численности (119 специалистов в первой группе и 104 — во второй) (табл. 2).

⁶ В состав выборки вошли: 2 инженера, 2 переводчика, 2 бухгалтера, 2 программиста, 3 специалиста по кадрам, 2 специалиста по маркетингу, 1 оператор-монтажер, 1 специалист по кредитованию (банковская сфера). На момент интервьюирования все респонденты обладали опытом работы не менее полугода.

Таблица 2

Распределение респондентов по возрасту (кластеры), %

Возраст	«Молодые»	«Старшие»
От 18 до 25 лет	73	0
От 25 до 30 лет	27	49
Старше 30 лет	0	51

В состав первой группы вошли в основном молодые специалисты (73,1% не старше 25 лет), во вторую — их старшие коллеги (51% старше 30 лет).

Если рассматривать соответствие выполняемой работы ранее полученному образованию, то в первом кластере (условно обозначенном как «молодые») более чем у половины опрошенных работа соответствует таковому, чего нельзя сказать о втором кластере (условно обозначенном как «старшие»), где по специальности работает только треть опрошенных заемных работников (табл. 3).

Таблица 3

Распределение респондентов по должностным группам и соответствию работы образованию, %

Соответствует ли данная работа полученному профессиональному образованию (диплому)?	«Молодые»	«Старшие»
Да	52	34
Нет	44	63
Не имеют профессионального образования	4	3

Принимая во внимание полученные результаты, а также результаты работы группы российских исследователей, которые пришли к заключению, что *«доля работающих по специальности среди всех обладателей вузовских дипломов составляет в среднем около 50%»*⁷, можно говорить о том, что различия между заемными и штатными сотрудниками в доле работающих по специальности существуют, и при этом наибольший разрыв зафиксирован у старшей группы заемных работников. Можно сделать вывод, что гипотеза 1 подтверждена, однако миф 1 развенчан только отчасти, так как старшая группа заемных работников-специалистов действительно

⁷ [Выбор профессии, 2009].

преимущественно работает не по специальности, в то время как молодые работники соответствуют среднестатистическому распределению.

Трудовые или гражданско-правовые отношения?

Диаграмма на рис. 1 показывает, что с подавляющим числом специалистов заключены трудовые договоры (89%), а это значит, что специалистам гарантированы их права, обусловленные трудовым, а не гражданским законодательством.

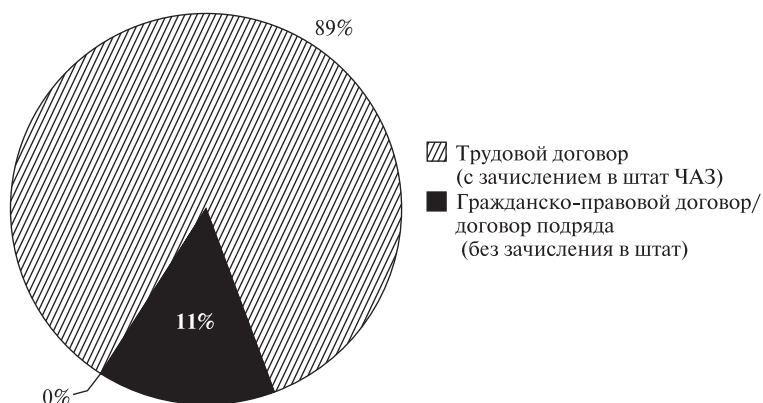

Рис. 1. Тип договора, заключаемый со специалистами

Однако в ходе проведенных полуструктурированных интервью было выявлено, что набор таких дополнительных социальных льгот, как социальный пакет, добровольное медицинское страхование, стимулирующие выплаты в виде премий, у заемных работников отличается от соответствующего набора у постоянных сотрудников тех же компаний, в которых они работают. В отдельных случаях эти отличия несущественны («Ну, у них по условиям договора есть некоторые бонусы, которых нет у агентских работников. На позиции уровня специалистов это может быть еще не так заметно, ну, например, страхование жизни, годовой бонус» (специалист по подбору персонала в FMCG-компании)), в других — принципиальны («У постоянных сотрудников больше компенсаций. Постоянным со-

трудникам компенсируют затраты на абонемент в фитнес-клуб в размере 20 тыс. руб. в год. Они могут взять беспроцентный кредит. Кажется, у них более продвинутая мед. страховка. Если они выполняют свой план, то в конце года получают большой бонус» (специалист по маркетингу в IT-компании)).

Если обратиться к диаграмме, представленной на рис. 2, можно отметить, что подавляющее большинство заемных работников (85%) ни разу не меняли место работы, а это значит, что они работали в одной компании, будучи трудоустроенными благодаря одному частному агентству занятости.

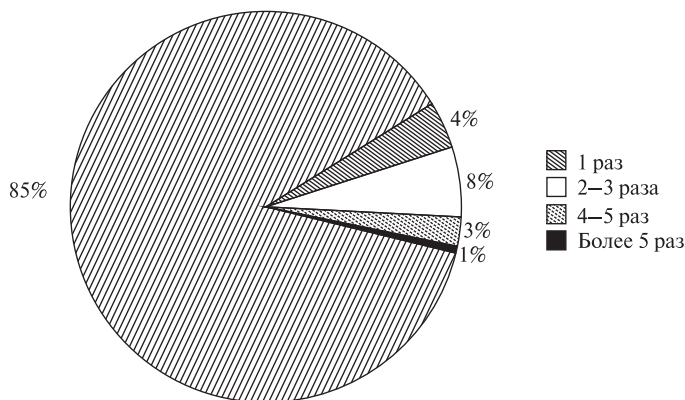

Рис. 2. Сколько раз меняли работу (компании) с момента трудоустройства в ЧАЗ

Исходя из вышеприведенных данных, можно заключить, что гипотеза 2 подтверждена, а миф 2 развенчан: с заемными работниками преимущественно заключены трудовые (хотя и срочные) договоры, и они редко меняют места своей работы.

Компенсация за непродолжительность занятости

В результате статистического анализа по критерию χ^2 было выявлено наличие связи между сроком договора и уровнем оплаты труда (двусторонняя асимптотическая значимость составила 0,032). При этом по критерию Крамера была отмечена лишь слабая

степень тесноты связи (0,176). Исходя из данных, представленных в табл. 4, можно сделать вывод, что самые высокооплачиваемые работники — это те, у кого договор заключен на срок от года до 5 лет, а также те, кто взят на работу на период проекта (среди обеих групп около половины работников получают свыше 30 тыс. руб.). Если предположить, что в группе трудоустроенных «на срок проекта» продолжительность работы во всех случаях меньше года, то гипотеза подтверждается. Однако, как показал ряд интервью, срок проекта может растягиваться от полугода до нескольких лет, что не дает права подтвердить гипотезу. Гипотеза опровергается и в случае с группами «до года» и «от года до 5 лет». Получается, что труд тех, кто работает до года, оплачивается ниже, чем тех, с кем заключен трудовой договор на срок от года до 5 лет.

Таблица 4

Распределение респондентов по срокам договора и заработной плате, %

Срок договора	Зарплата		
	до 15 000 руб.	от 15 000 до 30 000 руб.	свыше 30 000 руб.
До года	15	48	37
От года до 5 лет	14	41	46
На срок проекта	14	39	47

Рассматривая уровень доходов специалистов в соответствии с выделенными кластерами (табл. 5), можно говорить о сохранении выявленных распределений, а именно о неоднозначности полученных результатов.

В связи с этим мы можем говорить только о частичном подтверждении гипотезы, которую необходимо проверить в дальнейших эмпирических исследованиях, принимая во внимание неопределенную продолжительность договора, заключенного «на срок проекта». Остался без ответа и вопрос, получают ли заемные работники меньше своих штатных коллег (при условии совпадения должностных позиций). Так, в результате интервью были выявлены всевозможные случаи. В одних компаниях заемные работники получали столько же, сколько и их штатные коллеги, в других их зарплата была меньше. Выявлены и примеры того, когда заемные работники получали больше постоянных сотрудников компании: *«Применительно к нашей компании, так скажем... контрактным*

работникам, ну я не про себя говорю, а в принципе вообще... уровень зарплат у них выше... ну, то есть там такая система, что штатные работники, уровень их зарплата рассчитывается из условия их опыта, возраста и их образования. А контрактные работники, которые себя зарекомендовали до этого, они в принципе могут себе плату попросить больше, чем бы им была положена в штате» (ведущий инженер в нефтедобывающей компании). Все это говорит о том, что миф отчасти развенчан (заемные работники не всегда получают меньше), но и не может не быть принят во внимание (так как среди опрошенных были те, кто получал меньше сотрудников, занимавших аналогичные должностные позиции, но в штате компании).

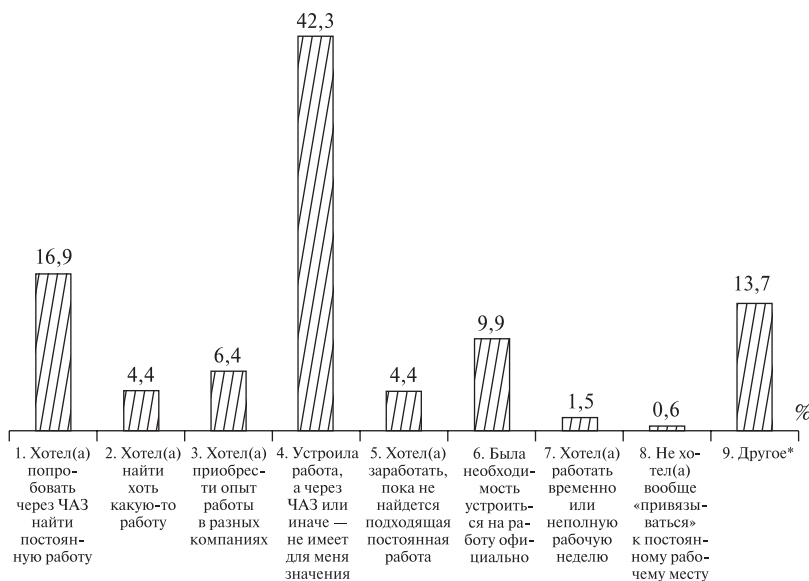
Таблица 5

**Распределение респондентов по срокам договора
и заработной плате (кластерный анализ), %**

Срок договора	Зароботная плата		
	до 15 000 руб.	от 15 000 до 30 000 руб.	свыше 30 000 руб.
«Молодые»			
До года	6	63	31
От года до 5 лет	30	20	50
На срок проекта	23	29	48
«Старшие»			
До года	17	50	33
От года до 5 лет	0	55	46
На срок проекта	0	60	40

**Заемный труд — сознательный выбор
или вынужденная мера?**

При рассмотрении причин трудоустройства заемных работников наиболее популярным ответом оказался вариант: *«устроила работа, а через ЧАЗ или иначе — не имеет для меня значения»*, зафиксированный в 42,3% случаев. Это свидетельствует о том, что для специалистов важнее сама работа, чем способ трудоустройства (рис. 3).

* Другое: вариант испытательного срока; другого типа трудоустройства организация не смогла предложить; это было условие стажировки; меня перевела моя компания; зарплата намного выше.

Рис. 3. Причины принятия заемными работниками-специалистами предложения работы через ЧАЗ, %

В результате проведенных интервью причина была уточнена и расшифрована на основании высказываний некоторых работников.

1. *«...Само содержание, то есть предлагали в основном какую-то административную работу, а здесь непосредственно переводчик и ничего лишнего»* (переводчик в IT-компании). В данном случае работа через ЧАЗ соответствовала ранее полученному образованию, и специалист сознательно отказался от позиции в штате другой компании ради работы по специальности.

2. *«Времени было мало, опыта еще меньше, поэтому устроился туда... был рад, что взяли»* (агент по продажам в банке). На примере видно, что соискателю был нужен опыт работы для последующего карьерного роста.

Соотнося причины обращения в ЧАЗ с готовностью респондентов продолжать свою работу (табл. 6), можем заключить, что независимо от цели обращения в ЧАЗ подавляющее большинство

специалистов (в среднем 84%) не видят необходимости прекращать работать по такой схеме. Это еще раз подтверждает, что текущая работа не вынужденная мера, а сознательный выбор самих работников.

Таблица 6

**Распределение респондентов по целям обращения
и готовности продолжать работать в ЧАЗ, %**

С какой целью обратились в ЧАЗ	Готовы продолжать работать в ЧАЗ и в будущем	
	Да	Нет
Найти постоянную работу	84	16
Найти временную работу или подработку	86	14
Найти любую работу	82	18
Не обращался(лась), выведен(а) за штат своей компании/организации	82	18
Другое	90	10
Всего	84	16

Две трети заемных специалистов скорее или полностью устраивает выполняемая ими сегодня работа (табл. 7), и только примерно десятая часть работников (см. строку «да» в табл. 8) однозначно испытывает страх потери работы, и это при условии, что с большинством из них заключен срочный трудовой договор.

Таблица 7

**Распределение респондентов по степени
удовлетворенности работой в ЧАЗ**

Если говорить в целом, в какой мере вас устраивает работа по проектам в ЧАЗ	Количество наблюдений	Доля, %
Полностью устраивает	60	21
Скорее устраивает	136	48
Скорее не устраивает	63	22
Совершенно не устраивает	14	5
Не указали	10	4
Всего	273	100

Распределение респондентов по оценке риска потери работы

Ощущаете ли вы угрозу потери работы?	Количество наблюдений	Доля, %
Да	26	9
Скорее да, чем нет	55	19
Скорее нет, чем да	113	40
Нет	69	25
Не указали	20	7
Всего	283	100

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о подтверждении гипотезы и развенчании мифа: для специалистов — заемных работников важен не способ трудоустройства, а содержание, условия труда и цели, с которыми они пришли в ЧАЗ.

Заключение

Как показали результаты исследования, два из четырех мифов были развенчаны, а два оставшихся — развенчаны только частично. Это доказывает тот факт, что при описании такой нестандартной формы занятости, как заемный труд, некоторые эксперты и журналисты опираются не на результаты эмпирических исследований, а на единичные суждения, основанные на мнении отдельных лиц. Тем не менее исследование также показало, что для полного развенчания (или, наоборот, полного подтверждения) оставшихся мифов потребуется дополнительная работа.

Следует добавить, что в эмпирической части работы была рассмотрена только профессиональная группа специалистов, которая априори находится в лучших условиях, если же сравнивать ее с другими профессиональными группами (за исключением руководителей), то, возможно, те мифы, которые были развенчаны для специалистов, найдут подтверждение для других групп.

Источники

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С. и др. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? Препринт WP3/2009/03.

М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. <http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208182426/13_02_03.pdf>

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

Законопроект № 451173-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о мерах, препятствующих уклонению работодателей от заключения трудовых договоров путем необоснованного заключения договоров гражданско-правового характера, использования механизмов “заемного труда” или другими способами)». <[http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=451173-5](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=451173-5)>

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Кабалина В.И., Кларк С. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 19–107

Капелюшников Р.И. Каждый четвертый в России никогда не работал по специальности. <http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=255&Itemid=0>

Козина И.М. Заемный труд: социальные аспекты // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 3–12.

Конвенция МОТ № 2 «О безработице». <<http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?C002>>

Конвенция МОТ № 96 «О платных бюро по найму». <<http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?C096>>

Конвенция МОТ № 181 «О частных агентствах занятости». <<http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?C181>>

Кривой Я.В. Правовое регулирование заемного труда. Гомель: Е.А. Ковалева, 2007.

Ляпин А., Нойнхедер Г., Шершукова Л., Бизюков П. Нестойчивая занятость и ее последствия для работников. М.: Центр социально-трудовых прав, 2007.

Поправки к проекту федерального закона № 451173-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». <<http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/projects/882>>

Рекомендация МОТ № 188 «О частных агентствах занятости».
<http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:1903472944071526::NO:12100:P12100_ILO_CODE:R188:NO>

CIETT. Adapting to Change. How Private Employment Services Facilitate Adaptation to Change, Better Labour Markets and Decent Work. <http://www.ciett.org/fileadmin/templates/ciett/docs/Stats/Adapting_to_Change/CIETT_Adapting_to_Change.pdf>

CIETT. The Agency Work Industry Around the World. Economic report. 2011. http://www.ciett.org/fileadmin/templates/eurociett/docs/stats/Ciett_Economic_Report_2011.pdf

European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Temporary Agency Work in European Union. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2002.

European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Temporary Agency Work in an Enlarged European Union. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006. VIII.

Global Employment Trends 2011: The Challenge of a Jobs Recovery. International Labour Office. Geneva: ILO, 2011.

Moore M.A. The Temporary Help Service Industry: Historical Development, Operation, and Scope // Industrial and Labor Relations Review. 1965. Vol. 18. No. 4. P. 555.

Moorman R.H., Harland L.K. Temporary Employees as Good Citizens: Factors Influencing Their OCB Performance // Journal of Business and Psychology. 2002. Vol. 17. No. 2. P. 171–187.

Theodore N., Peck J. The Temporary Staffing Industry: Growth Imperatives and Limits to Contingency // Economic Geography. 2002. Vol. 78. No. 4. P. 463–493.

<<http://www.randstad.ch/content/findcandidates/dienstleistungen/try-hire/?l=&l=> Randstad official website>

Ассоциация консультантов по персоналу. <<http://www.apsc.ru>>

Портал информационного агентства РИА. <<http://ria.ru/analytics/20120416/627558763.html>>

© Маренчук В.А., 2014

В.В. Болатов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель

А.А. Веретенников

ИМПЛИКАТУРА И БУКВАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Современные исследования методологических предпосылок, экспликативных возможностей и концептуальных границ теорий прагматики неизбежно сталкиваются с теми же трудностями, с которыми столкнулась формальная семантика в анализе лингвистического значения. Выход на прикладные вопросы моделирования рациональной коммуникации ставит вопрос о гносеологических предпосылках такой коммуникации, требуя сочетания аппарата когнитивной лингвистики и логики с фундаментальной философской проблематикой прагматики. Современными авторами (Ауманн, Льюис, Левинсон, ван Бентем) подчеркивалась необходимость в создании унифицированного подхода к моделированию коммуникативных компетенций, которая должна быть основана на новом представлении о рациональном субъекте. Теории ограниченной рациональности предполагали, что когда есть больше чем один агент или «игрок», то исследователь является заинтересованным не только в знаниях каждого человека об основных вопросах, но и в его знании о знании других агентов (совместное знание).

При этом в литературе подчеркивалась общая проблематичность такой эвристики в качестве непосредственного метода анализа действий: «Таким образом, если дана только абстрактная формулировка игры, никто не может обосновать ожиданий игроков. Так или иначе, должен быть принят во внимание тот реальный контекст, в котором проходит игра. Мы обсуждаем не просто игру, а “игровую ситуацию”, т.е. игру в специфическом контексте. И ожидания игрока зависят от контекста»¹.

¹ [Aumann, Dreze, 2008, p. 86].

Под интерактивной теорией рациональности понимаются теории рациональности при взаимодействии нескольких агентов, с согласованными ограничениями относительно верований других участников и при этом учитывающие личные предпочтения отдельного агента. Такой подход позволяет иначе взглянуть на основные проблемы прагматики языка и использование говорящим и слушающим особых правил для понимания и создания скрытых смыслов.

В то время как споры по поводу определения понятия прагматики носят скорее терминологический характер², понятия контекстуальной зависимости (*context-sensitive meaning*), небуквальности использования (*nonliteral use*), иллюкутивной силы, имплицатуры плотно вошли в инструментарий современной философии языка. Они неразрывно связаны с понятием кооперативности (*cooperative principle*), широко употребляемым в качестве основного методологического приема современной прикладной лингвистики, теории конфликта, экономики. Понятие «кооперация» долгое время употреблялось для анализа возможностей проведения успешной коммуникации, теории диалога в лингвистике. Однако в свете теоретико-игрового подхода в общественных науках, разработанного главным образом Томасом Шеллингом, грайсовский подход к коммуникации пережил второе рождение. Шеллинг оказал прямое влияние на становление эпистемологических теорий общего знания, *common knowledge* Давида Льюиса³.

Пол Грайс (1913–1988) — выдающийся британский философ языка, оказавший решающее влияние на современную философию языка, является следующей фигурой, на которую нам хотелось бы обратить особое внимание. Важность грайсовского подхода отмечается даже такими, казалось бы, далекими от философии языка исследователями, как лауреат Нобелевской премии по экономике 2005 г. Роберт Ауманн. В своей лекции, посвященной теоретико-игровому анализу конфликтов, он отметил, что кооперативность определяется льюисовским «общим знанием» (*common knowledge*) и понимается в духе Грайса.

Исторически специфические методологические приемы, считавшиеся основными в 30-х годах прошлого века, когда в лингвистике доминировала дескриптивистская теория американского

² [Bach, 1999, p. 65–76].

³ [Lewis, 1969].

лингвиста Блумфильда (слова и высказывания рассматривались в бихевиористском ключе: как «условные» реакции на ситуации⁴), а логика стояла на позициях формальной семантики Тарского, Курта Геделя и Алонзо Черча, логицизма Рассела или формализма Яна Лукасевича, не способствовали выделению прагматики в отдельную научную и философскую дисциплину. В рамках американского дескриптивизма отстаивалась та точка зрения, что прагматический аспект языка в случаях социально предписываемых высказываний, таких как «здравствуйте!», носят характер готовых образований. Это значит, что они выучиваются носителями языка как далее не анализируемые целые единства и, таким образом, не конструируются каждый раз заново. Отношение к прагматическим аспектам естественного языка в рамках логической семантики понималось как работающее *ad hoc*, от случая к случаю. Бертран Рассел, анализируя высказывания естественного языка, полагал, что форма этих высказываний — двусмысленности обыденной речи и исторически сформировавшиеся грамматические особенности — скрывает их подлинное значение. Созданная им теория дескрипций содержала способ переформулировки высказываний об объектах, чье существование сомнительно, при помощи анализа имен этих объектов как описаний (дескрипций) присущих им свойств, с которыми мы знакомимся непосредственно через «чувственные данные».

В отличие от довоенных типов философского анализа (включая и «Логико-философский трактат» раннего Витгенштейна), в рамках которого предполагалось, что философы должны опасаться ловушек обыденного языка, апеллируя к идеальному языку, понимаемому как язык *Principia Mathematica* Б. Рассела и А.Н. Уайтхеда, философы обыденного языка указывали на огромное количество тонких дистинкций, остававшихся неявными при формулировке традиционных философских теорий или проблем в языке математической логики. В то время как логические позитивисты фокусировались на логических терминах, которые, как предполагалось, должны быть универсальными и отделенными от случайных факторов (таких как культура, язык, исторические условия), философы обыденного языка подчеркивали значимость для философии употребления языка обычными людьми. «Наш обычный запас слов воплощает все различия, которые люди сочли нужным провести, и

⁴ Картина истории соотношения логики и лингвистики см., например, в недавнем исследовании: [Talasiewicz, 2010], а также о бихевиоризме в лингвистике: [Лайонз, 1978, с. 440].

все связи, которые они сочли нужным установить на протяжении жизни многих поколений»⁵. В качестве методов «лингвистической философии» были предложены случаи употребления слов в различных значениях, словоупотребления как социального действия, концепция «значения-как-употребления». Примером такого подхода может послужить теория речевых актов Остина, развитая в иллокутивную логику Серля и Вандервекена. Теория речевых актов представляла собой попытку взглянуть на речь и на язык через призму действий носителя языка. Параллельно существовала тенденция к определению значения как употребления предложения в конкретных обстоятельствах в духе Витгенштейна. Остин же исходил из того, что «минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или другое выражение, а действие — совершение определенных актов, таких как констатация, вопрос, приказ, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т. д.»⁶.

Главную слабость такого подхода отмечал, в частности, такой представитель философии лингвистического анализа, как Питер Стросон — представление о коммуникации выходит за пределы конкретного случая лингвистического поведения. Примером такого представления может служить многовариантность интерпретаций действий говорящего слушающим. Например, наблюдая приветствие одного человека другим, я могу заключить как о вежливости говорящего, так и о том, что говорящий и слушающий было до этого знакомы друг с другом⁷. Действительно иллокутивный акт — это конвенциональный акт, осуществленный согласно какой-либо конвенции. Пример Остина со спуском на воду корабля и разбиванием бутылки шампанского это ясно показывает: конвенцией является и название корабля «Королевой Викторией», и в случае неудачного иллокутивного акта «Я называю этот корабль “Иосифом Троцким”», эта неудача также обусловлена конвенцией. Причем это положение утверждается в работе Остина без какой-либо конкретизации.

Революционным способом конструирования модели рациональности в реальном словоупотреблении стало понятие, введенное в лингвистику и философию языка Грайсом, — понятие импликатуры. В самом общем виде это то, что слушающий может понять

⁵ [Остин, 2006, с. 201].

⁶ [Демьянков, 1995, с. 287].

⁷ [Strawson, 1964, p. 439–460].

исходя из того, *как* что-то сказано, а не из того, *что* сказано. Непонимание слушающим имплицатур нарушает коммуникацию: «Не будете ли Вы так любезны рассказать нам, как Вы добрались от вокзала до нас? — Пешком».

Это кардинальным образом меняет устоявшееся философское воззрение на значение. Значение конструируется говорящими в процессе коммуникации с учетом имплицатур, с точки зрения того, что говорящий имеет в виду. Вслед за принципом кооперации Грайса возникли принципы вежливости и иронии Джеффри Лича⁸, блага и рациональности Робин Лакофф⁹ и др.

В отличие от логических позитивистов, скептически относившихся к «эмоциональным», или «прагматическим» аспектам языка, Грайс полагал, что в языке существует класс важных неформальных выводов, не поддающихся исследованию с помощью аппарата формальной логики. В то же время Грайс отмечает нетривиальную связь логических операторов с выражениями естественного языка посредством введения нового термина — «имплицатура» (производное от «имплицировать»), указывая, таким образом, на необходимость расширения формального аппарата для анализа естественного языка.

Обоснованием для введения этого термина является его анализ глагола «говорить». «Я имею в виду такое понимание слова “сказать”, при котором то, что говорится, рассматривается как нечто близкое к конвенциональному смыслу слов (или предложений), которые были произнесены»¹⁰. То, что говорящий намеревался передать в коммуникации, гораздо богаче, чем то, что сказано, — лингвистическое значение не детерминирует значение высказывания в конкретной ситуации. Говорящий *S* молчаливо использует прагматические принципы, чтобы заполнить эту нишу, и рассчитывает на то, что слушатель *H* использует те же принципы для интерпретации¹¹.

Люди используют коммуникативные имплицатуры все время, обычно не отдавая себе в этом отчета. Например, когда кто-то спра-

⁸ [Leech, 1983].

⁹ [Lakoff, 1983]. К сожалению, мы знакомы с этой работой только по другим источникам, а именно: [Leech, 1983].

¹⁰ [Грайс, 1985, с. 222].

¹¹ Исторически появление этого контраста между тем, что сказано, и тем, что подразумевается (что-имеет-смысл-но-не-сказано), можно датировать IV в. н.э., когда риторы Марк Сервий Гонорат и Элий Донат впервые дали характеристику литоте — прагматическому приуменьшению, фигуре, с помощью которой мы говорим меньше, но имеем в виду больше.

шивает: «Не могли бы Вы закрыть дверь», слушающий обычно не отвечает «да» или «нет» — вместо этого он закрывает двери. Хотя говорящий задал вопрос, слушающий сделал предположение о том, что это просьба. Наряду с Витгенштейном и Остином Грайс одним из первых заметил такую особенность языка, а также первым дал философский анализ этому феномену. Он начинает с утверждения, что все разговоры до некоторой степени кооперативны. Таким образом, Грайс формулирует Принцип Кооперации: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога»¹². При более детальном рассмотрении он выделяет четыре категории с более конкретными максимами. Категория Количества связана с тем количеством информации, которое требуется передать; к этой категории относятся различные постулаты, регулирующие качество, количество и релевантность информации.

Резюмируя, Грайс определяет коммуникативную имплицатуру следующим образом: «Пусть некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что *p*, тем самым имплицировал, что *q*. Мы будем говорить, что он коммуникативно имплицировал, что *q*, если выполнены следующие условия: (1) предполагается, что он соблюдает коммуникативные постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; (2) предположение о том, что он знает (или полагает), что *q*, необходимо для приведения в соответствие с первой презумпцией — о том, что он соблюдает Принцип Кооперации, — того факта, что он сказал (или сделал вид, что сказал), что *p* (или того факта, что он это сказал именно так, а не иначе); (3) говорящий считает (и ожидает, что слушающий считает, что говорящий считает), что слушающий способен вывести или интуитивно почувствовать реальную необходимость предположения (2)»¹³. Роль интерпретатора, таким образом, усиливается, он должен «учуять» подвох в виде нарушения максим. Диссонанс с какой-либо конверсационной максимой снимается получаемой имплицатурой, все ставящей на свои места. Также следует отметить, что как аспект значения говорящего имплицатура отличается от нелогичных выводов слушателя.

Такой метод позволяет иначе взглянуть на концепцию рациональности, лежащую в основании лингвистического поведения говорящего и слушающего. Теория имплицатур была одной из клю-

¹² [Грайс, 1985, с. 222].

¹³ [Там же, с. 226–227].

чевых тем в работах Стефана Левинсона, сотрудника института психолингвистики имени Макса Планка. Основным предположением Левинсона было то, что частная разговорная импликатура связана в большей степени с контекстом и знанием участников о фактах вне коммуникации. При этом общие импликатуры имеют большее значение для построения лингвистической теории, и ее сложно отделить от собственно семантического содержания выражения¹⁴.

Действительно, это классические трудности грайсовской теории. Возьмем для примера два высказывания.

1. «Это моя лошадь» подразумевает, что «это лошадь».

2. «Это мой палец» подразумевает, что «это палец».

Очевидно, что высказывания с левой стороны более семантически строгие и информативные, чем с правой. С другой стороны, в высказываниях типа (1) «Вчера я видел прекрасную лошадь» подразумевается, что «лошадь не моя»; (2) «Вчера я сломал палец» подразумевается, что «это мой палец»; (3) «Вчера я сломал не свой палец», подразумевается, что «это не мой палец».

Взгляд Левинсона заключался в подходе к кооперативности слушающего и говорящего в пределах определенных, заранее заданных стратегий речевого поведения.

1. Q — принцип, заключающийся в случае говорящего в запрете на информационно более слабые сообщения, чем твои знания о мире. А в случае слушающего — в готовности к высказываниям, описывающими все знания говорящего.

2. I — принцип, заключающийся в случае говорящего в максиме минимализации, а в случае слушающего — в поиске наиболее разнообразных интерпретаций высказываний говорящего¹⁵.

В Q-принципе то, что не сказано, будет неважно для слушающего, а в I-принципе то, что не сказано, будет самым главным по роли прагматических аспектов у говорящего. Подобное релевантное смещение акцентов от кооперации было характерным для 1980-х и 1990-х годов, когда фокус исследований сместился на эффективность коммуникации и увеличение роли слушателя в конструировании прагматических значений. Эта теория, как мы видим, увеличила значение максимы релевантности — т.е. того, *что* слушающий хотел бы услышать, и того, *как* говорящий хотел бы, чтобы его поняли.

¹⁴ [Levinson, 1983, p. 127].

¹⁵ [Ibid., p. 214].

Пример Q-принципа: Виталий — поэт или философ (и, или). Импликатура: Виталий — поэт или философ, но не одновременно. (В I-принципе это будет неочевидно.)

Примером I-принципа, демонстрирующего всю свободу интерпретации слушающим говорящего, может послужить высказывание «Книга Виталия интересна». Импликатура: книга Виталия, которая была прочитана, написана им, законспектирована, куплена и т.д. — интересна¹⁶.

I-принцип должен был бы описывать в виде требований к формулировке максимы количества характеристики общих разговорных импликатур.

Таким образом, рациональные рекомендации для отдельных участников ситуации описываются как связь оснований и действий, репрезентируя ожидания в терминах *ex interim* и *ex post*, т.е. предварительным и итоговым оцениванием ожиданий. При этом критерием оценки выступает нормативность действия: заимствуя терминологию из метаэтики¹⁷, под нормативными источниками мы понимаем то, что порождает нормативные факты в конкретном контексте. «Сказать, что у кого-то есть нормативная причина для некоторого действия, — означает сказать, что это действие обосновано с точки зрения нормативной системы, которая выдвигает требования». *Ex interim* нормативные факты соотносятся с начальной информацией агента о действиях других и информацией о сложившейся ситуации. *Ex post* нормативные факты соотносятся с тем, что агенты должны делать, учитывая то, что другие делают на самом деле, т.е. когда неопределенность в стратегии игры решена¹⁸.

Самостоятельный характер интерактивной рациональности как самостоятельной теории рациональности заключается в принципиальной нередуцируемости к простым ограничениям на принятие решений или *common knowledge*; при этом подразумевается согласованность различных ограничений относительно верований в верования других игроков. Даже в ситуациях с несколькими участниками игроки остаются с личными предпочтениями по поводу возможного исхода и индивидуальными эпистемологическими верованиями в то, что могут предпринять другие игроки.

¹⁶ [Ibid., p. 215].

¹⁷ [Broome, 2013].

¹⁸ [Roy, Pacuit, 2013].

Источники

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.

Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.

Остин Дж. Принесение извинений // Остин Дж. Три способа пролить чернила. СПб.: Алетейя, 2006.

Aumann R., Dreze J. Rational Expectations in Games // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 72.

Bach K. The Semantics-Pragmatics Distinction: What is it and Why it Matters // The Semantics/Pragmatics Interface from Different Points of View / K. Turner (ed.). N.Y.: Elsevier Science Ltd., 1999.

Broome J. Rationality through reasoning (Manuscript). 2013.

Lakoff R.T. The Logic of Politeness or Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1983.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. L.: Longman, 1983.

Lewis D. Convention: A philosophical study. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969.

Levinson S. Pragmatics. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 127.

Roy O., Pacuit E. A Dynamic Analysis of Interactive Rationality. (Draft). 2013.

Strawson P.F. Intention and Convention in speech acts // The Philosophical Review. 1964. No. 4.

Talasiewicz M. Philosophy of Syntax. N.Y.: Springer, 2010.

© Болатов В.В., 2014

А.А. Бухарова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
А.В. Михайловский

ФИЛОСОФСКИЙ АРГУМЕНТ В УЧЕНИИ ОРИГЕНА О ТЕЛЕСНОМ ВОСКРЕСЕНИИ

В 1995 г. в «The Journal of Theological Studies» была опубликована статья М. Эдвардса под названием «Origen's two resurrections». Это была сознательная отсылка автора к реконструкции учения Оригена о телесном воскресении, предложенной видным исследователем наследия богослова Анри Крузелем. А. Крузель, а вслед за ним и Ч. Хилл полагали, что Ориген различает два воскресения: воскресение тела, которое совершится в конце, и воскресение души, начинающееся в земной жизни и завершающееся в жизни загробной. При этом утверждалось, что искупленные души пребывают в ожидании второго пришествия в некой «промежуточной» реальности, лишенные всяких тел¹ или в некотором промежуточном «состоянии»².

Итак, Эдвардс называет статью «Два воскресения Оригена», обозначая тем самым полемический характер своего исследования, и предлагает абсолютно иной взгляд на учение Оригена, настаивая главным образом на непрерывном существовании телесной природы³. Исследователь утверждает, что в эсхатологии Оригена нет такого момента, когда Бог станет облачать души в тела, распорядившись о прекращении изменений в них⁴. За воскресение тела ответственна душа, поскольку в соответствии с ее постепенным преобразованием в дух⁵ происходит и преобразование тела в духовное состояние⁶. Таким образом, Эдвардс предлагает понимать воскре-

¹ [Hill, 1992, p. 127–143].

² [Crouzel, 1973, p. 3–19].

³ [Edwards, 1995, p. 502–518].

⁴ [Ibid.].

⁵ Ориген определенно не имеет в виду, что душа станет иной сущностью — духом. В антропологии Оригена дух — это даже не часть души, но обозначение состояния души, в котором она пребывает, когда ее воля совпадает с добром. См., например: [Ориген, 2008, II, 8].

⁶ Ср.: «Известно, что у человека есть некоторое совершенствование: сначала он бывает душевным человеком и не разумеет того, что от духа Божьего, а потом, пу-

сение тела как обратную сторону спасения души: как никто не сомневается в загробной жизни души и ее искуплении, так никто не должен сомневаться в том, что тело претерпевает череду изменений и тем самым преобразуется. Иными словами, как душа у Оригена не «пробуждается» внезапно в Царствии Божьем, так и тело не восстанавливается «вдруг»⁷.

Что касается воскресения души у Оригена, то из самого текста трактата «О началах» следует, что оно действительно, как об этом пишет Эдвардс, начинается в земной жизни и продолжается после ее завершения⁸. Более того, Ориген обстоятельно описывает все ступени «научения», которые должны пройти души в загробной жизни, и их столь много (но все они выстроены в строго определенном порядке) и столь велико количество вещей, которые познает душа, что здесь, кажется, лучше воздержаться от цитат⁹. Таким образом, о том, как происходит воскресение души, у Оригена дано довольно четкое представление. Однако столь же ясной картины трансформаций, происходящих на этом пути с телом, в трактате нет: Ориген просто наделяет определенными (противоположными) характеристиками земное тело и тело воскресения. Между тем, на наш взгляд, о самих телесных трансформациях Ориген говорит уже на несколько ином языке — языке главным образом стоической философии, вследствие чего, возможно, многие исследователи не видели оснований для выдвижения гипотезы о непрерывном существовании телесной природы и предлагали соответствующую реконструкцию взглядов Оригена на телесное воскресение¹⁰.

тем учения, доходит до того, что делается духовным и судит обо всем, его же самого не судит никто. Точно так же должно мыслить о состоянии тела. Теперь тело служит душе и потому называется душевным. Но когда душа, соединившись с Богом, делается одним духом с Ним, тогда это же самое тело будет служить духу и, благодаря некоторому усовершенствованию, достигнет духовного состояния» [Ориген, III, 6].

⁷ [Edwards, 1995, p. 502–518].

⁸ «...люди, которые в этой жизни с величайшим старанием предались благочестивым и религиозным занятиям, получают, правда, только немного из многочисленных и безмерных сокровищ божественного знания, однако приносят себе большую пользу уже тем самым, что занимают свои души и ум этими предметами и развивают в себе это желание, получают большую пользу от того, что развивают в своих душах ревность и любовь к исследованию истины и более или менее подготовляют свои души к усвоению будущего учения» [Ориген, II, 11].

⁹ [Там же].

¹⁰ Гипотеза, выдвигаемая Крузелем и Хиллом, является наиболее принятой в исследовательской среде и тиражируется в ряде работ, например: *Bauckham R. Universalism: A Historical Survey* // *Themelios*. 1979. Vol. 4. No. 2. P. 49; *Miles T.A. God of Many Understandings?: The Gospel and a Theology of Religions*. B&H Academic, 2010.

Рассуждения о том, что такое тело и как возможны изменения в нем, представлены по большей части во фрагменте 2.1.4 трактата «О началах». Так, Ориген утверждает, что материя (ὕλη) — это бескачественная субстанция (substantia/οὐσία sine qualitibus sit), подлежащая (subjecta est), однако, любым изменениям через прибавление к ней качеств¹¹. «Окачественная» материя образует тела. При этом Ориген указывает на качества сухости, холода, влажности и теплоты¹². То, что в основе многообразия тел лежит единая субстанция, Ориген доказывает, апеллируя к платоновско-стоическому сюжету о взаимном превращении элементов. Смысл данной отсылки состоит в том, что трансформация приписывается элементам, которые являются уже телами, а не материей самой по себе. Иначе говоря, Ориген показывает, что изменения происходят на уровне тел, в то время как материя — это неизменяемая субстанция любых изменений. Вместе с тем важно замечание, согласно которому «бескачественная материя» доступна нам в спекулятивном акте — материю саму по себе мы нигде не находим *существующей*¹³.

Ориген использует два греческих понятия для обозначения телесной материи или субстанции: «ὕλη» и «οὐσία». Данные понятия отождествлялись в учениях ранних стоиков, с которыми Ориген, несомненно, был знаком¹⁴. Зенон, согласно Диогену Лаэртскому, писал о материи как о бескачественной сущности, из которой может произойти всякое тело¹⁵. Материя понималась стоиками как пассивное бестелесное начало, а бог, или Зевс, — как активное начало и обособленное качество, проникающее материю и создающее

P. 99; Scott M.S. M. Journey Back to God: Origen on the Problem of Evil. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 126–127; Чуковенков Ю.А. Антропологическая проблематика доникейской патристики // Историко-философский ежегодник за 1993 год / отв. ред. В.С. Еропова. М.: Наука, 1994. С. 42; Viviano B.T. The Kingdom of God in History // Good News Studies. Vol. 27. Wilmington, DE: Michael Glazier, 1988. P. 39–40.

¹¹ [Ориген, 2.1.4]. Термины «ὕλη» и «οὐσία» приводятся в латинском тексте трактата.

¹² [Там же].

¹³ «Однако нужно знать, что субстанция никогда не существует без качеств: один только разум усматривает, что материя есть то, что лежит в основе тел и может принимать (то или иное) качество» [Там же].

¹⁴ См., например: [Ориген, IV, 11–12, 48, 68].

¹⁵ «То, которое испытывает воздействие, — это бескачественная сущность (ἄποιος οὐσία), или вещество (ὕλη)» [Фрагменты ранних стоиков, т. I, 1998, с. 43]; «...началом всего сущего является бескачественное вещество, которое во всех отношениях изменяемо» [Фрагменты ранних стоиков, т. II, 1999, с. 173].

тела¹⁶. Таким образом, образование тела связывалось с привлечением к сущности качеств. Первичной репрезентацией «качественности» материи являются четыре элемента¹⁷. Если мы отвлекаемся от качественного своеобразия элементарных тел, то получаем бескачественную сущность: «Четыре основы составляют бескачественную сущность-вещество. Огонь есть горячая основа, вода — влажная, воздух — холодная, земля — сухая»¹⁸. Иными словами, стоики признают, с одной стороны, реальность тел как качественности и, с другой стороны, материи как сущности, лежащей в основе качественного многообразия¹⁹.

Ориген принимает как философское определение материи как бескачественной субстанции, являющейся неизменяемой основой любых изменений в теле, так и мысль о способности качеств формировать тела²⁰. Таким образом, о материи и теле Ориген рассуждает в духе стоического учения, которое зачастую называют материализмом, имея в виду прежде всего особенность учения стоиков, состоящую в том, что бог — активное начало и обособленное качество, создающее тела, которое имманентно материи, проникает космос и сдерживает его²¹. Вряд ли Оригена можно считать адептом этой традиции. По крайней мере, сделать такой вывод не позволяет следующий фрагмент из трактата Оригена:

... первоначально были сотворены разумные существа, материальная же субстанция только в представлении и в мысли отделяется от них... Как сказали мы выше, эта материальная субстанция мира сего имеет природу, способную ко всевозможным превращениям. Когда она привлекается к низшим существам, то образуются более или менее плотные тела, и,

¹⁶ [Фрагменты ранних стоиков, т. II, с. 173].

¹⁷ См., например: [Фрагменты ранних стоиков, т. I, с. 44].

¹⁸ Диоген Лаэртский, VII, 136–137, *цит. по: [Диоген Лаэртский, 1979]*. В переводе Гаспарова «основа» — то же, что в переводе А.А. Столярова во «Фрагментах...» — «элемент».

¹⁹ Стобей. Эклоги I, 11, 5: «Вот мнение стоика Хрисиппа. В основе всего обладающего качеством (ποιότης) лежит первовещество». *Цит. по: [Фрагменты ранних стоиков, т. II, с. 177]*. Об этом см., например, комментарий А.А. Столярова в кн.: [Там же].

²⁰ См., в частности, фрагмент трактата «О молитве», включенный А.А. Столяровым во «Фрагменты ранних стоиков», где Ориген описывает стоическое учение о материи: «По мысли этих авторов, субстанция, *взятая в своем собственном понятии* (курсив наш. — А.Б.), бескачественна и бесформенна, она не имеет никакой определенной величины, но служит основой для всякого качества, словно некое подготовленное место» [Там же].

²¹ См., например: [Colish, 1985, p. 23].

таким образом, различает собою все эти видимые и разнообразные роды существ мира. Когда же она служит существам более совершенным и блаженным, то блистает сиянием небесных тел²².

Кажется, что в отношении настоящего фрагмента справедливым является все то, что говорилось ранее в связи с фрагментом 2.1.4, с той существенной разницей, что вместо *материальных качеств* теплоты, сухости, холода и влажности как некое качество здесь представлена *разумная природа*. Означает ли это, что Ориген воспринимает стоическое учение о материи и теле лишь как парадигму для собственных спекуляций? Наиболее убедительную гипотезу на этот счет предложил в своем исследовании Д. Босток, согласно которому Ориген не отрицает реальность четырех материальных качеств и действительно считает, что и эти качества, и качества разумной природы участвуют в формировании тела. Исследователь полагает, что между разумной природой и физическими качествами существует отношение соответствия, понимаемое в духе платоновского реализма, «который принимает чувственные качества за символы духовных реалий»²³.

В одной из глав трактата «О началах» Ориген подробно рассуждает на тему того, почему душа является объектом спасения, и приходит к выводу, что душа есть «охладевший» к богопознанию и богосозерцанию ум²⁴. Своей жизнью на земле она обязана движениям воли: чем менее мерой этих движений являлся Бог, тем более душа отклонялась от изначального состояния, в котором она могла непосредственно созерцать Бога, и тем скорее отпадала от Него в материальный мир [Ориген, I, 6]. Стоит оговориться, что, по Оригену, души, являясь бестелесными, никогда не существовали без тел²⁵. Вместе с тем падение душ сопровождалось облачением их в различные телесные оболочки, и обретение земного тела является как бы свидетельством почти полного отклонения воли разумного существа от Бога, и оно (земное тело) связано с неспособностью к непосредственному «восприятию» Бога. Здесь проявляются как бы две стороны одной ситуации: чувственное тело не позволяет ду-

²² [Ориген, 2.2.2].

²³ [Bostock, 1977, p. 328]; пер. с англ. наш. — А.Б.

²⁴ [Ориген, 2.9.3]. Ориген использует метод этимологии, полагая, что слово «ψυχαι» («души») происходит от «ψύχεται» («охлажденный»).

²⁵ «...на самом же деле разумные существа никогда не жили и не живут без нее (телесной природы), ибо жить бестелесной жизнью свойственно, конечно, одной только Троице» [Ориген, II, 2].

ше познать божественную истину во всей полноте, так что в земной жизни «мы познаем только отчасти и отчасти пророчествуем», но и телесная природа такова, потому что несет на себе отпечаток «морального» состояния души: «невидимая разумная природа изменяется душою и расположением, так как она одарена свободой своего произволения, и вследствие этого находится иногда в добре, иногда — в противоположном. Телесная же природа принимает существенное изменение» [Ориген, II, 6].

Таким образом, в пользу гипотезы, предложенной Д. Бостоком, говорит то обстоятельство, что для Оригена тело — это прежде всего «индикатор» морального состояния разумного существа, выражаемого в *достоинствах*. Вместе с тем, как было показано выше, само по себе тело — это *окачественная* материя. Если следовать анализу Бостока, Ориген проводит довольно четкие и конкретные связи между четырьмя материальными качествами и достоинствами души. Так, исследователь эксплицирует из ряда текстов Оригена основные характеристики, даваемые им душе, и сопоставляет их с материальными качествами: «...тепло и холод символизируют жар любви или духовную холодность, в то время как сухость и влажность — бесплодие или плодovitость души»²⁶.

Итак, Ориген решает проблему отношения души и тела посредством установления между ними отношения соответствия. Это означает, что тело претерпевает воздействие души и способно отражать («принимать») любые духовные трансформации человеческого существа, подобно «материи» стоиков, подлежащей любым качественным изменениям. Если неполнота души и несовершенство телесной природы неразрывно связаны друг с другом, то в восстановлении души и тела в лучшее состояние должен обнаруживаться некий «параллелизм». И поскольку «воскресение» души предполагает познание божественных вещей и углубление в истину и тем самым приближение к Богу, то воскресение тела логично понимать как приведение его в такое состояние, при котором оно все в меньшей степени будет являться преградой богопознанию и эмблемой погибшего. Следуя объяснению Cadiou, «в высшей жизни тело не грешно, ибо больше не является субъектом немощи и разложения, как в земной жизни. В воскресении оно становится такой плотью, в которой мы способны наслаждаться Богом»²⁷.

²⁶ [Bostock, p. 329].

²⁷ [Cadiou, 1944, p. 97].

Благодаря работе, проделанной Д. Бостоком, становится понятно, в чем именно, по Оригену, заключается воскресение тела: как очищение души связано с обращением к высшим достоинствам, так и исправление телесной природы связано с изменением к лучшему прежних качеств. В тексте зачастую встречаются такие характеристики человеческого тела, как «тяжелое», «земное», «грубое». Им противопоставляются «эфирные», «чистейшие», «блистательные» и «тончайшие» тела «сынов воскресения» и небесных тел. При этом, конечно, Ориген полагает, что и те, и другие тела возникают вследствие притяжения к ним либо «низшей», либо более совершенной по своему моральному достоинству разумной природы²⁸. Действительно, подобное понимание телесного воскресения находит свое обоснование во взглядах Оригена на тело и материю. В учении Оригена материальные качества формируют тело, и хотя они вторичны по отношению к качествам разумной природы, носителем которой является тело, так что Оригену удастся не вставать на материалистические позиции стоицизма, в основе представлений Оригена об одновременном совершенствовании души и тела лежит философский аргумент о материи и качествах.

Библиография

Источники

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979.

Ориген. О началах // Ориген. О началах. Против Цельса. СПб.: Библиополис, 2008.

²⁸ [Ориген, 3.6.6]. Интересно также то, что, по Оригену, разумная природа получает тело, соответствующее не только ее достоинству, но и месту ее обитания. Так, например, в сохраненном Епифанием Кипрским фрагменте трактата «О воскресении» Ориген пишет: «Ибо душе, пребывающей в телесных местах, необходимо иметь тело, соответствующее местам пребывания. Если бы мы были водными тварями и жили в море, мы бы нуждались в жабрах и в прочем, характерном для рыб; так же точно для того, чтобы обитать в Царствии Небесном и жить в местах более высоких, нам необходимо иметь эфирные тела» (цит. по: [The rapanion..., 2013, p. 145]; пер. с англ. наш — А.Б.). Пример с рыбами является только примером, так как Ориген не считает, что душам животных присуща разумность и свободные движения, с чем связана критика Оригеном учения о переселении человеческих душ в тела животных. По представлениям Оригена, воскресение тела и восстановление души есть возвращение разумного существа в Царствие Небесное, в эфирную область, чем объясняются названные эпитеты тела воскресения.

Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики / пер. и комм. А.А. Столярова. М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1998.

Фрагменты ранних стоиков. Т. II. Хрисипп из Сол. Ч. 1. Логические и физические фрагменты / пер. и комм. А.А. Столярова. М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1999.

The Panarion of Epiphanius of Salamis. Books II, III. De Fide / transl. by F. Williams. Leiden: Brill, 2013.

Литература

Bostock D.G. Quality and Corporeity and the Nature of the Resurrection Body in Origen / *Origeniana Secunda: Proceedings of the Second Origen Conference*. Bari. 20–23 September 1977. P. 323–337.

Cadiou R. Origen, his Life at Alexandria. St. Louis, Mo.; L.: B. Herder Book Co., 1944.

Colish M.L. The Stoic Tradition from Antiquity to the Middle Ages. Vol. 1. Leiden: Brill, 1985.

Crouzel H. La «premiere» et la «seconde» resurrection des hommes selon Origene // *Didaskalia*. 1973. Vol. 3. P. 3–20.

Edwards M.J. Origen's Two Resurrections // *The Journal of Theological Studies*. 1995. Vol. 46. No. 2. P. 502–518.

Hill Ch.E. Regnum Caelorum: Pattas of Future Hope in Early Christianity. Oxford: Clarendon Press, 1992.

© Бухарова А.А., 2014

Теория суппозиции является одной из самых разработанных концепций в рамках терминистской логики. Во многом поэтому, а также вследствие некоторых чуть более или чуть менее очевидных параллелей с современной логикой, она стала предметом бурной полемики, которая продолжается и по настоящее время. Однако, несмотря на то что к концу первого десятилетия XXI в. насчитывается уже немалое число ее исследований, все же в понимании и интерпретации данной теории существует большое количество трудностей и разногласий. Они касаются как содержательных моментов в рассмотрении самих средневековых концепций, так и проблем, связанных с попытками реконструкции и интерпретации теории суппозиции на языках современной логики. Одной из наиболее популярных можно считать интерпретацию, согласно которой суппозиция (с некоторыми оговорками или даже без оных) отождествляется с современным концептом референции. Вопрос о плодотворности этого отождествления дискуссионен¹, однако нельзя не отметить, что он (концепт референции) в значительной степени проясняет содержание средневековых теорий и помогает их пониманию.

Так, к примеру, Е.Н. Лисанюк² в статье «Теория суппозиции в Средние века» прямо называет теорию суппозиции «концепцией референциального значения терминов» и далее через анализ различных возможностей референциальных значений поясняет, что собой представляют различные виды суппозиции. Тем не менее в данной статье мы в первую очередь хотели бы воспроизвести теорию суппозиции в терминологии самого Оккама, так как в противном

¹ Например, Катарина Дьютил-Новаш считает отождествление теории суппозиции и понятия референции необоснованным и непродуктивным, а также проблематичным уже по причине того, что средневековые теории суппозиции существовали задолго до Фреге [Dutil Novaes, 2008].

² [Лисанюк, 2002].

случае возникает опасность неправильного понимания некоторых деталей, которые для Оккама оказываются принципиальными. Но в силу плодотворности использования концепта референции мы все же будем им пользоваться, избегая его прямого отождествления с теорией суппозиции.

В 1960 г. Т.К. Скотт опубликовал перевод трактата Буридана «Sophismata», сопровождающийся обширным введением, в котором поднимались и комментировались многие принципиальные для средневековой логики вопросы и понятия. Так, его комментарий, а точнее, определение того, что представляла собой теория суппозиции, по мнению американского исследователя Поля Винсента Спэйда³, является ключевым для исследования этого концепта. Скотт разделил теорию суппозиции на две разные части, точнее, постулировал, что то, что традиционно называется теорией суппозиции, на самом деле является двумя различными самостоятельными теориями. Скотт обозначил их следующим образом:

- 1) теория суппозиции в собственном смысле слова;
- 2) теория видов суппозиции.

Подобная классификация принадлежит именно Скотту и является полностью авторской, он использует не средневековые наименования. В чем же состоит содержательное отличие этих теорий? Первая теория, как пишет Скотт, представляла собой «набор правил, управляющих референцией терминов в предложениях, и была основой для теории истинности»⁴. Вторая теория же не имела прямого отношения к референции терминов, а представляла собой набор правил для синтаксического анализа предложений, содержащих квантифицирующие слова, вследствие чего Скотт определяет ее как теорию квантификации в терминистской логике⁵. Как бы то ни было, с подобным разделением действительно можно согласиться, так как, будучи двумя разными частями одной теории или же двумя самостоятельными теориями, эти концепции тем не менее решали разные задачи. Те наименования, с помощью которых Скотт обозначил эти теории, однако, не столько проясняют содержания самих теорий, сколько запутывают, в силу того что они оказываются идентичны некоторым аутентичным средневековым наименованиям.

³ [Spade, 2002].

⁴ [Scott, 1966, p. 30].

⁵ Тезис относительно квантификации Спэйд считает спорным, однако мы находим его подробный анализ и исследование в статье Теренса Парсонса «Суппозиция как эффект квантификации».

1. Первая теория содержит разделение суппозиции на суппозицию в собственном смысле слова (*propria*) и суппозицию не в собственном смысле слова (*impropria*). Здесь, как мы видим, может произойти недопонимание, так как Скотт использует то же обозначение, что и Оккам, но применяет его более широко. Поэтому для удобства будем обозначать первую теорию как «суппозицию 1». Помимо этого, предметом ее рассмотрения также была амплиция, которая применялась преимущественно для модальных высказываний.

2. Вторая теория, в свою очередь, содержит разделение персональной суппозиции на дискретную и общую, а общей — на смутную и определенную. Смутная суппозиция, в свою очередь, подразделяется еще на несколько видов, каждый из которых подробно анализируется. Таким образом, она содержит классификацию подвидов исключительно персональной суппозиции. Причем основание для разделения на подвиды оказывается преимущественно грамматическим, на чем настаивают Скотт и Спэйд⁶; поэтому мы не будем рассматривать ее в данной работе.

Понятие суппозиции

Итак, предметом нашего анализа является первая часть теории суппозиции. Основной вопрос, на который она призвана ответить, можно сформулировать приблизительно так: «К чему суппонирует данный термин в данном предложении?». Вопрос этот оказывается принципиально сложным, так как для ответа на него следует учитывать не только логические концепции Оккама, но и его онтологическую и метафизическую позицию, в первую очередь по отношению к проблеме универсалий.

У. Оккам определяет теорию суппозиции следующим образом: суппозиция имеет место, когда одно ставится на место другого, т.е. «если термин употреблен в высказывании так, что подразумевается некоторая вещь, и сам термин может истинно сказываться об этой вещи, значит, этот термин суппонирует эту вещь, по крайней мере, если он сказывается о ней сигнификативно»⁷. Именно благодаря формулировке «если термин употреблен так, что подразумевается некоторая вещь»⁸, мы и можем говорить о тождестве или

⁶ [Spade, 2002].

⁷ Summa Logicae. Пер. Е.Н. Лисанюк. Цит. по: [Лисанюк, 2002, стр. 10].

⁸ Понятие «вещь» здесь и далее используется в широком смысле, так как является эквивалентом латинского *res*.

сходстве между понятиями суппозиции и референции. Стало быть, в какой-то степени мы могли бы сказать, что термин подразумевает «референциальное значение». В силу этого мы можем однозначно заключить, что суппозиция является семантическим отношением, так как представляет собой отношение между терминами, использованными в предложении, и объектами (неким *x*), к которым «отсылают» эти термины. Однако подобная кажущаяся очевидность и однозначность на самом деле таковой не является — далеко не все исследователи принимают характеристику суппозиции как семантического отношения; некоторые, напротив, утверждают, что она представляет собой именно синтаксическое отношение. Так, например, Муди в работе «Truth and Consequence in Medieval Logic» пишет, что суппозиция является «синтаксическим отношением термина к термину, а не семантическим отношением термина к экстралингвистическому объекту или десигнату»⁹. Тем не менее я настаиваю на том, что подобная точка зрения неверна.

Термин в семантике Оккама имеет широкое значение. К примеру, концепт (о чем выше уже говорилось) является термином ментального языка и, хотя из-за признания Оккамом существования разделения трех типов языков не может считаться экстралингвистическим объектом, в какой-то степени действительно соответствует десигнату, так как к нему часто осуществляют референцию слова конвенциональных языков.

Принципиальное значение для определения вида суппозиции имеет понятие сигнификации (или обозначения): так, к примеру, персональная суппозиция (подробнее о ней будет сказано ниже) описывает ситуацию, когда термин может подразумевать обозначаемое и тогда браться как обозначающий. Причем обозначается и подразумевается в данном контексте в первую очередь реальный объект, который действительно является экстралингвистическим

Если попытаться провести некую корреляцию между концепциями Фреге и Оккама и принять суппозицию как аналогию понятия референции, то возникает естественное желание отыскать аналогию и его понятию «смысла». Можем ли мы действительно в концепции Оккама найти аналог понятию «смысла» у Фреге? На первый взгляд, может показаться, что мы можем ответить на этот вопрос утвердительно. Одно из ключевых понятий для Оккама — сигнификация (или обозначение), которую Лисанюк, к примеру,

⁹ [Moody, 1954, p. 82].

действительно сводит к «относительно постоянному смысловому значению общего термина»¹⁰ (но она при этом не ссылается на Фреге, так что говорить о четкой корреляции между этими двумя понятиями даже в ее интерпретации мы не имеем права). Однако в действительности между концепциями Фреге и Оккама различий оказывается значительно больше, чем сходств. В первую очередь, у Оккама принципиальным пунктом для дифференциации между суппозицией и сигнификацией является употребление термина:

1) термины могут суппонировать только в контексте предложения;

2) термины могут сигнифицировать как взятыми по отдельности, так и в контексте предложения.

Другое существенное основание для дифференциации — это количество вещей, к которым отсылает термин:

1) термин может суппонировать несколько вещей;

2) термин может сигнифицировать только одну вещь.

Как уже отмечалось выше, вопрос, к чему сигнифицирует и суппонирует термин, является проблематичным, однако обладает принципиальным значением для Оккама, а также помогает пролить свет на основное различие между концепциями Оккама и Фреге. Спэйд¹¹ отмечает, что у Оккама термины письменного языка и устной речи подчиняются (отношения *subordinatio*) концептам, однако они не сигнифицируют эти концепты, как до того было, к примеру, у Боэция и Буридана. Они сигнифицируют то же, что, собственно, сигнифицируют и концепты, а именно реально существующие объекты, причем объекты индивидуальные. В этом пункте Оккам расходится со многими оппонентами (например, Бурлеем), так как фундаментом подобной точки зрения послужила его номиналистическая позиция в отношении универсалий. И хотя она была не совсем стабильной и детали в ней претерпевали значительные изменения, основная идея о том, что реальным существованием обладают только индивидуальные объекты, сохранялась у Оккама на протяжении всей его философской карьеры.

Таким образом, если принять утверждение, что термин *первично* сигнифицирует (обозначает) только реальный объект¹², то, как

¹⁰ [Лисанюк, 2002, с. 2].

¹¹ [Spade, 2002, p. 87].

¹² [Ibid.]. Согласие с подобным утверждением мы находим у Е.Н. Лисанюк, которая пишет следующее: «Поскольку сигнификатом каждого термина, думал он, являются реально существующие вещи, постольку ни один термин не может обо-

мы можем заметить, сигнификация не может быть отождествлена с понятием смысла в семантике Фреге. Здесь во многом сыграл роль радикальный реализм Фреге, который, по сути, представляет собой позицию, противоречащую номиналистической позиции Оккама.

Смысл ≠ реальный объект

Однако в безоговорочном принятии вышеприведенного утверждения относительно сигнификации также есть некоторые сложности, о которых подробнее будет сказано в параграфе, посвященном персональной суппозиции.

Для того чтобы далее говорить об особенностях оккамистского разделения на виды суппозиции, следует привести его упрощенную схему (рис. 1). Упрощенной она является потому, что в ней не отображена дифференциация персональной суппозиции на подвиды, которую, как это уже говорилось выше, мы относим ко второй части теории суппозиции и которая в данной работе не рассматривается.

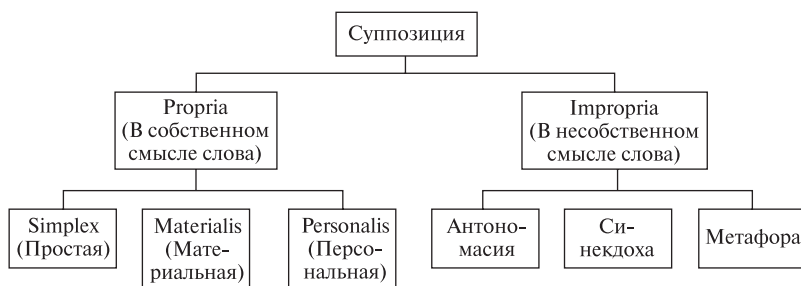

Рис. 1. Виды суппозиции по Оккаму

Итак, Оккам выделяет два основных вида суппозиции — в собственном смысле слова (*propria*) и в несобственном смысле слова (*impropria*). Под суппозицией в несобственном смысле слова понимается суппозиция, имеющая место тогда, когда термин употребляется не в буквальном смысле. Причем, что интересно, на протяжении всего трактата «Summa Logicae» Оккам использует понятие «суппозиция» именно для суппозиции *propria*, характеризуя ее не как подвид суппозиции, а как основной предмет исследования теории суппозиции.

значать нечто, обладающее иным онтологическим статусом, в сравнении с обозначаемым другим термином <...>» [Лисанюк, 2002, с. 11].

Персональная суппозиция

В параграфе трактата «Summa Logicae» «De divisione suppositionis» Оккам вначале приводит дифференциацию трех видов суппозиции, которая представлена выше, а затем прямо переходит к определению персональной суппозиции. «Персональная суппозиция — пишет Оккам, — имеет место, когда термин суппонирует обозначаемое им, будь это обозначаемое вещью вне души, или словом, или интенцией души, будь оно написанным или чем-нибудь воображаемым; таким образом, когда субъект или предикат высказывания суппонирует обозначаемое им, так что он употреблен сигнификативно (*significative tenetur*), всегда имеет место персональная суппозиция»¹³. Таким образом, как мы видим, в этом определении суппозиция ставится в прямую зависимость от сигнификации, причем это можно считать абсолютно новаторским в подходе Оккама: во-первых, сигнификация у него приобретает новый, уникальный смысл; во-вторых, суппозиция и сигнификации никогда не ставились в зависимость друг от друга в семантическом смысле.

Если представить приведенное определение чуть короче, то можно сказать, что термин имеет персональную суппозицию, когда он подразумевает свой сигнификат. Причем сигнификатом может быть как «вещь вне души», т.е. реальный объект, так и слово, интенция души или концепт, или даже воображаемое (*sive quodcumque imaginabile*). Однако чуть выше мы приняли как истинное утверждение, что термин может сигнифицировать только реальный объект. Можем ли мы, таким образом, заключить, что это утверждение либо является ложным, либо Оккам допускает противоречие? Представляется, что ответы на оба этих вопроса отрицательные. Термин действительно может сигнифицировать только реальный объект, если мы говорим о первичной сигнификации, а термин будет именем первичной интенции. В противном случае речь идет об имени вторичной интенции, и тогда подобный термин может уже сигнифицировать интенцию души, или концепт¹⁴. Тем не менее и здесь

¹³ Здесь и далее, за исключением того, когда это специально оговаривается, перевод мой (Summa tot. log., I, с. LXIII). Цитируется по двуязычному изданию, где я, однако, везде следую только латинскому тексту: [Оккам, 2010, с. 28].

¹⁴ Как мне представляется, П.В. Спэйд с подобной точкой зрения бы не согласился, так как в его интерпретации термины устного и письменного языка и термины ментального языка связывают отношения субординации, а не сигнификации. Однако в таком случае неясно, как сигнификатом термина письменного языка может быть концепт, причем Оккам ясно прописывает, что речь идет именно о сигни-

мы не можем провести параллель с Фреге, так как концепт является термином ментального языка и знаком, в то время как смысл в концепции Фреге знаком не является¹⁵.

К каждому из перечисленных им вариантов в определении персональной суппозиции Оккам приводит соответствующий пример. Я ограничусь здесь только одним. «Всякий человек есть живое существо». Термин «человек» здесь персонально суппонирует свой сигнификат, а именно индивидуальный реальный объект. Под термином «человек» понимается не что-то общее, а сами отдельные люди (здесь Оккам следует авторитету Иоанна Дамаскина), т.е. он обозначает одного человека не более, чем другого¹⁶.

Таким образом, персональная суппозиция оказывается единственным видом суппозиции, где термин подразумевает свой сигнификат и выступает как сигнифицирующий.

Простая суппозиция

«Простая суппозиция — пишет Оккам, — имеет место, когда термин суппонирует интенцию души, но не употреблен сигнификативно»¹⁷. И вновь здесь мы наблюдаем ту же ситуацию, что и в определении персональной суппозиции: суппозиция термина определяется через понятие сигнификации. Что в данном контексте подразумевает выражение «не употреблен сигнификативно»? Это означает, что термин подразумевает интенцию души, однако она не является его сигнификатом, в отличие от случая персональной суппозиции.

Этот принцип можно проиллюстрировать на примере Оккама «Человек есть вид». Общий термин «человек» здесь суппонирует интенцию души, а не многих людей, как в случае с персональной суппозицией. Данная интенция души как раз и представляет собой вид, однако эту интенцию души он не сигнифицирует. Как мы помним из примеров персональной суппозиции, термин может сигнифицировать интенцию души, в чем же здесь состоит принципиальное отличие? Оно состоит в том, что общий термин «человек» является термином первичной интенции, а термины первичной

фикации — «sive illud significatum», а не о возможном в данном контексте «denotatur», который также может быть переведен как обозначение.

¹⁵ Этот аргумент о несоответствии концепта у Оккама и смысла у Фреге принадлежит Полу Винсенту Спэйду [Spade, 2002, p.112].

¹⁶ Summa tot. log., I, c. LXIII. См.: [Оккам, 2010, с. 32].

¹⁷ Summa tot. log., I.64, § 8. См.: [Там же].

интенции сигнифицируют только реальные индивидуальные объекты, существующие вне души, и не могут сигнифицировать интенции души. Термин «человек», хотя и не сигнифицирует интенцию души, или концепт, находится с ней в отношении субординации, т.е. подчинен ей. Таким образом, несмотря на то что термины не сигнифицируют концепты, которым они подчиняются, мы все же зачастую используем их в речи в простой суппозиции.

Интересно, что хотя пример «Человек есть вид» как пример простой суппозиции используют и другие схоласты, у Оккама он приобретает совершенно иной смысл. Так, к примеру, у Петра Испанского и Шервуда, как замечает Е.Н. Лисанюк, «именно простая суппозиция оказывается наиболее близка обозначению»¹⁸. У Петра Испанского ситуация, обратная Оккаму: вид он воспринимает как первичный сигнификат термина, а простая суппозиция, в свою очередь, оказывается суппозицией термина первичного сигнификата.

Материальная суппозиция

Материальная суппозиция, в свою очередь, имеет место, «когда термин не суппонирует сигнификативно, но суппонирует слово произнесенное или слово написанное»¹⁹. Первые примеры материальной суппозиции у Оккама приводятся применительно к словам устной речи, причем термин в предложении суппонирует сам себя. Наиболее ярким отображением подобного случая является предложение ««Человек» есть имя»: здесь термин устной речи «человек» суппонирует не индивидуальный реальный объект, т.е. какого-либо индивида, и не интенцию души, а именно самого себя — т.е. термин устной речи, имя. Однако при этом данный термин сам себя не сигнифицирует — подобную ситуацию мы уже могли наблюдать в описании простой суппозиции. И действительно, вновь повторим, что общий термин «человек» может сигнифицировать реальный объект, о чем здесь речи не идет. При этом нельзя сказать, что термины, которые обладают материальной суппозицией, всегда суппонируют себя самих или наоборот, что когда термин суппонирует сам себя, он всегда обладает материальной суппозицией.

Так, один из следующих примеров, который Оккам приводит для иллюстрации материальной суппозиции, оказывается уже

¹⁸ Подробнее см.: [Лисанюк, 2002, с. 14].

¹⁹ *Summa tot. log.*, I, c. LXIII. См.: [Оккам, 2010, с. 34].

значительно сложнее. Помимо терминов устной речи, термины письменной речи также могут суппонировать как самих себя, так и термины устной речи. Примером этого случая служит предложение «Человек есть трехсложное слово». Здесь термин письменной речи «человек» суппонирует не сам себя, а слово устной речи, к которому термин письменной речи соответственно находится в отношении подчинения. Оккам замечает, что материальную суппозицию, таким образом, можно подразделить относительно того, суппонирует субъект слово письменного языка или же слово устной речи. Интересно, что терминами, обладающими материальной суппозицией, в отличие от первых двух типов суппозиции, могут быть все термины, причем как категорематические, так и синкатегорематические. Как замечает Кельвин Нормор²⁰, Оккам в конце главы «О материальной суппозиции в частности» трактата «Summa Logicae» утверждает, что концепты также могут суппонировать не самих себя, но термины письменные или термины устной речи.

Более того в параграфе «De divisione suppositionis» Оккам сразу же после описания материальной суппозиции говорит о том, что проведенное им различение суппозиций может подходить как для термина письменного языка и термина устной речи, так и для термина ментального языка. По сути, во всех трех видах языков Оккам постулирует возможность суппозиции трех видов, согласно сконструированным им правилам.

Источники

Лисанюк Е.Н. Теория суппозиции в Средние века // Аргументация, интерпретация, риторика. 2002. Вып. 2.

Лисанюк Е.Н. Суппозиции в средневековых трактатах о предписаниях. <<http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/viewFile/40/40>>

Оккам У. Избранное / под ред. А.В. Апполонова. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

Dutil Novaes C. An Intensional Interpretation of Ockham's Theory of Supposition // Journal of the History of Philosophy. 2008. Vol. 46. No. 3. P. 365–393.

²⁰ [Normore, 1997, p. 29].

Lagerlund H. Representations, Concepts and Words: Peter of Ailly on Semantics and Psychology // Proceedings of the Society for Medieval Logic and Metaphysics. 2003. Vol. 3. P. 15–36. <http://individual.utoronto.ca/pking/presentations/Ockham_on_Concepts.pdf>

Loux M.J. Ockham's Theory of Terms: Part I of the Summa Logicae. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1974.

Moody E.A. Truth and Consequence in Medieval Logic // Dialectica. 1954. Vol. 8. Iss. 1. P. 81–83.

Normore C. Material Supposition and the Mental Language of Ockham's Summa Logicae // Topoi. 1997. Vol. 16. No. 1. P. 27–33.

Read S. How Material Supposition is Possible? // Medieval Philosophy and Theology. 1999. Vol. 8. P. 1–20.

Scott T.K. Introduction // Buridan J. Sophisms on Meaning and Truth. N.Y.: Appleton-Century-Crofts Division of Meredith Publ. Company, 1966.

Spade P.V. Synonymy and Equivocation in Ockham's Mental Language // Journal of the History of Philosophy. 1980. Vol. 18. P. 9–22.

Spade P.V. Thoughts, Words and Things: An Introduction to Late Mediaeval Logic and Semantic. Version 1.1: August 9, 2002. <http://pvs-spade.com/Logic/docs/Thoughts,%20Words%20and%20Things1_2.pdf>

© Копылова А.О., 2014

А.В. Пащенко

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

Научный руководитель
А.Н. Козырин

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ОТНОШЕНИЙ ПО УПЛАТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН В ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ В РАМКАХ ЕВРАЗЭС

Образование Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (далее — ТС ЕврАзЭС) и вступление в силу Таможенного кодекса ТС ЕврАзЭС¹ (далее — ТК ТС) изменили правовое регулирование общественных отношений по уплате таможенных пошлин. При неизменном объекте эти правоотношения претерпели существенные изменения в субъектном составе и содержании. Учитывая, что под правовым статусом понимают права и обязанности, определяющие правовое положение участников таможенных правоотношений², а через права и обязанности субъектов может быть раскрыто содержание правоотношения, то изучение правового статуса субъектов правоотношений является достаточным и минимально необходимым для актуализации доктрины по *таможенно-тарифным правоотношениям*³.

¹ <<http://www.tsouz.ru/Docs/Kodeks3/Pages/default.aspx>> (дата обращения: 20.10.2013).

² См.: *Козырин А.Н.* Таможенное право России. М., 1995. С. 23.

³ Понятие введено А.Н. Козыриным в 1994 г. и обозначает «регулируемые нормами таможенного законодательства отношения, которые связаны с обложением товаров, перемещаемых через таможенную границу, таможенными пошлинами, ставки которых систематизированы в специальной таблице — таможенном тарифе» (*Козырин А.Н.* Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма (сравнительно-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994. С. 47).

В связи с этим изучение правового статуса субъектов правоотношений по уплате таможенных пошлин в ТС ЕврАзЭС является актуальной задачей как для таможенного права⁴, так и для дальнейшей гармонизации правового регулирования уплаты таможенных пошлин в государствах — членах ТС ЕврАзЭС.

Установлено, что «участниками отношений по уплате таможенных пошлин являются декларант и иные лица, обязанные уплатить таможенные пошлины, а также таможенные органы государств — членов ТС ЕврАзЭС»⁵.

В Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур⁶ под таможенным органом понимается административное подразделение таможенной службы, компетентное в совершении таможенных формальностей, а также здания, сооружения или другие территории, определенные для этой цели компетентными органами. В свою очередь, в доктрине под таможенным органом понимают «орган исполнительной власти, действующий от имени государства и наделенный властными полномочиями, позволяющими ему осуществлять одновременно как правоохранительные, так и фискальные функции в области таможенного дела с помощью присущих ему форм и методов деятельности»⁷.

В ТК ТС термин «таможенные органы» определен через понятие таможенных органов государств — членов Таможенного союза (подп. 30 п. 1 ст. 4 ТК ТС).

Основные задачи, решение которых на территории ТС ЕврАзЭС обеспечивают таможенные органы, указаны в п. 1 ст. 6 ТК ТС. Из этих задач непосредственное отношение к уплате таможенных пошлин имеют: взимание таможенных платежей, контроль правильности их исчисления и своевременности уплаты, принятие мер по их принудительному взысканию в пределах своей компетенции. Для реализации указанных задач законодательством государств — членов ТС ЕврАзЭС определяется система таможенных органов, устанавливаются их права и обязанности (п. 2 ст. 6 ТК ТС). ТК ТС возлагает на таможенные органы обязанность исчислить подлежа-

⁴ Имеется в виду таможенное право как наука.

⁵ *Пащенко А.В.* Правоотношения по установлению и уплате таможенных пошлин в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС: к вопросу о статусе участников / под ред. А.Н. Козырина. М., 2013. С. 60.

⁶ <http://www.wcoomd.org/Kyoto_New/Content/content.html> (дата обращения: 20.10.2013).

⁷ Таможенное право / отв. ред. О.Ю. Бакаева. М., 2008. С. 551.

щие уплате суммы таможенных пошлин в следующих случаях: при взыскании таможенных пошлин (п. 2 ст. 76 ТК ТС); в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях, если в отношении таких товаров не требуется подача декларации (п. 1 ст. 316 ТК ТС); при перемещении товаров для личного пользования через таможенную границу (п. 1 ст. 360 ТК ТС).

В Российской Федерации к таможенным органам относятся: Федеральная таможенная служба (далее — ФТС России), региональные таможенные управления, таможни и таможенные посты (п. 1 ст. 10 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁸).

ФТС России осуществляет контроль и надзор за взиманием таможенных пошлин, контролирует правильность исчисления и своевременность уплаты указанных пошлин и принятие мер по их принудительному взысканию или возврату (п. 5.3.1 постановления Правительства Российской Федерации от 26 июля 2006 г. № 459 «О Федеральной таможенной службе»⁹). Дополнительно Указом Президента Российской Федерации от 11 мая 2006 г. № 473 «Вопросы Федеральной таможенной службы»¹⁰ ФТС России переданы функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области таможенного дела.

Федеральные службы в Российской Федерации осуществляют функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности (подп. «а» п. 4 Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹¹), поэтому взимание таможенных пошлин осуществляется таможнями и таможенными постами, которые также контролируют правильность исчисления и своевременность уплаты таможенных пошлин. Принципиальным отличием полномочий таможни от полномочий таможенного поста в отношениях по уплате таможенных пошлин является то, что таможни имеют право принимать обеспечение уплаты таможенных платежей, определять размер и способ обеспечения. Кроме того, таможни наделены полномочиями по организации и координации процесса взимания таможенных платежей.

Контроль за деятельностью таможен и таможенных постов в рамках правоотношений по уплате таможенных пошлин осуществ-

⁸ Российская газета. 2010. № 269. 29 ноября.

⁹ Российская газета. 2006. № 167. 2 августа.

¹⁰ Российская газета. 2006. № 99. 12 мая.

¹¹ Российская газета. 2004. № 50. 12 марта.

вляют региональные таможенные управления, которые контролируют правильность исчисления, взимания и обоснованность возвратов излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных платежей.

В Республике Беларусь в единую систему таможенных органов входят Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее — ГТК РБ) и таможни (ст. 312 Таможенного кодекса Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 204-З). Разделение полномочий между таможенными органами в Республике Беларусь осуществляется подзаконными нормативными актами. Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 «О некоторых вопросах таможенных органов»¹² утверждено Положение о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, в котором к компетенции ГТК РБ отнесена организация деятельности таможен по взиманию таможенных платежей, по контролю за правильностью их исчисления, своевременностью и полнотой уплаты, применению мер по принудительному взысканию таможенных платежей в бюджет (п. 8.9 Положения); организация системы контроля за правильностью определения таможенной стоимости и страны происхождения товаров (п. 8.10 Положения).

Правовой статус таможен определяется как Правительством Республики Беларусь, так и ГТК РБ (ст. 312 Таможенного кодекса Республики Беларусь). До 1 февраля 2009 г. компетенция таможен определялась Типовым положением о таможне Республики Беларусь, утвержденным приказом ГТК РБ от 25 августа 1999 г. № 378-ОД «Об утверждении типового положения о таможне Республики Беларусь»¹³. В соответствии с этим положением таможня осуществляла взимание таможенных пошлин, контролировала фактическую уплату лицами таможенных платежей, производила возврат излишне уплаченных таможенных платежей, принимала решения о предоставлении отсрочки и рассрочки уплаты таможенных платежей и т.д. Позднее данный нормативный правовой акт утратил силу¹⁴, а новый нормативный правовой акт, определяющий правовой статус

¹² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 105. 1/9651. 2 мая.

¹³ Там же. 1999. № 70. 8/825. 22 сентября.

¹⁴ Постановление ГТК РБ от 30 декабря 2008 г. № 114 «О признании утратившим силу приказа Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 25 августа 1999 года № 378-ОД» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009. № 58. 8/20278. 11 марта.

таможни в Республике Беларусь, принят не был, поэтому правовой статус таможни в Республике Беларусь определяется Таможенным кодексом Республики Беларусь.

В систему таможенных органов Республики Казахстан в соответствии с п. 2 ст. 6 Кодекса Республики Казахстан от 30 июня 2010 г. № 296-IV «О таможенном деле в Республике Казахстан»¹⁵ входят: уполномоченный орган в сфере таможенного дела; территориальные подразделения уполномоченного органа в сфере таможенного дела (по областям, городам республиканского значения, столице); таможни; таможенные посты; контрольно-пропускные пункты на таможенной границе Таможенного союза; специализированные таможенные учреждения.

Уполномоченным органом в сфере таможенного дела является Комитет таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан (далее — КТК МФ РК), правовой статус которого установлен Положением о Комитете таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан, утвержденным приказом Министра финансов Республики Казахстан от 24 апреля 2008 г. № 200¹⁶. В соответствии с этим Положением КТК МФ РК является ведомством Министерства финансов Республики Казахстан и осуществляет реализационные и контрольные функции в сфере таможенного дела.

В отношениях по уплате таможенных пошлин КТК МФ РК обеспечивает полноту взимания таможенных платежей и уполномочен контролировать: взыскание сумм таможенных платежей, не уплаченных в установленные сроки в бюджет, а также пени по ним; правильность исчисления и своевременность внесения в бюджет таможенных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы Республики Казахстан; правильность определения страны происхождения товаров; правильность предоставления тарифных преференций; правильность определения таможенной стоимости.

При этом КТК МФ РК не может осуществлять правовое регулирование отношений по уплате таможенных пошлин, так как правомочен издавать по вопросам своей компетенции только правовые акты индивидуального применения (п. 6 Положения о Комитете таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан).

¹⁵ Казахстанская правда. 2010. № 169—170 (26230—26231). 2 июля; 2010. № 171—173 (26232—26234). 3 июля.

¹⁶ Документ не опубликован. Доступен на Официальном сайте КТК МФ РК. < <http://e.customs.kz> > (дата обращения: 30.10.2013).

Вторым обязательным участником правоотношений по уплате таможенных пошлин, помимо таможенных органов, является декларант — «ключевое понятие в таможенном праве»¹⁷ — лицо, которое декларирует товары либо от имени которого декларируются товары (подп. 6 п. 1 ст. 4 ТК ТС).

Декларирование, заявление декларантом таможенному органу сведений о товарах, об избранной таможенной процедуре и (или) иных сведений, необходимых для выпуска товаров (подп. 27 п. 1 ст. 4 ТК ТС), является одной из обязанностей декларанта, установленных ст. 188 ТК ТС. Помимо декларирования на декларанте лежит бремя по уплате таможенных платежей, включая таможенные пошлины, и (или) обеспечению их уплаты в соответствии с ТК ТС. Перечень прав и обязанностей декларанта в ст. 188 ТК ТС является открытым, но иные права и обязанности декларанта могут устанавливаться только ТК ТС.

Правовой статус декларанта зависит от того, кем является декларант: физическим или юридическим лицом.

Особенности правового статуса физических лиц, перемещающих товары для личного пользования через таможенную границу ТС ЕврАзЭС, определены в Соглашении между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 18 июня 2010 г. «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском»¹⁸ (далее — Соглашение от 18.06.2010). В соответствии с п. 1 ст. 13 Соглашения от 18.06.2010 обязанность по уплате Таможенных пошлин при перемещении товаров для личного пользования возникает у физических лиц только при перемещении товаров, подлежащих таможенному декларированию в письменной форме, в момент регистрации таможенным органом пассажирской таможенной декларации. К юридическим фактам, в связи с которыми обязанность по уплате таможенных пошлин прекращается, относятся: отказ таможенного органа в выпуске товаров для личного пользования, уплата или взыскание таможенных пошлин в полном объеме, уничтожение или безвозвратная утрата товара и др. (п. 2 ст. 13 Соглашения от 18.06.2010).

¹⁷ Толковый словарь таможенного права / под ред. проф. А.Н. Козырина. М., 2006. С. 84.

¹⁸ URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/fizlica.aspx> (дата обращения: 20.10.2013).

В ТК ТС установлен возрастной ценз, в силу которого физическое лицо, не достигшее 16-летнего возраста, не может являться декларантом, а следовательно, субъектом правоотношений по уплате таможенных пошлин (п. 5 ст. 355 ТК ТС).

Необходимо отметить, что возможность участия физического лица в правоотношениях по уплате таможенных пошлин зависит от наличия правовой связи с государством — членом ТС ЕврАзЭС. Например, обеспечение уплаты таможенных пошлин при ввозе транспортных средств, зарегистрированных на территории иностранных государств, необходимо предоставить только физическому лицу государства — члена ТС ЕврАзЭС (п. 1 ст. 16 Соглашения от 18.06.2010), а иностранный гражданин освобожден от внесения обеспечения уплаты таможенных платежей.

Правосубъектность юридического лица в правоотношениях по уплате таможенных пошлин зависит от законодательства государства, в соответствии с которым создано юридическое лицо. Юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством государства — члена ТС ЕврАзЭС, может быть декларантом, если оно заключило внешнеэкономическую сделку или такая сделка была заключена от его имени, либо если оно имеет право владения, пользования и (или) распоряжения товарами (подп. 1 ст. 186 ТК ТС ЕврАзЭС). Организация, созданная в соответствии с законодательством иностранного государства, может быть декларантом в случаях, перечисленных в подп. 2 ст. 186 ТК ТС.

Юридические лица, являющиеся декларантом, исчисляют таможенные пошлины самостоятельно (п. 1 ст. 76 ТК ТС), за исключением случаев взыскания таможенных пошлин. При взыскании таможенных пошлин исчисление подлежащих уплате сумм таможенных пошлин производится таможенным органом государства — члена ТС ЕврАзЭС, в котором подлежат уплате таможенные пошлины (п. 2 ст. 76 ТК ТС).

Правовой статус декларанта может зависеть от выбранной таможенной процедуры. Например, в случае если декларант помещает товары под таможенную процедуру беспошлинной торговли, то у него появляется обязанность реализовать декларируемые товары только в магазине беспошлинной торговли, владельцем которого он является (п. 2 ст. 303 ТК ТС).

На правовой статус декларанта может влиять категория перемещаемых через таможенную границу товаров. При соблюдении ряда условий, например, декларирования отдельных категорий

товаров, у него может появиться право на выпуск товаров до подачи таможенной декларации (п. 1 ст. 197 ТК ТС).

Таким образом, правовой статус декларанта в правоотношениях по уплате таможенных пошлин зависит от:

- правовой связи с государством — членом ТС ЕврАзЭС;
- статуса лица (физическое или юридическое лицо);
- категории перемещаемого товара;
- выбранной таможенной процедуры.

Обязательства по уплате таможенных пошлин могут лежать не только на декларанте, но и на иных лицах, участвующих в таможенных правоотношениях. Наличие таких иных лиц находит отражение в понятии «таможенный должник»: под таковым понимается «физическое или юридическое лицо, обязанное уплатить таможенные налоги, которыми облагаются товары после пересечения таможенной границы»¹⁹. А.Н. Козырин для определения всего круга лиц (включая декларанта) на которых лежит обязанность по уплате таможенных пошлин, использует понятия «лицо, обязанное уплатить таможенные пошлины»²⁰ и, таким образом, не связывает обязанность по уплате таможенной пошлины только с декларантом.

В соответствии с таможенным законодательством ТС ЕврАзЭС, помимо декларанта, обязанность уплатить таможенные пошлины может быть возложена на: владельца таможенного склада, владельца склада временного хранения, таможенного перевозчика, таможенного представителя, лица, незаконно перемещающие товары через таможенную границу ТС ЕврАзЭС (если они знали о незаконности такого перемещения), и другие лица.

Юридические факты, в связи с которыми ТК ТС связывает появление у этих лиц обязанности уплатить таможенные пошлины, различны, но общим является то, что возникновение обязанности уплатить таможенные пошлины не приводит к возникновению правоотношения по их уплате. Это происходит лишь тогда, когда нарушаются условия нахождения товаров под таможенной процедурой. Например, обязанность по уплате таможенных пошлин возникает у владельца таможенного склада в момент размещения товаров на таможенном складе (подп. 2 п. 1 ст. 237 ТК ТС), но владелец таможенного склада уплачивает таможенные пошлины только при утрате товара (подп. 8 ст. 31 ТК ТС).

¹⁹ *Stankovic M.* Carinski sistemi I carinske politike. Beograd, 1987. S. 102 (цит. по: *Козырин А.Н.* Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма... С. 375).

²⁰ *Козырин А.Н.* Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма... С. 374.

В связи с «пограничным» характером таможенно-тарифных правоотношений выделяют особенности плательщика таможенных пошлин, одной из которых является возможность «делегирования своих прав и обязанностей по уплате таможенных налогов другому лицу, самостоятельно взаимодействующему по этому вопросу с таможенным органом»²¹. В ТС ЕврАзЭС декларант может делегировать право совершения таможенных операций таможенному представителю — юридическому лицу государства — члена ТС ЕврАзЭС, совершающему от имени и по поручению декларанта или иного заинтересованного лица таможенные операции в соответствии с таможенным законодательством ТС ЕврАзЭС (подп. 34 п. 1 ст. 4 ТК ТС). Следовательно, таможенный представитель на территории ТС ЕврАзЭС вправе уплачивать таможенные пошлины за декларанта, что отличает обязанность по уплате таможенной пошлины, которая может быть передана иному лицу, от обязанности по уплате налога, неразрывно связанной с личностью налогоплательщика²².

Таким образом, полномочия таможенных органов в правоотношениях по уплате таможенных платежей определяются задачами, установленными ТК ТС, и устанавливаются законодательством государств — членов ТС ЕврАзЭС. Правовой статус декларанта зависит от правовой связи с государством — членом ТС ЕврАзЭС, статуса лица, категории перемещаемого через таможенную границу ТС ЕврАзЭС товара и выбранной таможенной процедуры. Помимо декларанта обязанность уплатить таможенные пошлины может быть возложена на иных лиц, при этом особенностью их правового статуса является то, что они, как правило, становятся участниками отношений по уплате таможенных пошлин только при нарушении условий нахождения товаров под таможенной процедурой.

© Пашенко А.В., 2014

²¹ Козырин А.Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма... С. 366, 367.

²² Орлов М.Ю. Десять лекций о налоговом праве России. М., 2009. С. 140.

Электронное научное издание

**XIII Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества**

Сборник студенческих работ

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редакторы *А.А. Архипова, М.С. Ковалева, Г.Е. Шерихова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Гарнитура Newton C. 12,1 Мб. Уч.-изд. л. 21,5

Изд. № 1725

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПАРТНЁРЫ

Генеральный партнёр

ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЁРЫ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РАДИОПАРТНЁР

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЁРЫ

